

ХЬЮ ЛОФТИНГ

ПУТЕШЕСТВИЯ

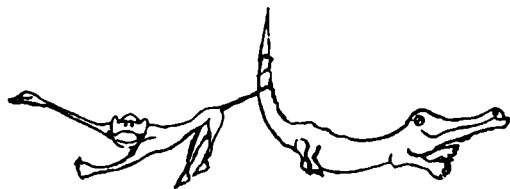
ДОКТОРА ДУЛЦЛА

ХЬЮ ЛОФТИНГ

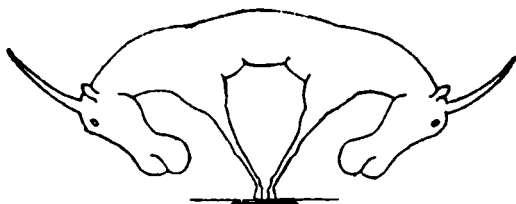

ХЬЮ ЛОФТИНГ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ДОКТОРА ДУЛИТЛА

ДОКТОР ДУЛИТЛ
НА ЛУНЕ

МОСКВА
РУДОМИНО
1994

ББК 84.4 (Амер.)
Л68

Перевод с английского
М.С.Гринберга, М.М.Дубровской,
Т.Д.Ждановой

Рисунки автора

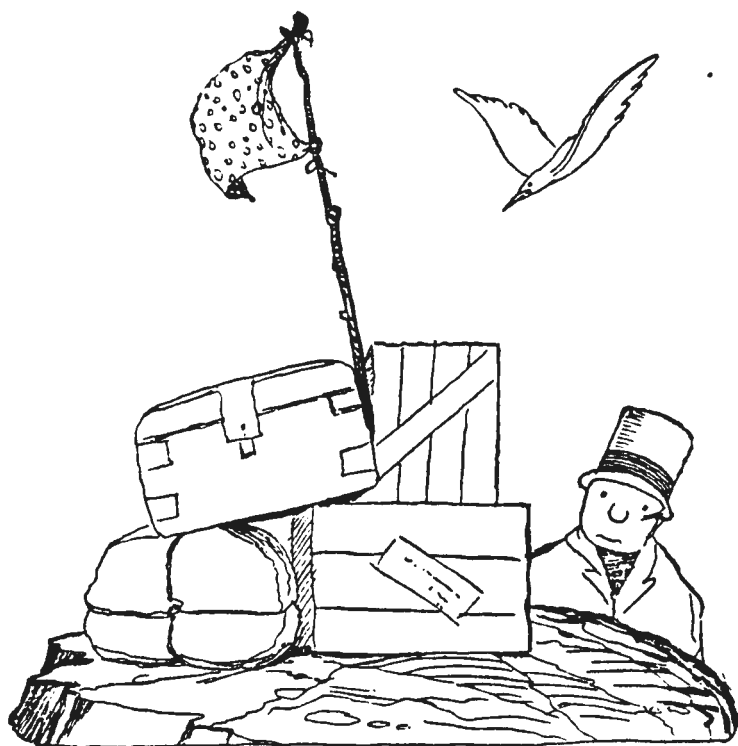
Серия разработана художником
И.К.Борисовой

Редактор О.В.Ермолаева

Л 4804040100-1
476(02)-94 Без объявл.
ISBN 5-7380-0034-X

- © М.М.Дубровская, Т.Д.Жданова, 1994. "Путешествия Доктора Дуантла". Перевод.
- © М.С.Гринберг, 1994. "Доктор Дуантла на Луне". Перевод.
- © И.К.Борисова, 1994. Оформление серии.

ПУТЕШЕСТВИЯ
ДОКТОРА
ДУЛЦЛА

Hugh Lofting
The Voyages of Doctor Dolittle
1922

Перевод с английского
М.М.Дубровской и Т.Д.Ждановой

ПРОЛОГ

Все, написанное мною ранее о Докторе Дулитле, я узнал от участников тех давних событий, что произошли задолго до моего появления на свет. Теперь же я решаюсь предать бумаге рассказ о той поре жизни этого замечательнейшего человека, которой я сам был не только свидетелем, но и непосредственным участником.

Доктор Дулитл дал мне на это разрешение давным-давно. Но мы оба были так заняты кругосветными путешествиями, приключениями и ведением дневников, что мне было недосуг сесть за подробное описание наших свершений.

Теперь, уже состарившись, я не могу полностью полагаться на собственную память и в минуты неуверенности или сомнений всегда обращаюсь за помощью к попугаю Полинезии. Вот и сейчас эта восхитительная птица (ей уже почти 250 лет) расположилась у меня на письменном столе и напевает себе под нос матросские песни, а я сижу и пишу эту книгу. Каждый, кому довелось встречаться с Полинезией, знает, какой удивительной памятью она обладает. Стоит мне только что-нибудь запомнить, как Полинезия тут же придет на выручку и напомним с невероятной точностью, как обстояло дело и кто в нем принимал участие. Иной раз мне думается, было бы вернее сказать, что книжка написана скорее Полинезией, нежели мною.

Ну что ж, начну, пожалуй. Позвольте сперва рассказать вам кое-что о себе и о том, как мне довелось познакомиться с Доктором Дулитлом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

СЫН БАШМАЧНИКА

Зовут меня Томми Стаббинс, я сын Джэкоба Стаббинса, башмачника в Падлби-на-болоте. Было мне тогда девять с половиной лет. В те времена Падлби был маленьким городишком. Прямо по самой его середине текла река. Старый каменный мост под названием Кингсбридж — Королевский мост — вел от рыночной площади к церкви, что располагалась на противоположном берегу.

Морские суда поднимались вверх по реке и причаливали у нашего моста. Я прибежал к нему и, бывало, часами следил за разгрузкой кораблей. Матросы тянули канаты и распевали моряцкие песни. Я их все выучил наизусть. Целыми днями просиживал я на берегу у причала, болтая ногами и воображая себя таким же бравым моряком.

Как я мечтал отправиться в плаванье на одном из этих отважных кораблей, когда, удаляясь от городской церкви, они пробирались вниз по реке мимо пустынных топей к морским просторам! Как хотелось мне уйти на корабле в большой мир искать счастья в далеких краях — Африке, Индии, Китае и Перу! Река скрывалась за поворотом, но еще долго были видны огромные корабельные мачты, возвышающиеся над крышами, — медленно удаляясь, они напоминали осторожных великанов, бесшумно разгуливающих между домами. Сколько диковинного доведется им увидеть, пока они вновь не причалят к нашему мосту! Вот об этих-то неведомых

Целыми днями просиживал я на берегу у причала.

дальних странах и грезил я, просиживая на берегу до тех самых пор, пока верхушки мачт не исчезали из виду.

В то время было у меня в Падлби три друга. Один из них Джо — ловец моллюсков, жил в маленькой хижине под мостом у самой воды. Этот старик был мастером на все руки! Он чинил игрушечные кораблики, которые я пускал по реке, строил ветряные мельницы из ящиков и бочек, мастерил из старых зонтиков восхитительных воздушных змеев. Иной раз Джо брал меня в свою рыбацкую лодку и во время отлива мы добирались с ним аж до самого моря, где ловили моллюсков и омаров на продажу. Там на просторах холодных и пустынных топей мы следили за полетом диких гусей, за жизнью кроншнепов, травников (красноножек) и других морских птиц, что обитают среди солероса и высоких трав на больших соляных топях. А вечерами, когда с приливом мы возвращались домой, нам приветливо мигали огоньки на Кингсбридже, напоминая о вечернем чае и тепле домашнего очага.

Другим моим приятелем был Мэтью Магг, Продавец Кошачьей Еды. Он был странным стариком с довольно злобным прищуром. Выглядел Мэтью страшно, но поговорить с ним было сущее удовольствие. Он знал в Падлби каждого человека, а также всех падлбийских кошек и собак. В те времена торговать кониной для кошек было обычным делом, и всюду можно было встретить таких торговцев с деревянными лотками, полными вертелов с кониной. Они зазывали покупателей криками: «Мясо! МЯСО!» Люди покупали конину своим кошкам и собакам вместо того, чтобы скормить им галеты и делиться едой со своего стола.

Мне нравилось обходить округу со старым Мэтью и смотреть, как кошки и собаки выбегают к

оградам, только заслышав его зычный голос. Иной раз Мэтью позволял мне самому кормить животных, и не было для меня большего развлечения. Мэтью был большим знатоком собак и учил меня различать собачьи породы. У него самого жили две собаки: одна — гончая, невероятно резвая, и старик получал за нее призы на субботних бегах; а вторая — терьер-крысолов. Этот пес тоже приносил Мэтью доход — старик водил его по мельницам и фермам охотиться на крыс.

Третьим моим другом был Льюк-Отшельник, но о нем речь впереди.

Я не ходил в школу, у отца не было денег на мою учебу. Но я очень любил животных. Целыми днями я разыскивал птичьи яйца, ловил бабочек, собирал грибы и чернику, удил рыбу и помогал рыбакам чинить сети.

Да, это было прекрасное время! Мне всего-то было девять с половиной лет, и я, как и все мальчишки, хотел поскорее вырасти, не отдавая себе отчета в том, как прекрасно и беззаботно мне живется на самом деле. Я все мечтал, когда же наконец смогу оставить отчий дом и отправиться в дальнее плавание на отважном корабле, одном из тех, что уплывали в дальние моря-океаны на поиски своей судьбы.

ГЛАВА 2

Я УЗНАЮ О ВЕЛИКОМ НАТУРАЛИСТЕ

Однажды ранним весенним утром я бродил по холмам нашего городишка и натолкнулся на ястреба, цепко держащего в когтях бельчонка, который отчаянно сражался за свою жизнь. Ястреб так испугался моего внезапного появления, что выпустил свою жертву и улетел прочь. Я поднял беднягу и, обнаружив, что у него сильно повреждены две лапки, взял с собою в город. По дороге я завернул в хижину своего друга — ловца моллюсков узнать, не сможет ли он как-нибудь помочь пострадавшему. Джо нацепил очки, внимательно обследовал животное и покачал головой:

— Тут ничего не поделаешь, одна лапка сломана, а другая поранена. Я чиню твои лодочки, Том, но чтобы починить белку, нет у меня ни инструмента, ни знаний. Это работа для хирурга, да еще какого умелого. Только один человек может помочь бедняге. Это Джон Дулитл.

— А кто такой Джон Дулитл, — спросил я, — он что, ветеринар?

— Нет, — ответил старик, — Доктор Дулитл — натуралист.

— Что такое натуралист?

Отложив в сторону очки, Джо стал набивать трубку.

— Натуралист, — объяснил он, — это тот, кто знает все о животных, и о бабочках, и о растениях, и о камнях, словом, обо всем. А Джон Дулитл — великий натуралист. Как это ты о нем не слышал? Ты ведь так любишь животных. Про одних только устриц чего он только не знает, — можешь мне

поверить. Человек он тихий, попусту не болтает, но люди говорят, что Джон Дулитл — величайший в мире натуралист.

— Где он живет? — заинтересовался я.

— На Оксенторп-роуд, это в другой части города. Не знаю точно, в каком доме, но там за рекой тебе каждый покажет, он известный человек. Сходи к нему.

Поблагодарив старика, я взял своего бельчонка и отправился на Оксенторп-роуд. Первое, что я услышал, выйдя на площадь, был знакомый крик: «Мясо! МЯСО!»

— А вот и Мэтью Магг, — сказал я самому себе, — уж он-то точно знает, где живет этот Доктор. Мэтью всех знает.

И я поспешил за ним.

— Мэтью, — позвал я его, — ты знаешь Доктора Дулитла?

— Знаю ли я Доктора Дулитла, — воскликнул тот, — думаю что да! Да я знаю его так же отлично, как свою собственную жену; даже лучше, так мне иногда кажется. Он — великий человек, поистине великий!

— Покажи мне, где он живет. Я отнесу ему бельчонка. У него ножка сломана.

— Ну, разумеется, — тут же согласился Мэтью. — Пошли со мной, я как раз буду проходить мимо его дома.

И мы отправились в путь вместе.

— Да, я знаю Джона Дулитла уже много лет, — разговорился по дороге старик Мэтью, — но его сейчас нет дома. Он в отъезде, должен вернуться со дня на день. Я покажу тебе его дом, и ты всегда сможешь зайти к нему.

Всю дорогу до Оксенторп-роуд Мэтью без умолку рассказывал о своем великом друге Джоне Ду-

литле, Докторе Медицины. Он так увлекся рассказом, что даже забывал время от времени выкрикивать: «Мясо! МЯСО!», пока мы вдруг не заметили, что за нами терпеливо следует целая процессия собак.

— А куда же уехал Джон Дулитл? — спросил я Мэтью, раздавая мясо собакам.

— Никогда неизвестно, — ответил он, — куда он уезжает и когда возвращается. Живет он один, если не считать зверей. Доктор совершил замечательные путешествия и сделал несколько потрясающих открытий. В прошлый раз он обнаружил племя краснокожих индейцев в Тихом океане — они живут там на двух островах: мужья на одном, а жены — на другом. Мужья приезжают к женам раз в год на большой праздник, видимо, на Рождество. Разумные, скажу тебе, люди, хоть и дикари. Да, замечательный человек наш Доктор. А что до зверюшек, тут уж не сыщешь никого, кто бы знал их лучше него.

— А откуда он столько всего знает? — спросил я.

И тут продавец конины наклонился ко мне и прошептал на ухо глухим таинственным голосом.

— Он понимает их язык.

— Язык зверей! — воскликнул я удивленно.

— Ну, разумеется, — ответил Мэтью, — у всякой живой твари есть свой язык. Одни говорят больше, другие — меньше. А некоторые только знаками объясняются, как глухонемые. Но Доктор понимает все их языки — и птичьи, и звериные. Мы с ним, правда, держим это в строгой тайне, ведь люди только посмеются, если узнают. Это еще что! Он и писать по-звериному может, и своим зверюшкам читает вслух. Доктор написал исторический труд на обезьяньем языке, стихи по-канареечьи, а еще — веселые куплеты для сорок. Да-да, правда. Сейчас

он изучает язык моллюсков. Трудное это дело — уж сколько раз он сильно простужался из-за того, что приходилось держать голову под водой. Да, это воистину великий человек!

— Вот уж точно, — проговорил я. — Ах, как бы мне хотелось с ним познакомиться, скорее б уж он возвратился домой!

— Погляди-ка, вон его дом у поворота, видишь, маленький такой, прилепился наверху, как будто уселся на стену.

Мы подходили уже к самой окраине городка. Домик, на который показывал Мэтью, стоял особняком. Его, видимо, окружал большой сад, который, как и дом, располагался выше уровня дороги. К калитке вело несколько ступенек. В саду росло множество прекрасных фруктовых деревьев, их ветви свешивались прямо за ограду, но за высокой оградой мне больше ничего не было видно.

Мэтью поднялся по ступенькам к калитке, и я последовал за ним. Я надеялся, что мы войдем в сад, но калитка была заперта. Из дома выбежал пес, и Мэтью просунул ему сквозь решетку несколько кусков мяса и мешочки с зерном и отрубями. Я заметил, что пес не стал есть мясо, как сделала бы на его месте всякая другая собака, а забрал все полученное от старика и скрылся в домике. На нем был необычный ошейник из желтого блестящего металла. А мы с Мэтью пошли обратно.

— Доктор еще не вернулся, — сказал Продавец Кошачьей Еды, — иначе калитка не была бы заперта.

— А что за мешочки ты дал псу? — поинтересовался я.

— Это провизия для зверюшек, — ответил Мэтью, — в доме у Доктора их полным-полно. Когда Доктора не бывает дома, пес кормит всю компанию.

— У него такой необычный ошейник!

— Да, из чистого золота, — сообщил Мэтью. — Как-то раз, путешествуя с Доктором, пес спас жизнь человеку, за это его и наградили золотым ошейником.

— И давно он живет у Доктора?

— Поди, очень давно. Джип уже немолод. Поэтому-то Доктор и не берет его больше с собой в путешествия. Пес сторожит дом и заботится об остальных питомцах. Каждый понедельник и четверг я приношу сюда еду и передаю ее через решетку. Джип никого не пустит за ограду, если Доктора нет дома, даже меня, хотя меня, поди, знает лучше некуда. Но зато всегда ясно, дома Доктор или нет. Если дома, калитка всегда отперта.

Вернувшись к себе, я устроил бельчонка в деревянном ящике на соломе и ухаживал за ним, как мог, в ожидании скорого возвращения Доктора. Каждый день я бегал на окраину к маленькому домику с огромным садом, проверить, не отперта ли калитка. Иногда ко мне выбегал Джип. И хотя в знак доброжелательности он приветливо вилял хвостом, войти в сад мне ни разу не удалось.

ГЛАВА 3

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОКТОРА

Как-то раз в конце апреля, в понедельник днем, отец попросил меня отнести починенные им башмаки куда-то на окраину городка. Башмаки принадлежали полковнику Беллоузу, а он был очень важным господином.

Я отыскал его дом и позвонил с парадного входа. Отворил дверь сам полковник, в двери показалось его красное лицо, и он рявкнул:

— А ну, марш отсюда, ступай через черный ход! — Дверь громко захлопнулась.

Мне страшно захотелось запустить башмаками прямо в середину его клумбы, но я подумал, что отец рассердился бы на меня за это, и не стал. Я прошел к черному ходу, где меня встретила жена полковника и забрала башмаки. Она выглядела маленькой и робкой, ее руки были в муке, вероятно, она пекла хлеб. Видимо, эта женщина страшно боялась мужа, чьи тяжелые шаги и негодующий грозный голос доносились откуда-то из глубины дома. Она шепотом предложила мне булку с молоком, и я с благодарностью согласился.

Выйдя от полковника, я подумал, что, прежде чем отправиться домой, хорошо бы посмотреть, не вернулся ли Доктор. Я уже был у его дома утром, но отчего бы еще раз не глянуть. Бельчонку все никак не становилось лучше, и я был всерьез обеспокоен.

Итак, я свернул на Оксенторп-роуд и направился к знакомой калитке. По пути я заметил, что небо мрачнеет и дело идет к дождю. Калитка была по-прежнему заперта, и мне стало грустно. Ведь я

ходил сюда уже целую неделю. Джип все так же приветливо встречал меня, но следил при этом, чтобы я не проник за ограду. Я боялся, что бельчонок погибнет, так и не дождавшись Доктора Дулитла. С тяжелым сердцем я побрел восвояси.

Тут я решил узнать, не пришло ли время ужина, но у меня, разумеется, не было часов. По дороге шел какой-то господин. Подойдя поближе, я увидел, что это не кто иной, как сам полковник, совершавший вечерний моцион. Несмотря на то, что на улице было вовсе не холодно, полковник был закутан в пальто и теплые шарфы, на руках — яркие перчатки. Он выглядел совершеннейшей подушкой. Я вежливо спросил у него, который час.

Полковник остановился, бросил на меня гневный взгляд — лицо его при этом стало краснее прежнего, а когда заговорил, то было похоже, будто откупорили бутылку лимонада.

— Ты что себе думаешь, — зашипел он, — я стану расстегивать свое пальто, чтобы сказать какому-то сопляку, который час? — И он тяжело прошествовал дальше, продолжая ворчать и ругаться.

Глядя ему вслед, я пытался сообразить, сколько же мне должно было быть лет, чтобы он потрудились посмотреть на часы. И тут внезапно разразился ливень, подобного которому я в жизни своей не видел. Стало темно, словно ночью. Поднялся ветер, загрохотал страшный гром, засверкали молнии, и в мгновение ока все сточные канавы на дороге превратились в полноводные реки. Укрыться было негде, и я, опустив голову, чтобы хоть как-то защититься от сбивавшего с ног ветра, пустился бегом в сторону дома.

Мне удалось пробежать совсем немного, как вдруг я ткнулся головой во что-то мягкое и сел прямо на мокрую мостовую. Напротив меня сидел

маленький круглый человечек с очень добрым лицом. На нем был сильно поношенный цилиндр, а в руках маленький черный чемоданчик.

— Извините, пожалуйста, — проговорил я. — Я вас не заметил.

К моему глубокому удивлению, человечек не рассердился, а рассмеялся.

— Знаешь, что мне это напомнило? — проговорил он сквозь смех. — Как однажды в Индии во время грозы я налетел на женщину, которая несла кувшин с патокой на голове. Я потом целый месяц не мог отмыться от патоки, и мухи так и липли ко мне. Я тебя не ушиб?

— Нет, я в полном порядке, — ответил я.

— Мы с тобой оба оплошали, — продолжал маленький человечек, — я ведь сам тебя не заметил. Но что это мы с тобой сидим? Ты ведь промок до нитки! Да и я тоже. Ты далеко живешь?

— На другом конце города, — ответил я, поднимаясь на ноги.

— Господи помилуй, до чего же мокрая мостовая! — воскликнул человечек. — Могу поклясться, что дождь только усиливается. Пошли ко мне, обсохнешь. Не может же эта гроза длиться вечно.

Он взял меня за руку, и мы побежали по дороге. Мне было очень интересно, кто он такой и где живет. Никогда в жизни меня не видел, а ведет к себе домой! Да, если сравнить с краснорожим полковником, который даже время мне не сказал... Внезапно мы остановились.

— Ну, вот мы и на месте, — сказал незнакомец.

Я увидел, что мы стоим прямо перед домиком с большим садом. Мой новый знакомый уже взбежал по ступенькам и отпирал ключом калитку. «Неужели это и есть великий Доктор Дулитл?!» — промелькнуло у меня в голове.

Видимо, наслушавшись рассказов об этом человеке, я представлял его огромным, сильным, величавым. Трудно поверить, что этот маленький забавный человечек с добрым улыбающимся лицом и есть великий Доктор. И тем не менее это был именно он. Кто же еще мог взбежать по ступенькам к калитке, и отпирать ее собственным ключом!

Из дома выскочил пес Джип и радостно набросился на хозяина, заливаясь счастливым громким лаем. Дождь хлестал все сильнее и сильнее.

— Вы Доктор Дулитл? — прокричал я, быстро следуя за Доктором по дорожке, что вела к домику.

— Да, я Доктор Дулитл, — ответил человечек, отпирая дверь ключом, висевшим на той же связке, что и ключ от калитки, — проходи-ка в дом. Да не надо ноги вытирать, заходи быстрее, не стой под дождем. — Я быстро заскочил в дом, Джип за мной, и Доктор захлопнул дверь.

На улице порядком стемнело, а в доме, особенно при закрытой двери, было темно, хоть глаз выколи. Тут слышались странные звуки: запищало, зарычало, пронзительно заверещало множество самых разных птиц и зверей. Я слышал, как они скакали, катились, летели вниз по лестнице и по коридорам. Где-то в темноте крякала утка, кукарекал петух, ворковала горлица, ухала сова, блеяла овечка и лаял Джип. Я чувствовал, что мимо моего лица, касаясь щек, проносятся чьи-то крылья, и чуть-чуть не рухнул, когда какой-то зверь ткнулся в мои ноги. Казалось, что вся передняя заполнилась зверьем. Шум от их голосов, смешавшийся с раскатами грома, был невероятным, и мне стало немного не по себе. Но тут я почувствовал, как рука Доктора Дулитла коснулась моей руки, а сам он прокричал мне в ухо:

— Не бойся. Это все мои питомцы. Меня не было

дома три месяца, и они радуются моему возвращению. Стой спокойно, я сейчас зажгу свет. Господи, Боже мой, что за буря! Ты только послушай, как гроыхает!

Так я и стоял в крошечной тьме, а всевозможные звери и птицы сновали и прыгали вокруг меня. Странное это было ощущение.

Приходя к запертой калитке, я часто пытался представить себе, как выглядит Доктор Дулитл и что делается внутри его домика. Но в жизни не мог вообразить себе ничего похожего. Прикосновение руки Доктора совершенно успокоило меня, и я чувствовал лишь некоторое смущение. Все это было похоже на удивительный сон, и я уже почти поверил, что сплю, как вдруг Доктор опять заговорил:

— Спички мои совсем промокли и не зажигаются. У тебя случайно нет с собой спичек?

— Боюсь, что нет, — ответил я.

— Ничего, — сказал Доктор, — может быть, Даб-Даб нам поможет.

Доктор произвел странные щелкающие звуки языком, и я услышал, как кто-то быстро поднялся по лестнице и ходит где-то в верхних комнатах. Мы прождали еще некоторое время.

— А что, света еще долго не будет? — спросил я. Кто-то из зверей уселся мне на ногу, и пальцы у меня совсем затекли.

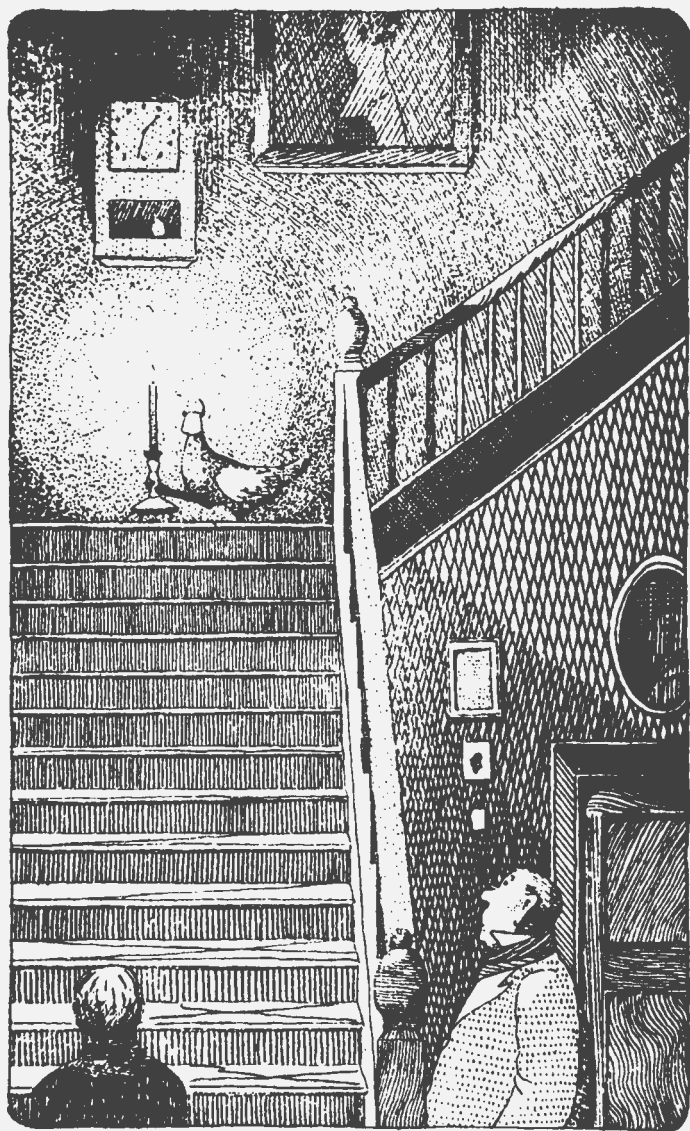
— Нет, подожди минуточку, — ответил Доктор, — она сейчас придет.

И в этот момент я заметил, что наверху мерцает пламя. Все звери разом притихли.

— Я считал, что вы живете один, — сказал я Доктору.

— Так оно и есть, — ответил он. — Это Даб-Даб несет огонь.

Я уставился на лестницу, чтобы понять, кто же

Утка прыгала на одной левой лапке, а в правой несла
зажженную свечу.

к нам спускается. Поначалу мне ничего не было видно, были только слышны странные звуки — как будто кто-то прыгал по ступенькам на одной ноге. Когда огонь приблизился и стало светлее, на стене появились прыгающие тени.

— Ну, наконец-то, — произнес Доктор. — Старушка Даб-Даб.

И тут я решил, что и взаправду вижу сон. На лестнице показалась абсолютно белоснежная утка. Она прыгала на одной левой лапке, потому что в правой несла зажженную свечу!

ГЛАВА 4

ВИФ-ВЭФ

Теперь наконец я смог оглядеться. Вся приходящая действительно кишмя-кишела всяческой живностью — похоже, здесь собрались все обитатели нашей округи — голубь и крыса, сова и барсук, галка и даже маленький поросенок, только что вбежавший с улицы и аккуратно вытиравший свои ножки о коврик.

Доктор взял у утки свечу и повернулся ко мне:

— Послушай-ка, тебе надо переодеться в сухое. Да, кстати, как тебя зовут?

— Томми Стаббинс, — ответил я.

— Так ты сынишка Джэкоба Стаббинса, башмачника?

— Именно так, — подтвердил я.

— Твой отец настоящий мастер обувных дел! — воскликнул Доктор. — Вот посмотри, — он выставил вперед правую ногу в огромном башмаке. — Твой отец смастерил мне эти башмаки четыре года назад, и с той поры я горя не знаю. Прекрасные башмаки, доложу я тебе. Так вот, Стаббинс, тебе надо переодеться и побыстрее. Погоди минутку, я зажгу побольше свечей, мы поднимемся наверх и подберем тебе что-нибудь. Побудь в моем старом костюме, пока твое платье обсохнет на кухне.

И вот вскоре по всему дому уже горели свечи, а мы с Доктором поднялись к нему в спальню, где он извлек из огромного гардероба два старых костюма. Переодевшись, мы отнесли мокрую одежду на кухню и стали разводить огонь. Пиджак Доктора был мне велик, и я то и дело наступал на его полы,

помогая доставать дрова с чердака. Вскоре у нас уже полыхал огонь, а промокшая одежда была развешена на стульях.

— Ну, а теперь посмотрим, что у нас есть на ужин, — объявил Доктор, — ты ведь не откажешься поужинать со мной, Стаббинс?

Мне очень нравился этот маленький человечек, обращавшийся ко мне «Стаббинс», а не «Томми» или «малыш» (я ненавидел, когда меня называли малышом). А Доктор, похоже, относился ко мне, как к своему взрослому доброму знакомому. И когда он предложил мне поужинать с ним, я почувствовал себя невероятно счастливым и гордым. Но тут я вдруг вспомнил, что не предупредил дома, что приду поздно. И поэтому грустно ответил:

— Большое спасибо. Мне ужасно хочется остаться, но боюсь, мама будет беспокоиться.

— Но, дорогой мой Стаббинс, — возразил Доктор, подкладывая в огонь еще одно полено, — твоя одежда еще не просохла. Тебе ведь все равно придется подождать, а тем временем ужин будет приготовлен и съеден. Ты случайно не видел, куда я положил свой портфель?

— Он, наверное, в прихожей, — ответил я, — схожу-ка я посмотрю.

Портфель действительно оказался у двери в передней. Старый черный кожаный портфель, у которого один замочек сломан, был посередине перевязан бечевкой.

— Вот спасибо, — сказал Доктор, когда я принес ему портфель.

— И это весь ваш багаж? — удивился я.

— Именно так, — ответил он, развязывая бечевку. — Я не признаю большого багажа, это такая обуза! Жизнь слишком коротка, чтобы ее тратить еще и на багаж. Но куда же запропастились сосиски?

Доктор долго шарил рукой в портфеле. Сначала он извлек оттуда батон свежего хлеба. Затем достал стеклянную банку, закрытую странной металлической крышкой. Он внимательно посмотрел ее на свет, прежде чем поставить на стол, и мне было видно, что в банке плавает какое-то маленькое диковинное существо. Наконец Доктор извлек и фунт сосисок.

— Ну, вот, — провозгласил он, — теперь нам нужна только сковородка.

Возле мойки висело несколько кастрюль и сковородок. Доктор снял одну из них, изнутри она была слегка покрыта ржавчиной.

— Боже мой, ты только посмотри! — воскликнул Доктор — Вот беда, когда тебя долго нет дома. Мои питомцы прекрасно справляются с хозяйством и дом содержат в идеальной чистоте. Даб-Даб просто восхитительная хозяйка. Но некоторые вещи им не под силу. Ну, не страшно, сейчас все будет в полном порядке. Посмотри под мойкой серебристый песочек для чистки посуды, Стаббинс. Давай-ка его сюда.

Через несколько минут сковородка сияла, сосиски были поставлены на огонь, и по всему дому разлился вкуснейший запах жареного.

Пока Доктор был занят готовкой, я пошел еще раз взглянуть на забавное существо в стеклянной банке.

— А кто это такой? — спросил я.

— О, это виф-вэф, — обернувшись, ответил он, — полное название этого вида — гиппокампус пип-питопитус. Но местные жители называют его просто виф-вэф из-за того, что он помахивает хвостом, когда плывет. Именно за ним я и ездил в это далекое путешествие. Видишь ли, я сейчас изучаю моллюсков. В том, что у них есть язык, я абсолютно уверен.

Я немного владею акульим языком и знаком с дельфиньим диалектом. Но мне страшно хочется выучить язык моллюсков.

— А почему именно моллюсков? — замороженно спросил я.

— Видишь ли, некоторые виды моллюсков — это древнейшие обитатели нашей планеты, которые нам известны. Их окаменевшие ракушки находят в камнях и скалах тысячелетней давности. Вот я и думаю, что если только мне удастся выучить их язык, я узнаю много интересного о том, каким был наш мир тысячелетия назад. Понятно тебе?

— Но разве какие-нибудь другие животные не могут об этом рассказать?

— Не думаю, — продолжал Доктор, переворачивая сосиски на сковороде. — Вот, к примеру, обезьяны, с которыми мне довелось познакомиться в Африке. Они немало порассказали мне о давно прошедших временах, но то были события тысячелетней давности, не старше. Нет, нет, я просто уверен, что самые древние истории можно узнать лишь от моллюсков. Ведь большинство животных, обитавших в те давние времена, давно уже вымерли.

— И насколько вы преуспели в этом деле? — поинтересовался я.

— Я только начал. И мне был нужен именно этот вид рыбы-иглы: наполовину моллюск, а наполовину — обыкновенная рыба. Я специально за ним ездил в Восточное Средиземноморье. Но, боюсь, большой помощи мне от него не будет. По правде сказать, я в нем разочарован. Не очень-то у него смысленный вид, а?

— Да уж, не очень, — согласился я.

— Вот наши сосиски и готовы, — сказал Доктор.

— Давай-ка сюда свою тарелку.

И вот мы уселись за стол и принялись за наш

великолепный ужин. Кухня у Доктора была просто замечательная. Я впоследствии не раз трапезничал там и считаю, что ни в одном роскошном ресторане нельзя было отобедать с большим удовольствием, чем на кухне у Доктора. Здесь было по-домашнему тепло и уютно. И еду подавать удобно: прямо с пылу, с жару. И можно было спокойно следить, чтобы не подгорали тосты, пока ешь суп, а если забыл поставить на стол соль, то не надо вскакивать и идти в другую комнату — достаточно лишь протянуть руку и взять большую деревянную банку с буфета. Ну, и, конечно же, камин, самый огромный камин на свете, размером с комнату. Можно было забраться в него, даже когда там горели поленья, и, расположившись на широких сиденьях по обе стороны огня, лакомиться жареными каштанами или слушать, как поет закипающий на плите чайник, или рассказывать истории, или смотреть книжки с картинками при свете каминного пламени. Камин был похож на Доктора — уютный, разумный, дружелюбный и основательный.

Пока мы с аппетитом уничтожали ужин, дверь внезапно открылась и на кухне появилась утка Даб-Даб и пес Джип, которые волокли по чистому кафельному полу простыни и наволочки. Увидев мое крайнее изумление, Доктор объяснил:

— Они хотят просушить мою постель. Даб-Даб превосходная хозяйка, она никогда ничего не забывает. Одно время хозяйство вела моя сестра (бедняжка Сара, как-то она поживает? Я не виделся с нею уже много-много лет), так вот, ей было далеко до Даб-Даба. Хочешь еще сосиску?

Доктор повернулся к утке и собаке и что-то сказал им на каком-то странном наречии. Они, по всей видимости, прекрасно поняли его.

— А на беличьем языке вы можете говорить? —

поинтересовался я.

— Конечно, это простой язык, — ответил Доктор, — его выучить не составляет труда. А в чем дело?

— У меня есть бельчонок, — начал рассказывать я, — я его спас от ястреба, но лапки его сильно повреждены. Хорошо бы вы его посмотрели. Можно завтра?

— Что ж, если сломана лапка, то лучше посмотреть сегодня. Хотя и поздновато серьезно им заниматься, но я провожу тебя домой и взгляну на него.

Мои вещи уже совершенно высохли, и я пошел наверх переодеваться. Когда я спустился, Доктор уже ждал меня со своим портфелем, где были лекарства и бинты.

— Пошли, — сказал он, — дождь уже кончился.

На улице прояснилось, и вечернее небо было озарено красным светом заходящего солнца; в саду распевали дрозды, а мы вышли на дорогу и поспешили к моему дому.

ГЛАВА 5

ПОЛИНЕЗИЯ

— Как у вас интересно, Доктор! А можно мне и завтра прийти? — спросил я своего удивительного нового знакомого.

— Разумеется, — ответил он, — приходи в любой день, когда захочешь. — Я покажу тебе мой сад и зоопарк.

— Ой, у вас есть свой зоопарк? — удивился я.

— Есть, — ответил Доктор. — Крупные животные не помещаются в доме, и я держу их в саду. Зоопарк у меня небольшой, но очень занимательный.

— Как же здорово уметь разговаривать на всяких звериных языках, — продолжал я. — Вы думаете, я тоже когда-нибудь сумею?

— Несомненно, — ответил Доктор, — все дело в практике. И, конечно же, требуется колоссальное терпение. Хорошо бы тебе позаниматься с Полинезией. Это она давала мне первые уроки.

— А кто такая Полинезия?

— Полинезия — это западно-африканский попугай. Она жила у меня когда-то, — голос Доктора погрузнел.

— А что, она умерла?

— Нет, нет, — ответил он, — она жива и, надеюсь, здравствует. Оказавшись вместе со мной в Западной Африке, она ужасно обрадовалась, что вернулась на родину. Просто плакала от счастья. Когда же пришло время возвращаться домой, у меня просто не хватило совести увозить ее обратно, хотя ей и не хотелось со мной расставаться. И я оставил ее в Африке. Ну, ладно, чего уж там, тосковал я по

ней страшно. Но считаю, что поступил правильно. Она была моим лучшим другом. Именно Полинезия рассказала мне про языки животных и подала идею стать звериным доктором. Я часто думаю, как ей там в Африке живется, счастлива ли она, и доведется ли мне когда-нибудь еще увидеть ее забавную, исполненную важности мордочку. Эх, добрая старая Полинезия, воистину необычайное создание!

В это мгновение мы увидели, что за нами несется Джип. Он явно был чем-то очень возбужден, лаял и выл весьма странным образом. Тут и Доктор разволновался, стал делать ему в ответ какие-то невообразимые знаки. Но вот он повернулся ко мне, лицо его сияло от счастья.

— Представляешь, Полинезия вернулась! — воскликнул он. — Джип говорит, она только что прилетела. Боже мой! Я не видел ее уже целых пять лет! Извини меня, я на минуточку.

Он было повернул к дому, но Полинезия уже подлетала к нам. Доктор в полном восторге захлопал в ладоши, прямо как ребенок, которому подарили новую игрушку. Стаи воробьев вспорхнули и, рассевшись по изгородям, принялись отчаянно сплетничать, возмущенно поглядывая на птицу в серо-алом оперении, планирующую вдоль английской улочки.

Она уселась прямо Доктору на плечо и с ходу затрещала с невероятной скоростью на абсолютно неведомом мне языке. Казалось, что речам ее не будет конца, и Доктор, вероятно, забыл уже и обо мне, и о бельчонке, и о псе Джипе, и обо всем на свете, пока, наконец, птица не задала ему вопроса, явно касавшегося меня.

— Ох, прости меня, Стаббинс, — сказал Доктор, — я так увлекся рассказом старого друга. Надо же быстрее посмотреть бельчонка. Полинезия, зна-

комься, это Томас Стаббинс.

Птица, восседавшая на плече Доктора, серьезно кивнула, а затем к моему нескончаемому удивлению произнесла на чистейшем английском языке:

— Здравствуй, здравствуй. Помню ночь, когда ты появился на свет. Холодная была тогда зима, а ты был далеко не красавчиком.

— Стаббинс мечтает выучить языки зверей, — сказал Доктор, — я как раз рассказывал ему о том, как ты давала мне первые уроки, а тут примчался Джип и сообщил о твоём прибытии.

— Что тут сказать, — Полинезия вновь повернулась ко мне, — может быть, я и сумела дать Доктору кое-какие начальные знания языков зверей, но только после того, как он объяснил мне значения тех английских слов, что произносила я. Видишь ли, многие попугаи могут произносить слова на человеческом языке, но мало кто из них что-нибудь понимает. Эти птицы говорят, потому что хотят казаться невероятно умными или потому, что им за это дают печенье.

Мы снова шли по направлению к моему дому, но теперь уже в сопровождении Джипа и Полинезии. Птица говорила без умолку, рассказывая об Африке, но теперь уже по-английски, видимо, из уважения ко мне.

— Как поживает Принц Бампо? — поинтересовался Доктор.

— Хорошо, что ты спросил, — обрадовалась Полинезия. — А то я чуть не забыла. Представь себе — Бампо в Англии.

— В Англии! Невероятно! — вскричал Доктор, — Что он здесь делает?

— Король, его отец, послал его учиться. Кажется, это место называется Булфорд, да, да, именно Булфорд.

— Булфорд! Булфорд! — пробормотал Доктор. — Что-то я никогда не слышал о таком месте... да это, наверное, Оксфорд!

— Правильно, Оксфорд, — обрадовалась Полинезия, — я помнила, что там речь шла о быках*. Именно в Оксфорд.

— Вот уж право... — удивлению Доктора не было конца, — представить себе Бампо в Оксфорде, ну и ну!

— Что творилось в Джоллиджинкии! Бампо до смерти боялся ехать. Он вообще первый из жителей страны отправился за границу и считал, что его обязательно съедят белые людоеды. Эти местные, сам знаешь, такие невежды. Но отец заставил его. Он сказал, что все африканские короли посылают сыновей учиться в Оксфорд. Теперь это в моде, никуда не денешься. Бампо непременно хотел прихватить с собой своих шестерых жен, а король ему не позволил. Бедняжка Бампо уехал весь в слезах, и во дворце все горько рыдали. Ты в жизни не видел такого переполоха!

— Не знаешь, он пытался найти Спящую Красавицу? — спросил Доктор.

— О, да, — ответила Полинезия, — отправился на поиски на следующий же день после твоего отъезда. И хорошо сделал: король, узнав, что его сын помог тебе скрыться, страшно на него разозлился.

— И что, нашел он Спящую Красавицу?

— Видимо, да, он привел с собой какую-то девушку, которую называл Спящей Красавицей, но, по-моему, это была просто негритянка-альбиноска. У нее были рыжие волосы и невероятно огромные ступни. А Бампо все никак не мог на нее нарадо-

* Булфорд — *Bullford* — *bull* — бык, буйвол,

Оксфорд — *Oxford* — *ox* — вол, буйвол (англ.). — *Прим. пер.*

ваться и в конце концов ко всеобщему восторгу женился на ней. Празднества продолжались семь дней. Она стала главной женой принца и называется Принцесса Короны Бумпа, ударение на последнем слог.

— Скажи-ка, а его лицо так и осталось белым?

— Месяца три еще оставалось, а потом постепенно приобрело свой естественный цвет, — ответила птица. — И хорошо, что так вышло, а то он был очень заметным, когда появлялся в купальном костюме — сам весь черный, а лицо белое.

— А как поживает Чи-Чи? Чи-Чи, — пояснил мне Доктор — это маленькая обезьянка. Она раньше жила у меня и тоже осталась в Африке вместе с Полинезией.

Полинезия нахмурилась:

— Чи-Чи не очень-то счастлива. Мы с ней часто виделись в последнее время, она страшно тосковала по тебе и по дому, и по нашему саду. Удивительное дело, но и я тосковала. Помнишь, как я хотела остаться на родине, просто с ума сходила. И Африка — такая чудесная страна, что бы ни говорили! Мне казалось, что моя жизнь там будет просто потрясающей. Но уже через несколько недель все это стало мне надоедать. Я себе места не находила. Короче говоря, в один прекрасный день я решила, что непременно должна вернуться к тебе. Я разыскала старушку Чи-Чи и поведала ей о своих планах. Она сказала, что нисколько на меня не в обиде, наоборот, и сама чувствует то же, что и я. После жизни у тебя Африка оказалась такой скучной! Чи-Чи тосковала по тем историям, что ты, бывало, читал нам из Книги зверей, и вспоминала, как мы собирались зимними вечерами у камина и болтали обо всем на свете. В Африке все звери были к нам очень добры, но эти милые существа несколь-

ко глуповаты. Чи-Чи того же мнения. Но дело, думаю, не в них, это мы уже стали другими. Когда я улетала, бедняжка Чи-Чи не выдержала и разрыдалась. Она говорила, что прощается со своим самым дорогим другом, хотя родни у нее там пруд пруди. И еще говорила, это нечестно, что у меня есть крылья, и я могу улететь, когда мне только вздумается, а она вынуждена оставаться. Но попомни мои слова, я нисколько не удивлюсь, если в один прекрасный день она объявится здесь. Она ведь молодчина, эта Чи-Чи.

В эту минуту мы подошли к моему дому. Мастерская отца была уже заперта, но мама стояла у порога, выглядывая на дорогу.

— Добрый вечер, миссис Стаббинс, — приветствовал ее Доктор. — Ваш сынишка задержался по моей вине, простите великодушно. Я оставил его ужинать, пока сохла его одежда. Мы с ним до нитки промокли. Столкнулись друг с другом во время грозы, и я просто настоял, чтобы он переждал дождь у меня.

— А я уж начала волноваться, — ответила мама. — Благодарю вас, сэр, что вы были так добры к Тому и привели его домой.

— Что вы, что вы, — сказал Доктор, — мы чудесно поговорили.

— Простите, сэр, а с кем я имею честь? — спросила мама, уставившись на птицу, сидевшую на плече Доктора.

— Я — Доктор Дулитл. Надеюсь, ваш супруг помнит меня. Года четыре тому назад он смастерил мне отличнейшие башмаки. В самом деле, превосходные ботинки, — добавил Доктор, с удовлетворением глядя на свои ноги.

— Мама, Доктор пришел посмотреть моего бельчонка, — объяснил я. — Он знает про зверей все на свете.

— Ну что ты, Стаббинс, — запротестовал Доктор, — далеко не все, это уж точно.

— Как любезно с вашей стороны идти в такую даль, чтобы посмотреть зверька, — сказала мама. — Том вечно приносит зверюшек из леса.

— Правда? — проговорил Доктор. — Возможно, в один прекрасный день он станет натуралистом. Кто знает?

— Пожалуйста, проходите в дом, — пригласила мама, — тут немножко не прибрано, я еще не закончила убираться к весне. Но в гостиной горит камин.

— Благодарю вас, — ответил Доктор, — у вас просто замечательный дом.

И аккуратно вытерев свои огромные ботинки о коврик, великий человек прошел в дверь.

ГЛАВА 6

РАНЕННЫЙ БЕЛЬЧОНОК

Когда мы вошли, отец, сидя у камина, упражнялся в игре на флейте. Он всегда играл на флейте, закончив рабочий день. Доктор тут же завел с ним беседу о флейтах, пикколо и фаготах, и тут отец предложил:

— Не поиграете ли вы нам на флейте, сэр?

— Что ж, — ответил Доктор, — давно не держал инструмента в руках, но с удовольствием попробую. Вы позволите?

С этими словами он взял у отца из рук флейту и заиграл. Он играл и играл без перерыва. Это было настоящим волшебством. Мать с отцом сидели как замороженные, воздев глаза к потолку, словно в церкви, и даже я, который мало интересовался музыкой — разве что дудел на губной гармошке, и то чувствовал, как мне становится грустно и тревожно и хочется быть лучше, чем я есть на самом деле.

— По-моему, это просто прекрасно, — вздохнула мама, когда музыка наконец затихла.

— Вы великий музыкант, сэр, — произнес отец, — величайший мастер. Не сыграете ли вы нам еще что-нибудь?

— С удовольствием, — согласился было Доктор, — но погодите, я совершенно забыл про бельчонка.

— Пойдемте, я проведу вас к нему, — сказал я, — он наверху в моей комнате.

Я привел Доктора в свою спальню под самой крышей и показал ему бельчонка, лежащего в ящике с соломой.

Зверек, который всегда боялся меня, хотя я изо

всех сил старался создать ему всевозможные удобства, сразу же сел, завидев Доктора, и между ними завязалась оживленная беседа. Доктор отвечал ему на беличьем языке, и зверек даже не испугался, когда Доктор взял его в руки, чтобы осмотреть лапки. Я держал свечу, пока Доктор накладывал на беличью лапку «шины» — так он называл их, — сделанные при помощи перочинного ножика из спичек.

— Скоро лапка заживет, — проговорил Доктор, закрывая свой портфель, — но следи, чтобы он не скакал и не бегал еще недельки две, держи его на открытом воздухе и укрывай сухими листьями, если ночи будут прохладными. Он жалуется, что ему здесь очень одиноко, и волнуется, как там его родные. Я убедил его, что тебе можно полностью доверять, а сам пошлю белочку, что живет у меня в саду, разузнать, как поживает его семья, и сообщить ему последние новости. Он должен быть в хорошем настроении, это важно для выздоровления. Белки вообще очень жизнерадостный подвижный народ. Но ты не волнуйся. Он обязательно поправится.

Потом Доктор вернулся в гостиную, и мама с отцом упростили его еще поиграть на флейте. Так он пробыл у нас допоздна.

Моим родителям Доктор понравился с первого взгляда, и они страшно гордились, что он играл на флейте для них (ведь мы были очень бедны). Но в то время они еще не знали, каким великим человеком станет их неожиданный гость. Теперь вряд ли отыщется в мире хоть один человек, не слыхавший о Докторе Дулитле и его кигах. Если вам случится быть в тех краях, над старой дверью дома, где отец держал обувную мастерскую, вы увидите каменную доску, надпись на которой гласит: «Великий натуралист Джон Дулитл играл на флейте в этом доме в 1839 году».

Я часто вспоминаю тот давний вечер. Стоит мне закрыть глаза и задуматься, как перед моим внутренним взором возникает наша гостиная. Возле камина забавный круглолицый человечек во фраке играет на флейте, а мои мать и отец, расположившись по обе стороны от него, сидят затаив дыхание и внимают ему с закрытыми глазами. Я сам здесь же, рядом с Джипом, который растянулся на ковре и неподвижно глядит на горящие угли, а Полинезия, усевшаяся на каминную решетку рядом с потрепанным цилиндром Доктора, степенно покачивает головой в такт музыке. Я вижу все это так ясно, будто эта картина и сейчас стоит перед моими глазами.

Потом я вспоминаю, как, проводив Доктора, мы все уселись в гостиной и долго-долго говорили о нем. И когда я, наконец, отправился спать (а до этого я ни разу так поздно не ложился), я видел его во сне, и всю ночь напролет оркестр ученых зверей играл мне на флейтах, скрипках и барабанах

ГЛАВА 7

ЯЗЫК МОЛЛЮСКОВ

На другое утро я проснулся необычайно рано, хотя поздно заснул накануне. Первые воробьи еще только начинали чирикать у меня за окном, а я уже бодро вскочил и натянул на себя одежду.

Я никак не мог дожидаться момента, когда вновь попаду в маленький домик в огромном саду и увижу Доктора и его собственный зоопарк. Впервые в жизни совершенно забыв про завтрак, я на цыпочках прокрался вниз по лестнице, стараясь не разбудить маму и отца, отворил входную дверь и выскочил на пустынную улицу.

Примчавшись к заветной калитке, я вдруг смутился — удобно ли приходить к человеку в гости в такой ранний час, может быть, Доктор еще спит. Я заглянул в сад. Он казался пустынным. Я отворил калитку и зашел. Не успел я свернуть на тропинку между кустов, как голос рядом со мной произнес:

— Доброе утро. Рано же ты поднялся!

Я обернулся — на живой изгороди восседала Полинезия собственной персоной.

— Доброе утро, — поздоровался я, — действительно рано. А Доктор еще спит?

— Нет, что ты, — ответила Полинезия, — он уже часа полтора как на ногах. Дверь не заперта, проходи в дом. Скорее всего, он на кухне — готовит завтрак, или уже в кабинете. Заходи, заходи. А я все жду, когда наконец взойдет солнце, но клянусь, оно просто забыло, что ему пора всходить. Тут у вас отвратительный климат. В Африке в этот час уже все залито солнечным светом. Ты только взгляни на туман, что стелется над капустной грядкой.

От одного его вида можно заболеть ревматизмом. Поганный климат, ей-Богу поганный. Жить здесь могут только лягушки! Ну, беги скорее к Доктору, не буду тебя задерживать.

— Благодарю, — ответил я. — Пойду поищу его.

Отворив дверь, я сразу же почувствовал запах жареной ветчины и направился в кухню. Там над огнем кипел огромный чайник, а на каменной плите под очагом жарилась яичница с ветчиной. Мне показалось, что она уже подгорает, и я осторожно отодвинул сковородку от огня.

Отправившись на поиски Доктора, я в конце концов обнаружил его в кабинете. Но тогда я еще не знал, что это кабинет. Я зашел в очень любопытное помещение, уставленное телескопами, микроскопами и всякими диковинными вещами, в которых я совершенно ничего не понимал, но мечтал разобраться. На стенах висели картины с изображением зверей и рыб, а в стеклянных витринах располагались диковинные растения и коллекции птичьих яиц.

Доктор в халате стоял возле большого стола с аквариумом. Мне показалось сначала, что он умывается. Одно ухо его было погружено в воду, а другое он прикрывал левой рукой. Увидев меня, Доктор выпрямился.

— Доброе утро, Стаббинс! Хорошенький денек выдался, как по-твоему? Я тут пытался послушать, что говорит виф-вэф. Но проку никакого.

— Почему? — поинтересовался я. — Он что, вообще не разговаривает?

— Разговаривает, конечно, но только у него очень бедный язык — всего несколько слов типа «да — нет», «горячо — холодно». Вот, пожалуй, и все, что он может произнести. Жаль! Он, видишь ли, принадлежит к двум различным семействам рыб и моллюсков. Я надеялся, что он станет бóльшей подмогой.

— Не очень-то он, видимо, умен, раз у него такой бедный язык! — глубокомысленно заметил я.

— Наверное, ты прав. Тут, похоже, дело в его образе жизни. Эти виф-вэфы встречаются крайне редко, они обитают на больших глубинах океана и живут очень уединенно.

— Может быть, моллюски покрупнее окажутся более разговорчивыми, — предположил я, — ведь этот виф-вэф ко всему еще и такой кроха.

— Несомненно, — согласился Доктор. — Я уверен, что существуют моллюски с хорошо развитой речью. В этом у меня нет ни малейшего сомнения. Но крупных моллюсков невероятно трудно поймать. Они водятся на большой глубине и почти не плавают, только ползают по морскому дну. Они даже в сети редко попадаются. Хотелось бы мне каким-то образом добраться до морского дна. Сколько бы я узнал тогда! Но мы совершенно забыли о завтраке — ты уже завтракал, Стаббинс?

Я признался, что сегодня утром совершенно позабыл о всякой еде, и мы с Доктором тотчас же отправились в кухню.

— Да, — продолжал размышлять Доктор, наливая кипяток в заварочный чайник, — если бы только человеку удалось добраться до дна океана и пожить там некоторое время, он бы обнаружил там такие удивительные вещи, о каких и мечтать не смел.

— Но ведь люди спускаются на морское дно, водолазы, к примеру, — заметил я.

— Конечно, конечно, — ответил Доктор, — водолазы добираются до дна. Если уж на то пошло, я и сам в свое время опускался на дно в водолазном костюме. Но ведь это возможно лишь в тех местах, где море не очень глубокое. Мне же нужно попасть на глубину в несколько миль. Надеюсь, в один прекрасный день мне удастся это сделать. Еще чашку чая?

ГЛАВА 8

ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ?

В этот момент на кухню влетела Полинезия и что-то сказала Доктору на птичьем языке. Я, конечно же, не понял, о чем речь. Но Доктор тут же отложил вилку и нож и вышел из комнаты.

— Вот жалость! — проговорила Полинезия, как только за Доктором закрылась дверь. — Стоит только ему вернуться домой, как весть об этом разносится по округе, и каждая охромевшая кошка или запаршивевший кролик готовы отмахать несколько миль, чтобы Доктор их осмотрел. Вот сейчас притащилась толстая зайчиха с ревущим детенышем, и подай ей Доктора. Боятся, что у сыночка будут конвульсии. Малец объелся белладонны. Как бестактны порой эти животные, в особенности мамы. Являются, когда им вздумается, не дают Доктору поесть, поднимают среди ночи. Не понимаю, как он это терпит! У человека нет ни минуты покоя! Сколько раз я говорила ему, чтобы он назначил для зверей часы приема. Но Доктор ужасно внимательный и заботливый, никогда никому не отказывает, говорит, что все это срочные случаи и их нельзя откладывать ни на минуту.

— А почему звери не ходят к другим докторам? — поинтересовался я.

— Господи, помилуй! — воскликнула Полинезия. — Просто потому, что нету таких докторов, настоящих, я хочу сказать. Есть, конечно, всякие там ветеринары, но проку от них никакого. Они не понимают нашего языка, чего ж от них ждать? Представь себе, что ты пойдешь к врачу, который не понимает ни одного твоего слова и не может

объяснить на твоём языке, как надо лечиться. Ох, уж эти ветеринары! Полные тупицы. Нет, ты даже представить себе не можешь! Знаешь, поставь-ка завтрак Доктора на огонь, а то он остынет.

— Как вы считаете, смогу ли я когда-нибудь выучить язык зверей? — спросил я Полинезию, ставя сковородку с яичницей обратно на каменную плиту.

— Ну, это от многого зависит, — ответила птица, — ты вообще-то хорошо учишься?

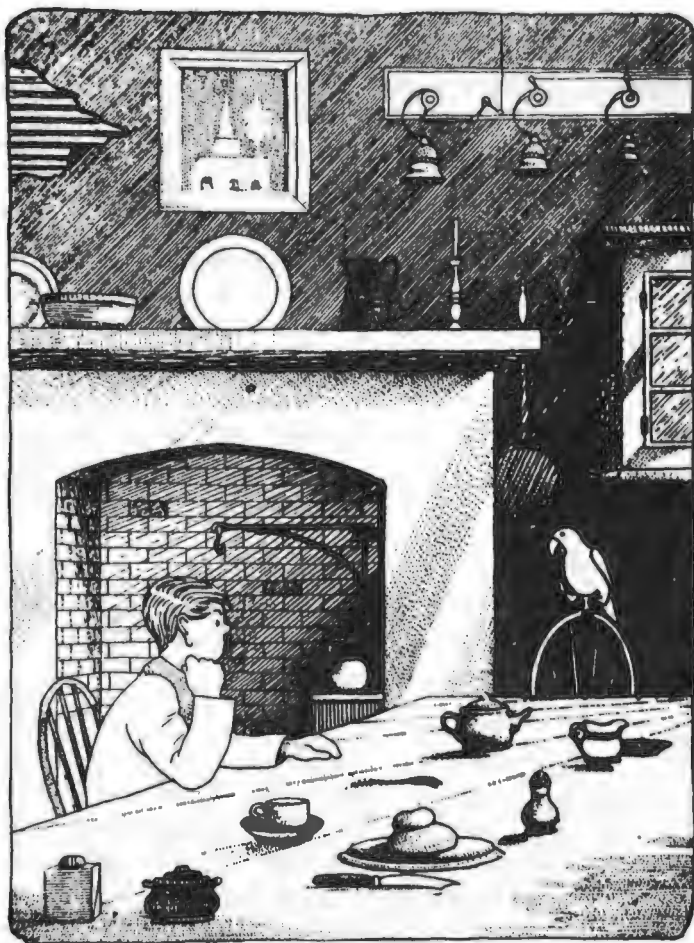
— Не знаю, — мне было немного стыдно, — я ведь не хожу в школу. У отца нет денег на мою учёбу.

— Не беда, — заметила Полинезия, — уверена, что ты немного потерял, судя по тому, что мне известно о школьниках. Но вот что важно: есть ли у тебя наблюдательность? Умеешь ли ты видеть и запоминать? К примеру, сидят перед тобой на ветке два скворца. Ты только мельком взглянул на них. Сумеешь ли ты, увидев их на следующий день, отличить одного от другого?

— Не знаю, — задумался я, — никогда не пробовал.

Полинезия стряхнула крошки с края стола левой лапкой и продолжала:

— Вот это как раз и есть наблюдательность — уметь подмечать едва заметное в птицах и зверях — как они передвигаются, как поворачивают голову, как машут крыльями, как нюхают воздух, поводят усами и виляют хвостами. Все это надо уметь видеть и понимать, если хочешь выучить язык зверей. Ведь речь многих — это то, как они дышат, как машут хвостами или ставят лапы. В старые времена на земле водилось множество тигров и львов, гораздо больше, чем сейчас, и звери боялись издавать лишние звуки, чтобы не привлекать к себе внимания

— Но вот что важно — есть ли у тебя наблюдательность? —
сказала Полинезия.

хищников. Птицам, конечно, было все равно, они могли улететь. Так что наблюдательность просто необходима, если хочешь освоить язык зверей.

— Похоже, нелегкое это дело, — сказал я.

— Да, надо набраться терпения, — согласилась Полинезия, — чтобы выучить даже несколько слов, потребуется уйма времени. Но если ты будешь приходить сюда часто, я сама дам тебе несколько уроков. А уж стоит только начать, и увидишь — дело пойдет как по маслу. Хорошо бы ты выучился и смог помогать Доктору. Хотя бы там, где это не очень трудно — делать перевязки, давать пилюли. Великолепная мысль! Бедняга смог бы наконец хоть немножко вздохнуть. А то он ни днем, ни ночью покоя не знает. Ты бы ему отлично помогал, а? Но только, если ты по-настоящему любишь животных.

— Да это же моя самая заветная мечта! — воскликнул я. — Вы считаете, Доктор позволит мне?

— Несомненно, — ответила птица, — как только ты научишься немного разбираться в лечении. Я сама поговорю с ним об этом. Тихо! Вот он идет! Быстро — неси завтрак на стол!

ГЛАВА 9

РАЙСКИЙ САД

После завтрака Доктор повел меня осматривать сад. Уж на что был интересным дом, но сад оказался в тысячу раз увлекательнее. Неповторимый, редкостный сад. Поначалу я даже не понял, какой он огромный. Только мне начинало казаться, что я его весь осмотрел, как, заглянув еще за какую-нибудь изгородь, повернув на новую тропинку, или поднявшись на несколько ступенек, я попадал в совершенно новую его часть, о существовании которой и не догадывался.

Здесь было все, что должно быть в настоящем парке: просторные поляны с каменными скамейками, покрытые мхом; огромные плакучие ивы со склоняющимися до земли ветвями, которые, качаясь на ветру, подметали изумрудный ковер трав. Тропинки, мощенные камнем, были обсажены живой изгородью из подстриженного тиса и напоминали узкие улочки какого-то старинного города. В этой живой изгороди были проделаны проходы, украшенные удивительными вазами, павлинами или другими фигурами, выполненными из подстриженных деревьев. В саду был прелестный мраморный бассейн, где плавал золотой карп, цвели голубые водяные лилии и квакали огромные лягушки. Высокая кирпичная стена, тянувшаяся вдоль огорода, была увита ветвями персиковых деревьев, и их розово-желтые плоды золотились на солнце. Там же рос огромный дуб, полый внутри, в котором могли поместиться одновременно четыре человека. Тут и там попадалось множество летних домиков, сделанных из дерева или камня, и в одном из них находилось множество книг. В углу сада, где-то

среди камней и папоротника можно было разглядеть очаг, на котором Доктор жарил печенку или ветчину, когда у него было настроение подкрепиться на свежем воздухе. Тут же стояла кушетка, на которой Доктор любил отдыхать в летние ночи, когда соловьи поют особенно сладко, причем специально приделанные колесики позволяли передвигать ее под то дерево, где располагались пернатые певцы. Но самое сильное впечатление на меня произвел крошечный домик, спрятанный в могучих ветвях раскидистого вяза; к нему вела веревочная лестница. Доктор объяснил, что из этого домика он наблюдает в телескоп за луной и звездами.

Этот сад можно было исследовать целыми днями и неизменно находить что-нибудь новое и неожиданное или с радостью возвращаться в уже знакомые места. Я был им так очарован, что мне не хотелось никуда уходить. Ибо здесь имелось все, что человеку нужно для счастья, для того, чтобы радоваться жизни и находиться в мире с самим собой. Это был поистине Райский Сад.

Здесь было полным-полно птиц. На каждом дереве находилось по два-три гнезда. Бесчисленное количество разной другой живности также чувствовало себя здесь весьма вольготно. Кругом разгуливали горностаи, черепахи и сони. По лужайкам прыгали жабы и лягушки всевозможных расцветок и размеров. Зеленые ящерицы (большая редкость в Падлби) нежились на солнышке, рассевшись по камням. Кое-где попадались даже змеи.

— Не бойся их, — успокоил меня Доктор, заметив, что я вздрогнул при виде огромной черной змеи, проскользнувшей мимо нас в траве. — Они не ядовитые. Змеи очень хорошо охраняют сад от вредителей. Иногда по вечерам я им играю на флейте. Они встают на хвосты и, раскачиваясь под

музыку, исполняют свой танец. Их страсть к музыке поистине поразительна.

— А почему эти звери живут здесь? — полюбопытствовал я. — В жизни не видел сада, где водится столько живности.

— Но ведь они все мои добрые знакомые! Кто-то из них или их детишек вдруг заболевает, — куда как удобно жить в саду под боком у доктора. Вон, взгляни! Видишь воробья на солнечных часах, того, что переругивается с дроздом? Так вот, он прилетает сюда каждый год уже много лет подряд. Сам он из Лондона. Наши местные воробьи вечно над ним смеются и подтрунивают. Говорят, он чирикает с сильным акцентом кокни*. Презабавная птица — храбрая, но нахальная. Больше всего на свете любит поспорить, но часто срывается на грубость. Настоящая городская птаха. В Лондоне он обитает возле Собора Св. Павла, вот мы и прозвали его Чипсайд**.

— А все эти птицы слетаются с нашей округи? — продолжал интересоваться я.

— Большинство из них — да, — подтвердил Доктор. — Но есть несколько редких пташек, они прилетают ко мне издалека. Вот, к примеру, красавчик, что вьется вокруг львиного зева. Это красношей колибри. Прилетел из Америки. Строго говоря, ему нечего делать в нашем климате — здесь слишком для него прохладно. Он ночует у меня на кухне, чтобы не замерзнуть. А в последнюю неделю августа прилетает повидаться со мной райская птичка из Бразилии, потрясающее существо. Ну и еще несколько других заморских пташек, в основном из тропиков, залетают навестить меня в летние месяцы. Пошли, я покажу тебе мой зоопарк.

* Насмешливое прозвище лондонского простолюдина.

** Собор Св. Павла находится в части Лондона, которая носит такое название, дословно означающее «дешевый район».

ГЛАВА 10

ЗООПАРК ДОКТОРА

Я был уверен, что мы уже осмотрели весь сад, но Доктор взял меня за руку и повел по узкой тропинке, которая долго кружила и петляла, пока наконец не вывела нас к маленькой двери в высокой каменной стене. Доктор отворил ее. Внутри оказался еще один сад. Я-то ожидал увидеть клетки со зверями, но ничего подобного и в помине не было. По всей территории этого сада были раскиданы каменные домики с дверцами и окошками. Как только мы вошли, оттуда сразу же показались разные звери, видимо, в ожидании кормежки.

— Разве на дверях нет запоров? — удивился я.

— Конечно же, есть, — ответил Доктор, — у каждой двери есть замок, только не с внешней стороны, а с внутренней, чтобы звери могли запира́ться, если не хотят, чтобы их тревожили. Здесь никого насильно не держат.

— Они все выглядят такими ухоженными и довольными, — заметил я. — А вы не скажете, как называются эти животные?

— Вон то смешное существо с панцирем на спине — это южно-американский броненосец. С ним болтает сурок из северо-американских лесов. А тот малыш — лесной сурок из Канады. Оба сурка живут в норах у подножия стены. А два зверька, что кувыркаются в пруду, — русские норки. Кстати, не забыть бы привезти для них селедки из города. А вот из домика выходит южно-африканская антилопа — это одна из самых мелких разновидностей. Теперь пойдем дальше, я тебе еще кое-что покажу.

— А там у вас олени пасутся? — поинтересовался я.

— Олени? — переспросил Доктор. — Где?

— Да там, щиплют траву у края клумбы, — я показал рукой. — Их двое.

Доктор улыбнулся:

— Это *одно* животное с *двумя* головами, Стаббинс, уникальный вид. Называется тяни-толкай. Я привез его из Африки. Он совершенно ручной. Здесь, в зоопарке, он фактически служит ночным сторожем. Очень удобно: одна голова спит, а другая бодрствует.

— А тигры и львы у вас тоже есть? — полюбопытствовал я.

— Нет, — Доктор отрицательно покачал головой. — Их здесь невозможно держать. Да я и не стал бы, даже если бы условия позволяли. Моя бы воля, Стаббинс, я бы вообще не разрешал держать тигров и львов в неволе. Они этого не переносят и чувствуют себя несчастными. Им нет покоя в неволе. По их глазам видно, что они постоянно тоскуют о родных просторах, о густых и мрачных джунглях, где матери впервые показывали им, как надо выслеживать и преследовать добычу. Что же они получают взамен той привольной жизни? — грозно спросил Доктор, остановившись и даже покраснев от возмущения. — Что они получают взамен восхитительных африканских рассветов, легкого бриза, который в сумерки колышет пальмовые ветви, широких звездных небес саванны, взамен купанья в прохладных струях водопада после тяжелой дневной охоты? Что, спрашиваю я тебя, они получают взамен всего этого? А вот что — голую клетку с железными прутьями, отвратительный кусок мертвечины, который им швыряют один раз в день, и толпу зевак, что смотрят на них, разинув рот! Нет, Стаббинс! Львов и тигров — Великих Охотни-

ков ни за что на свете нельзя сажать в клетки и держать в неволе.

Доктор стал очень серьезным, даже грустным. Но внезапно его настроение переменялось, и он снова взял меня за руку, приветливо улыбнувшись знакомой доброй улыбкой.

— Стаббинс, мы же еще не осмотрели бабочек и аквариумы. Пошли скорее. Я очень горжусь жилищами, которые построил для бабочек.

Мы направились дальше, и за очередной живой изгородью я увидел несколько огромных хижин, целиком сплетенных из проволоки, как клетки. Внутри них росли всевозможные диковинные цветы, а над ними порхали бабочки. Доктор показал в дальний угол клетки, где рядами стояли ящички с отверстиями.

— Это мои инкубаторы, — объяснил он. — Сюда я помещаю различные виды гусениц. Как только они превращаются в бабочек, я тут же выпускаю их в цветники.

— А у бабочек тоже есть язык? — спросил я.

— Наверняка есть, — ответил Доктор, — и у жуков тоже, но мне пока не удалось в нем разобраться. Я был слишком занят моллюсками. Но я собираюсь когда-нибудь выучить и язык насекомых.

Тут прилетела Полизезия и сообщила:

— Доктор, там пришли две морские свинки. Они убежали от хозяина — мальчишка неправильно их кормил. Они спрашивают, нельзя ли остаться у вас.

— Ну, конечно, можно — ответил Доктор. — Проведи их в зоопарк и посели в домике слева от ворот, там, где жила черная лисица. Объясни им наши правила и покорми как следует. А мы с тобой, Стаббинс, пойдем смотреть аквариумы. И в первую очередь ты должен увидеть мой огромный аквариум с моллюсками.

ГЛАВА II

МОЙ УЧИТЕЛЬ ПОЛИНЕЗИЯ

Как можно догадаться, я редко когда пропустил возможность навестить моего нового друга. Я приходил к Доктору почти каждый день. И мама даже в шутку предложила мне забрать мою кровать и переселиться туда насовсем.

Спустя некоторое время я сумел стать весьма полезным Доктору: помогал ему кормить зверей, сооружать для них новые домики, чинить ограду зоопарка, принимать заболевших зверюшек и выполнять различную работу и по дому, и в саду, и в зоопарке. Мне это все страшно нравилось, я жил теперь в совершенно новом для меня мире. Полагаю, что и Доктору моя помощь не была лишней.

Что бы я ни делал, Полинезия всегда была рядом со мной. Она учила меня птичьему языку и языку звериных знаков. Поначалу мне казалось, что я никогда не смогу всего этого усвоить. Но старая птица проявляла выдержку и терпение, хотя порой я замечал, что она с трудом сдерживается, видя мою бестолковость.

И вот наконец я научился разбираться, о чем чирикают птички и что означают забавные движения и позы собак. Ложась спать, я тренировался, прислушиваясь к мышинному шепоту за стеной. Я подслушивал, о чем мяукают коты и воркууют голуби на крышах Падлби. Время летело незаметно, как бывает всегда, когда жизнь кажется приятной. Дни сменялись неделями, недели месяцами, и вот уже в саду у Доктора начали опадать лепестки роз, а желтые листья устилать один за другим изумрудно-зеленый ковер травы. Лето подходило к концу.

В один прекрасный день мы с Полинезией болтали, расположившись в библиотеке. Это была красивая длинная комната с огромным камином, стены библиотеки были от пола до потолка уставлены полками с книгами. Каких только книг здесь не было: фолианты по медицине, пособия по садоводству, рассказы о путешествиях, которые я любил больше всего. Любимой моей книгой был большой атлас с картами всех стран мира.

В тот день Полинезия показывала мне книги о животных, которые написал сам Доктор Джон Дулитл.

— Господи помилуй! — поражался я. — Как же много у Доктора книг! Если б только я умел читать! Сколько тут всего интересного! А ты умеешь читать, Полинезия?

— Совсем немножко, — ответила птица. — Смотри, переворачивай страницы осторожно, не порви. Сказать по правде, у меня на чтение совсем нет времени. Вот это буква «к», а это — «б».

— А что означает это слово под картинкой, — заинтересовался я.

— Дай-ка погляжу, — сказала Полинезия и начала читать по слогам: БА-БУ-ИН... Бабуины — это обезьяны. Вообще-то читать не так уж трудно, важно выучить буквы.

— Полинезия, я хочу спросить у тебя одну важную вещь.

— Что ты хочешь спросить, мой мальчик? — ответила Полинезия, приглаживая перышки на правом крыле. Она часто разговаривала со мной покровительственным тоном, но меня это нисколько не обижало. Ведь ей было почти что двести лет, а мне всего только десять.

— Понимаешь, мама считает, что я не должен так часто обедать у Доктора. Как ты думаешь, если я

буду работать здесь еще больше, смогу ли я перейти к Доктору жить насовсем? Но работать не за деньги, как, например, садовник, а просто жить и питаться. Как по-твоему, это возможно?

— То есть, ты хочешь стать настоящим ассистентом Доктора?

— Да. Наверное, это так и называется, — ответил я. — Ты ведь сама говорила, что ему нужна помощь. Я мог бы стать ему полезным.

— Ну что ж, — Полинезия на секунду призадумалась. — Я считаю, идея неплохая. Но уверен ли ты, что, повзрослев, захочешь быть именно натуралистом?

— Несомненно, — заверил я Полинезию. — Я твердо решил стать натуралистом.

— Что ж, пойдем поговорим с Доктором, — сказала мудрая птица. — Он сейчас у себя в кабинете. Отвори-ка дверь потихоньку, а то он, возможно, сейчас работает и не захочет, чтобы его беспокоили.

Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Первое, что я увидел, была огромных размеров черная охотничья собака, сидевшая у камина и внимательно слушавшая, как Доктор читает ей письмо.

— Что там происходит? — шепотом спросил я у Полинезии.

— Пес получил письмо от своей хозяйки и принес его Доктору, чтобы он прочитал. Его хозяйка — забавная малышка по имени Минни Дули, она живет на другом краю города. У нее еще такие смешные косички за спиной. Они с братом уехали на море. И пес очень по ним скучает. Вот они и пишут ему письма, по-английски, разумеется. Тот, само собой, не понимает ни слова и приносит письма Доктору, он переводит их на собачий язык. Судя

по тому, как радуется пес, Минни, видимо, сообщает, что они скоро возвращаются домой. Ты только посмотри, сколько счастья!

И в самом деле, охотничий пес вдруг весь преобразился, а когда Доктор закончил чтение, радостно залаял, завилял хвостом и запрыгал от радости. Взяв письмо в пасть, он выскочил из кабинета, удовлетворенно фыркая и что-то бормоча себе под нос.

— Побежал встречать поезд, — прошептала Полинезия. — Как он может любить этих детей, просто в толк взять не могу! Ты бы видел эту Минни! Воображала, капризуля, да еще и глазки у нее косят!

ГЛАВА 12

БЛЕСТЯЩАЯ ИДЕЯ

Тут Доктор поднял голову и увидел нас. — А, Стаббинс! — приветствовал он меня, — ты хочешь со мной о чем-то поговорить? Заходи, садись.

— Доктор, — начал я, — я решил стать натуралистом, как вы, когда вырасту.

— Да что ты говоришь? — сказал Доктор. — Очень хорошо! А родителям ты говорил об этом?

— Нет еще, — ответил я. — Я хочу, чтобы вы с ними поговорили. У вас это лучше получится. А я бы стал вашим помощником, конечно, если вы меня возьмете. Вчера мама сказала, что я не должен у вас так часто обедать. И я думал об этом. И вот хочу спросить, можно мне работать у вас и жить здесь же?

— Но, дорогой мой Стаббинс, — засмеялся Доктор, — я очень рад, когда ты делишь со мной трапезу, мне это вовсе не в тягость. А работаешь ты и так много. Я часто думаю, что мне следовало бы платить тебе за работу. Так о чем я должен поговорить с твоими родителями?

— Я думал, что, может быть, вы поговорите с мамой и отцом, чтобы они позволили мне жить у вас. Я бы трудился изо всех сил, а вы бы научили меня читать и писать. Ведь без этого мне не стать настоящим натуралистом, правда?

— Даже не знаю, — задумался Доктор. — Конечно, хорошо уметь читать и писать. Но натуралисты бывают разные. Вот, например, знаменитый Чарльз Дарвин, он — выпускник Кембриджа и, разумеется, отлично умеет читать и писать. Потом, конечно, Кювье, он был прекрасным педагогом. Но

самый величайший натуралист в мире даже не знает, как пишется его собственное имя, и никакой грамоте не обучен.

— Кто же это? — удивился я.

— Это крайне загадочный человек, — ответил Доктор. — Его зовут Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы. Он краснокожий индеец.

— А вы его когда-нибудь видели?

— Нет, никогда, — ответил Доктор. — Ни одному белому человеку не удавалось увидеть его. Думаю, господин Дарвин даже не подозревает о его существовании. Длинная Стрела живет где-то в перуанских горах. Он нигде и никогда подолгу не задерживается. Кочует от племени к племени, такой индейский бродяга.

— А откуда вам о нем известно, если его никто никогда не видел? — полюбопытствовал я.

— Мне рассказывала о нем малиновая райская птичка, — объяснил Доктор. — Когда она навещала меня в последний раз, я попросил ее передать ему от меня послание. Скоро она должна прилететь опять. Уже август кончается, жду ее со дня на день. Надеюсь, с ней по пути ничего не случилось.

— Почему же тогда звери приходят лечиться к вам, а не к нему, раз он такой замечательный?

— Видимо, мои методы лечения более современные, — предположил Доктор. — Но судя по тому, что рассказывает райская птичка, знания Длинной Стрелы просто уникальны. Его сильная сторона — это ботаника, растения и всякое такое, но о зверях и птицах он тоже много знает, а особенно хорошо разбирается в насекомых. Но скажи мне, Стаббинс, ты действительно уверен, что хочешь стать натуралистом?

— Да, — твердо ответил я, — я уже все решил.

— А знаешь ли ты, что этой профессией много

не заработаешь? Большинство натуралистов вообще не в состоянии зарабатывать на жизнь. Все, что они могут, так это тратить деньги на сачки для ловли бабочек, на ящички для птичьих яиц и всякое такое. Да я и сам только недавно стал зарабатывать кое-какие деньги тем, что пишу книги.

— Меня деньги не интересуют, — ответил я. — Я хочу быть натуралистом. Пожалуйста, приходите к нам в четверг на обед. Я уже предупредил родителей, что приглашу вас, а вы с ними обо всем договоритесь. И потом, еще одно. Если я буду жить у вас и стану вашим помощником, значит тогда я смогу поехать с вами в путешествие?

— Ах, вот оно что, — улыбнулся Доктор, — ты хочешь поехать со мной в путешествие? Так... Так...

— Я хочу всегда ездить вместе с вами. И вам будет гораздо легче, если кто-то понесет сачки для бабочек и тетради для записей. Разве нет?

Доктор довольно долго сидел в размышлении, постукивая пальцами по столу, а я страшно волновался, ожидая, что же он в конце концов мне ответит. Наконец он пожал плечами и поднялся.

— Что ж, Стаббинс, — проговорил он, — я приду к вам в следующий четверг и поговорю с твоими родителями. Тогда и посмотрим. Передай, пожалуйста, от меня привет родителям и поблагодари их за приглашение, ладно?

И я помчался домой, как ветер, быстрее сообщить маме, что Доктор обещал прийти.

ГЛАВА 13

ПРИЕЗД ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

На другой день после вечернего чая я сидел верхом на заборе докторского сада и беседовал с Даб-Даб. Я уже многому научился от Полинезии и мог разговаривать почти со всеми птицами и многими зверями без особого труда. Даб-Даб оказалась удивительно милой старой заботливой птицей, хотя, разумеется, не такой умной и интересной, как Полинезия. Она вела хозяйство Доктора уже долгие годы.

Итак, мы со старой уткой сидели на заборе и наблюдали за всем происходящим на Оксенторпроуд. Даб-Даб рассказывала мне о приключениях Доктора в Африке (она ездила с ним туда много лет тому назад).

Вдруг где-то вдалеке послышался странный шум. Казалось, что толпа людей громко приветствует приезжую знаменитость. Я привстал, чтобы разглядеть, что там происходит. И вскоре увидел ватагу ребятни, преследующую странную женщину в лохмотьях.

— Что бы это могло значить? — спросила Даб-Даб.

Дети смеялись и что-то выкрикивали. А женщина, за которой устремилась эта процессия, и впрямь была необычной. У нее были невероятно длинные руки и сутулые плечи. На голове, где-то сбоку, сидела соломенная шляпка с маками, а юбки были ей явно не по росту и тащились, как бальный шлейф. Глаз видно не было: пол-лица прикрывала шляпа. Процессия приблизилась, и смех мальчишек стал громче. Я заметил, что руки женщины покрыты темной шерстью. Уж не ведьма ли это?

И тут вдруг Даб-Даб закричала во весь голос:

— Да это же Чи-Чи! Чи-Чи вернулась! Как эти

Прибытие путешественницы.

нахальные дети смеют потешаться над ней? Вот я им сейчас задам!

Она слетела со стены на дорогу и направилась прямо к детям, угрожающе крикая и хватая их за пятки. Мальчишки в страхе бросились врассыпную.

Странная женщина некоторое время смотрела им вслед, а затем усталой походкой подошла к калитке. Не потрудившись отпереть щеколду, она как ни в чем не бывало перелезла через калитку. Я заметил, что она зацепилась за перекладины ногами, словно это были руки. Но только разглядев под шляпой ее лицо, я убедился, что это и в самом деле обезьяна.

Чи-Чи, а это была действительно она, подозрительно посмотрела на меня, словно опасаясь, что я тоже стану смеяться над ней. Затем она спрыгнула в сад и стала срывать с себя одежду. Затем стянула с себя юбку и кофту и начала с остервенением пинать их ногами и расшвыривать перед домом.

Вдруг из дома слышались крики, и оттуда вылетела Полинезия, выбежали Доктор и Джип.

— Чи-Чи, Чи-Чи! — выкрикивала Полинезия, — ты вернулась наконец! Я всегда говорила Доктору, что ты вернешься! Как тебе это удалось?

Они обступили ее со всех сторон, трясли за все четыре лапы, смеялись и засыпали вопросами. Потом все направилось к дому.

— Сбегай-ка в мою спальню, Стаббинс, — обернулся ко мне Доктор, — там в левом ящике бюро есть мешочек с арахисом. Я его держал на тот случай, если Чи-Чи неожиданно объявится. Погоди-ка минутку, посмотри, не сохранилось ли в закромах у Даб-Даб немного бананов. Чи-Чи говорит, что уже два месяца не ела бананов.

Когда я вернулся в кухню, все сидели и внимательно слушали рассказ о путешествии Чи-Чи из Африки.

ГЛАВА 14

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧИ-ЧИ

После того, как улетела Полинезия, Чи-Чи затосковала по Доктору и жизни в Падлби пуще прежнего. И в конце концов она решила, что вернется, чего бы это ни стоило. В один прекрасный день, придя на берег океана, она увидела, как множество людей, белых и черных, грузятся на корабль, отплывающий в Англию. Чи-Чи тоже попыталась проникнуть на судно. Но ее прогнали прочь. И тут она заметила, что к кораблю направляется довольно забавное семейство, а одна из девочек напомнила ей ее собственную кузину. Чи-Чи сказала себе: «Эта девчонка так же похожа на обезьянку, как я похожа на девчонку. Надо раздобыть хоть какую-нибудь одежду, и я вполне бы могла затесаться среди членов этой семьи. Прекрасная мысль!»

И Чи-Чи направилась в город, вошла в первое же раскрытое окно и обнаружила на стуле юбку и корсаж, а на комодѣ шляпу, принадлежавшие чернокожей моднице, принимавшей в тот момент ванну. Чи-Чи нацепила на себя одежду и стремглав бросилась на пристань. Здесь она благополучно смешалась с толпой и без всяких помех проникла на корабль. На корабле ей все время приходилось прятаться, чтобы люди не принялись рассматривать ее слишком пристально, и выходила она лишь по ночам в поисках пищи. Наконец корабль приплыл в Англию, и Чи-Чи собралась покинуть его. Тут матросы разглядели, что это обезьянка в девчачьей одежде, и решили оставить ее у себя для развлечения, но Чи-Чи удалось улизнуть и, смешав-

шись с толпой, скрыться. Однако она была все еще очень далеко от Падлби, а дорога туда лежала через всю Англию.

Теперь Чи-Чи пришлось действительно несладко. Стоило ей появиться в каком-нибудь городе, как вокруг тотчас собиралась толпа ребятни, которая потешалась над ней. Нередко какие-то глупцы пытались поймать ее, и бедняге приходилось скакать по фонарным столбам и трубам, чтобы не дать им в руки. По ночам Чи-Чи пряталась в амбарах и канавах, питалась ягодами, лесными орехами. В конце концов, пережив множество приключений и опасностей, Чи-Чи увидела шпиль падлбийской церкви и поняла, что она недалеко от дома.

Рассказывая, Чи-Чи уничтожила шесть бананов и выпила залпом целый кувшин молока.

— Боже мой! — приговаривала она, — ну почему я не летаю, как Полинезия. Вы себе не можете представить, как я возненавидела эту шляпу и юбку. В жизни я себя так отвратительно не чувствовала. Всю дорогу от Бристоля до дома эта шляпа то и дело спадала мне на лицо или цеплялась за ветки, а юбка путалась под ногами. И зачем люди носят такие неудобные вещи! Господи! Как же я обрадовалась, увидев наш старый добрый Падлби!

— Твоя постель под потолком в кладовке ждет тебя, мы ее не трогали в надежде, что ты обязательно вернешься, — сказал Доктор.

— Да, да, — подтвердила Даб-Даб, — и возьми старый смокинг Доктора, который служил тебе одеялом, если ночью тебе станет прохладно.

— Благодарю вас, — ответила Чи-Чи, — как это славно — вернуться домой. Все вокруг знакомое, точно такое же, как когда я уезжала, кроме этой новой вешалки для полотенца на двери, ее раньше не было. Ну, ладно, я, пожалуй, отправлюсь сейчас

спать. Мне просто необходимо выспаться.

Мы все вышли из кухни в кладовку и смотрели, как Чи-Чи забирается в свою постель, словно матрос на мачту корабля. Добравшись до нее, она уютно свернулась клубочком, укрылась старым смокингом Доктора и уже через минуту сладко сопела.

— Старушка Чи-Чи, — ласково прошептал Доктор, — как я рад, что ты вернулась.

— Да, да, старушка Чи-Чи, — отозвались Полинезия и Даб-Даб.

И мы все вместе на цыпочках вышли из кладовки и тихо прикрыли за собой дверь.

ГЛАВА 15

Я СТАНОВЛЮСЬ АССИСТЕНТОМ ДОКТОРА

В четверг в нашем доме царило большое оживление. Мама все выпрашивала, какие у Доктора любимые блюда, и я сказал: рагу, нарезанная ломтиками свекла, жареный хлеб, креветки и торт с патокой. В этот вечер она выставила эти лакомства на стол в ожидании прихода гостя и теперь сутилась по дому, наводя в нем идеальный порядок.

Наконец раздался стук в дверь, и я со всех ног бросился открывать.

В этот раз Доктор пришел со своей флейтой. И после ужина, которым все остались очень довольны, Доктор и мой отец начали играть дуэтом. Они были так поглощены этим занятием, что я стал опасаться, как бы они не забыли поговорить о моем деле. Но наконец Доктор произнес:

— Ваш сын сказал мне, что мечтает стать натуралистом.

Разговор, который последовал за этим, затянулся до глубокой ночи. Поначалу мать с отцом были резко против всей затеи. Они утверждали, что мальчишеские увлечения и причуды несерьезны, и что мне все это скоро надоест. Однако после того, как дело всесторонне обсудили, Доктор обратился к отцу с таким предложением:

— Ну, хорошо, господин Стаббинс, пусть мальчик поживет у меня два года, пока ему не исполнится двенадцать. Посмотрим, надоест ли ему его увлечение. А я обещаю, что в течение этих двух лет буду учить его грамоте и арифметике. Что вы на это скажете?

— Право не знаю, — покачал головой отец, — вы

так добры, Доктор, и предложение ваше очень заманчиво, но я думаю, что Томми следует обучаться какому-нибудь ремеслу, чтобы зарабатывать на жизнь.

Тут заговорила мама. Сама мысль о том, что я, такой маленький, больше не буду жить с ними под одной кровлей, ужасала ее. Но тем не менее она вынуждена была признать, что для меня нет лучшей возможности учиться.

— Послушай, Джэкоб, — тихо говорила она, — ты же знаешь, что ребята в городе ходят в школу до 14—15 лет. Пусть наш Том будет учиться меньше, но сможет писать и читать. Одно это уже будет ему на пользу. Хотя, Господи, Боже мой, — добавила она, поднося платок к глазам и стараясь удержаться от слез, — как же пусто будет без него в нашем доме!

— Я позабочусь о том, чтобы мальчик навещал вас, миссис Стаббинс, — сказал Доктор, — если хотите, каждый день. Ведь не так уж это и далеко.

И вот в конце концов отец сдался и было решено, что два года я стану жить и работать у Доктора, а он будет меня кормить и обучать чтению, письму и счету.

— Само собой разумеется, — добавил Доктор, — что, если я буду располагать деньгами, то и одежду Томми покупать буду тоже я. Но деньги у меня когда есть, а когда и нету.

— Вы так добры, Доктор, — благодарила мать, вытирая глаза. — Уж как нашему Томми повезло!

И тут я, бездумный маленький эгоист, наклонился к Доктору и прошептал ему на ухо:

— Пожалуйста, не забудьте сказать им про путешествие.

— Да, и кстати, — сказал Джон Дулитл, — моя работа требует, чтобы время от времени я ездил в

путешествия. Надеюсь, вы не станете возражать, если Томми поедет со мной?

Бедная мама посмотрела на меня с болью и тревогой, но я, прячась за спиной Доктора, чувствовал, как мое сердце, волнуясь, бьется в ожидании отцовского ответа.

— Чего уж тут возражать, — медленно проговорил отец, — раз мы обо всем договорились, так не будем возражать и против этого.

Не было в ту минуту на свете мальчишки счастливее меня. Я готов был прыгать и кувыркаться от радости. Наконец-то моя заветная мечта сбывается, меня ждут невероятные приключения! Ведь Доктор очень скоро должен отправиться в очередное путешествие. Полинезия говорила мне, что он никогда не проводит дома больше полугода, а это означает, что не позднее, чем через две недели он отправится в путь. И я — я, Томми Стаббинс, поеду с ним! Только подумать! Мы поедем по морям и океанам, увидим новые страны, перед нами целый мир!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

КОМАНДА «КРОНШНЕПА»

С этого времени мое положение в городе резко изменилось. Я уже больше не был сыном бедного башмачника. Высоко задрал нос, я важно вышагивал по Хай-стрит в сопровождении Джипа в золотом ошейнике. А маленькие снобы, презиравшие меня за то, что у моих родителей не хватало денег на мою учебу, теперь завистливо перешептывались, показывая на меня друг другу:

— Ты видишь его? Ему всего десять лет, а он уже ассистент Доктора!

Но как бы широко открылись их глаза от удивления, если бы они только знали, что я запросто беседую с собакой.

Спустя два дня после того, как Доктор приходил к нам в гости, он грустно сообщил мне, что, видимо, ему придется отказаться от изучения языка моллюсков хотя бы на время.

— Я крайне разочарован, Стаббинс, в высшей мере разочарован. Я уже перепробовал мидий и двухстворчатых моллюсков, устриц и волнистых рожков, сердцевидок и гребешков, семь разновидностей крабов и все виды омаров. Придется временно оставить эту затею.

— А чем же вы займетесь сейчас? — спросил я.

— Вообще-то я собирался в путешествие, Стаббинс. Я уже долгое время нахожусь дома, а у меня много дел за границей.

— Когда же мы отправляемся?

— Сначала нужно дождаться малиновую райскую птичку. Она ведь должна принести мне ответ от Длинной Стрелы. Но она запаздывает. Надеюсь, с ней ничего не случилось.

— Может быть, нам пока позаботиться о корабле? — предложил я. — Райская птичка может объявиться здесь со дня на день, а нам столько всего нужно приготовить.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Доктор, — давай сходим к твоему приятелю Джо, продавцу моллюсков. Он-то уж точно в курсе насчет всяких судов.

— Я с вами, — попросил Джип.

— Отлично, пошли, — сказал Доктор. И мы все отправились к старику Джо.

У Джо действительно оказалось отличное судно, которое он недавно приобрел. Несмотря на то, что для управления им требовалось три человека, мы все равно решили на него взглянуть. Старик Джо провел нас вниз по реке и продемонстрировал отличное суденышко, какое только можно себе представить. Оно называлось «Кроншнеп». Джо был согласен продать его недорого. Однако у нас не хватало третьего члена команды.

— Я, разумеется, возьму с собой Чи-Чи, — рассуждал Доктор, — но хотя она очень быстра и ловка, сил у нее меньше, чем у человека. Нам действительно нужен кто-то третий.

— Я знаю хорошего матроса, Доктор, — предложил Джо, — он как раз нуждается в работе.

— Нет, благодарю, Джо, — ответил Доктор. — Настоящие матросы мне не нужны. У меня нет денег, чтобы им платить. И кроме того, они мне страшно мешают, когда я иду в плаванье. Они хотят, чтобы все делалось по правилам, а я люблю, чтобы люди слушались меня. Так кого же мы можем взять с собой?

— Может быть, Мэтью Магга? — предложил я.

— Нет, он не годится. Мэтью — отличный парень, но очень много болтает, и любит рассуждать о своем ревматизме. Когда собираешься в далекое путешествие, надо очень осторожно подбирать себе спутников.

— А как насчет Льюка-Отшельника? — подал я другую идею.

— Отличная мысль, просто превосходная, если, конечно, он согласится. Пойдем к нему сейчас же.

ГЛАВА 2

ЛЬЮК-ОТШЕЛЬНИК

Как я уже говорил, с Отшельником мы дружили давно. Человек он был весьма своеобразный. Жил в своей крошечной хижине на болотах совершенно один, если не считать пятнистого бульдога. Никто не знал, ни откуда Льюк родом, ни как его полное имя. Так все его и звали — Льюк-Отшельник. Он никогда не появлялся в городе, видимо, не хотел встречаться с людьми. Стоило кому-нибудь приблизиться к его хижине, как бульдог по кличке Боб прогонял незваного гостя прочь. Если спросить любого в Падлби, кто такой Льюк и почему он живет в полном одиночестве, вам ответят: «А, Льюк-Отшельник? С ним связана какая-то тайна. Никто ничего точно не знает, но тайна есть, уж как пить дать. Не подходите близко к его дому. Он натравит на вас пса».

Лишь мы с Доктором частенько наведывались в хижину на болоте. И бульдог Боб никогда не лаял, заслышав наши шаги. Потому что мы любили Льюка, а он любил нас.

В тот вечер мы с трудом шли по болотам, заслоняясь от сильного ветра, дувшего нам в лицо. Мы уже совсем близко подошли к хижине, как вдруг Джип заметил:

— Странно, однако!

— Что странно? — спросил Доктор.

— А то, что Боб не выбежал нас встречать. Он же должен был нас давно учуять. И что это за непонятный шум?

— Похоже, ворота скрипят, — ответил Доктор.

— А может быть, это дверь дома, отсюда не видно,

она ведь с другой стороны.

— Надеюсь, Боб здоров, — проговорил Джип и принялся лаем звать приятеля. Но ответом ему было лишь завывание ветра, всю гулявшего по просторам соляных болот.

Мы поспешили к дому и, завернув за угол хижины, обнаружили, что входная дверь открыта нараспашку и скрипит, качаясь на ветру. Заглянув внутрь, мы никого не обнаружили.

— Может быть, Льюк вышел прогуляться? — предположил я.

— Он всегда бывает дома, — сказал Доктор, как-то странно нахмурившись, — он бы не оставил дверь открытой настежь. Что-то здесь нечисто. Джип, что ты там делаешь?

— Да так, ничего особенного, — ответил пес, обнюхивая пол хижины.

— Джип, иди сюда, — строгим голосом велел Доктор, — ты что-то скрываешь от меня. Или ты видишь какие-то знаки... или о чем-то догадываешься. Что здесь произошло? Говори! Где Отшельник?

— Не знаю, — проговорил Джип как-то виновато, — я понятия не имею, где он.

— Нет, ты что-то знаешь. Я по глазам твоим вижу. В чем дело? — Джип молчал.

Доктор продолжал расспрашивать его еще минут десять, но пес так ничего и не ответил.

— Что ж, — в конце концов проговорил Доктор, — какой смысл стоять здесь на самом ветру. Отшельника нет. Вот и все. Можем идти домой обедать.

Мы застегнули пальто и отправились в обратную дорогу по болотам, а Джип бежал впереди и делал вид, что ищет водяных крыс.

— Ему что-то известно, — прошептал Доктор, — я думаю, он знает, что произошло. Странно, почему он не хочет мне рассказать. Такого с ним не

бывало за все одиннадцать лет, что я его знаю. Удивительно!

— Вы хотите сказать, что ему известна та самая тайна, о которой люди толкуют?

— Не удивлюсь, если и это тоже, — задумчиво произнес Доктор, — я обратил внимание на выражение его морды, когда выяснилось, что хижина стоит открытая нараспашку и в ней — ни души. И то, как Джип обнюхивал пол, показывает, что он нашел какие-то знаки, но мне почему-то ничего не говорит. Ну-ка, попробую еще раз. Эй, Джип, Джип! Где он? Ведь он бежал впереди.

— Точно, — подтвердил я, — еще минуту назад он был впереди. Я видел его совершенно отчетливо. Джип, Джип, ДЖИП!

Джипа и след простыл. Мы звали его изо всех сил, но пес не откликался. Вернулись к хижине, но Джипа не было и там.

— Скорее всего, он просто убежал домой. Джип ведь часто так делает, — сказал я, — вот придем домой, а он уже там.

Доктор поднял воротник пальто и, погрузившись в задумчивость, продолжал повторять: «Странно, крайне странно!»

ГЛАВА 3

ДЖИП И ТАЙНА ЛЬЮКА-ОТШЕЛЬНИКА

Мы пришли домой, и Доктор тут же спросил у Даб-Даб, вернулся ли Джип.

— Нет, — ответила та, — я его не видела.

— Как только он появится, дай мне, пожалуйста, знать, — попросил Доктор, вешая шляпу на вешалку.

— Разумеется, — ответила Даб-Даб, — мойте быстрее руки, обед давно на столе.

Не успели мы сесть за стол и приняться за еду, как у двери послышался сильный шум. Я побежал открывать. В дом влетел Джип.

— Доктор, — закричал он, — пойдемте скорее в библиотеку, у меня срочное сообщение. Нет, Даб-Даб, обед подождет. Пожалуйста, быстрее, Доктор. Нельзя терять ни минуты. Пусть никто из зверей не заходит, только вы и Томми.

— А теперь, — сказал пес, когда мы перешли в библиотеку и закрыли за собой дверь, — закройте дверь на ключ и проверьте, чтобы никто не подслушивал у окон.

— Все в порядке, — сказал Доктор, — нас никто не слышит. Так что случилось?

— Доктор, — начал Джип, с трудом переводя дыхание от быстрого бега, — мне давно была известна тайна Отшельника, но я не мог вам раскрыть ее.

— Почему же? — спросил Доктор.

— Потому что я дал слово. Мне поведал ее Боб, пес Льюка, и я поклялся, что никому не скажу.

— А сейчас хочешь рассказать?

— Да, — ответил Джип, — потому что надо

спасти Отшельника. Я пошел по следу Боба, когда оставил вас на болотах. Я нашел его и спросил: «Можно мне теперь рассказать Доктору тайну Отшельника? Может быть, он сможет помочь». И Боб ответил: «Да, хорошо, потому что...»

— Господи помилуй, — вскричал Доктор, — да говори же скорее, в чем дело, а не то, что ты сказал Бобу, а Боб ответил тебе. Что произошло? Где Отшельник?

— Он в падлбийской тюрьме, — ответил Джип.

— В тюрьме?

— Да.

— Почему? За что? Что он сделал?

Джип подошел к двери и потянул носом, чтобы проверить, не подслушивают ли нас. А затем, вернувшись к Доктору на цыпочках, прошептал:

— Он убил человека.

— Господи, сохрани и помилуй! — воскликнул Доктор, откинувшись на стуле и вытирая пот со лба. — Когда же это случилось?

— Пятнадцать лет назад, на золотых приисках в Мексике. После этого он сбрил бороду и старался держаться подальше от людей, жил на болотах, чтобы никто его не узнал. Но на прошлой неделе в городе появились эти новомодные полицейские. Они узнали, что на соляных болотах живет в полном одиночестве какой-то странный человек. Это показалось им подозрительным. Оказывается, полицейские все это время разыскивали человека, совершившего убийство на золотых приисках. Они пришли к Льюку в хижину, опознали его по родинке на руке и забрали в тюрьму.

— Ну и ну, — пробормотал Доктор, — кто бы мог подумать! Льюк-философ! Убил человека! Невероятно!

— К сожалению, это так, — ответил Джип. —

Льюк совершил убийство. Но не по своей вине. Так утверждает Боб. Он был там с Льюком и все видел, хотя он сам-то был еще совсем щенком. Боб говорит, что у Льюка не было другого выхода, так уж получилось...

— А где сейчас Боб? — спросил Доктор.

— Тоже в тюрьме. Я звал его к вам, но он с места не сойдет, пока Льюк там. Он сидит возле камеры и даже не двигается, и не ест, хотя его кормят. Пожалуйста, Доктор, пойдемте туда скорее, может быть, вы сможете чем-нибудь помочь! Суд состоится сегодня в два часа дня. А который сейчас час?

— Десять минут второго.

— Боб говорит, что Льюка казнят или продержат в тюрьме до конца жизни, если докажут его вину. Пойдемте, может, если вы поговорите с судьей и расскажете, какой Льюк прекрасный человек, они отпустят его.

— Разумеется, я пойду, — Доктор поднялся и направился к двери, — но боюсь, проку от этого будет мало. — Он задумался на минуту. — Впрочем, кто знает?! — С этими словами он открыл дверь и вышел на улицу. Мы с Джипом устремились за ним.

ГЛАВА 4

БОБ

Даб-Даб была крайне раздосадована, увидев, что мы уходим, не пообедав. Поэтому она заставила нас взять с собой хотя бы несколько холодных пирожков. Когда мы добрались до здания падлбийского суда, что располагался рядом с тюрьмой, там уже собралась огромная толпа.

Это была неделя суда — каждые три месяца в течение недели разбирались дела воришек, карманников и прочих мошенников. Для этого из Лондона приезжал важный судья, и все жители Падлби, кому в это время нечем было заняться, приходили на судебные слушания.

Но сегодняшний день был особенный. Пришло не просто несколько зевак, собралась огромная толпа. По округе моментально разнеслась весть, что Льюка-Отшельника будут судить за убийство и что его страшная тайна наконец раскроется. Мясники и булочники закрыли свои лавки и взяли выходной. Все горожане и окрестные крестьяне вырядились в свои воскресные платья и старались протиснуться в передние ряды зала суда или сплетничали на улице перед входом. Хай-стрит была просто запружена народом, и по ней едва можно было продвигаться. Никогда еще наш маленький городок не находился в таком возбуждении. В Падлби не было подобного разбирательства с 1799 года, когда некто Фердинанд Филиппс ограбил банк.

Без Доктора мне бы ни за что было не пробраться сквозь толпу. Я шел, практически держась за полы его пальто. Наконец мы проникли в здание тюрьмы.

— Мне нужно видеть Льюка, — заявил Доктор

очень важному человеку в голубом мундире с начищенными медными пуговицами, охранявшему вход.

— Обратитесь к суперинтенданту, — ответил тот, — третья дверь налево.

— С кем это вы говорили, Доктор? — спросил я, следуя за Доктором по коридору.

— С полицейским.

— А кто такие полицейские?

— Полицейские? Это стражи порядка. Они организовались совсем недавно. Это была идея сэра Роберта Пила. Поэтому их еще иногда называют «пилеры». В потрясающие времена мы живем. Постоянно изобретают что-нибудь новенькое. А вот и кабинет суперинтенданта.

Здесь к нам приставили другого полицейского, чтобы он провел нас к Льюку. Возле камеры мы увидели Боба. При виде нас он грустно завил хвостом. Сопровождавший нас полицейский достал из кармана связку ключей и отпер дверь.

Я никогда в жизни не был в тюремной камере и почувствовал неприятное волнение, когда полицейский запер за нами дверь. Мы очутились в маленькой тускло освещенной комнате. Полицейский предупредил нас, что, закончив беседу, мы должны постучать в дверь и он выпустит нас.

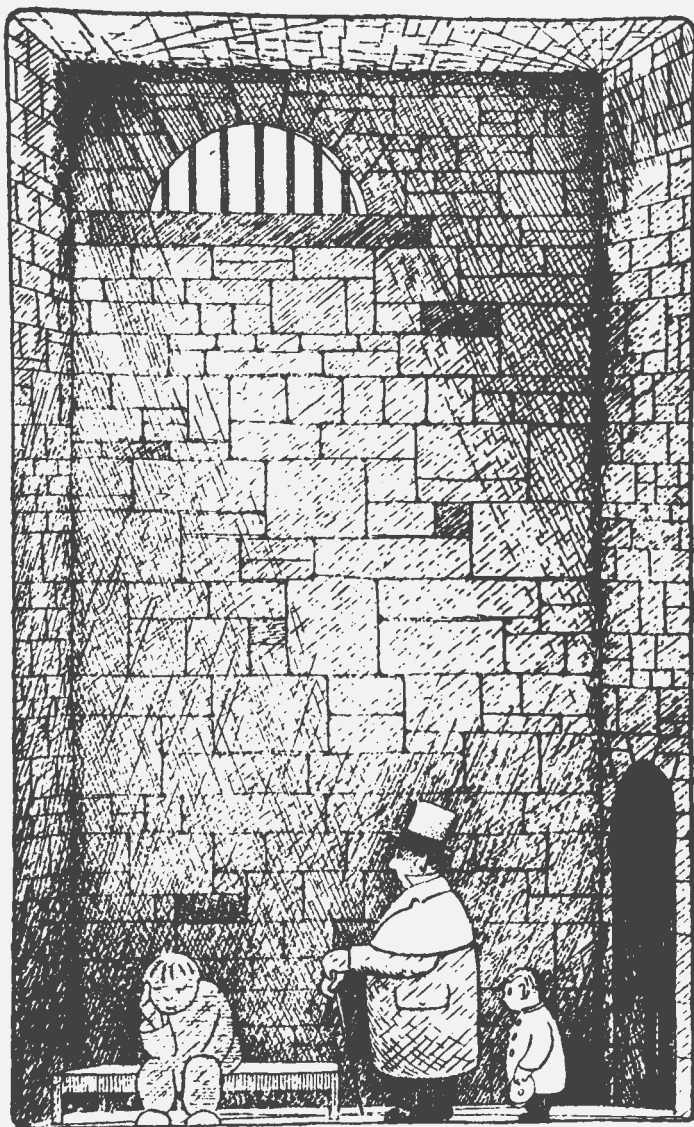
В камере было так темно, что поначалу мы практически ничего не видели. Но спустя какое-то время я уже мог разглядеть низкую кровать у стены под крошечным зарешеченным окном. На кровати, потупив глаза и обхватив голову руками, сидел Отшельник.

— Что, Льюк, — начал Доктор спокойным ободряющим голосом, — им тут для тебя света жалко?

Льюк медленно поднял голову.

— Здравствуйте, Доктор. Что вы здесь делаете?

— Пришел тебя проведать. Я бы давно уже был

На кровати сидел Отшельник.

здесь, да только несколько минут тому назад узнал, что ты попал сюда. Мы пришли к тебе узнать, не поедешь ли ты с нами в путешествие, но хижина твоя была пуста. Я очень огорчен, что у тебя такие неприятности. Могу ли я чем-нибудь тебе помочь?

Но Льюк отрицательно покачал головой.

— Да нет, никто мне не поможет. Они меня все-таки поймали. Видимо, это конец.

Он неуклюже поднялся и принялся ходить взад-вперед по камере.

— В каком-то смысле я даже рад, что все это закончилось, — говорил Льюк. — Уж сколько лет я не знал покоя; боялся слежки, старался ни с кем не общаться. Так или иначе они должны были напасть на мой след. Да, хорошо, что это случилось.

Доктор поговорил с Льюком больше получаса, стараясь ободрить его, а я сидел и думал, что надо говорить в такой момент. Но больше всего я мечтал найти какой-нибудь способ помочь бедняге.

Наконец Доктор сказал, что хочет поговорить с Бобом. Мы постучали, и полицейский выпустил нас из камеры.

— Боб, — обратился Доктор к бульдогу, — пойдем выйдем со мной на крыльцо, я хочу кое о чем тебя расспросить.

— Как он там, Доктор, — тревожно спрашивал верный пес, пока мы шли по коридору.

— Льюк в порядке. Он, конечно, переживает, но в целом — молодец. Скажи-ка мне, Боб, ты ведь был там, когда погиб тот человек, и видел, как все это произошло.

— Я был там, Доктор, — ответил Боб, — и точно говорю вам, что...

— Хорошо, — перебил его Доктор, — это пока все, что мне нужно. У нас мало времени, сейчас начнется суд. Вон судья, адвокат и прокурор под-

нимаются по ступенькам. Боб, ты должен пойти со мной в зал суда и делать то, что я тебе скажу. Понимаешь? Это очень важно. Смотри, не устраивай там никаких сцен и не бросайся на людей, что бы они ни говорили. Веди себя тихо и отвечай на мои вопросы, только говори правду. Понял?

— Хорошо. А вы думаете, вам удастся спасти его, Доктор? — спросил с надеждой Боб. — Льюк ведь хороший человек, Доктор, очень хороший. На свете нет никого лучше его.

— Посмотрим, Боб. Мы предпримем необычный шаг, и я не уверен, что судья согласится на это, но там будет видно. Пора идти в зал. Помни, что я тебе сказал, и ради всех святых веди себя спокойно, иначе все испортишь.

ГЛАВА 5

МЕНДОСА

Внутри здания суда все выглядело невероятно красиво и торжественно. В огромной зале с высокими потолками на возвышении находилась судейская кафедра, за которой уже расположился главный судья — представительный мужчина в огромном седом парике и черной мантии.

Ниже за длинным столом находились судьи, тоже в седых париках. Все вместе это напоминало нечто среднее между церковью и школой.

— Те двенадцать человек, что сидят на скамьях, как в хоре, — присяжные, — прошептал мне Доктор. — Именно они должны решить, виновен Льюк или нет.

— Посмотрите, Доктор, вот и сам Льюк, сидит за кафедрой, а по обе стороны от него полицейские. А напротив еще одна кафедра, только пустая.

— Это место, куда вызывают свидетелей, — объяснил Доктор. — Я пойду поговорю с кем-нибудь из судейских, а ты смотри, чтобы наши места не заняли. Боб останется с тобой. Присматривай за ним, лучше всего придерживай за ошейник. Я скоро вернусь.

С этими словами Доктор исчез в толпе, которая заполняла залу суда. Тут я увидел, что судья поднял маленький игрушечный молоточек и ударил по кафедре. Это, казалось, успокоило людей, они перестали шуметь и с уважением приготовились слушать. Затем встал какой-то человек в черной мантии и начал зачитывать бумагу, которую держал перед собой. Он бормотал себе под нос, словно читал молитву и не хотел, чтобы кто-нибудь понял,

на каком она языке. Мне все же удалось разобрать несколько слов:

— Бз-бз-бз-бз-бз... также известный под именем Льюк-Отшельник, бз-бз-бз-бз-бз... за убийство своего компаньона бз-бз-бз... известного также как Билл Синяя Борода в ночь на бз-бз... Мексике. Таким образом бз-бз... Ее Королевского Величества бз-бз-бз...

В этот момент я почувствовал, как кто-то дотронулся до моей руки. Обернувшись, я увидел Доктора и человека в белом парике.

— Стаббинс, это мистер Перси Дженкинс, — сказал Доктор. — Он адвокат Льюка. В его задачу входит спасти беднягу, если, конечно, найдется хоть малейшая возможность.

Мистер Дженкинс оказался молодым человеком с круглым гладким почти мальчишеским лицом.

Он пожал мне руку и сразу же повернулся к Доктору, продолжая начатый разговор:

— Это блестящая идея, Доктор, — взволнованно говорил Дженкинс, — вызвать пса в качестве свидетеля. Ведь он единственный, кто видел, как все произошло. Я так рад, что вы пришли! Вот уж ни за что не хотел бы пропустить это потрясающее зрелище! Боже мой! Наш замшелый суд прямо-таки подскочит! Они такие нудные, эти судейские старцы. Но тут уж дело завернется. Бульдог — свидетель защиты! Надеюсь, и в репортерах недостатка не будет. Вот один уже делает зарисовки с заключенного. Да я прославлюсь после этого дела! А уж Конки будет в полном восторге!

Он прикрыл рот рукой, чтобы не засмеяться, но его глаза так и сверкали озорством.

— А кто такой Конки? — поинтересовался я у Доктора.

— Тсс, это он так называет главного судью,

достопочтенного Юстаса Бокама Конкли, — пояснил тот.

— А теперь, Доктор, — продолжал Дженкинс, доставая свою записную книжку, — расскажите мне немного о себе. Вы получили степень доктора медицины в Дархэме, так вы, кажется, сказали. А как называлась ваша последняя книга?

Больше ничего мне не было слышно, поскольку они разговаривали шепотом, и поэтому я стал наблюдать за тем, что происходило в зале суда.

Конечно же, я не мог понять всего, что видел, но мне было невероятно интересно. Люди один за другим выходили на то место, куда, по словам Доктора, вызывали свидетелей, а судьи за длинным столом задавали им вопросы о том, что произошло «ночью двадцать девятого». Один из судейских (Доктор объяснил мне, что это прокурор), казалось, изо всех сил старался навредить Отшельнику, задавая такие вопросы, из которых следовало, что Льюк плохой человек. Этот прокурор с длинным носом был страшно противный.

Я с трудом мог оторвать взгляд от бедняги Льюка, сидевшего между двумя полицейскими, опустив глаза, как будто все происходящее не имело к нему отношения. Он, казалось, оживился лишь однажды, когда на свидетельском месте появился маленький смуглый человек со злыми слезящимися глазками. Я слышал, как зарычал Боб, сидевший у меня под креслом, когда этот человек появился на свидетельском месте, и видел, как сверкнули гневом и презрением глаза Льюка.

Человек сказал, что его зовут Мендоса и что это он привел полицию на место преступления, когда был убит Синяя Борода. Я слышал, как Боб бормочет себе под нос:

— Ложь, ложь, чистая ложь! Я ему морду раздери! Ложь!

Мы с Доктором с трудом сдерживали его под креслом. Вдруг я заметил, что Дженкинс куда-то исчез. Затем он внезапно появился у большого стола и обратился к судье.

— Ваша честь, я хочу представить вам нового свидетеля защиты, Доктора Джона Дулитла, натуралиста. Не пройдете ли вы на место для свидетелей, Доктор?

В переполненном зале раздался возбужденный гул, и я заметил, как противный прокурор с длинным носом наклонился к какому-то своему приятелю и, мерзко ухмыляясь, что-то зашептал ему на ухо. Мне так и захотелось его ущипнуть.

Дженкинс начал задавать Доктору уйму разных вопросов, и Доктор отвечал на них громким голосом, чтобы его могли слышать все. Под конец Дженкинс спросил:

— Доктор Дулитл, готовы ли вы присягнуть, что действительно понимаете язык собак и можете с ними общаться?

— Да, — ответил Доктор, — готов.

— Могу ли я поинтересоваться, какое все это имеет отношение к убийству Синей Бороды? — тихим, исполненным достоинства голосом произнес главный судья.

— Самое прямое, ваша честь, — важно ответил Дженкинс. — В этом зале присутствует бульдог, который является единственным живым свидетелем убийства. Если суд не возражает, я предлагаю вызвать пса для дачи свидетельских показаний, и допросить его с помощью этого выдающегося ученого, Доктора Джона Дулитла.

ГЛАВА 6

СОБАКА СУДЬИ

В зале суда воцарилась мертвая тишина. Затем раздались хихиканье и шепот, пока наконец весь зал не загудел, как пчелиный улей. Многие были просто шокированы, но большинство людей веселились на славу. Вдруг вскочил с места противный прокурор с длинным носом.

— Я протестую, ваша честь, — громко завопил он, размахивая руками. — Я возражаю! Под угрозой честь высокого суда. Я категорически возражаю.

— О чести суда позвольте побеспокоиться мне, — спокойно ответил судья.

Затем со своего места вновь поднялся Дженкинс. Все это здорово напоминало уличные представления Панча и Джуди — постоянно кто-то то садился, то вскакивал.

Дженкинс обратился к судье:

— Ваша честь, надеюсь, вы не будете возражать, чтобы Доктор продемонстрировал свои возможности, и все бы убедились, что он действительно понимает язык зверей.

Мне показалось, что в глазах судьи мелькнул озорной огонек.

— Нет, — сказал он после некоторой паузы, а затем, повернувшись к Доктору, спросил: — А вы уверены, что понимаете язык зверей?

— Абсолютно, ваша честь, — ответил Доктор, — в этом нет никаких сомнений.

— Хорошо, — продолжал судья, — в таком случае, если вы сумеете убедить нас, что разбираетесь в показаниях собаки, мы допустим бульдога в качестве свидетеля. Но предупреждаю вас, если вы

посмеетесь над судом, вас ждет суровое наказание.

— Я протестую, протестую, — вновь завопил длинноносый прокурор, — это скандал, это издевательство над законом.

— Сядьте, — строго приказал ему судья.

— С какой собакой ваша честь желает, чтобы я побеседовал? — спросил Доктор.

— Поговорите с моим собственным псом, — ответил судья, — он в раздевалке. Его сейчас приведут, и тогда мы увидим, на что вы способны.

Привели собаку судьи, роскошную русскую овчарку со стройными ногами и косматой шерстью. Это было гордое и красивое животное.

— Итак, Доктор, — сказал судья, — вы видели этого пса когда-нибудь раньше? И помните, вас привели к присяге и вы даете свидетельские показания.

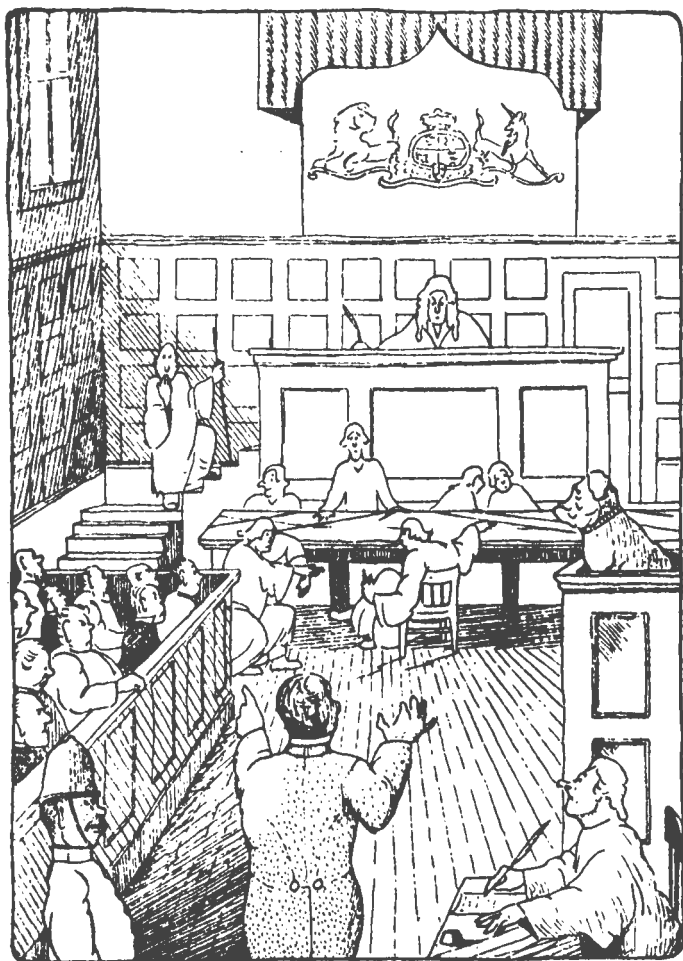
— Я никогда прежде не видел этого пса, ваша честь.

— Очень хорошо. Тогда спросите его, что я ел вчера на ужин. Он был со мной и наблюдал, как я ел.

Доктор довольно долго беседовал с собакой, объясняясь при помощи звуков и знаков. Доктор даже начал хихикать и был так поглощен разговором, что, казалось, забыл и про суд, и про все на свете.

— Как долго! — услышал я недовольный шепот сидевшей впереди меня полной дамы. — Он только делает вид, что разговаривает с собакой. Конечно же, он ничего не понимает. Где это слыхано, чтобы человек разговаривал с псом! Он что, за детей насчитает?

— Вы еще не закончили? — спросил Доктора судья. — Разве нужно так много времени, чтобы узнать, что я ел на ужин?

*Я усадил старого бульдога на высокий
стул за кафедрой.*

— Нет, ваша честь, — ответил Доктор, — недавно сообщил мне это, но потом он стал рассказывать, что вы делали после ужина.

— Это к делу не относится, — заметил судья, — скажите, что он ответил на ваш вопрос?

— Он говорит, что вы съели баранью отбивную, две печеных картофелины, маринованный грецкий орех и выпили кружку пива.

Достопочтенный Юстас Бокам Конкли побелел как снег.

— Да это просто колдовство, — пробормотал он, — этого представить себе невозможно!

— А после ужина, — продолжал Доктор, — вы отправились смотреть состязания по борьбе, после чего играли в карты на деньги до двенадцати часов ночи и, возвращаясь домой, распевали песенку.

— Достаточно, — прервал Доктора судья, — я убедился, что вы способны делать то, о чем заявили. Собака осужденного должна быть допрошена в качестве свидетеля.

— Я протестую, — вопил прокурор.

— Сядьте, — рявкнул судья, — я сказал, что собаку надо допросить. И точка. Пусть свидетель займет свое место.

И тут впервые в славной истории Англии собака была вызвана в качестве свидетеля в суде Ее Королевского Величества. И не кто иной, как я, Томми Стаббинс, по знаку Доктора гордо повел Боба по проходу мимо потрясенных зрителей, мимо взбешенного длинноносого прокурора и усадил его на высокий стул за кафедрой, откуда старый бульдог хмуро взирал на раскрывших от удивления рты присяжных.

ГЛАВА 7

ТАЙНА РАСКРЫВАЕТСЯ

После этого события в суде стали разворачиваться значительно быстрее. Дженкинс спросил Боба, что тот видел «ночью 29-го», и когда бульдог рассказал все, что ему было известно, Доктор перевел его слова для собравшихся. Вот его рассказ.

— В ночь на 29 ноября 1824 года я был с моим хозяином, Льюком Фитцджером (также известным как Льюк-Отшельник), и его двумя компаньонами — Мануэлем Мендосой и Уильямом Боггсом (также известным как Синяя Борода) на золотом прииске в Мексике. Они уже долгое время искали золото и выкопали в земле глубокую яму. Утром 28 ноября они наконец дошли до больших залежей драгоценного металла. Все трое, мой хозяин и его компаньоны, страшно радовались, потому что теперь они разбогатели. Затем Мануэль Мендоса повел Синюю Бороду прогуляться. Я всегда подозревал, что эти двое — плохие люди. Поэтому, когда я увидел, что они ушли вдвоем, я тайком последовал за ними, чтобы узнать, что они задумали. Они забрались в глубокую пещеру в горах, но я подслушал, что они собираются убить Льюка-Отшельника и завладеть его долей золота.

В этом месте судья спросил:

— А где свидетель Мендоса? Констебль, позаботьтесь, чтобы он не покинул зала суда.

Но злобный человечек со слезящимися глазами уже выскользнул из зала, пока никто не обращал на него внимания. С тех пор его никто и никогда больше в Паддби не видел.

— Я поспешил к хозяину, — продолжал рассказывать Боб, — и изо всех сил пытался объяснить

ему, что его компаньоны злые и коварные люди. Но мои попытки были тщетны, хозяин не понимает языка собак. Тогда я решил, что буду рядом с ним и днем, и ночью, чтобы уберечь его от опасности.

Выкопанная яма была настолько глубока, что опуститься на ее дно можно было только при помощи веревки, к концу которой привязывалось ведро. Один из золотоискателей находился в ведре, в то время как другой медленно тянул веревку. Золото поднимали в этом же самом ведре. И вот часов в семь вечера мой хозяин стоял на краю ямы и поднимал Синюю Бороду. Он уже наполовину вытянул Билла, когда из хижины, где мы все жили, появился Мендоса. Он считал, что Билл ушел в бакалейную лавку. Увидев, что Льюк тащит туго натянутую веревку, он решил, что тот вынимает ведро с золотом. Мендоса достал из кармана пистолет и тихо подкрался к Льюку.

Я залаял изо всех сил, чтобы предупредить хозяина об опасности, но он тянул тяжелого и толстого Билла и совершенно не обращал на меня внимания. Я понял, что если не приму срочных мер, Мендоса его застрелит. И тогда я совершил то, о чем и подумать страшно, — я укусил хозяина за ногу. От неожиданной боли Льюк резко обернулся и отпустил веревку. Билл полетел вниз и разбился насмерть.

Хозяин накинудся на меня, стал ругать на чем свет стоит, а Мендоса тем временем тихонько спрятал пистолет, подошел к нам с отвратительной улыбкой на лице и заглянул в яму.

— Боже мой! — сказал он Льюку. — Ты убил Синюю Бороду. Я обязан заявить в полицию.

Мендоса надеялся, что Льюка посадят в тюрьму, а все золото теперь будет принадлежать ему. Он вскочил в седло и ускакал прочь.

Мой хозяин понимал, что Мендоса убедит по-

лицию, будто он убил Синюю Бороду преднамеренно. Поэтому, пока Мендоса не вернулся, мы тайком уехали и перебрались в Англию. Здесь хозяин сбрил бороду и стал жить отшельником. С тех самых пор он и прячется. Так прошло уже пятнадцать лет. Вот и все, что я могу сказать. Клянусь, что все это правда, все, от первого до последнего слова.

Когда Доктор закончил рассказ Боба, присяжные пришли в неопишное волнение. Один из них, глубокий старик, расплакался от жалости к бедняге, который был вынужден скрываться на болотах пятнадцать лет, страдая из-за того, в чем был невиновен. И остальные также сочувственно качали головами и перешептывались.

Тут опять вскочил со своего места противный прокурор, сильнее прежнего размахивавший руками.

— Ваша честь, — кричал он, — я возражаю против этих показаний! Собака никогда не скажет правду, если это может навредить хозяину. Я возражаю! Я протестую!

— Хорошо, — сказал судья, — вы можете провести перекрестный допрос. Ваш долг прокурора опровергнуть показания. Вот пес, допросите его, если не верите тому, что он рассказал.

Мне показалось, что у прокурора будет припадок. Он посмотрел сперва на собаку, потом на Доктора, затем на судью, потом опять на собаку, хмуро взиравшую на него, открыл было рот, чтобы что-то произнести, но слов никаких не последовало, он только махал руками и становился все краснее. В конце концов прокурор схватился рукой за лоб и тихо опустился в кресло. Двое помощников, поддерживая прокурора под руки, почти выносили его из зала, а он все бормотал: «Я протестую! Я протестую!»

ГЛАВА 8

ТРИЖДЫ УРА

Затем судья произнес длинную речь перед присяжными, после чего присяжные поднялись и вышли в соседнюю комнату. В этот момент Доктор вернулся на свое место рядом со мной, ведя на поводке Боба.

— Зачем ушли присяжные? — спросил я.

— Они всегда уходят в конце слушания, чтобы решить, виновен ли подсудимый.

— А вы с Бобом не могли пойти с ними, чтобы помочь им принять правильное решение?

— Нет, это не разрешается. Они должны обсудить все без посторонних. Иногда на это уходит... Господи, помилуй, они уже возвращаются. Недолго же они совещались.

В зале воцарилась тишина, присяжные заняли свои места, и один из них, человек маленького роста, встал и повернулся к судье. Все затаили дыхание, в особенности мы с Доктором. Можно было бы услышать даже звук падающей на пол булавки, несмотря на то, что почти весь Падлби сидел в зале суда, вытянув шею и напрягая до изнеможения слух, чтобы расслышать эти чрезвычайно важные слова.

— Ваша честь, — произнес маленький человек, — решение присяжных: НЕВИНОВЕН.

— Что это значит? — повернулся я к Доктору.

И тут я увидел, что Доктор Джон Дулитл, известный натуралист, вскочив на скамью, прыгает на одной ножке, как школьник.

— Это значит, что он свободен! — кричал Доктор, — Льюк свободен.

— И он отправится с нами в путешествие, правда?

Но я не расслышал его ответа, потому что все присутствующие прыгали на скамьях от радости, как и Доктор. Люди словно сошли с ума — хохотали, размахивали руками, выкрикивали имя Льюка, безумно радуясь, что он свободен. Шум стоял оглушительный.

Потом все мало-помалу успокоились. Стало тихо: все почтительно ожидали, пока судья не покинет зал заседаний. Суд над Льюком-Отшельником, этот нашумевший процесс, о котором до сих пор вспоминают в Падлби, был завершен.

В наступившей тишине вдруг раздался истошный крик: в проходе стояла женщина, протягивающая руки навстречу Отшельнику.

— Льюк! — кричала она. — Наконец я нашла тебя!

— Это его жена, — прошептала толстуха впереди меня. — Бедняжка, она не видела мужа пятнадцать лет. Как прекрасно, что они снова вместе! Ах, как я рада, что пришла сюда, ни за что на свете не хотела бы пропустить это потрясающее зрелище.

Не успел судья выйти из зала, как все снова зашумели. Теперь люди окружили Льюка и его жену, поздравляли их, трясли за руки, радовались и смеялись от души.

— Пошли, Стаббинс, — сказал Доктор, беря меня за руку, — давай выбираться отсюда, пока это возможно.

— А разве вы не поговорите с Льюком? — удивился я. — Не пригласите его ехать с нами?

— Это бесполезно, — сказал Доктор, — за ним приехала жена. Ни один человек не отправится в путешествие после пятнадцатилетней разлуки с женой. Пошли. Вернемся домой хотя бы к чаю. Ведь мы даже не пообедали, если помнишь. А мы и

впрямь заслужили обед. Ладно, поедим для разнообразия бутерброды с ветчиной. Пошли скорее.

Мы уже подходили к боковому выходу, как я услышал, что толпа кричит:

— Доктор! Доктор! Где же Доктор? Если бы не Доктор, Отшельника бы повесили. Пусть Доктор скажет речь! Доктор, скажите речь!

К нам подбежал человек и сказал:

— Люди требуют вас, сэр.

— Прошу прощения, — извинился Доктор, — я страшно занят.

— Но толпе невозможно отказать, сэр, — заявил человек, — они хотят, чтобы вы произнесли речь на рыночной площади.

— Извинитесь от моего имени, — ответил Доктор, — и передайте им мои наилучшие пожелания. У меня назначена срочная встреча дома и я никак не могу опоздать. Пусть Льюк скажет речь. Стаббинс, пошли скорее.

— Господи помилуй, — пробормотал Доктор, когда мы, выбравшись наконец на улицу, наткнулись на другую толпу, поджидавшую нас у бокового выхода.

— Поворачивай-ка, побежим через левый проход!

Мы припустили бегом и, петляя переулками, сумели скрыться от страждущей толпы. Нам удалось слегка перевести дух, только когда мы оказались на Оксенторп-роуд. Но даже подходя к калитке сада, мы слышали отдаленный гул голосов.

— Они все еще требуют вас, — сказал я. — Слышите?

На расстоянии не менее чем в полторы мили мы совершенно отчетливо могли расслышать слова: «Да здравствует Льюк-Отшельник! Ура! Да здравствует его верный пес! Ура! Да здравствует жена Льюка! Ура! Да здравствует Доктор! Трижды ура!»

ГЛАВА 9

МАЛИНОВАЯ РАЙСКАЯ ПТИЧКА

Полинезия поджидала нас на крыльце. По всему было видно, что у нее важные новости.

— Доктор, — воскликнула она, увидев нас, — прилетела малиновая райская птичка.

— Наконец-то! — обрадовался Доктор. — А я уже начал опасаться, не случилось ли с ней беды. И как она, наша Миранда?

По тому, с каким волнением Доктор пытался попасть ключом в замочную скважину, я уже понял, что нам будет явно не до чая.

— Устала с дороги, разумеется, а так вполне сносно, — ответила Полинезия. — Но что бы вы думали? Этот бедокур Чипсайд накинудся на нее и начал оскорблять, едва она появилась в саду. Когда я подлетела, бедняжка уже была вся в слезах и собиралась улететь обратно в Бразилию. Чего мне стоило уговорить ее подождать вашего прихода! Она сейчас в кабинете. А Чипсайда я заперла в книжном шкафу и предупредила, что расскажу обо всем вам.

Доктор нахмурился и, ничего не говоря, быстро прошел в кабинет.

Здесь уже были зажжены свечи, поскольку на улице смеркалось. Даб-Даб несла караульную службу возле книжного шкафа, где томился в заточении Чипсайд. Нахальный воробей возмущенно размахивал крыльями за стеклами шкафа. В центре комнаты посередине большого стола на чернильнице сидела самая красивая птичка, какую только можно себе представить. У нее была фиолетовая грудка, малиновые крылышки и длинный золотой

*Посередине стола сидела самая красивая птичка,
какую только можно себе представить.*

хвост. Миранда была потрясающе хороша собой, хотя выглядела очень усталой. Она спрятала голову под крыло и мерно покачивалась. Было видно, что она летела издалека.

— Тсс, — прошептала Даб-Даб, — Миранда заснула. Этот нахал Чипсайд сидит в шкафу. Послушайте, Доктор, отошлите воробья подальше, пока он не натворил больших бед. Он самый настоящий наглец. Чего нам стоило уговорить Миранду остаться! Мне подать чай прямо сюда, или вы придете на кухню?

— Мы пойдем на кухню, Даб-Даб, — ответил Доктор, — но прежде выпусти, пожалуйста, Чипсайда.

Даб-Даб отворила дверцы шкафа, и Чипсайд выпорхнул оттуда, всем своим видом показывая, что он абсолютно ни в чем не виноват.

— Чипсайд, — обратился к нему Доктор, — что ты сказал Миранде?

— Да ничего я ей не говорил, Док, честно, ну, то есть ничего особенного. Я клевал крошки на гравийной дорожке, когда она заявила и стала всюду совать свой клюв, будто она тут хозяйка, и все только потому, что у нее разноцветные перышки. Лондонские воробьи ничуть не хуже! Не люблю я этих расфуфыренных иностранцев. И что им дома не живется?

— Но что ты сказал Миранде, почему она обиделась?

— Да всего-то и сказал, что ей место не в английском саду, а в шляпном магазине.

— Тебе должно быть стыдно, Чипсайд. Неужели ты не понимаешь, что птичка проделала тысячи миль, чтобы повидаться со мной. И что ее встречает здесь? Твой грубый язык! Чего же ты добивался, хотел бы я знать? Если бы она улетела, не дождав-

шись меня, я бы никогда тебе этого не простил. Оставь, пожалуйста, помещение.

Пристыженно, но стараясь делать вид, что ему все нипочем, Чипсайд выпрыгнул в коридор, и Даб-Даб закрыла за ним дверь.

А Доктор подошел к прекрасной птице, сидевшей на чернильнице, и нежно погладил ее по спинке. И тут из-под крылышка показалась ее прекрасная головка.

ГЛАВА 10

ДЛИННАЯ СТРЕЛА, СЫН ЗОЛОТОЙ СТРЕЛЫ

— **М**илая Миранда, — заговорил Доктор, — мне очень неприятно то, что здесь произошло, но ты не должна обращать внимания на Чипсайда. Что с него возьмешь — городская птица, всю свою жизнь базарит с такими же, как он, за крошку хлеба. Не стоит обращать на него внимания.

Миранда расправила свои роскошные крылья. Теперь, когда она проснулась и начала двигаться, я заметил, какие у нее изящные и изысканные манеры. В глазах ее стояли слезы, а клювик дрожал.

— Я бы и не обратила на это внимания, — ответила она высоким серебристым голосом, — если бы не была еще живой. Да еще... — голосок ее оборвался.

— Тебе нелегко пришлось по пути сюда? — участливо спросил Доктор.

— Самый тяжелый перелет в моей жизни, — ответила Миранда. — Погода... да ладно, чего уж говорить. Я ведь все-таки долетела.

— Скажи мне, — голос Доктора выдавал его страшное нетерпение, — что ответил Длинная Стрела на мое послание?

Тут малиновая райская птичка и вовсе повесила голову.

— Это-то и есть самое страшное, — ответила она. — Я не смогла передать ему ваше письмо. Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы, исчез! Мне не удалось его отыскать.

— Как это исчез? — воскликнул Доктор. — Что же с ним произошло?

— Это никому не известно, — ответила Миранда, — он и прежде частенько исчезал, как я вам рас-

сказывала, и индейцы никогда не знали, где он. Но от птиц спрятаться не так-то просто. Мне всегда удавалось отыскать какую-нибудь сову или ласточку, которая могла точно сказать, где он. Но на этот раз он, похоже, исчез без следа. Вот почему я опоздала к вам почти на две недели. Я искала его повсюду, расспрашивала кого только могла. Я пролетела по всей Южной Америке, но нигде ни одна живая душа не знает, где Длинная Стрела.

В комнате воцарилась грустная тишина. Доктор нахмурился, а Полинезия почесывала голову.

— А черных попугаев ты расспрашивала? — спросила она. — Они обычно в курсе всех дел.

— Разумеется, — ответила Миранда, — и я была так огорчена, что мне не удалось найти Длинную Стрелу, что совершенно выпустила из внимания изменение погоды. Я не остановилась, как обычно, на Азорах, а полетела, чтобы сократить путь, прямо на Гибралтар, словно на дворе июнь или июль, и, конечно же, попала в страшную бурю на Атлантике. Я уже думала, что погибну, но мне повезло — в воде плавали обломки разбившегося корабля. Непогода стала стихать, я опустилась на один из этих обломков и сумела немного поспать. Если бы не передышка, вам бы не услышать об этих приключениях.

— Бедная Миранда! Что тебе пришлось пережить! — сокрушенно воскликнул Доктор. — Но скажи, удалось ли тебе выяснить, где Длинную Стрелу видели в последний раз?

— Да. Один альбатрос сказал мне, что видел его на острове Паукообразных Обезьян.

— Остров Паукообразных Обезьян? Это где-то у берегов Бразилии?

— Именно так. Конечно, я сразу же отправилась туда и расспросила каждую птицу на острове (а это очень большой остров, сотни миль пути). Длинная

Стрела, видимо, навещал там какое-то племя индейцев, и последний раз его видели, когда он направлялся в горы за каким-то редким лечебным растением. Мне это рассказал ручной сокол, с которым вождь племени охотится на куропаток. Меня там тоже чуть было не посадили в клетку. Иметь красивое оперенье опасно для жизни. Стоит только приблизиться к человеку, как, не успев произнести: «Ах, какая красота!», он выпускает в тебя стрелу или пулю. Из всех людей на свете я могу доверять только вам и Длинной Стреле.

— И что, так никто и не знает, вернулся ли он с гор?

— Нет. Больше его нигде не видели. Я расспрашивала птиц, что обитают на побережье, не уехал ли он с острова на каноэ. Но никто из них ничего не знал.

— Ты думаешь, с ним случилась беда? — тревожно спросил Доктор.

— Боюсь, что да, — кивнула головой прекрасная Миранда.

— Что ж, — медленно произнес Доктор Дулитл, — если мне никогда не доведется встретить Длинную Стрелу, это будет большой неудачей в моей жизни. Но не только в моей, это будет потерей для всего человечества, ибо, судя по тому, что ты мне рассказала, это — величайший натуралист всех времен и народов. Он знает больше всех на свете. Если Длинная Стрела ушел из жизни, и никто не успел описать его знания и опыт, чтобы использовать их на благо людей, то это просто ужасно! Но ведь ты не думаешь, что его нет в живых?

— А что еще мне остается думать, если вот уже целых полгода ни одна живая душа не знает, где он и что с ним! — воскликнула Миранда и разразилась горькими слезами.

ГЛАВА 11

ПУТЕШЕСТВИЕ НАУГАД

Рассказ малиновой райской птички поверг всех в невероятное уныние. Доктор пил чай с отсутствующим видом и был заметно удручен. Время от времени он переставал есть и неподвижно смотрел на какое-нибудь пятнышко на скатерти, мысли его витали далеко-далеко. Даб-Даб, озабоченная тем, чтобы Доктор наконец поел, начинала нарочито кашлять или стучать лапкой по раковине.

Я изо всех сил старался подбодрить Доктора, вспоминая, как он помог Льюку и его жене. Но это не возымело никакого действия, и тогда я принялся рассуждать о нашем предстоящем путешествии.

— Видишь ли, Стаббинс, — задумчиво произнес Доктор, когда мы встали из-за стола, и Даб-Даб с Чи-Чи принялись убирать посуду, — честно говоря, теперь я и не знаю, куда ехать. Я собирался предпринять это путешествие, чтобы встретиться с Длинной Стрелой. Я надеялся, что он поможет мне выучить язык моллюсков и, быть может, каким-нибудь образом добраться до дна моря. Но он пропал! И его знания исчезли вместе с ним!

И Доктор вновь погрузился в задумчивость.

— Только подумать! — сокрушенно бормотал он. — Длинная Стрела и я — двое ученых, живущих в разных концах света... нам никогда не доводилось встречаться, но у меня всегда было такое чувство, будто я отлично знаю его. Ведь мы оба делали одно дело. И вот его нет! Нас разделял целый мир, и только одна маленькая птичка знала нас обоих!

Мы вернулись в кабинет, Джип принес Доктору его тапочки и трубку. После того, как трубка была

раскурена и дым начал медленно наполнять комнату, Доктор заметно повеселел.

— Но мы все равно поедem в путешествие, даже если не сможем найти Длинную Стрелу, ведь правда, Доктор? — волновался я.

Доктор Дулитл внимательно посмотрел на меня и вдруг, улыбнувшись своей доброй мальчишеской улыбкой, сказал:

— Конечно, поедem, Стаббинс. Не волнуйся. Мы не должны прекращать работу и учебу, даже если Длинная Стрела исчез, только куда мы поедem — вот вопрос!

На свете было столько мест, о которых я мечтал, что, конечно же, я не мог ответить сразу. Пока я размышлял, Доктор выпрямился в своем кресле и сказал:

— Я знаю, как мы поступим, Стаббинс. Эту игру я придумал, когда был совсем молодым, еще до того, как ко мне переехала жить Сара. Я называл ее «путешествием наугад». Когда мне хотелось куда-нибудь поехать, и я не мог решить, в какую сторону держать путь, я не глядя открывал географический атлас и опускал карандаш на первую попавшуюся страницу. Потом открывал глаза и смотрел, куда он показывает. Путешествие наугад — страшно увлекательная игра. Но ты должен дать себе клятву непременно отправиться туда, куда указывает карандаш. Ну так что, сыграем?

— Да, да, конечно! — почти выкрикнул я. — Как это здорово! Пусть это будет Китай, нет, Борнео, нет, лучше Багдад!

Я тут же подскочил к книжному шкафу и, сняв с верхней полки огромный географический атлас, положил его на стол перед Доктором.

Я знал в нем каждую страницу наизусть. Сколько дней и ночей я просиживал за его пожелтевшими

картами, прослеживая течение рек, исследуя положение гор и морей, представляя себе, как могут выглядеть маленькие города и насколько широки разбросанные по карте озера. Сколько радостных часов провел я над этим атласом, мысленно совершая увлекательнейшие путешествия по всему миру. Я и сейчас вижу его перед собой: на первой странице карты нет, здесь лишь сказано, что атлас выпущен в Эдинбурге в 1808 году и еще много всего о самом атласе. На следующей странице — карта солнечной системы. Здесь и солнце, и планеты, и звезды, и луна. Третья страница представляет карты Северного и Южного полюсов, потом идут полушария, океаны, континенты и страны.

Пока Доктор оттачивал карандаш, мне в голову пришла одна мысль:

— А что, если карандаш укажет на Северный полюс, — спросил я, — мы туда тоже отправимся?

— Нет, правила предусматривают, что если ты уже был однажды в каком-то месте, второй раз туда ехать необязательно. Делаешь другую попытку. Я был на Северном полюсе, — добавил он, — так что мы туда не поедem.

От удивления я едва не лишился дара речи.

— Вы были на Северном полюсе? — наконец-то вымолвил я. — Но ведь его еще не открыли. На карте обозначены все места, куда удавалось добраться исследователям, которые пытались достичь Северного полюса. Почему же вашего имени там нет?

— Я обещал держать это в секрете. И ты тоже, пожалуйста, никому об этом не рассказывай. Да, я открыл Северный полюс в апреле 1809 года, но ко мне обратились несколько полярных медведей, сказав, что под снегом есть большие залежи каменного угля. «Люди пойдут на что угодно, лишь бы до-

браться до этих залежей», — волновались они и попросили никому об этом не рассказывать. Ведь если люди придут на Север и построят угольные шахты, эта прекрасная белая страна будет уничтожена навсегда, а ведь на свете нету больше мест, где бы полярные медведи чувствовали себя так привольно. Конечно же, я дал им слово держать все это в секрете. Но рано или поздно Северный полюс все равно кто-нибудь откроет. Мне только хочется, чтобы у белых медведей подольше оставалось место для вольготной жизни. Я надеюсь, что это продлится еще некоторое время, поскольку климат в тех местах просто дьявольский. Ну как, мы готовы? Отлично. Бери карандаш и встань поближе к столу. Когда книга раскроется, очерти в воздухе три раза круг и опусти карандаш на страницу. Готов? Хорошо. Закрывай глаза.

Момент был напряженный, немного страшноватый, но очень волнующий. Мы оба крепко закрыли глаза. Я услышал, как атлас с шумом раскрылся. Я старался представить себе, что это за страница — Африка или, например, Азия. Трижды очертив в воздухе круг, я начал опускать карандаш. Наконец он коснулся страницы.

— Порядок, — сказал я, — дело сделано.

ГЛАВА 12

СУДЬБА И ДОРОГА

Мы оба разом открыли глаза и столкнулись лбами. Так стремительно мы наклонились над картой, желая быстрее узнать, куда лежит наш путь.

Атлас был раскрыт на карте Южной Атлантики. Мой карандаш опустился на самую ее середину, и его кончик указывал на крошечный остров. Название острова было напечатано такими мелкими буквами, что Доктору пришлось надеть сильные очки, чтобы прочитать его. Я весь дрожал от волнения.

— Остров Паукообразных Обезьян, — медленно произнес Доктор и присвистнул. — Вот это потрясающе! Как раз то место, где в последний раз видели Длинную Стрелу, интересно... в этом есть что-то символическое.

— Мы поедем туда, Доктор, ведь правда! — волновался я.

— Ну, разумеется. Согласно правилам игры мы обязаны это сделать.

— Как здорово, что это не Оксенторп или Бристоль, — радовался я, — нам предстоит настоящее морское путешествие. Только взгляните, сколько морей нам предстоит пройти. А много времени на это понадобится?

— Не очень, — ответил Доктор, — на хорошем судне и при попутном ветре одолеем недели за четыре. Но не поразительно ли это? Из всех возможных мест на земном шаре ты с закрытыми глазами попал именно на это. Остров Паукообразных Обезьян! Ну что ж, по крайней мере, я смогу привезти оттуда нескольких жуков джабиэри.

— А что это за жуки такие?

— Это очень редкий вид жуков с особенными повадками. Я хочу изучить их. Они водятся всего в трех местах на земном шаре. Остров Паукообразных Обезьян — одно из них, но и там они встречаются редко. Кстати, точное местонахождение острова неизвестно. Корабли, видимо, проходили мимо него. Вполне может оказаться, что мы станем первыми белыми людьми, которые ступят на этот остров. Но, доложу я тебе, отыскать его будет непросто.

Все это было похоже на сон. Мы сидели вдвоем за большим письменным столом, горели свечи, из трубки Доктора струился дым, и мы обсуждали, как отыскать остров в океане, и радовались, что будем его первооткрывателями.

— Могу спорить, это будет потрясающее путешествие! — сказал я, — Остров такой красивый на карте. А туземцы там есть?

— Миранда говорит, что там живет какое-то особенное индейское племя.

В эту минуту проснулась райская птичка. В возбуждении мы совершенно забыли, что надо говорить тихо.

— Мы собираемся на остров Паукообразных Обезьян, Миранда, — сказал Доктор, — ты ведь знаешь, где он расположен.

— Я знаю, где он находился последний раз, когда я там была, — ответила птичка, — но где он сейчас, сказать не могу.

— Что ты имеешь в виду? — воскликнул Доктор. — Разве он не всегда на одном и том же месте?

— Нет, это плавучий остров. Он все время перемещается в районе Южной Америки.

Услышав эту новость, я уже не мог сдерживать себя. Мне просто необходимо было с кем-нибудь поделиться, и с громкими возгласами я побежал

разыскивать Чи-Чи.

— Мальчик не сошел с ума? — разволновалась утка. — Куда это ты собрался, малыш?

— На остров Паукообразных Обезьян, — кричал я в ответ, делая колесо и подпрыгивая к потолку. — Остров Паукообразных Обезьян! Ура! Плавающий остров!

— Ты отправишься в сумасшедший дом, вот что я тебе скажу, — заворчала домоправительница, — посмотри, что ты сделал с моей лучшей скатертью.

Но я был слишком счастлив, чтобы слушать ее ворчанье, и вприпрыжку побежал на кухню, чтобы отыскать Чи-Чи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

ТРЕТИЙ ЧЛЕН КОМАНДЫ

На той же неделе мы начали приготовления к путешествию. Джо — продавец моллюсков, отогнал «Кроншнеп» ниже по реке и привязал его к берегу так, чтобы удобнее было вести погрузку. Целых три дня мы загружали наше прекрасное суденышко провизией.

Внутри кораблик оказался большим и просторным. Здесь были три маленькие каюты, салон или столовая, а подо всем этим еще находился трюм, где хранились снасти и запасы провианта.

Джо, по-видимому, всем в городе рассказал о нашем предстоящем путешествии, потому что возле лодки постоянно толпился народ. И конечно же, рано или поздно должен был появиться и Мэттью Магг.

— Господи помилуй, Томми, — говорил он, наблюдая, как я тащу мешки с мукой, — у вас прекрасный корабль! И куда это Доктор собрался ехать на этот раз?

— Мы отправляемся на остров Паукообразных Обезьян, — с гордостью ответил я.

— И что, вы отправляетесь с Доктором вдвоем?

— Нет, нужен еще один человек, но Доктор пока не решил, кто это будет.

Мэттью хмыкнул и, прищурившись, посмотрел на стройные мачты «Кроншнепа».

— Знаешь, Томми, — проговорил он, — кабы не мой ревматизм, я бы, пожалуй, и сам отправился с

вами. Стоит мне увидеть корабль, готовый к отплытию, меня так прямо и охватывает дух путешествий и приключений. А что это у вас в консервных банках?

— Патока, — ответил я, — целых двадцать фунтов.

— Господи, — вздохнул Мэтью, — от этого еще сильнее хочется поплыть с вами, но вот проклятый ревматизм...

С этими словами Мэтью отошел от меня и направился к стоявшей на берегу толпе. Часы на падлбийской церкви пробили полдень, и я вернулся к своему делу — погрузке провизии на борт судна.

Однако вскоре моя работа была прервана приходом другого человека. Это был огромный верзила с рыжей бородой и татуировкой на руках. Утерев рот рукой и дважды сплюнув, он обратился ко мне:

— Скажи-ка, парень, где здесь шкипер?

— Шкипер? А кто это такой? — спросил я.

— Капитан, где капитан этого судна? — пояснил он, показывая на «Кроншнеп».

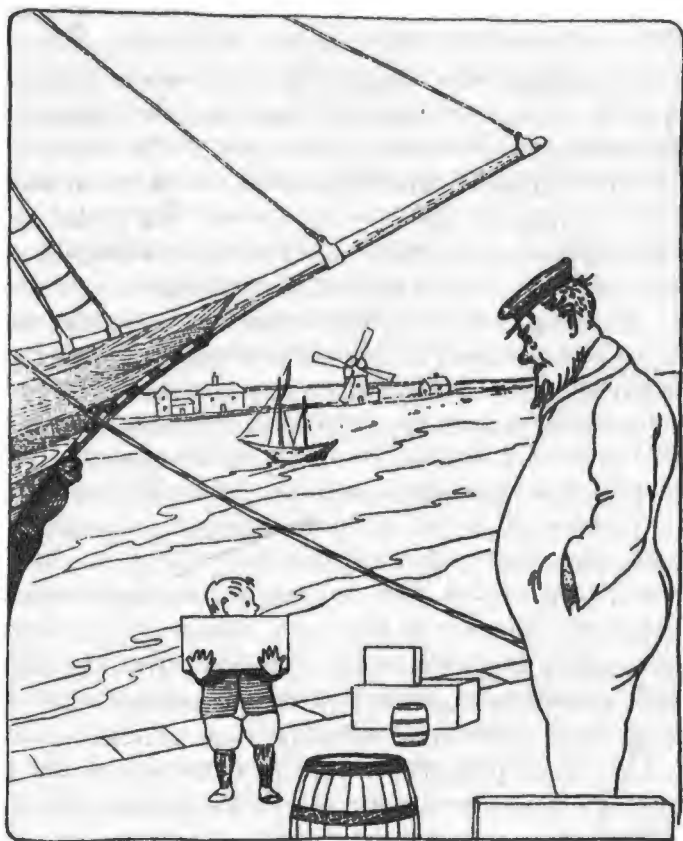
— А, вы имеете в виду Доктора, — догадался я. — Его сейчас нет.

И именно в этот момент появился Доктор, нагруженный тетрадами, сачками, увеличительными стеклами и прочими необходимыми для натуралиста предметами. Верзила подошел к нему и с уважением приветствовал, коснувшись рукой фуражки.

— Доброе утро, капитан. Я слышал, вы идете в дальнее плавание и вам нужен человек. Меня звать Билл Бутчер, и я бывалый моряк.

— Рад с вами познакомиться, — ответил Доктор, — но боюсь, что не смогу больше никого взять в команду.

— Как же так, капитан, — возразил бывалый моряк, — не отправитесь же вы бороздить океаны

— Скажи-ка, парень, где здесь шкипер?

вдвоем с этим мальцом, да еще на таком крошечном суденышке.

Доктор заверил его, что именно это он и собирается сделать. Но верзила не отставал и все убеждал Доктора, что немало кораблей затонуло просто потому, что на них не хватало матросов. Он даже достал из кармана какую-то бумажку, где было написано, что он отличный матрос, и умолял нас взять его с собой, если только нам дорога жизнь.

Однако Доктор проявил твердость — вежливо, но решительно он все-таки отказал Бутчеру, и тот грустно поплелся восвояси, убежденный, что вряд ли нам удастся вернуться живыми.

Не успел Доктор спуститься в трюм, чтобы убрать туда тетради, как на трап взошел еще один посетитель. Это был весьма своеобразный чернокожий молодой человек. Те негры, которых мне доводилось видеть в цирке (а я только там их и видел), носили на голове перья, на шее костяные ожерелья и все прочее в этом роде. Стоящий передо мной человек был одет в модный костюм с огромным красным галстуком. На голове у него красовалась соломенная шляпа с пестрой лентой, в руке он держал ярко-зеленый зонт. Человек был элегантен во всех отношениях, за исключением ног, на которых не было ни ботинок, ни носков.

— Прошу прощения, — обратился он ко мне, вежливо наклонив голову. — Это корабль Доктора Дулитла?

— Да, — ответил я, — вы к нему?

— Я бы хотел его видеть, если это не причинит больших затруднений, — ответил он.

— Как мне доложить Доктору, кто его спрашивает?

— Я Бампо Кахбубу, наследный принц Джол-лиджинкии.

Услышав это, я стремглав бросился в трюм известить Доктора.

— Вот это удача! — воскликнул Доктор Дулитл. — Мой старый приятель Бампо! Так, так. Он ведь обучается в Оксфорде, как тебе известно. Как мило с его стороны приехать навестить меня. — И он поспешил вверх по лестнице, чтобы приветствовать принца.

Станный чернокожий пришел в неопиcуемый восторг при виде Доктора и стал энергично трясти его руку.

— До меня дошло сообщение, что вы собираетесь в далекое плавание, — сообщил он. — Я поспешил увидеть вас и чрезвычайно рад, что застал.

— Ты вполне мог упустить нас, — заметил Доктор, — мы немного задержались, потому что искали людей для команды. Если бы не это, мы бы ушли три дня назад.

— И скольких же человек вам недостает? — поинтересовался Бампо.

— Одного, — ответил Доктор, — но подходящего человека трудно найти.

— Я усматриваю в этом перст судьбы, — произнес Бампо, — подойду ли для вашей команды я?

— Ты прекрасно подойдешь, — ответил Доктор, — но как же твоя учеба? Нельзя же оставить занятия в университете.

— Но я нуждаюсь в отдыхе, — сказал Бампо. — Так или иначе я собирался взять трехмесячный отпуск в конце этой четверти. И кроме того, сопровождая вас, я не потеряю время напрасно. Когда я покидал Джоллиджинкию, мой августейший отец, король, советовал мне много путешествовать. Вы человек большой учености, путешествовать в вашем обществе — возможность, которой нельзя пренебрегать ни в коем случае.

— А как тебе жизнь в Оксфорде? — поинтересовался Доктор.

— Вполне сносно, — ответил Бампо, — мне нравится всё, кроме алгебры и туфель. От алгебры у меня болит голова, а от туфель — ноги. Сегодня утром я швырнул туфли через стену, как только вышел с территории колледжа, а алгебру я быстро забуду. Мне по душе Цицерон. Да, я считаю, что Цицерон очень стимулирует мое мышление. Кстати, мне сказали, что его сын участвует в заплыве от нашего колледжа, прекрасный парень, говорят.

Доктор в задумчивости смотрел на огромные стопы чернокожего принца и наконец медленно произнес:

— Знаешь, Бампо, в твоих словах есть большой смысл. Учиться, путешествуя по миру, ничуть не хуже, чем получать знания в колледже. И если ты действительно хочешь ехать с нами, мы будем тебе очень рады. Потому что, честно тебе скажу, ты как раз тот, кто нам нужен.

ГЛАВА 2

ДО СВИДАНИЯ!

Двое суток спустя мы были полностью готовы к отплытию. На этот раз Джип упросил, чтобы его взяли с собой. Еще с нами отправлялись Полинезия и Чи-Чи. Даб-Даб оставалась присматривать за домом и всеми его обитателями.

И, конечно же, как это всегда бывает, в самый последний момент выяснилось, что мы забыли массу разных вещей. Поэтому, спускаясь из дома на дорогу, мы были нагружены уймой пакетов и свертков. Пройдя уже половину пути к реке, Доктор вдруг вспомнил, что оставил на огне горшок. На счастье мимо пролетал дрозд, обитавший в нашем саду, и Доктор попросил птицу слетать домой и предупредить об этом Даб-Даба.

На пристани уже собралась толпа народу. У трапа стояли мои родители. Я очень надеялся, что они не станут устраивать сцен и плакать. И надо сказать, они вели себя на удивление достойно. Мама лишь беспокоилась, чтобы я не промочил ноги, а отец, как-то странно улыбаясь, потрепал меня по спине и пожелал счастливого плавания. Прощание — невероятно муторное дело, и я был очень рад, когда все закончилось и мы взошли на наш корабль.

Нас немного удивило, что среди провожающих не было Мэтью Магга. Доктор хотел дать ему кое-какие указания насчет провизии для оставшихся дома животных.

Наконец после некоторых усилий мы подняли якорь и отдали швартовы. «Кроншнеп» медленно поплыл вниз по реке, влекомый отливом, а люди на берегу махали нам вслед платками и кричали про-

щальные слова.

По дороге мы пару раз столкнулись с другими лодками, плившими по течению, и на одном резком повороте даже врезались в берег. Люди на берегу страшно волновались, но Доктор не обратил на эти обстоятельства никакого внимания.

— Такое может произойти даже при идеальном управлении, — сказал он, перегибаясь через борт, чтобы достать свои ботинки, застрявшие в грязи, пока мы отталкивались от берега. — Когда мы выйдем в открытое море, управлять судном станет куда легче. Там не во что врезаться.

Для меня все это было необычайно волнующе и интересно, особенно когда мы прошли маленький маяк в устье реки и земля осталась позади. Как это было ново и ни на что не похоже — лишь небо над головой, да вода за кормой. Наш «Кроншнеп», которому суждено было стать нам домом, улицей и садом на столько долгих дней, казался крошечным в этих обширных водах, но тем не менее уютным и надежным.

Я оглянулся и глубоко вздохнул. Доктор стоял за рулем и управлял кораблем, мерно покачивавшимся на волнах. Поначалу я опасался, что у меня начнется морская болезнь, но с радостью обнаружил, что чувствую себя хорошо. Бампо спустился в трюм приготовить нам поесть, Чи-Чи аккуратно складывала веревки, я же должен был закрепить все предметы на палубе, чтобы они не скатились в море во время качки. Джим сидел неподвижно, как статуя, на носу корабля, наострив уши и вытянув нос. Его внимательные старые глаза высматривали обломки кораблей, песчаные отмели или какие-нибудь другие опасности. Полинезия измеряла температуру воды, опуская в волны термометр, чтобы удостовериться, что мимо не проплывают айсберги.

И слушая, как она недовольно ворчит, пытаюсь в сумерках разобрать цифры на шкале, я осознал наконец, что наше путешествие действительно началось и скоро наступит ночь — моя первая ночь в открытом море.

ГЛАВА 3

НЕПРИЯТНОСТИ НАЧИНАЮТСЯ

Перед ужином Бампо поднялся на палубу и сообщил Доктору, стоявшему у руля:

— На борту безбилетный пассажир, сэр, — сказал он голосом заправского моряка. — Я только что обнаружил его за мешками с мукой!

— Боже мой! — вскричал Доктор. — Что за безобразие! Стаббинс, спустись с Бампо и приведите этого человека сюда. Я не могу оставить руль.

Мы с Бампо спустились в трюм и за мешками с мукой действительно обнаружили человека, стоявшего на четвереньках. Страхнув с него муку, мы увидели, что это не кто иной, как Мэтью Магг. Чихая и кашляя, мы потащили его на палубу.

— Мэтью, — удивленно воскликнул Доктор, — ради всего святого, что ты здесь делаешь?

— Я не смог устоять перед искушением, Доктор, — ответил продавец конины, — вы ведь помните, как я частенько просил вас взять меня в море, а вы никогда не брали. А тут я узнал, что вам нужен человек, и решил — останусь на корабле, пока вы не отплывете, а там, глядишь, выяснится, что я вам пригожусь. Я так долго сидел скрючившись, что ревматизм дал себя знать. Это ужас какой-то! Мне необходимо было поменять положение, а тут появился этот негритос и увидел мои торчащие ноги. Ой, как качает эту посудину! И долго уже штормит? Похоже, морская сырость и впрямь не на пользу моему ревматизму.

— Это уж точно, Мэтью. Не следовало тебе ехать с нами. Ты совершенно не приспособлен к такой жизни, и долгие путешествия тебе противопоказа-

ны. Мы высадим тебя в Панзансе. Бампо, спустись-ка в мою каюту, в кармане халата ты найдешь карты. Принеси мне самую маленькую с синими пометками наверху. Панзанс уже недалеко, слева по борту, но нужно определить, где там маяк, прежде чем я поменяю курс корабля.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Бампо и, ловко повернувшись, направился к лестнице.

— Из Панзанса автобусом доедешь до Бристоля, Мэтью, — продолжал Доктор. — А уж оттуда до Падлби рукой подать, как тебе известно. И, пожалуйста, приноси зверям еду по четвергам, только помни, что детишкам норок нужны дополнительные порции свежей селедки.

Пока ждали Бампо с картами, мы с Чи-Чи зажгли огни: на правом борту корабля — зеленый, на левом — красный, а на мачте — белый.

Наконец мы услышали звук шагов по лестнице.

— А вот наконец и Бампо с картами, — сказал Доктор.

Но к нашему великому изумлению Бампо был не один, теперь с ним были еще два человека — мужчина и женщина.

— Господи, сохрани и помилуй — кто это? — вскричал Доктор Дулитл.

— Еще пара безбилетных пассажиров, — доложил Бампо, — они скрывались в вашей каюте под койкой, сэр.

— Ну, это уж слишком, — сказал Доктор слабым голосом. — Не могу разглядеть лиц в сумерках. Зажги-ка спичку, Бампо.

Вам ни за что не догадаться, что это были Льюк-Отшельник и его супруга. Миссис Льюк выглядела измученной, у нее началась морская болезнь.

Они рассказали, что поселились на болотах в маленькой хижине Льюка, но к ним стало прихо-

дить так много народа, наслышанного о громком судебном процессе, что жизнь стала просто невыносимой. Они хотели уехать из Падлби, чтобы обосноваться в каком-нибудь другом месте, где о них никому ничего не известно. Не имея денег, они решились на этот шаг. Но как только корабль отошел от берега, миссис Льюк стало очень плохо. Бедный Льюк приносил тысячи извинений за доставленное беспокойство и объяснил, что все это была идея его жены.

Доктор послал за своим чемоданчиком, дал миссис Льюк нюхательных солей, и ей немного полегчало. Затем он сказал, что одолжит Льюку денег и высадит супружескую пару в Панзансе вместе с Мэтью. Он также написал письмо своему другу в Панзансе с просьбой помочь Льюку с работой.

Когда Доктор открыл кошелек и вынул несколько золотых, я услышал, как Полинезия, сидевшая на моем плече и наблюдавшая за всем происходящим, тихо прошипела:

— Отдает свои последние деньги, три фунта десять пенсов — это все, что мы взяли с собой в путешествие. Теперь у нас нет денег даже на почтовую марку, не то что на якорь, если мы вдруг потеряем его в море. Надо молить Бога, чтобы у нас не кончилась провизия. Почему бы не отдать им весь корабль, а самим отправиться домой?

Сверившись с картой, Доктор изменил курс корабля, и к великому облегчению миссис Льюк мы повернули к берегу. Мне было очень интересно, как корабль войдет в порт ночью, когда надо ориентироваться только по маякам и компасу. Доктор весьма искусно обошел все рифы и отмели. В одиннадцать вечера мы вошли в маленькую корнуэльскую гавань. Доктор отвез своих безбилетных пассажиров в маленькой шлюпке и снял им комнаты в

гостинице. Вернувшись, он сообщил, что миссис Льюк заметно повеселела.

Была уже полночь, и мы решили заночевать в гавани, а поутру вновь отправиться в путь. Забравшись на полку над койкой Доктора и натянув на себя одеяло, я взглянул в иллюминатор и, не поднимая головы с подушки, смог увидеть, как ночные огни Панзанса покачиваются за стеклом иллюминатора в такт с нашим кораблем. Похоже было, что тебя убаюкивают и одновременно показывают какой-то замечательный спектакль. И окончательно решив, что мне нравится жизнь морского путешественника, я заснул крепким сном.

ГЛАВА 4

НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На другое утро, за превосходным завтраком из почек и бекона, приготовленным нашим корабельным коком Бампо, Доктор сказал мне:

— Я все размышляю, Стаббинс, как нам лучше поступить — остановиться в Капа-Бланке или идти прямо на Бразилию. Миранда говорит, что в течение ближайших четырех с половиной недель погода ожидается хорошая.

— Наверное, лучше идти к Бразилии, раз так, — ответил я, помешивая сахар в какао. — К тому же райская птичка будет волноваться, не случилось ли с нами беды, если через месяц мы не прибудем на место.

— Все это так, Стаббинс, — согласился Доктор, — но с другой стороны, Капа-Бланка — удобное место для остановки. Мы могли бы произвести там необходимый ремонт, если будет в том нужда.

— А сколько отсюда до Капа-Бланки? — поинтересовался я.

— Порядка шести дней, — ответил Доктор. — Ладно, мы можем решить и позже. Некоторое время направление все равно будет одинаковым. Если ты покончил с завтраком, пошли — нас ждут дела.

Поднявшись на палубу, я увидел, как в ясном утреннем небе носятся серые и белые чайки, стрелглавы летящие к воде в надежде на поживу — остатки пищи, выброшенные моряками.

Уже в половине восьмого якорь был поднят, паруса нашего корабля наполнял ровный легкий бриз, и на этот раз мы с легкостью вышли в открытое море. Навстречу нам шла рыбацкая фло-

тилия Панзанса, возвращавшаяся с ночного промысла. Суда держались ровным красивым строем, словно солдаты, и их красно-коричневые паруса одинаково кренились над белым гребнем волны.

Следующие три-четыре дня прошли спокойно, безо всяких приключений. Каждый занимался своими повседневными обязанностями, а в свободное время Доктор обучал всех по очереди управлению кораблем: как держать штурвал, как вести судно строго по курсу и что делать, когда меняется направление ветра. У нас были три рабочие смены. Каждый имел возможность спать по восемь часов в сутки, а остальное время бодрствовал. Судно поддерживалось в отличном состоянии, на вахте постоянно находились двое из нас. Кроме того, Полинезия, самый опытный моряк и большой специалист по управлению морскими судами, похоже, и вовсе не смыкала глаз, разве что задремывала иной раз на солнышке, стоя на одной ноге возле корабельного штурвала. И можете быть уверены, что никому из нас не удавалось поспать больше восьми часов — Полинезия тщательно следила за этим. Стоило кому-нибудь проспать пару лишних минут, как она тут же появлялась и осторожно клевала соню в нос, пока тот не открывал глаза.

Я очень быстро привязался к нашему забавному приятелю Бампо. У него была манера невероятно важно выражать мысли, а своими огромными ногами он постоянно за что-нибудь задевал и спотыкался. Он никогда не задирал передо мной нос, хотя был намного старше и учился в колледже, всегда улыбался и старался, чтобы у всех было хорошее настроение. Теперь мне было ясно, почему Доктор с такой охотой взял его в плавание, хотя Бампо ничего не смыслил ни в кораблях, ни в путешествиях.

На пятый день пути, как раз, когда я принимал штурвал у Доктора, на палубе появился Бампо и сказал:

— Солонина почти вся кончилась, сэр.

— Этого не может быть, — воскликнул Доктор. — Мы взяли с собой сто двадцать фунтов солонины, не могли же мы съесть ее за пять дней. Что же могло случиться?

— Право, не знаю, сэр. Каждый раз, спускаясь в трюм, я обнаруживаю, что кусок стал меньше. Если солонину поели крысы, то это какие-то неслыханные гиганты.

Полинезия, расхаживая взад-вперед по рее — ее обычный утренний моцион, — произнесла:

— Нужно осмотреть трюм. Если и дальше так пойдет, мы уже через неделю будем голодать. Пойдем-ка в трюм, Томми, и узнаем, в чем там дело.

Мы спустились вниз, Полинезия велела нам замолчать и прислушаться. Вдруг из дальнего темного угла раздался отчетливый храп.

— Ну, я так и думала, — произнесла Полинезия. — Это человек и — довольно крупный. Он вон за той бочкой. Похоже, что мы прихватили с собой половину Падлби. Можно подумать, у нас тут паром. Ну и пройдоха! Тащите его!

Мы с Бампо зажгли фонарь и забрались в глубину трюма. Там за бочкой действительно преспокойно спал бородатый верзила с сытым и довольным выражением на лице. Мы растолкали его.

— Что случилось? — пробормотал он сквозь сон. Это был не кто иной, как бывалый моряк Бен Бутчер.

Полинезия шипела и плевалась, как шутиха:

— Только этого верзилы нам не хватало! Ну и наглец, чтоб мне с места не сойти!

— Не сочтете ли вы целесообразным, — предло-

жил Бампо, — пока негодяй еще толком не проснулся, ударить его чем-нибудь тяжелым по голове и вытолкнуть в море через люк.

— Нет. У нас будут неприятности, — ответила Полинезия. — Мы ведь не в Джоллиджинкии, к сожалению, как тебе известно. А кроме того, в корабле нет достаточно большого люка, через который можно было бы просунуть этого детину. Ведите его наверх к Доктору.

И мы повели Бена к штурвалу, где он вежливо приветствовал Доктора, коснувшись рукой козырька фуражки.

— Еще один безбилетник, — объявил Бампо.

Мне показалось, что Доктора сейчас хватит удар.

— Доброе утро, капитан, — приветствовал его непрошенный пассажир. — Бен Бутчер, бывший моряк к вашим услугам. Я знал, что понадобится вам, вот и спрятался на корабле, хотя, скажу по чести, это было мне не по душе. Но как же я мог допустить, чтобы вы отправились в дальний путь без опытного матроса? Да вы бы не добрались живыми до дому, кабы не я. Вот, поглядите на свой грот, весь болтается. Первый порыв сильного ветра, и его снесет в море. Но раз я с вами, волноваться нечего. Я быстро наведу порядок.

— У нас и так все в порядке, — сдержанно произнес Доктор, — и ваше общество совершенно не доставляет мне удовольствия. Я вам еще в Падлби сказал, что не нуждаюсь в ваших услугах. Вы не имели никакого права садиться на корабль.

— Но, капитан, — возражал бывалый моряк, — вы не сможете управлять кораблем без меня. Вы ничего не смыслите в навигации. Посмотрите на компас, у вас корабль сходит с курса. Это безумие — пускаться вплавь в одиночку, простите мне резкие слова, сэр! Вы же потеряете корабль.

— Послушайте, — сказал Доктор, неожиданно жестко глядя на собеседника, — мне не важно, потеряю я корабль или нет. Я не раз терял корабли, но если я решаю добраться до какого-то места, то мне ничто не помешает сделать это. Вам яено? Я могу ничего не смыслить в навигации и мореходстве, но так или иначе добираюсь туда, куда мне надо. Вы можете быть превосходным моряком, но здесь вы лишь обыкновенная и досадная помеха. И я высажу вас в ближайшем порту.

— Да, и считайте, что вам еще очень повезло, что вас не заперли в трюме, — вставила Полинезия, — не то вы бы уничтожили всю нашу солонину.

И дальше я слышал, как Полинезия прошептала на ухо Бампо:

— Нас ждут большие проблемы. Денег нет, а без них невозможно пополнить запасы провианта. Солонина была нашим главным запасом.

— Не правильнее ли было бы, с политико-экономической точки зрения, засолить этого бывалого моряка и съесть его в крайнем случае? — прошептал Бампо ей в ответ. — На мой взгляд, он весит куда больше ста двадцати фунтов.

— Ну сколько раз тебе повторять, что мы не в Джоллиджинкии, — огрызнулась Полинезия. — Такие дела не делаются на кораблях у белых, но тем не менее, это блестящая идея. Не думаю, чтобы кто-нибудь видел, как он пробрался на корабль. Однако у нас ведь нет столько соли. Да и кроме того, он насквозь провонял табаком.

ГЛАВА 5

У ПОЛИНЕЗИИ ПОЯВЛЯЕТСЯ ПЛАН

Доктор велел мне принять штурвал, а сам склонился над картой.

— Все-таки придется идти на Капа-Бланку, — сказал он мне, когда бывалый моряк удалился на некоторое расстояние. — Досадно, но ничего не поделаешь, я скорее вернусь в Падлби, чем буду слушать болтовню этого парня до самой Бразилии.

Бен Бутчер и вправду был невыносим. Ясно ведь, если человеку сказано, что в нем не нуждаются, он должен держаться поскромнее. Но только не Бен Бутчер. Этот расхаживал по палубе и постоянно ко всему придирался. Послушать его, так на нашем корабле все было не так: то якорь висит косо, то паруса закреплены слабо, то узлы завязаны не по правилам.

В конце концов Доктор велел ему замолчать и убраться в трюм. Но Бен Бутчер отказался наотрез, заявив, что не позволит распоряжаться сухопутным крысам, пока он еще на корабле.

Все мы чувствовали себя крайне неловко, толком не представляя, как справиться с таким верзилой.

Как-то раз, когда мы с Бампо сидели в кают-компании и болтали, там вдруг появились Полинезия, Джип и Чи-Чи. И, как всегда, у Полинезии был план.

— Послушайте меня, — заговорила мудрая птица, — совершенно очевидно, что этот Бен Бутчер — мошенник и негодяй. Я отлично разбираюсь в морях, как вы сами понимаете, и мне очень не нравится этот верзила...

— А как ты считаешь, — прервал ее я, — нам не

опасно плыть через Атлантический океан, не имея ни одного настоящего матроса?

Сказать по правде, меня крайне смущало и огорчало, что у нас на корабле все делалось не по правилам, и я волновался, что будет, если начнется шторм. Ведь Миранда предупреждала, что хорошая погода продержится только некоторое время, а у нас уже было столько задержек в пути. Но Полинезия упрямо покачала головой:

— Господь с тобой, мой мальчик, — ответила она, — с Доктором Дулитлом ты всегда будешь в безопасности. Всегда — помни это. Не слушай, что болтает этот долговязый осел. Доктор действительно делает все не по правилам, но только это не имеет никакого значения. Запомни мои слова — если ты отправился в путь с Джоном Дулитлом, то всегда доберешься до места, будь уверен. Я с ним попутешествовала немало, и знаю, что говорю. Бывает, что добираешься до места и на перевернутом судне, но не было еще случая, чтобы мы не доехали туда, куда надо. Ну и, конечно, — задумчиво добавила она, — Доктору всегда невероятно везет. В какие бы переделки он не попадал, дело так или иначе оборачивается в его пользу. Вот помню, шли мы раз через Магелланов пролив, дул страшно сильный ветер...

— Так что будем делать с этим Беном Бутчером, — вставил свое слово Джип, — ты же говорила, Полинезия, что у тебя есть план?

— Именно. Больше всего я боюсь, что он незаметно подкрадется и ударит Доктора по голове чем-нибудь тяжелым, а сам объявит себя капитаном «Кроншнепа». Такие типы на все способны. А потом он поведет корабль, куда ему в голову взбредет. Это называется мятеж.

— Да, — согласился Джип, — мы должны действовать быстро. На Капа-Бланке мы будем не

раньше, чем послезавтра. И Доктор не должен оставаться с ним наедине ни на одну минуту. Нюх подсказывает мне, что Бутчер плохой человек.

— Послушайте, я все продумала, — сказала Полинезия. — Мой план таков: Бампо накрывает на стол, а мы все уходим и прячемся. В двенадцать часов Бампо бьет склянки к ленчу. Бен, разумеется, сразу же поспешит к столу в ожидании порции солонины. Бампо должен спрятаться снаружи. Как только Бен усядется за стол, Бампо тут же захлопнет дверь и запрет ее на ключ. Так мы его поймем, ясно?

— Как это стратегично! — воскликнул Бампо. — Еще Цицерон говорил: попугаи и прихожане облегчают жизнь конгрегации. Я сейчас же накрываю на стол.

— Да, пожалуйста, унеси с собой этот фарфоровый соусник, когда будешь уходить из кают-компании, — сказала Полинезия, — и не оставляй там никакой еды. Этот детина уже столько съел, что продержится дня три совершенно спокойно. Да и драться охота отпадет, когда мы выпустим его на берег в Капа-Бланке. Пусть немножко похудеет.

Мы пошли прятаться в коридоре. Вскоре Бампо подошел к лестнице и со всей силы зазвонил в колокольчик. Затем одним прыжком он оказался за дверью в кают-компанию и притаился. Мы внимательно прислушивались.

Практически сразу же слышались тяжелые шаги бывалого моряка Бена Бутчера. Он стремительно прошел в кают-компанию, уселся за стол на место капитана, засунул салфетку за ворот фуфайки под самый свой жирный подбородок и издал громкий вздох в ожидании пищи. И тут — бац! — Бампо захлопнул дверь и быстро повернул ключ в замке.

— Так, на некоторое время он уgomонится, —

произнесла Полинезия, выходя из своего укрытия, — пусть обучает навигации буфет. Господи, ну что за наглец! Я успела забыть о морской науке втрое больше, чем ему когда-нибудь доведется узнать. Теперь пошли наверх и расскажем все Доктору. Бампо, пару дней придется подавать еду в каюту.

Полинезия уселась у меня на плече и, пока мы поднимались на палубу, запела веселую норвежскую матросскую песенку.

ГЛАВА 6

ХОЗЯИН КРОВАТНОЙ МАСТЕРСКОЙ ИЗ МОНТЕВЕРДЕ

На островах Капа-Бланки нам пришлось пробыть три дня. На это были две причины. Во-первых, из-за необычайного аппетита бывалого моряка у нас резко сократились запасы провизии. Когда мы осмотрели трюм и провели ревизию продуктов, то обнаружилось, что Бен уничтожил множество съестных припасов и помимо солонины. А поскольку у нас не было денег, пополнить эти запасы представлялось довольно трудной задачей. Доктор проверил свой личный багаж: нельзя ли продать что-нибудь из вещей, но единственное, что он сумел отыскать, это старые часы со сломанными стрелками и покореженным корпусом. Мы решили, что за них нам дадут не больше, чем на фунт чая. Бампо предложил выступить на улице с комическими куплетами, которые он выучил еще в Джол-лиджинки. Но Доктор усомнился в том, что островитян заинтересует африканская музыка.

А еще мы задержались из-за боя быков. Острова Капа-Бланки принадлежат Испании, и каждое воскресенье здесь проводят корриду. Мы прибыли на Капа-Бланку в пятницу и, как только спровадили «бывалого моряка», сразу же отправились гулять по городу.

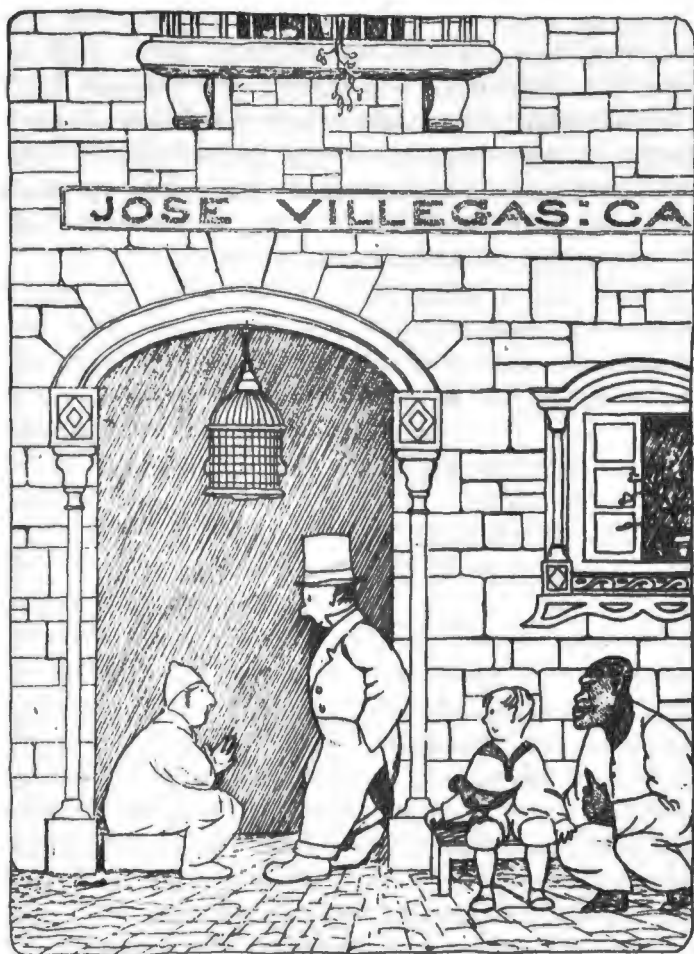
Городок был небольшой и удивительно не похожий на все, что мне когда-либо доводилось видеть. Улочки здесь были такие узкие и извилистые, что иной раз и повозка с трудом протискивалась между домами. Постройки прямо нависали над улочками, и те, кто жил под крышей, могли за руку поздоро-

ваться с соседом напротив. Доктор объяснил, что это старинный город и называется он Монтеверде.

Не имея, чем заплатить, мы, разумеется, не могли остановиться в гостинице или на постоялом дворе. Однако на второй день, проходя мимо кроватной мастерской, мы увидели несколько готовых кроватей, выставленных прямо на улице. Хозяин мастерской сидел тут же и пересвистывался со своим попугаем. Доктор заговорил с хозяином по-испански, и они завели беседу сначала о птицах, а потом и обо всем на свете. Время было к вечеру, и хозяин пригласил нас отужинать.

Мы были этому несказанно рады. Нас угощали невероятно вкусными блюдами, приготовленными на оливковом масле. Мне особенно пришлись по душе жареные бананы. После трапезы беседа затянулась далеко за полночь. Когда же мы наконец стали прощаться, хозяин и слышать не захотел о том, чтобы мы вернулись на корабль. Он говорил, что ночь безлунная и улицы у гавани плохо освещены. Мы, дескать, наверняка заблудимся и поэтому должны заночевать у него, а утром можем отправиться на корабль.

В конце концов мы согласились, и поскольку у нашего нового друга не было лишней спальни, улеглись на те кровати, что стояли на улице возле дома, готовые к продаже. Ночь была такая жаркая, что никаких одеял не потребовалось. Как здорово было засыпать прямо на улице, полной гуляющих людей и веселой беззаботной жизни. У меня сложилось впечатление, что испанцы вообще никогда не спят. Несмотря на позднее время, были открыты все рестораны и кафе, люди ужинали, пили кофе и весело болтали за столиками. Мелодичный звук гитары смешивался со звоном фарфора и гулом голосов.

Доктор заговорил с хозяином мастерской по-испански.

Почему-то именно в этот момент я вспомнил о родителях, оставшихся в далеком Падлби, об их размеренной трудовой жизни и ежевечерних упражнениях отца на флейте. Каким однообразным показалось мне их существование! Мне даже стало их жалко. Ведь никогда за всю свою жизнь они не путешествовали, не выдумывали и не делали ничего необычного, даже спали всегда одинаково. Правда, я сомневаюсь, что им пришла бы по душе мысль, что можно заночевать вот так, прямо на улице. Какие все-таки люди разные!

ГЛАВА 7

ДОКТОР ДЕРЖИТ ПАРИ

На следующее утро нас разбудил невероятный шум. По улице шествовала огромная процессия, возглавляемая мужчинами в ярких нарядных одеждах. За ними следовала толпа поклонниц и ребятишек. Я спросил у Доктора, кто они такие.

— Это участники боя быков, — ответил он, — завтра здесь состоится коррида.

— А что такое коррида? — поинтересовался я.

К моему великому удивлению Доктор покраснел от гнева, точно так, как в тот раз, когда рассказывал о львах и тиграх в неволе.

— Коррида — это бой быков, глупое и жестокое занятие, — проговорил он. — Испанцы — такие гостеприимные и милые люди. Не могу взять в толк, как они могут получать удовольствие от такого отвратительного зрелища!

И Доктор объяснил мне, что быка сначала всячески раздражают и выводят из себя, потом выпускают на арену, где перед его носом несколько человек размахивают красными плащами. Затем на арену приводят несколько несчастных лошадок, которых разъяренный бык убивает безо всякого труда, поскольку они совершенно беззащитны. Ну, а потом, когда бык уже практически выбился из сил, на арене появляется человек со шпагой и убивает быка.

— Каждое воскресенье, — продолжал Доктор, — во всех сколько-нибудь приметных городах Испании убивают по меньшей мере по шесть быков и лошадей тоже никак не меньше.

— А бык никогда не убивает человека? — спросил я.

— К сожалению, крайне редко, — ответил Доктор. — Бык, даже когда разъярен, не так опасен, как кажется, если человек умеет быстро бегать и не теряет голову. Эти матадоры (так называются люди, участвующие в корриде) — ловкие и проворные парни. А народ, в особенности женщины, просто без ума от них. Знаменитый матадор — персона поважнее, чем сам испанский король. Вот смотри, они идут, и девушки шлют им воздушные поцелуи, ну не странно ли это!

В этот момент наш друг, хозяин мастерской, вышел из дома, чтобы посмотреть на проходящую процессию. Он пожелал нам доброго утра и поинтересовался, хорошо ли нам спалось. С ним был его приятель, которого хозяин представил как дон Эдрике Карденаса. Узнав, откуда мы прибыли, дон Эдрике заговорил с нами по-английски. Он оказался хорошо образованным господином с весьма утонченными манерами.

— Не собираетесь ли вы пойти завтра на корриду? — вежливо поинтересовался он у Доктора.

— Разумеется, нет, — твердо ответил Джон Дулитл, — я терпеть не могу боя быков, это жестокое зрелище, где торжествует трус.

Дон Эдрике чуть не взорвался. Я в жизни своей не видел человека в таком возбужденном состоянии. Он принялся объяснять Доктору, что тот и понятия не имеет о корриде, что это благороднейший вид спорта, и что матадоры — достойнейшие и отважнейшие люди.

— Ерунда, — стоял на своем Доктор, — у быка нет никаких шансов. Матадор выходит на арену только тогда, когда бык уже теряет силы и не может толком сопротивляться. Поэтому он без труда убивает животное.

Мне показалось, что испанец сейчас просто уда-

рит Доктора, так он разъярился от этих слов. Он еще пытался что-то возражать, лихорадочно подыскивая нужные слова, когда хозяин мастерской отвел Доктора в сторону и шепотом объяснил, что дон Энрике Карденас — очень важная персона; он поставляет особую черную породу быков со своей собственной фермы для всех коррид Капа-Бланки. По его словам, дон Энрике — невероятно богатый и знатный человек, и его ни в коем случае не следовало обижать.

Я заметил, что у Доктора появилось на лице лукавое мальчишеское выражение, словно ему в голову пришла какая-то блестящая идея. Он повернулся к разгневанному испанцу и сказал:

— Дон Энрике, вы утверждаете, что ваши матадоры — смелые и искусные бойцы. И я, видимо, обидел вас, сказав, что бой быков — крайне недостойное занятие. Скажите, как зовут лучшего матадора, который выступает завтра на корриде?

— Пепито де Малага, — ответил Дон Энрике, — это один из величайших людей, храбрейший боец во всей Испании.

— Отлично, — сказал Доктор, — у меня есть предложение. Я никогда в жизни не участвовал в бое быков, но если я завтра выйду на арену вместе с Пепито де Малагой и любыми другими матадорами, которых вы выберете, и покажу больше трюков с быком, чем они, обещаете ли вы выполнить мою просьбу?

Дон Энрике запрокинул голову и громко рассмеялся.

— Послушайте, — воскликнул он, — да вы, должно быть, сошли с ума! Бык тотчас же разорвет вас в клочья. Чтобы стать матадором, надо тренироваться много лет.

— Но что если я хочу рискнуть? Вы не боитесь

принять мое предложение?

— Что значит «боитесь»? — воскликнул испанец. — Если вы сумеете превзойти Пепито де Малагу в корриде, сэр, я обещаю вам все, что угодно.

— Прекрасно, — ответил Доктор, — теперь я вижу, что вы действительно очень влиятельный человек на этих островах. Значит, если бы вы захотели, чтобы с завтрашнего дня на Капа-Бланке больше не было коррид, вы без труда могли бы добиться этого?

— Да, — гордо ответил Дон Энрике, — это так.

— Ну так вот, — продолжал Джон Дулитл. — Если мне удастся справиться с разъяренными быками лучше, чем Пепито де Малаге, вы обещаете, что на Капа-Бланке больше не будет никаких коррид, пока вы живы и сможете пресечь их. Сделка заключена?

Испанец протянул руку.

— Сделка заключена, — проговорил он, — и я даю слово. Но должен предупредить, что вас непременно убьют. Впрочем, вы и не заслуживаете ничего другого за то, что назвали бой быков недостойным занятием. Увидимся завтра утром, если вы захотите оговорить какие-нибудь детали. До свидания, сэр.

С этими словами испанец повернулся и проследовал в мастерскую нашего хозяина, а Полинезия, которая как всегда внимательно слушала разговор, тут же уселась ко мне на плечо и прошептала в ухо:

— У меня блестящий план. Позови Бампо и пошли поговорим, только чтобы Доктор не слышал.

Я потянул Бампо за руку, и мы перешли улицу, делая вид, что заинтересовались витриной ювелира на противоположной стороне. Доктор в это время сидел на кровати и завязывал ботинки — единственную деталь одежды, которую он снимал на ночь.

— Послушайте, — заговорила Полинезия, — я

все ломала голову, где бы нам раздобыть денег на провизию, и вот наконец у меня появилась...

— Что, кругленькая сумма? — поспешил обрадоваться Бампо.

— Да нет, глупец, — идея, как заполучить кругленькую сумму. Значит так, Доктор выиграет пари — это ясно как божий день. Поэтому все, что нам нужно, — это так называемое побочное пари с этим важным испанцем. Он азартный человек и легко согласится.

— А что такое побочное пари? — спросил я.

— О, я знаю, что это такое, — гордо объявил Бампо, — мы их постоянно заключали в Оксфорде, когда бывали лодочные гонки. Я иду к дону Энрике и говорю: «Спорим на сто фунтов, что Доктор выиграет». И если Доктор проигрывает, то я должен заплатить дону Энрике.

— Все правильно, — подтвердила Полинезия, — только говори не сто фунтов, а две тысячи пятьсот песет. А теперь пойді к этому старому дону Рики-Тики и старайся выглядеть важным и богатым.

Мы перешли дорогу обратно и проскользнули в мастерскую хозяина. Доктор все еще никак не мог закончить возню со шнурками.

— Дон Энрике, — важно произнес Бампо, — позвольте представиться. Я наследник короны Джоллиджинкии. Не желаете ли заключить со мной небольшое пари на завтрашнюю корриду. Я утверждаю, что победит Доктор.

Дон Энрике поклонился.

— Почему бы и нет, — ответил он, — с удовольствием. Но предупреждаю, вы проиграете. Какова же ваша ставка?

— Да какой-то пустяк, — ответил Бампо, — так, ради развлечения. Что вы скажете насчет трех тысяч песет?

— Согласен, — ответил испанец, снова поклонившись. — Встретимся завтра после корриды.

— Все в порядке, — удовлетворенно проговорила Полинезия, когда мы возвращались к Доктору. — У меня гора с плеч свалилась.

ГЛАВА 8

БОЛЬШАЯ КОРРИДА

На следующий день в Монтеверде был большой праздник, улицы украсили разноцветными флагами, повсюду разгуливали нарядные горожане, которые стекались к месту проведения корриды.

Слухи о заявлении Доктора облетели весь город, и, похоже, крайне забавляли его жителей. Даже мысль о том, что какой-то иностранец решил помериться силой и ловкостью с самим Пепито де Малагой, уже казалась абсурдной. Пусть получит по заслугам за этокое нахальство!

Доктор занял у дона Энрике костюм матадора и выглядел в нем очень нарядно. Правда, нам с Бампо пришлось изрядно потрудиться, чтобы приладить на него жилетку, пуговицы так и трещали на ней.

Когда мы сошли с корабля, чтобы отправиться на корриду, за нами увязалась целая толпа мальчишек, всячески насмехавшихся над полнотой Доктора:

— Хуан Хагапока! — кричали они ему вслед, что в переводе с испанского означало Джон Дулитл, толстый матадор.

Как только мы явились на место, Доктор сказал, что хочет посмотреть быков до начала корриды. Нас отвели в загон, где находилось шесть огромных черных быков, дико озиравшихся по сторонам. Торопливо, двумя-тремя словами и знаками Доктор сообщил быкам о своем плане и о том, как они должны себя вести. Бедные животные очень обрадовались, узнав, что корридам может быть положен конец, и обещали выполнить все инструкции Док-

тора в точности.

Разумеется, человек, который проводил нас в загон, ничего не понял. Глядя на странные ужимки и телодвижения Доктора, объяснявшегося на языке быков, он просто решил, что этот маленький толстенный англичанин сошел с ума.

Из загона Доктор прошел прямо в раздевалку матадоров, а мы с Бампо и Полинезией отправились на места для зрителей. Нашим глазам представилось великолепнейшее зрелище. Тысячи людей, разодетые в свое самое нарядное платье, находились в радостном ожидании зрелища.

Перед началом корриды встал дон Энрике и объяснил собравшимся, что первым номером программы объявляется состязание Доктора из Англии и Пепито де Малаги. Он также объявил во всеуслышание, что было обещано Доктору в случае победы. Но зрители, явно не склонные верить в возможность подобного исхода, разразились в ответ дружным смехом.

Пепито появился на арене под гром приветствий, женщины слали ему воздушные поцелуи, мужчины хлопали и махали шляпами.

Наконец поднялась большая боковая дверь, и на арену выбежал один из быков. Дверь тут же опустилась на место. Матадор был готов к бою. Он начал размахивать плащом красного цвета, а когда бык бросался на него, ловко отскакивал в сторону. Каждый маневр матадора вызывал бурю аплодисментов. Так повторялось несколько раз, но я заметил, что стоило Пепито действительно оказаться в опасном положении, как тут же вступал в дело его помощник, отвлекавший внимание быка своим красным плащом. И тогда бык начинал бросаться на помощника, а Пепито отходил в сторону. Часто, спасаясь от быка, этот помощник даже перепрыги-

вал через ограждение арены. В общем, все было подстроено так, что даже мне было ясно: никакой особенной опасности от несчастного неуклюжего быка быть не может, если только человек сам не споткнется и не упадет.

Минут десять спустя открылась дверь в раздевалку матадоров и оттуда появился Доктор. Его маленькая полная фигурка в небесно-голубом бархатном костюме вызвала у толпы невообразимое веселье.

Хуан Хагапока, как они прозвали Доктора, прошел в середину арены и церемонно поклонился дамам в ложах. Затем он поклонился быку, а уж после Пепито. Когда он делал поклон помощнику Пепито, бык начал наступать на него сзади.

— Осторожно! Осторожно! Бык! Он убьет тебя! — ревела толпа.

Но Доктор спокойно завершил свой поклон. Затем он повернулся, скрестив руки на груди и грозно уставился на несущегося быка.

И тут произошла удивительная вещь: бык стал сбавлять скорость. Казалось, он боится этого грозного взгляда. Вскоре животное и вовсе остановилось. Доктор погрозил ему пальцем. Бык задрожал и стал убегать, в страхе поджав хвост.

Толпа ахнула. Доктор пустился вдогонку за быком. И так они довольно долго бегали кругами по арене, пока оба не выдохлись. Среди зрителей стали раздаваться восхищенные возгласы. Это было что-то новое в корриде — не человек спасался от быка, а бык от человека. Наконец в последнем рывке Хуан Хагапока, английский матадор, поймал быка за хвост.

Затем он вывел совершенно укрощенное животное на середину арены и заставил его делать всевозможные трюки: стоять на задних ногах, на

передних, танцевать, подпрыгивать, кружиться и кувыркаться. Он закончил тем, что велел быку сделать поклон, а потом забрался животному на спину и выделывал всякие акробатические трюки, держась за его рога.

Пепито и его помощник были вне себя от ярости. Публика совершенно забыла про них. Они оба стояли неподалеку от того места, где сидел я, и злобно перешептывались друг с другом, позеленев от зависти.

Наконец Доктор повернулся к дону Энрике и произнес громким голосом:

— Этот бык уже никуда не годится, он напуган до смерти. Уберите его, пожалуйста.

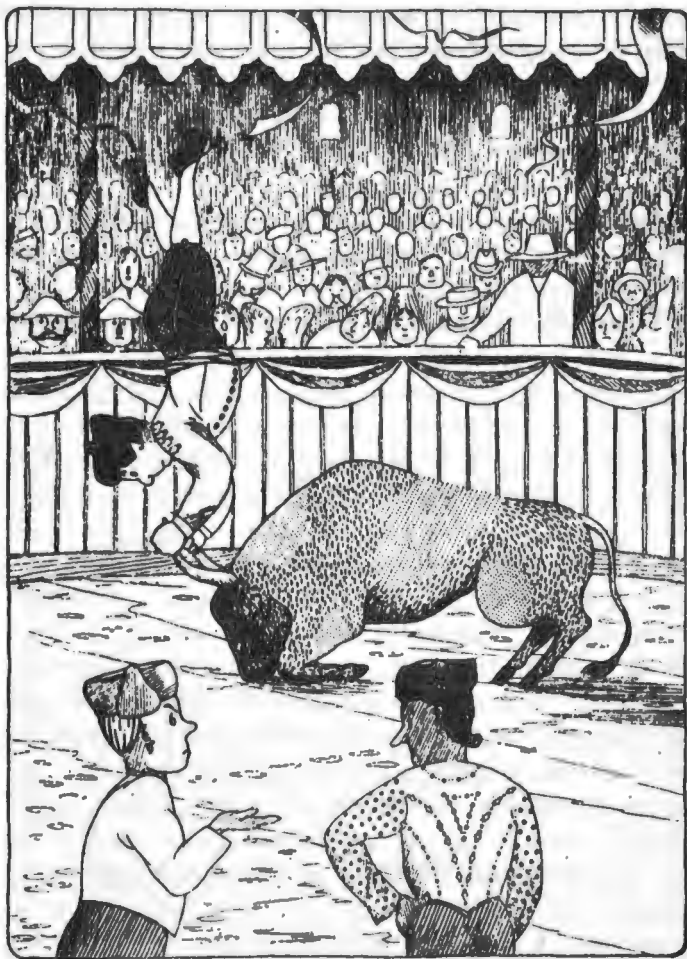
— Кабальеро хочет свежего быка? — спросил дон Энрике.

— Нет, — ответил Доктор, — я хочу пятерых свежих быков. И пусть их выпустят всех сразу.

Толпа издала вопль ужаса. Им приходилось видеть, как за человеком гонится один бык, но чтобы сразу пять, нет, это невозможно, это означает верную смерть.

Пепито подскочил к дону Энрике и закричал, что это против всяких правил. («Ха-ха! — услышал я голос Полинезии, прозвучавший рядом с моим ухом. — Это как с навигацией: он нарушает все морские правила, но добирается, куда ему нужно. Если они только дадут Доктору возможность, он им покажет такое представление, какого никто из них в жизни не видел».)

Разгорелся отчаянный спор. Половина публики приняла сторону Пепито, но зато другая была полностью на стороне Доктора. Наконец Доктор повернулся к Пепито, отвесил ему еще один поклон, вследствие которого отлетела последняя пуговица его жилетки, и произнес, вежливо улыбаясь:

Пепито и его помощник были вне себя от ярости.

— Разумеется, если кабальеро боится...

— Кто это боится! — взвизгнул Пепито. — Я ничего не боюсь! Я величайший матадор Испании. Вот этой рукой я убил девятьсот пятьдесят семь быков!

— Ну и прекрасно, — сказал Доктор, — посмотрим, удастся ли вам прикончить еще пятерых. Запускайте быков! — прокричал он. — Пепито де Малага не боится.

Когда поднимали тяжеленную дверь в загон, над ареной нависла зловещая тишина. Вскоре оттуда с диким ревом показалось пятеро быков.

— Напускайте на себя как можно более грозный вид, — мне было слышно, как Доктор командует им на их языке, — не разбегайтесь, держитесь вместе. Приготовьтесь к атаке. Сначала возьмите Пепито, он в красном, но Боже упаси убить его, просто выгоните его с арены. Приготовились, все вместе, вперед!

Быки выстроились в линию и, пригнув головы, пошли в атаку на Пепито, как кавалерийский эскадрон. Какую-то долю минуты Пепито старался выглядеть молодцом, но при виде пяти пар рогов, несущихся к нему во весь опор, не выдержал. Став от страха белым, как полотно, он бросился к перегородке, перескочил через нее и был таков.

— Теперь за вторым, — тихо скомандовал Доктор.

И в две секунды бравого помощника как языком слизнуло.

Остальную часть представления действительно стоило посмотреть. Сначала пятеро быков носились по арене как бешеные, врезались рогами в перегородку, били копытами о землю, всем своим видом демонстрируя готовность кого-нибудь уничтожить. Потом каждый из них по очереди сделал вид, будто

только что заметил Доктора, и с диким ревом, низко пригнув голову и выставив свои устрашающие рога, понесся прямо на него.

Зрелище было невероятное. Даже я, который знал, что все это спланировано заранее, и то сидел, в ужасе затаив дыхание, видя, как близко от Доктора проносятся эти смертоносные рога. Но каждый раз, когда они почти касались его небесно-голубой жилетки, Доктор ловко отпрыгивал в сторону, а огромные чудовища проносились мимо прямо на волосок от него.

Потом вся пятерка с диким ревом дружно пошла на него, окружила и в течение нескольких минут его полной фигурки не было видно за огромными тушами, мелькающими рогами, взвивающимися хвостами и бьющими копытами. Как Доктору удалось выскочить оттуда живым, я ума не приложу. Сбылось предсказание Полинезии, это была величайшая коррида всех времен.

У одной дамы случилась истерика, она кричала дону Энрике:

— Остановите корриду, остановите! Такого храбреца нельзя убивать! Это лучший матадор в мире! Дайте ему жить! Остановите!

Но тут Доктор, казалось, вырвался из кольца окружавших его быков и, хватая каждого из них за рога, резким движением валил одного за другим на землю. Быки играли свою роль превосходно. Я даже в цирке никогда не видел, чтобы так работали дрессированные звери. Доктор расправлялся с ними, словно они совершенно выдохлись и больше не в состоянии сражаться. Затем, элегантно поклонившись дамам, Джон Дулитл достал из кармана сигару, закурил ее и спокойно покинул арену.

ГЛАВА 9

МЫ ПОСПЕШНО ОТЪЕЗЖАЕМ

Как только дверь в раздевалку матадоров закрылась за Доктором, публика разразилась неистовым ревом. Некоторые мужчины (по всей видимости, дружки Пепито) выражали крайнее возмущение, но дамы все вызывали и вызывали Доктора на арену.

Когда же в конце концов он появился вновь, женщины, казалось, посходили с ума. Они слали ему воздушные поцелуи, называли любимым, срывали с себя цветы и украшения и бросали к его ногам. Потрясающее зрелище — настоящий дождь из цветов и драгоценностей.

Но Доктор лишь улыбнулся им, поклонился еще раз и удалился.

— Слушай, Бампо, — сказала Полинезия, — ступай-ка на арену и собери эти побрякушки, мы их продадим. Так всегда поступают великие матадоры — им кидают драгоценности, а их помощники все это собирают. Мы можем выручить за это неплохую сумму денег, а путешествуя с Доктором, никогда не знаешь, когда они тебе понадобятся. Оставь розы, пусть себе лежат, а вот кольца все собери. А когда закончишь, не забудь забрать свои три тысячи у дона Рики-Тики. Мы с Томми подождем тебя у выхода, а потом отнесем эти побрякушки к ювелиру, что напротив мастерской нашего хозяина. Беги, и ни слова Доктору, понял?

Выйдя на улицу, мы обнаружили, что публика толпится у выхода, все были в невероятном возбуждении, люди ожесточенно спорили. К нам вскоре присоединился Бампо, карманы его были набиты и

топорщились в разные стороны. Мы все вместе с трудом пробирались к выходу из раздевалки матадоров. Там нас уже поджидал Доктор.

— Отличная работа, Доктор, — сказала Полинезия, перелетая на его плечо, — просто превосходная работа, но здесь пахнет опасностью. Нам надо скорее возвращаться на корабль. И накиньте пальто на этот легкомысленный костюм. Ох, и не нравится мне вид этой толпы. Больше половины из них разозлены вашим выигрышем. Дон Рики-Тики теперь будет вынужден отменить корриды, а вы ведь сами знаете, как они их любят. Но больше всего я боюсь, что кто-нибудь из матадоров, ослепленных завистью, задумает что-нибудь недоброе. Да, нам пора убираться отсюда.

— Похоже, что ты права, Полинезия, — проговорил Доктор, — как всегда, права. Толпа в самом деле довольно беспокойная. Я проскользну на корабль один, так я привлеку меньше внимания, вы же идите другим путем, но не задерживайтесь. Встретимся на корабле. Поспешим же!

Как только Доктор ушел, Бампо отыскал дону Энрике и сказал ему:

— Достопочтенный сэр, вы должны мне три тысячи песет.

Не произнеся ни слова, но с крайним недовольством дон Энрике выплатил свой проигрыш.

После этого мы отправились закупать провизию и наняли кэб, который должен был сопровождать нас. Неподалеку оказалась превосходная бакалейная лавка, где продавалась самая разнообразная еда, которая только существует на свете.

Мы накупили так много всего, что и вообразить невозможно.

Опасения Полинезии оказались небезосновательными. Новость о нашей победе распространи-

лась с быстротой молнии. Когда мы выходили из бакалейной лавки, повсюду собирались кучки разгневанных горожан, которые размахивали палками и кричали:

— Где эти проклятые англичане, которые велели прекратить бои быков? Повесить их на фонарном столбе или утопить в море! Где они?

Тут уж мы не стали терять ни минуты, можете быть уверены. Бампо сгреб кэбмена в охапку и объяснил ему знаками, что если тот не будет гнать что есть мочи к гавани и при этом держать язык за зубами, то он, Бампо, вытрясет из него душу. После этого мы вскочили в кэб, уселись поверх нашего провианта, захлопнули дверцы, спустили шторы и помчались во весь опор.

— Украшения заложить уже не успеем, — сокрушалась Полинезия, пока мы тряслись по булыжникам мостовой, — но ничего, они нам еще пригодятся. Да и к тому же у нас с собой две с половиной тысячи песет, оставшихся от пари. Не давай кэбмену больше двух песет, Бампо. Это нормальная такса, уж я-то знаю.

Мы спокойно добрались до гавани и были очень рады, что Доктор послал за нами Чи-Чи на лодке. Однако, когда мы перегружали наши припасы из кэба в лодку, на пристани появилась разгневанная толпа, которая тотчас же бросилась к нам. Бампо схватил огромное бревно и стал размахивать им над головой, зверски вращая глазами и выкрикивая устрашающий боевой клич своего племени. Это несколько сдержало толпу и позволило нам с Чи-Чи перекидать оставшийся провиант в лодку и прыгнуть туда самим. Бампо швырнул бревно в самую гущу беснующихся испанцев и одним прыжком догнал нас. Мы начали грести к «Кроншнепу» что было сил.

Толпа на причале ревела от ярости, потрясала кулаками и швыряла в нас камнями и другими тяжелыми предметами. Бедняге Бампо попали в голову бутылкой. Но поскольку голова у него была крепкая, то на ней лишь вскочила небольшая шишка. Зато бутылка разлетелась вдребезги.

Когда мы добрались до корабля, Доктор уже поднял якорь, поставил паруса и приготовил судно к отплытию. Оглядываясь назад, мы видели, что за нами вдогонку пустились лодки, полные разъяренных, орущих людей. Поэтому мы не стали разгружать нашу шлюпку, а просто привязали ее покрепче к кораблю и вскочили на борт. Еще мгновение потребовалось для того, чтобы направить «Кроншнеп» по ветру, и вскоре мы уже на всех парусах неслись в направлении Бразилии.

— Ха-ха! — торжествовала Полинезия, когда мы уселись прямо на палубу, чтобы перевести дыхание. — Неплохое получилось приключение, оно напоминает мне о моих путешествиях с контрабандистами. Что это была за жизнь! Не расстраивайся из-за головы, Бампо. Она будет в полном порядке, когда Доктор приложит к ней немного арники. Подумай, в каком мы выигрыше, — полный корабль съестных припасов, карманы битком набиты драгоценностями, да еще пара тысяч песет. Неплохо, знаете ли, совсем неплохо.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА I

СНОВА О ЯЗЫКЕ МОЛЛЮСКОВ

Малиновая райская птичка Миранда была совершенно права, предсказав нам прекрасную погоду. В течение трех недель наш добрый «Кроншнеп», подгоняемый попутным ветром, легко преодолевал сверкающую морскую гладь. Возможно, бывалому моряку такое путешествие могло бы и наскучить, но только не мне. Чем дальше шли мы на юго-запад, тем причудливее менялось море. И все то, что опытному глазу казалось привычным, я впитывал с жадностью.

Корабли встречались нам крайне редко. Если вдруг вдали показывалось какое-то судно, Доктор тут же пытался рассмотреть его в подзорную трубу. Иногда он сигнализировал кораблю, интересуясь последними новостями. Разговор велся с помощью маленьких разноцветных флажков, которые поднимались на мачте. Встречный корабль отвечал тем же самым способом. Значения всех этих сигналов были напечатаны в книге, которая хранилась в каюте Доктора. Он объяснил мне, что это и есть морская азбука и ее понимают все корабли без исключения — и английские, и голландские, и французские.

Самым большим событием за все это время была встреча с айсбергом. Солнце переливалось и искрилось на его поверхности, придавая ему сходство с огромным сказочным дворцом, усыпанным драгоценными камнями. Через подзорную трубу мы разглядели сидящую на нем белую медведицу с медве-

жонком. Доктор узнал в ней одну из тех, с которыми он познакомился, когда еще открывал Северный полюс. Мы подплыли к айсбергу и предложили им перейти к нам на корабль. Однако медведица вежливо отказалась, объяснив, что медвежонку будет очень жарко сидеть на палубе, где нету льда и невозможно постоянно охлаждать лапы. День действительно выдался жаркий, но близость ледяной глыбы заставляла нас всех ежиться от холода и даже поднять воротники курток.

В эти тихие спокойные дни я с помощью Доктора значительно преуспел в чтении и письме. Доктор даже разрешил мне вести бортовой журнал. Это специальная книга, вроде дневника, которая имеется на каждом корабле и куда записывают, сколько пройдено миль, каков курс корабля и всякое прочее.

Доктор тоже вел дневники. Иногда я заглядывал в них, но с трудом разбирал почерк Доктора. Большинство записей было посвящено морским обитателям. Только морские водоросли описывались в шести толстых тетрадах. Были тетради, посвященные морским птицам, червям и моллюскам.

Все это еще предстояло переписать, напечатать и переплести.

Однажды вечером мы заметили, что вокруг корабля плавают какая-то мертвая трава. Доктор сказал, что это саргассова водоросль. Чем дальше мы плыли, тем больше ее становилось вокруг. Вскоре вся вода, насколько хватало глаз, была покрыта этой травой. Казалось, «Кроншнеп» плывет не по Атлантическому океану, а по огромному лугу. По водорослям ползало множество крабов, и это напомнило Доктору о его страстной мечте изучить язык панцирных морских обитателей. Он выудил несколько экземпляров и посадил их в аквариум для прослушивания, чтобы выяснить, понимает ли

он, о чем они говорят между собой. Вместе с крабами ему попалась необычная круглая рыбка, которая, как утверждал доктор, называлась серебряный фиджит. Вконец отчаявшись разобрать крабьи речи, Доктор запустил в аквариум для прослушивания серебряного фиджита. Я в тот момент вышел по каким-то делам на палубу. Вдруг Доктор потребовал, чтобы я срочно вернулся.

— Стаббинс, — воскликнул он, как только я показался на пороге, — это совершенно невероятно, это абсолютно невозможно, мне это, наверное, снится, я ушам своим не верю, я... я...

— Доктор, — в свою очередь заволновался я, — в чем дело, что случилось?

Джон Дулитл указал дрожащим пальцем на аквариум, где спокойно плавала маленькая рыбка, и шепотом произнес:

— Этот фиджит разговаривает по-английски, он насвистывает английские песенки...

— Говорит по-английски и насвистывает песенки! — воскликнул я, — да этого не может быть!

— И тем не менее это так, — голос Доктора дрожал от волнения. — Разумеется, это всего несколько слов, абсолютно не связанных между собой и лишенных всякого смысла, да еще и вперемежку с его родным языком, которого я пока не понимаю. Но я отчетливо слышал английские слова, если, конечно, мне не изменяет слух. Да еще эта мелодия, она, правда, крайне незатейливая. Вот послушай-ка сам и скажешь, что тебе удастся разобрать. Старайся не пропустить ни слова.

Я подошел к аквариуму, а Доктор взял тетрадь и ручку. Расстегнув воротник, я встал на ящик, служивший Доктору подставкой, и опустил правое ухо в воду.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме

тяжелого дыхания самого Доктора, которое я отчетливо улавливал сухим левым ухом. Доктор в невероятном волнении ожидал, что же я наконец произнесу. И тут откуда-то из глубины воды раздался тоненький голосок, словно ребенок напевал песенку где-то вдали.

— Ах! — выдохнул я.

— Что, что он говорит? — голос Доктора срывался от нетерпения.

— Пока не могу разобрать, — ответил я, — это какой-то незнакомый рыбий язык, хотя, погодите минуточку, да, да, теперь я слышу: «Не курить», «Ой, смотри какой!», «Воздушная кукуруза и открытки с видами!», «Сюда, пожалуйста», «Не плевать!». Что за странные слова, Доктор? Но погодите-ка еще, вот теперь он насвистывает мелодию.

— Что это за мелодия? — задыхаясь от волнения, проговорил Доктор.

— «Песенка о Джоне Пиле».

— Ага! — вскричал Доктор. — Так и мне показалось. — И он принялся что-то судорожно записывать в тетрадь.

Я продолжал слушать.

— Невероятно, просто невероятно, — бормотал Доктор, с бешеной скоростью водя карандашом по бумаге, — любопытно. Однако, где он...

— Вот еще, Доктор, — закричал я, — он опять говорит по-английски: «Большой аквариум нужно почистить». Все, опять перешел на рыбий язык.

— Большой аквариум, — Джон Дулитл нахмурился в задумчивости, — где он набрался всех этих выражений?

Внезапно Доктор так и подпрыгнул на стуле:

— Понял! — завопил он. — Эта рыбка уплыла из аквариума. Ну конечно же! Посмотри, что он говорит: «Открытки с видами» — их всегда пред-

лагают посетителям аквариумов; «Не плевать!», «Не курить!», «Сюда, пожалуйста» — это слова служителей. Ну и потом: «Ой, посмотри какой!» — ведь такое можно услышать от посетителей, разглядывающих какую-нибудь необычную рыбу. Все сходится! Несомненно, Стаббинс, он вырвался из неволи и, возможно, даже вполне вероятно, что с его помощью я наконец сумею установить связь с моллюсками. Вот это удача!

ГЛАВА 2

ИСТОРИЯ ФИДЖИТА

Теперь, когда Доктор сел на своего любимого конька — изучение языка моллюсков, остановить его уже было невозможно. Он работал всю ночь напролет.

Я заснул сразу после полуночи, прямо на стуле. Бампо одолел сон в два часа ночи у штурвала, и в течение пяти часов «Кроншнеп» плыл без всякого управления. Но Джон Дулитл не оставлял своего занятия, он изо всех сил старался понять язык, на котором разговаривал фиджит, и научить фиджита понимать, что он сам ему говорит.

Когда я проснулся, было уже утро. Доктор все стоял у аквариума, он выглядел усталым и похожим на мокрую сову. Но лицо его светилось гордой и счастливой улыбкой.

— Стаббинс, — произнес он, как только заметил, что я пошевелился, — я нашел ключ к языку фиджита. Это невероятно трудный язык, пожалуй, самый сложный из всех, что я знаю. Он немного напоминает древнееврейский. Разумеется, это еще не язык моллюсков, но важный шаг вперед сделан. Теперь вот что — возьми, пожалуйста, тетрадь и записывай все, что я тебе скажу. Фиджит обещал мне рассказать историю своей жизни. Я буду переводить ее на английский, а ты записывать за мной. Готов?

Доктор снова опустил ухо в воду, а я держал карандаш наготове. Вот перед вами история, которую поведал нам фиджит, и беседа, которую я записал.

ТРИНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В АКВАРИУМЕ

Я родился в Тихом океане у берегов Чили. В нашей семье было две тысячи пятьсот десять детей. Однако семья была, по сути, уничтожена стаей китов, которые постоянно преследовали нас. Мы с сестрой Клиппой — это была моя любимая сестра — чудом уцелели. Вообще-то от китов не так уж трудно улизнуть, если умеешь лавировать и делать резкие повороты. Но в тот раз за мной и сестрой увязался страшно подлый кит. Если нам и удавалось спрятаться от него под камнем или где-то еще, он все равно возвращался к этому месту и охотился за нами до тех пор, пока не выгонял нас на водный простор. В жизни своей не видел такого отвратительного животного.

Он гнал нас целые сотни миль на север, к западным берегам Южной Америки, но нам все-таки удалось уйти от погони. Пока мы переводили дух, мимо нас пронеслась семья фиджитов, которая в испуге вопила: «Спасайтесь! За нами гонятся акулы!»

Акулы страшно любят лакомиться фиджитами. Мы, можно сказать, их любимое кушанье, и поэтому фиджиты стараются держаться вдали от глубоких мутных мест. Ну и кроме того, от акул так просто не отделаешься. Они быстрые пловцы и ловкие охотники. И вот нам вновь пришлось спастись от погони.

Пройдя несколько сотен миль, мы поняли, что разбойники догоняют нас. Поэтому мы свернули в гавань. Это было где-то неподалеку от западного побережья Соединенных Штатов. Мы надеялись, что акулы не рискнут плыть за нами. И вправду они даже не заметили, как мы свернули, и промчались стрелой в северном направлении.

Больше мы их не видели. Надеюсь, они замерзли где-нибудь в арктических морях.

Но удача изменила нам в тот день. Мы с сестрой мирно плавали возле кораблей в поисках апельсиновых корок — это для нас настоящий деликатес и — хлоп! — оказались в сетях. Сеть была мелкая и прочная, и мы тщетно пытались выбраться на волю. Трепыхающихся и сопротивляющихся, нас вытащили из воды и швырнули прямо на палубу, на раскаленное солнце.

Потом над нами наклонились два странных старика в очках и с бакенбардами. Они издавали какие-то непонятные звуки. Несколько экземпляров молодой трески тоже попало в сети, однако старики тут же выбросили их обратно в воду, а нас, посчитав невероятно ценными, посадили в банки и, сойдя на берег, отнесли в большой дом, где поместили в огромные стеклянные ящики с водой. Дом этот стоял на берегу залива, и в стеклянные ящики тонкой струей постоянно подавалась свежая морская вода; мы могли нормально дышать. Конечно, мы раньше никогда не жили за стеклянными стенами, поэтому поначалу нам все время хотелось проплыть сквозь них, и мы на полной скорости ударились о них носами, что было крайне болезненно.

Потом потянулись недели томительного безделья. За нами ухаживали хорошо, люди знали, как это следует делать. Очкастые старики навещали нас дважды в день, гордо рассматривали и следили, чтобы было достаточно света и чтобы вода была не слишком теплая и не слишком холодная. Но что это была за скучища! Мы представляли собой нечто вроде развлечения. По утрам в один и тот же час открывались большие двери, и все горожане, кому нечем было себя занять, приходили глазеть на нас. В комнате было много аквариумов с разными дру-

гими рыбами, они занимали все стены в большой комнате. Люди ходили от аквариума к аквариуму, разглядывая нас сквозь стекло, и при этом широко раскрывали рты, как полоумные камбалы. Нам это так надоедало, что мы передразнивали их, открывая рты им в ответ, и это их невероятно забавляло.

В один прекрасный день сестра сказала мне:

— Братец, не кажется ли тебе, что эти странные существа, которые поймали нас, умеют разговаривать.

— Разумеется, — ответил я, — разве ты не видишь: одни говорят только губами, другие — при помощи всего лица, а третьи объясняются с помощью рук? Когда они подходят близко к стеклу, можно разобрать их голос. Вот послушай!

В этот самый момент к стеклу прилипла какая-то огромная женщина, которая произнесла: «Ой, смотри какой!»

И мы стали замечать, что почти все люди произносят эту фразу, когда заглядывают в аквариум. И долгое время мы думали, что их язык состоит только из нескольких слов, и что этот народ весьма ограниченный.

Чтобы как-то развлечься и скоротать время, мы с сестрой выучили эту фразу: «Ой, смотри какой!» Но так и не выяснили, что она означает. Значение других фраз нам удалось установить. И мы даже научились немного читать на человеческом языке. Там на стенах висело много табличек, и когда мы видели, что зрители не разрешают людям плевать и курить, рассерженно указывая на эти таблички и громко читая их вслух, мы догадались, что на табличках написано: «Не плевать!» и «Не курить!»

По вечерам, когда публика расходилась, человек с деревянной ногой выметал из помещения орехо-

вую скорлупу. Он всегда напевал одну и ту же песенку. Нам нравилась ее мелодия, и мы ее тоже выучили.

Мы провели в этом унылом месте целый год. Иногда в аквариум приносили новых рыб, иногда уносили старых. Поначалу мы надеялись, что нас продержат в аквариуме лишь некоторое время, а когда публика достаточно на нас насмотрится, нас отправят обратно в море. Но шли месяцы, и наши сердца наполнились горечью и печалью в этой стеклянной тюрьме. Мы теперь все реже и реже разговаривали друг с другом.

Однажды, когда в помещение набилось особенно много народу, одной женщине стало плохо, лицо ее вдруг покраснело, и она упала в обморок. Мне было видно через стекло, что все вокруг страшно разволновались, женщине в лицо побрызгали холодной водой и вывели ее на свежий воздух.

И тут мне пришла в голову потрясающая мысль.

— Сестричка, — обратился я к бедняжке Клиппе, которая пряталась от толпившихся перед аквариумом ребятишек где-то на дне за камнем, — а что, если и мы притворимся, что заболели, как по-твоему, выпустят нас тогда из этого душного ящика?

— Братец, — ответила измученная Клиппа, — такое может случиться. Но скорее всего нас выбросят на помойку, и мы умрем на палящем солнце.

— Но зачем же им тащить нас на какую-то помойку, если залив так близко? Когда нас несли сюда, я заметил, что зритель выбрасывал мусор в море. Если б только они и нас выбросили туда же, мы бы с тобой быстро умчались в открытое море.

— Море! О, море! — пробормотала бедная Клиппа с отсутствующим выражением глаз (какие у нее были прекрасные глаза, у моей сестренки!). — Это звучит как сладостный сон! О, братец, неужели нам

суждено опять увидеть море! Каждую ночь, когда я без сна лежу в этой смердящей темнице, я слышу его мощный зов. Как я тоскую по свободе! Только бы почувствовать ее вновь! Только бы вырваться на прекрасный, огромный родной простор! Как славно прыгать с гребня на гребень волны в Атлантике, резвиться в брызгах морской пены и исчезать в зелено-голубой толще воды!

Гоняться за креветками теплым летним вечером в лучах заходящего солнца, когда багровеет небо и все море покрывается розовыми бликами. А в штиль спокойно качаться на волне, подставив животик ласковым лучам тропического солнца. И снова, и снова бродить вдвоем по гигантским водорослевым лесам Индийского океана! Играть в прятки в подводных дворцах с их коралловыми замками, где окна украшены сияющим жемчугом и яшмой. Устроить пикник в анемоновых лугах, дымчато-голубых и лиловато-серых, что устилают долины Южных морей! Кувыркаться на упругих губках в Мексиканском заливе! Странствовать среди погибших кораблей, выискивать сокровища, идти навстречу невероятным приключениям. А потом зимними вечерами, когда северо-восточные ветры нагонят холод, уйти в толщу морских глубин, туда, где вода всегда темна и ласкова, все глубже и глубже, пока не покажутся огоньки светящихся угрей, а там возле грота Большого Совета уже собрались друзья и родные, которые оживленно обсуждают все морские новости. О, братец!

Она совершенно расстроилась и горько всхлинула.

— Прекрати, — сказал я сестре, — ты навеваешь на меня страшную тоску по дому. Знаешь, давай все-таки притворимся больными или даже лучше мертвыми и посмотрим, что произойдет. Даже, если

они вышвырнут нас на помойку и мы поджаримся на солнце, это будет не намного хуже, чем жить в этой вонючей тюрьме. Что ты скажешь? Рискнем?

— Да, — ответила Клиппа, — с радостью.

Итак, на следующее утро смотритель обнаружил, что обе рыбки фиджит умерли и всплыли на поверхность аквариума. Мы отлично изображали мертвых, можете мне поверить. Смотритель тут же бросился за стариками в очках и бакенбардах. Прибежав к аквариуму, те в ужасе всплеснули руками. Осторожно вытащив из воды, они положили нас на влажную ткань. И тут наступило самое трудное испытание. Если рыбу вынимают из воды, она сразу же открывает рот и начинает жадно хватать воздух, но так не может продолжаться долго. Нам же все это время пришлось лежать неподвижно и дышать еле-еле через полусомкнутые губы.

Два старика долго щупали нас и щипали. Казалось, конца этому не будет. Когда же они на минуту отвернулись, нас чуть было не съела кошка, которая почему-то оказалась поблизости от стола. К счастью, старики вовремя повернулись и прогнали ее. Можете быть уверены, что мы успели сделать два глубоких вдоха, пока на нас никто не смотрел, и только благодаря этому не задохнулись. Я хотел шепнуть Клиппе, чтобы она держалась молодчиной, но не мог и этого, поскольку, как вам известно, голос рыб, даже если они кричат, можно услышать только в воде.

Мы уже были готовы сдаться и показать, что на самом деле живы, как тут один из стариков, грустно качая головой, поднял нас и понес к выходу.

«Вот сейчас решается наша судьба, — сказал я самому себе. — Свобода или помойка!»

Выйдя на улицу, он, к нашему ужасу, направился

к мусорному бачку, стоявшему у стены на противоположной стороне двора. Однако в этот момент откуда-то появился чумазый человек с повозкой, запряженной лошастью, и убрал бачок — видимо, то была его собственность.

Старик оглянулся вокруг в поисках места, куда бы нас выбросить. Похоже, он был готов бросить нас прямо на землю, но, видимо, решил, что это придаст двору неопрятный вид.

Напряжение становилось невыносимым. Теперь старик направился к воротам, и у меня вновь упало сердце, поскольку я понял, что он выбросит нас в дорожную канаву. Но в этот день удача была на нашей стороне. На дороге возник огромный детина в синей форме с серебряными пуговицами, и потому, как он отчитывал старика и размахивал короткой толстой палкой, мне стало ясно, что в городе запрещено выбрасывать рыбу на улицу.

И наконец, к нашему невыразимому восторгу, старик направился к заливу. Он шел так медленно, все время озираясь на человека в форме, что я был готов укусить его за палец. Мы с Клиппой были уже на последнем издыхании.

Наконец старик добрал до берега и, кинув на нас последний взгляд, выбросил в воду. Вы даже представить себе не можете, какой восторг испытали мы в ту минуту, когда соленая морская влага сомкнулась над нашими головами. Мы ожили в мгновение ока. Старик был так поражен, что свалился вслед за нами в воду. Но его тут же вытащил матрос, и последнее, что мы видели, было, как человек в синей форме вел старика, крепко держа за воротник и вновь сердито отчитывая. Видимо, мертвую рыбу запрещалось выбрасывать и в залив.

А что же мы? Разве было нам дело до его забот и неприятностей? **МЫ БЫЛИ СВОБОДНЫ!** Со

скоростью молнии, бешеными зигзагами, ликуя и крича от радости, мы спешили домой в открытое море!

Вот и вся моя история. А сейчас, выполняя свое обещание, я постараюсь ответить на ваши вопросы, но при условии, что после этого вы отпустите меня на свободу.

Доктор: Есть в море более глубокие районы, чем впадина Неро, что у острова Гуама?

Фиджит: Разумеется, есть. Гораздо более глубокая впадина находится у устья Амазонки. Но она невелика и ее трудно обнаружить. Мы называем ее Глубокая Дыра. А еще одно более глубокое место расположено в водах Антарктики.

Доктор: Говорите ли вы на языках моллюсков?

Фиджит: Ни слова. Мы, рыбы, не имеем с ними дела, мы считаем их низшим классом.

Доктор: Но когда вы оказываетесь рядом с ними, можете ли вы разобрать, что за звуки они произносят?

Фиджит: Только если это очень крупные особи. У моллюсков такие тонкие голоса, что их просто невозможно расслышать, только они сами слышат друг друга. У крупных видов дело обстоит по-другому. Они издают грустные трубные звуки, будто кто-то камнем ударяет по трубе, но не такие громкие, разумеется.

Доктор: Я хотел бы добраться до морского дна, чтобы изучить подводный мир. Но мы, наземные животные, как вам, без сомнения, известно, не можем дышать под водой. Нет ли у вас каких-нибудь идей, как мне выйти из положения?

Фиджит: Мне кажется, вам лучше всего посоветоваться с гигантской морской улиткой.

Доктор: А кто это — гигантская морская улитка?

Фиджит: Это представительница семейства береговых улиток литори, но размером с огромный дом. Голос у нее довольно громкий, но его редко можно услышать. Раковина улитки — из прозрачного жемчуга, очень толстого и прочного. Когда она вылезает из своего убежища и носит ее на спине, внутри вполне может уместиться повозка с парой лошадей. Во время путешествий она возит там провизию.

Доктор: Кажется, это тот, кто нам нужен. Она могла бы пустить меня и моего помощника внутрь своей раковины, и мы бы сумели исследовать морские глубины, будучи в полной безопасности. Вы не могли бы меня с нею познакомить?

Фиджит: Увы, нет. Я бы с радостью вам помог, но обыкновенной рыбе практически никогда не удастся увидеть улитку. Она живет на дне Глубокой Дыры и редко показывается. А рыбы боятся заплывать туда, там очень мутная вода.

Доктор: О боже, какое разочарование! А много таких улиток водится в море?

Фиджит: Осталась всего одна. Это последний представитель гигантских моллюсков. Они происходят из тех далеких времен, когда киты еще были наземными животными. Говорят, ей больше семидесяти тысяч лет.

Доктор: Господи всемолюбивый, какие чудесные вещи вы мне поведали! Мне просто необходимо с ней увидеться.

Фиджит: Вы хотите задать мне еще какие-нибудь вопросы? А то вода в вашем аквариуме становится теплой, и нечем дышать. Я бы хотел вернуться в море.

Доктор: Последний вопрос, пожалуйста. Когда Христофор Колумб в 1492 году пересекал Атлантический океан, он выбросил за борт два экземпля-

ра своих дневников, законопаченных в бочки. Одну из них так и не нашли. Должно быть, она утонула. Мне бы хотелось найти эту копию для своей библиотеки. Не знаете ли вы, где она может быть?

Фиджит: Знаю. Это тоже на дне Глубокой Дыры. Течения отнесли бочку к северу, и ее затащило в Глубокую Дыру. Будь это в любой другой части океана, я бы с радостью достал вам дневник, но только не из Глубокой Дыры.

Доктор: Ну что ж, вот и все, пожалуй. Страшно не хочется отпускать вас в море, потому что, как только вы уплывете, у меня возникнет множество новых вопросов. Но надо держать слово. Не хотите ли чего-нибудь перед отплытием? Может быть, желаете подкрепиться?

Фиджит: Нет, спасибо, мне нужно спешить. Все, что мне действительно нужно, так это свежая морская вода.

Доктор: Бесконечно признателен вам за все, что вы мне рассказали. Вы проявили столько терпения и очень мне помогли.

Фиджит: Не стоит благодарности. Я был рад помочь великому Джону Дулитлу. Вы, наверное, знаете, что пользуетесь большой известностью среди высших классов рыб. Прощайте, и удачи вам и вашему кораблю, пусть исполнятся все ваши планы.

Доктор поднес аквариум к люку, открыл его и выплеснул содержимое в воду.

— Прощайте, — пробормотал он вслед легкому всплеску воды.

Я уронил на стол карандаш и откинулся на стуле. Мои пальцы так напряглись, пока я писал, что мне казалось, они вряд ли когда-нибудь распрямятся. Но я-то по крайней мере спал ночью. Доктор же был таким усталым, что еле донес аквариум до стола

и прямо-таки упал на стул, глаза его тут же сами закрылись, и он заснул.

Тут в дверь сердито поскреблась Полинезия. Я встал и впустил ее.

— Хорошенькое дельце! — расшумелась она. — Что это за корабль такой! Этот темнокожий завалялся спать прямо у штурвала, Доктор вовсю храпит здесь, а ты что-то калякаешь в тетрадке! Вы что думаете, корабль сам доплывет до Бразилии? Нас несет по морю, словно пустую бутылку, и мы уже на неделю отстаем от расписания. Что с вами всеми случилось?

Она так волновалась, что ее голос срывался на визг. Но Доктора этим было не разбудить. Я убрал тетрадь и поднялся на палубу, чтобы встать к штурвалу.

ГЛАВА 3

ПОГОДА ПОРТИТСЯ

Вернув «Кроншнеп» на заданный курс, я обнаружил странную вещь: попутный ветер сильно ослаб. Поначалу мы не особенно беспокоились, надеясь, что он снова наполнит наши паруса, однако прошел день, два, неделя, десять дней, а ветер не усиливался. «Кроншнеп» тащился с черепашьей скоростью.

Я заметил, что Доктор обеспокоен. Он все время доставал свой секстант (инструмент, определяющий географическое положение корабля) и делал какие-то расчеты, сверяясь с картой и измеряя по ней расстояния. И по сто раз в день вглядывался в морскую даль при помощи подозрительной трубы.

— Доктор, — обратился я к нему, когда он бормотал себе под нос что-то о туманном виде небосвода, — разве так уж страшно, если мы немного задержимся в пути? У нас достаточно еды на борту, и малиновая райская птичка наверняка догадается, что нас задержали непредвиденные обстоятельства.

— Да, может быть и так, — задумчиво ответил Доктор. — Но мне не хотелось бы заставлять ее ждать. В это время года она обычно отправляется в Перуанские горы для поправки здоровья. Да и обещанная хорошая погода может кончиться со дня на день. Если бы мы шли с хорошей скоростью, я был бы спокоен, но мы плетемся еле-еле. А вот и ветер подул, не очень сильный, правда, но, возможно, он усилится.

Легкий северо-восточный бриз овладел снастями нашего корабля, и мы радостно заулыбались, с надеждой глядя на кренящуюся мачту «Кроншнепа».

— Нам осталось пройти до берегов Бразилии

каких-нибудь сто пятьдесят миль, — сказал Доктор, — если ровный сильный ветер будет дуть целый день, то скоро мы увидим землю.

Однако внезапно ветер изменился, нас разворачивало то к востоку, то к северу. Ветер налетал сильными порывами, словно никак не мог решить, в какую же сторону ему дуть. Я не отходил от штурвала, стараясь удержать «Кроншнеп» на правильном курсе.

Полинезия, сидевшая на верху мачты и наблюдавшая за проходящими кораблями, возвестила:

— Будет шторм! Порывистый ветер — плохая примета. Смотрите, там на востоке черная полоса на горизонте. Будь я проклята, если это не шторм! Уж если задуют здесь ветры, то держись, паруса сорвут и превратят в клочья, что твою бумагу. Возьмите штурвал, Доктор: если действительно будет шторм, здесь нужна твердая рука. Я разбужу Бампо и Чи-Чи. Ох, и не нравится мне все это. Лучше бы нам заранее спустить паруса, пока ветер не разыгрался.

И действительно, небо стремительно принимало угрожающий вид. Черная полоска на востоке все сгущалась и увеличивалась, неминуемо приближаясь к нам. По всему морю шел низкий рокочущий гул. А вода, еще за несколько часов до того голубая и приветливая, превратилась в страшную серую пучину. По стремительно темнеющему небу неслись стаи облаков, словно взлохмаченные ведьмы, убегающие от бури.

Должен признаться, я был напуган. Ведь до этого мне приходилось иметь дело лишь с миролюбиво настроенным морем: порой тихим и даже ленивым, порой хохочущим, беззаботным и отчаянным, а порой задумчивым и поэтичным, когда лунный свет серебрил морскую гладь, а огромные снежные обла-

ка плыли подобно сказочным замкам в ночном небе. И поэтому до сей поры я и представить себе не мог, что такое разбушевавшееся море.

Когда шторм наконец разразился, нас сразу же сильно накренило, словно какой-то невидимый великан дал бедняге «Кроншнепу» пощечину. После этого события стали разворачиваться столь стремительно, а ветер дул так немилосердно, что мы едва могли переводить дыхание. Огромные волны накрывали корабль, гул и рокот заглушали все другие звуки, и, по правде сказать, я так и не понял, как же все-таки произошло наше кораблекрушение.

Я помню, что мы пытались снять и сложить на палубе паруса, но сильный порыв ветра выхватил их у нас из рук и вышвырнул за борт, словно воздушные шарики, а с ними едва не выпала за борт Чи-Чи. И еще я смутно помню, что Полинезия кричала откуда-то сверху, что нужно задрать люки. Несмотря на то, что паруса были спущены, мы с дикой скоростью мчались в южном направлении. Время от времени откуда-то из-под днища корабля возникали огромные страшные серо-черные волны, подобные ночным чудищам. Они обрушивались на нас с такой силой, что бедный «Кроншнеп» приостанавливался и уходил под воду, напоминая задыхающуюся тонущую свинку.

И когда я ползком пробирался к штурвалу, цепляясь руками и ногами за поручни, прилипнув к ним, словно пиявка, чтобы меня не смыло за борт, одна из этих ужасных волн подхватила меня и протащила по палубе. Со всей силой я ударился головой о дверь и потерял сознание.

ГЛАВА 4

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Когда я пришел в себя, в голове у меня был туман. Море успокоилось, небо очистилось. Я было подумал, что задремал на солнышке на палубе «Кроншнепа». И боясь, что проспал свою вахту у штурвала, хотел вскочить на ноги. Но тут же выяснилось, что это невозможно. Я был привязан к чему-то за локти. Попытавшись повернуться, я обнаружил, что это обломок мачты. И тут я понял, что нахожусь не на корабле, а лишь на том, что от него осталось. Меня охватил ужас. Сколько я ни напрягал глаза, кругом, куда ни кинь взгляд, была вода — ни полоски суши, ни корабля вдали. Я был совершенно один в океане.

Наконец мало-помалу моя разбитая голова начала вспоминать, что произошло: как разыгрался шторм, как смыло паруса за борт, и как потом огромная волна ударила меня со всей силой о дверь. Но что стало с Доктором и всеми остальными? И что это за день — завтра или, послезавтра? И почему я сижу на обломках корабля?

С трудом протиснув руку в карман, я вытащил оттуда перочинный ножик и разрезал веревки. Это напало мне историю, однажды рассказанную Джоном Дулитлом про капитана, привязавшего своего сына к мачте, чтобы того не смыло в воду. Видимо, Доктор поступил так же со мной.

Но где же он сам?

И тут мне в голову пришла страшная мысль, что Доктор и все наши друзья утонули. Ведь никаких других обломков корабля поблизости не было. Я поднялся на ноги и осмотрелся. Ничего вокруг,

Я был совершенно один в океане.

только небо и вода!

В этот момент я заметил маленькое темное пятнышко вдалеке над волнами. Это оказался буревестник. Я пытался заговорить с ним, когда он полетел поближе, но, к сожалению, я еще не так хорошо знал язык морских птиц, чтобы привлечь к себе его внимание и тем более объяснить, чего хочу.

Он дважды спланировал надо мною, даже не взмахнув крылом. И я поймал себя на том, что, невзирая на охватившее меня отчаяние, мне страшно интересно, где же эта птица провела вчерашнюю ночь и как она смогла пережить бурю. Ведь с этим буревестником, фактически крошечным комочком перьев, куда меньшим и более слабым, чем я, разбушевавшееся море могло расправиться безо всякого труда.

Но в ответ на мой невысказанный вопрос птица лишь лениво покачивала крылом. Вот уж кого можно было назвать бывалым моряком. Ведь море было ее пристанищем и в ясный солнечный день, и в бурю.

Покружив надо мною, как я предположил, в поисках пищи, буревестник улетел в том же направлении, откуда и появился. Больше я его не видел.

Я почувствовал, что голоден и что мне хочется пить. В голову лезли всякие грустные мысли, какие обычно появляются, когда человек находится в одиночестве и не имеет возможности позавтракать. Что станет со мной, если Доктор и все утонули? Я умру от голода и жажды. Тут солнце зашло за облако, и мне стало холодно. Сколько же миль отделяет меня от суши? А что, если разразится новая буря и смоев меня с этих несчастных обломков?

Мне становилось все тоскливее и тоскливее, и вдруг я вспомнил слова Полинезии: «С Доктором

ты в безопасности, — говорила она, — он всегда добирается до места. Помни это».

Мне наверняка не было бы так страшно, если бы Доктор был рядом. Но от безысходного одиночества невыносимо хотелось плакать. Но ведь и буреви́стник был один. Что же, я маленький ребенок, что ли, — уговаривал я самого себя, — чтобы рыдать из-за какого-то там одиночества. В данный момент, по крайней мере, я в полной безопасности. Джон Дулитл наверняка бы не испугался, окажись он в моем положении. Наоборот, он только радовался, когда совершал открытия, находил какого-нибудь нового жука или еще что-нибудь в этом роде. И если Полинезия говорила правду, то Доктор никак не мог утонуть, и все в конце концов образуется.

Я выпрямил спину, застегнулся на все пуговицы и начал расхаживать взад-вперед по своему плотику, чтобы согреться. Буду как Джон Дулитл и не стану плакать, но и радоваться тоже пока рановато.

Сколько времени я так ходил, не знаю. Видимо, довольно долго, поскольку больше мне нечего было делать. Наконец я устал и прилег отдохнуть. Несмотря на все мои горести, я заснул.

Когда я открыл глаза, в безоблачном небе сияли звезды. Море все еще было спокойно, и мой плотик бодро покачивался на волнах. Но все мое мужество оставило меня, когда, глядя в звездную ночную даль, я ощутил дикий приступ голода и жажды.

— Ты не спишь? — услышал я вдруг серебряный голосок у своего локтя.

Я подскочил, словно кто-то ткнул меня булавкой. На самом краешке плота, поблескивая своим восхитительным золотым хвостом, сидела Миранда, малиновая райская птичка!

Никогда в жизни я никому не был так рад. Я чуть не свалился в воду, бросившись обнимать ее.

— Мне не хотелось будить тебя, — проговорила она, — ты ведь устал после всего, что с тобой приключилось. Не сжимай меня так сильно, мальчик, я же не чучело утки!

— Миранда, милая Миранда, — ликовал я, — как же я рад тебя видеть! Но скажи мне, где Доктор? Жив ли он?

— Конечно, жив, я уверена, что он будет жить вечно. Он в сорока милях к западу отсюда.

— А что он там делает?

— Сидит на второй половине «Кроншнепа» и бреется, или по крайней мере брился, когда я улетаю отсюда.

— Боже, хвала небесам, он жив! — кричал я. — А Бампо, а наши звери? Они в порядке?

— Да, они все с ним. Во время шторма ваш корабль разнесло на две части. Доктор привязал тебя к мачте, когда обнаружил, что ты без сознания. И та часть, на которой находился ты, оторвалась и уплыла. Что это была за буря! Надо было родиться чайкой или альбатросом, чтобы перенести такую непогоду. Я уже три недели ждала Доктора, все высматривала корабль с вершины скалы, но прошлой ночью мне пришлось укрыться в пещере, чтобы ветром не вырвало перья из хвоста. Как только я обнаружила Доктора, он тут же велел мне отыскать тебя.

— А как же мне добраться до Доктора, Миранда? У меня ведь нет весел.

— Добраться до Доктора? Да ты уже двигаешься в его сторону, посмотри внимательно.

Я обернулся. Луна как раз вставала из-за моря. И я отчетливо видел, что мой плот движется, но так плавно, что я этого практически не чувствовал.

— А кто же двигает плот? — поинтересовался я.

— Дельфины, — ответила Миранда.

Я подошел к краю плотa и, наклонившись над водой, смог различить огромные темные фигуры дельфинов. Их гладкая кожа блестела в лунном свете, а своими носами они осторожно толкали плот.

— Это старые приятели Джона Дулитла, — сказала Миранда, — они для Доктора готовы на все. Мы скоро прибудем на место. Видишь, там невдалеке что-то темное, нет, нет, смотри правее — видишь, темная фигура на фоне неба, а вот нас заметила Чи-Чи, она машет рукой, неужели ты не видишь?

Я ничего не мог разглядеть, потому что мои глаза не были такими зоркими, как у Миранды.

Но тут я услышал, как откуда-то издалека доносится пение Бампо — он орал комические африканские куплеты во всю мощь своей глотки. И мало-помалу, напряженно вглядываясь в этом направлении, я наконец сумел различить обломки нашего бедного «Кроншнепа», держащиеся на плаву.

Мне навстречу раздалось громогласное «ура!». Я тоже кричал в ответ, и так мы перекрикивались в ночном морском просторе, пока обе половины нашего доблестного корабля не соединились наконец в единое целое.

Теперь, когда я был близко от своих друзей и ярко светила луна, я увидел, что их половина корабля куда больше моей. Вся команда сидела на палубе, весело поглощая запасы корабельного печенья. У края, смотрясь в морскую гладь словно в зеркало, брился осколком от бутылки Доктор Джон Дулитл.

ГЛАВА 5

ЗЕМЛЯ!

Когда я перебрался со своей половины корабля на их половину, мне была устроена торжественная встреча. Бампо принес чудесной свежей воды, которую он достал из бочки, а Чи-Чи и Полинезия принялись с разных сторон угощать меня бисквитами из корабельных припасов.

Однако больше всего я обрадовался, увидев улыбающееся лицо Доктора и осознав, что мы снова вместе. Наблюдая, как он тщательно протирает свою стеклянную бритву и откладывает ее в сторону до следующего раза, я не мог не сравнивать его мысленно с маленьким буревестником. Поистине, глубокие и необычные знания, вынесенные им из общения и дружбы с животными, позволяли ему делать вещи, на которые не отважился бы ни один другой человек. Как и буревестник, Доктор явно умел ладить с морем, в каком бы настроении оно ни находилось. Неудивительно, что многие из диких туземных племен, среди которых он побывал во время своих путешествий, воздвигли ему памятники, изображающие его рыбоптице-человеком. И как это ни нелепо, я вполне мог понять Миранду, когда она говорила о своей уверенности в том, что он никогда не умрет. Даже просто находясь с ним рядом, вы испытывали чудесное чувство комфорта и безопасности.

Если не считать внешнего вида Доктора (его одежда помялась и намокла, а поношенный цилиндр покрывали пятна от соленой морской воды), шторм, так сильно испугавший меня, вывел его из равновесия не больше, чем посадка на мель в илистой Падлби-ривер.

Вежливо поблагодарив Миранду за мою быструю доставку, он попросил ее лететь вперед, показывая нам дорогу к острову Паукообразных Обезьян. Затем он распорядился, чтобы дельфины оставили мой обломок корабля и толкали большую часть судна в том направлении, куда поведет нас райская птичка.

Что еще Доктор потерял в кораблекрушении, кроме бритвы, я не знал. Скорее всего, — все, включая все деньги, заработанные Бампо во время корриды в Монтеверде. И несмотря на это, он улыбался так, как будто не нуждался ни в чем на свете. Насколько я мог понять, единственными вещами, которые ему удалось спасти — кроме бочонка с водой и коробки с бисквитами, — были его драгоценные записные книжки. Их — как я заметил, когда он встал, — он обвязал вокруг пояса длинной-предлинной бечевкой. Как говорил старый Мэттью Магг, это был великий человек. Он был грандиозен.

И вот уже три дня мы продолжали свое путешествие, медленно, но упорно продвигаясь на юг.

Было лишь одно неудобство, беспокоившее нас, — холод. По мере того, как мы двигались вперед, он, похоже, усиливался. Доктор сказал, что остров, сбившийся из-за сильного шторма со своего обычного маршрута, очевидно, снесло дальше к югу, чем когда-либо раньше.

На третью ночь бедная Миранда вернулась к нам почти обмороженной. Она сказала Доктору, что утром мы обнаружим остров совсем рядом. Теперь же мы не могли его видеть, так как ночь была темной и туманной. Миранда добавила, что должна немедленно поспешить назад, в более теплые края, и что она, как обычно, навестит Доктора в Падлби в следующем августе.

— Не забудь, Миранда, — сказал Джон Дулитл, — если услышишь что-нибудь о том, что случилось с Длинной Стрелой, непременно дай мне знать.

Райская Птичка заверила его, что так и поступит. После того, как Доктор несколько раз поблагодарил ее за все, что она для нас сделала, она пожелала нам удачи и исчезла во мраке ночи.

Проснулись мы рано, задолго до рассвета, и ждали минуты, когда впервые увидим землю, ради которой плыли в такую даль. И когда поднимающееся солнце рассеяло тьму на востоке, мы услышали крики Полинезии, первой заметившей пальмы и горные вершины суши.

Когда стало светлее, мы поняли, что перед нами длинный остров с высокими скалистыми горами в центральной части. Он находился так близко от нас, что, казалось, брось шляпу — и она упадет на берег.

Дельфины толкнули нас еще один, последний раз, и наше странное на вид судно мягко ткнулось в низкий берег. Благодаря небо за возможность размять занемевшие ноги, мы все поспешно выбрались на сушу — первую, хотя бы и плавучую, сушу, на которую мы ступили за шесть недель. Можете себе представить мое волнение, когда я понял, что остров Паукообразных Обезьян, маленькая точка на карте, которой касался мой карандаш, наконец лежал под моими ногами!

Стало совсем светло, и мы заметили, что пальмы и прочая растительность на острове выглядели чахлыми и почти безжизненными. Доктор сказал, что это, наверное, из-за холода, поразившего остров в новых для него широтах. По его словам, эти деревья и другие растения относятся к видам, произрастающим в жарком тропическом климате.

Готовясь двинуться вглубь острова для того,

чтобы исследовать его, мы внезапно заметили целый отряд краснокожих индейцев, с большим любопытством разглядывавших нас из-за деревьев. Доктор вышел вперед, чтобы поговорить с ними. Однако он никак не мог добиться того, чтобы его поняли. Доктор пытался знаками объяснить индейцам, что прибыл с дружеским визитом. Несмотря на это, краснокожим мы, похоже, не понравились. В руках они держали луки и стрелы, а также длинные охотничьи копья с каменными наконечниками. Ответными знаками они показали Доктору, что если он приблизится еще на один шаг, они всех нас убьют. Индейцы явно хотели, чтобы мы немедленно покинули остров. Ситуация была крайне неприятная.

Наконец Доктор довел до их сознания, что хочет всего лишь осмотреть остров, а затем покинет его. Как он собирался это сделать, не имея лодки, было выше моего понимания.

Пока они переговаривались между собой, появился еще один индеец — как видно, с приказом отряду о переброске в другое место, потому что краснокожие быстро последовали за вновь прибывшим, угрожающе потрясая копьями в нашу сторону.

— Какие невоспитанные дикари! — сказал Бампо. — Вы когда-нибудь видели подобное негостеприимство? Они даже не поинтересовались, застреляли ли мы сегодня, невежи такие!

— Ш-ш! Они возвращаются в свою деревню, — сказала Полинезия. — Держу пари, по ту сторону гор есть деревня. Послушайтесь моего совета, Доктор, уходите с этого берега, пока их нет поблизости. Давайте пока обследуем гористую часть острова — там они не смогут следить за нами. Возможно, они станут дружелюбнее, когда поймут, что мы не хотим причинить им зла. У них честные, открытые лица,

и по-моему, это вполне приличная публика. Они просто дикие — может быть, и белых людей-то никогда не видели.

Итак, слегка разочарованные первым приемом, мы двинулись в направлении гор, видневшихся в глубине острова.

ГЛАВА 6

ДЖАБИЗРИ

Лес у подножья гор оказался густым и труднопроходимым, так что мы с трудом продирались через него. По совету Полинезии мы держались в стороне от всех троп и дорожек, считая, что в наших интересах пока избегать любых встреч с индейцами.

Однако Полинезия и Чи-Чи были в джунглях хорошими проводниками и прекрасными охотниками. Обе они немедленно принялись искать для нас еду. Весьма скоро они нашли довольно много разных фруктов и орехов, которые мы съели с большим удовольствием, хотя никто из нас не знал их названий. Затем мы отыскивали красивый чистый ручей с прозрачной водой, стекавшей с гор, — таким образом, мы могли утолить и жажду.

Мы поднимались вверх по течению ручья в направлении гор. Наконец мы дошли до места, где лес поредел, а склоны стали скалистыми и крутыми. Отсюда мы великолепно видели весь остров и простиравшееся за ним синее море.

В тот момент, когда мы любовались открывшимся видом, Доктор вдруг сказал:

— Ш-ш! Джабизри! Разве вы его не слышите?

Мы прислушались и уловили где-то в воздухе над нами необычайно музыкальное жужжание — оно напоминало пчелиное, но было менее монотонным. Жужжание становилось то громче, то тише, как будто кто-то пел.

— Ни одно насекомое не жужжит так, как жук Джабизри, — сказал Доктор. — Интересно, где он? По звуку совсем близко — наверное, летает среди

деревьев. Ах, если бы мой сачок был со мной! Почему я не привязал его к поясу? Проклятый шторм — из-за него я могу упустить единственный шанс заполучить редчайшего жука в мире. Смотрите, вот он летит!

Огромный, по-моему, дюйма в три, жук внезапно пронесся под самыми нашими носами. Доктор ужасно разволновался. Он снял с головы цилиндр, готовясь использовать его как сачок, бросился вслед за жуком и накрыл его. В безумной спешке Доктор чуть было не упал с обрыва на скалы, торчавшие внизу, но даже не заметил этого. Он опустился на колени, крепко прижимая Джабизри к земле цилиндром. Достав из кармана коробочку со стеклянной крышкой, он приподнял поля цилиндра и ловко заставил жука перейти в нее. Затем он поднялся с колен, счастливый как ребенок, и принялся изучать через прозрачную крышку свое новое сокровище.

Это и вправду было необыкновенно красивое насекомое. Живот у него был бледно-голубой, а спинка — глянцевито-черная, с большими красными пятнами.

— Нет в мире энтомолога, который не отдал бы все на свете, чтобы оказаться сегодня на моем месте, — сказал Доктор. — Смотрите! У этого Джабизри что-то прилипло к ноге. Не похоже на грязь. Интересно, что это такое.

Он осторожно извлек жука из коробочки и взял пальцами за спинку. Жук медленно поводил в воздухе своими шестью ногами. Мы все столпились вокруг, наблюдая за ним. Вокруг средней фаланги его правой передней ноги было обернуто что-то похожее на тонкий сухой листик. Он был очень аккуратно примотан крепкой нитью паутины.

Мы с восхищением наблюдали, как Джон Дулитл

своими неуклюжими пальцами ловко развязал паутину и отцепил листик, не порвав его и не повредив драгоценного жука. Джабизри он положил обратно в коробку. Затем расправил лист и осмотрел его.

Можете себе представить наше изумление, когда мы обнаружили, что внутренняя поверхность листика испещрена значками и рисунками — такими крошечными, что разглядеть их без увеличительного стекла было практически невозможно. Некоторые из значков мы совсем не могли разобрать, однако почти все рисунки были довольно простыми и изображали в основном людей и горы. Все они были выполнены какими-то странными коричневыми чернилами.

На несколько мгновений наступила полная тишина. Взволнованные и озадаченные, мы не спускали глаз с листика.

— Я думаю, что это написано кровью, — проговорил наконец Доктор. — Она приобретает такой цвет, когда высыхает. Кто-то уколол палец, чтобы сделать эти рисунки. Старая уловка, когда под рукой нет чернил, но в высшей степени негигиеничная. Как это необычно — найти такую вещь привязанной к ножке жука! Жаль, что я не знаю языка жуков, иначе я мог бы выяснить, откуда она у Джабизри.

— Но что это такое? — спросил я. — Ряды маленьких рисунков и значков. Как вы думаете, Доктор?

— Это письмо, — сказал он, — письмо-рисунок. Все эти маленькие рисунки и значки, взятые вместе, составляют послание. Но почему оно доверено жуку — и к тому же Джабизри, редчайшему жуку в мире? Очень странно!

Затем он принялся разглядывать рисунки, бормоча над ними:

— Интересно, что бы это значило: люди поднимаются в горы; входят в отверстие пещеры; гора осыпается — хороший рисунок; люди указывают на свои открытые рты; решетки, возможно, тюремные; люди молятся; люди ложатся на землю — они выглядят больными; и, наконец, просто гора — необычной формы.

Внезапно Доктор бросил на меня пристальный взгляд и его лицо озарилось радостной догадкой.

— Длинная Стрела! — воскликнул он. — Разве тебе не ясно, Стаббинс? Ну конечно же! Только натуралисту могла прийти в голову такая идея: поручить письмо жуку — не простому, а самому редкому из всех, такому, за которым будут охотиться другие натуралисты! Ну и ну! Длинная Стрела! Письмо-рисунок от Длинной Стрелы. Ведь рисунки — это единственный известный ему вид письма.

— Да, но кому предназначено это послание? — спросил я.

— Весьма возможно, что и мне. Насколько мне известно, Миранда много лет назад говорила ему, что я собираюсь когда-нибудь посетить этот остров. А если не мне, то любому, кто поймает жука и прочтет письмо. Это послание всему свету.

— Да, но что в нем говорится? Мне кажется, что даже теперь, когда оно у вас, от него все равно мало проку.

— Совсем наоборот, — ответил он, — ведь теперь я могу расшифровать его. Первый рисунок: люди поднимаются в гору — это Длинная Стрела и его отряд. Люди входят в отверстие пещеры — они идут туда в поисках лекарственных растений и мхов. Гора падает — вероятно, сверху обрушились скалы, отрезав их от выхода и замуравав в пещере. И единственное живое существо, способное вынести их послание на свет божий, — это жук, который

роет ходы и может выйти наружу. Конечно, шансы на то, что жука когда-нибудь поймают, а письмо прочтут, были очень невелики. Но все-таки они были, а когда люди находятся в большой опасности, они хватаются за любую соломинку... Так, теперь взгляните на следующий рисунок: люди указывают на свои открытые рты — они голодны. Люди молятся — они просят всех нашедших это письмо прийти к ним на помощь. Люди ложатся на землю — они больны или умирают от голода. Это письмо, Стаббинс, — их последний крик о помощи.

При этих словах он вскочил на ноги, схватил записную книжку и сунул письмо между страницами. Его руки дрожали от нетерпения и возбуждения.

— Вперед, — вскричал он, — все наверх! Нельзя терять ни минуты. Бампо, захвати воду и орехи. Один Бог знает, как долго они томятся там внутри. Будем надеяться и молиться, чтобы мы не опоздали!

— Но где вы собираетесь искать их? — спросил я. — Миранда сказала, что остров вытянут в длину примерно на тысячу миль, при этом горы проходят вдоль всей его центральной части.

— Разве вы не видели последнего рисунка? — ответил он, хватая с земли свой цилиндр и водружая его на голову. — На нем изображена гора странной формы, похожая на голову ястреба. Там он и находится — если он еще жив. Первое, что мы должны сделать, это взобраться на какую-нибудь высокую вершину и осмотреть остров — нам нужна гора в форме ястребиной головы. Подумать только! Не исключено, что я встречу с Длинной Стрелой, сыном Золотой Стрелы! Пойдемте же! Поторопитесь! Промедление может стоить жизни величайшему из когда-либо живших натуралистов!

ГЛАВА 7

ГОРА ЯСТРЕБИНАЯ ГОЛОВА

Впоследствии мы все согласились, что никто из нас никогда в своей жизни столько не работал, как в тот день. Что касается меня, то я несколько раз чуть не падал от усталости, но продолжал идти, как автомат, — что бы ни случилось, я не был намерен сдаться первым.

Взобравшись на высокий пик, мы почти сразу же увидели странную гору, изображенную на рисунке. По своей форме она идеально напоминала голову ястреба и, насколько мы могли судить, была второй по высоте вершиной острова.

Хотя мы все задыхались после подъема, Доктор, заметив гору, не дал передохнуть ни секунды. Бросив один взгляд на солнце, чтобы узнать направление движения, он вновь бросился вниз, продираясь через заросли, шлепая по ручьям, сокращая путь всюду, где только было можно. Для толстяка, каким он был, Доктор, вне всякого сомнения, бежал очень быстро — он был лучшим бегуном по пересеченной местности, которого я когда-либо видел.

Спотыкаясь, мы бежали за ним так быстро, как могли. Когда я говорю «мы», я имею в виду Бампо и себя, поскольку животные — Джип, Чи-Чи и Полинезия намного опережали нас и даже Доктора, наслаждаясь гонкой, как игрой.

Наконец мы добрались до подножия горы, которую искали, и обнаружили, что ее склоны довольно крутые. Доктор сказал:

— Теперь мы разделимся и будем искать пещеры. Точка, где мы сейчас находимся, будет для нас местом встречи. Если кто-то найдет что-либо похо-

жее на пещеру или отверстие со следами осыпавшейся земли и камней, он должен криком позвать остальных. Если мы ничего не найдем, соберемся здесь примерно через час. Все всё поняли?

Затем мы разошлись в разные стороны.

Каждый из нас, можете быть уверены, очень хотел оказаться первым. Я думаю, еще ни одну гору на земном шаре не обыскивали так тщательно. Но увы! Мы не могли найти ничего, что хотя бы отдаленно напоминало обвалившуюся пещеру.

Один за другим, усталые и разочарованные, мы потянулись к месту встречи. Доктор выглядел мрачным, но ему не терпелось продолжать поиски, он ни в коем случае не собирался сдаваться.

— Джип, — сказал он, — неужели ты нигде не почуял запаха индейца?

— Нет, — ответил Джип. — Я обнюхал каждую трещину в склонах горы. Но боюсь, Доктор, что здесь мой нос вам не поможет. Беда в том, что воздух здесь так насыщен запахом паукообразных обезьян, что он забивает все другие запахи. А кроме того, сейчас невозможно хорошо взять след — слишком холодно и сухо.

— Да, действительно, — сказал Доктор, — и становится все холоднее и холоднее. Я боюсь, что остров все еще сносит к югу. Будем надеяться, что он вскоре остановится, в противном случае мы не сможем поживиться даже орехами и фруктами — вся растительность на строве погибнет. Чи-Чи, может, тебе повезло?

— Нет, Доктор. Я побывала на всех пиках и вершинах. Обыскала все впадины и расщелины. Но не нашла ни одного места, где могли бы спрятаться люди.

— Полинезия, — спросил Доктор, — может быть, ты видела что-нибудь такое, что может помочь нам

напасть на их след?

— Нет, Доктор. Но у меня есть план.

— Прекрасно! — воскликнул Джон Дулитл, вновь загораясь надеждой. — Что же это за план? Давайте послушаем.

— У вас по-прежнему с собой ваш жук? — спросила она. — Этот Биз-Биз, или как там вы называете это противное насекомое?

— Да, — ответил Доктор, доставая из кармана коробочку со стеклянной крышкой. — Вот он.

— Хорошо. А теперь слушайте, — сказала она. — Если ваши предположения верны, то есть, если этот Длинная Стрела замурован в горе сорвавшейся скалой, он, вероятно, нашел этого жука в пещере — может, там были и разные другие жуки, правда? Ведь вряд ли же он принес его с собой! Вы говорите, что он искал растения, а не жуков. Так или нет?

— Да, — сказал Доктор. — Это скорее всего так.

— Очень хорошо. Тогда можно предположить, что дом или нора жука находится в этом месте — в той части горы, где томятся Длинная Стрела и его люди. Так?

— Верно, верно.

— Хорошо. В этом случае все, что мы должны сделать — это отпустить жука и следить за ним, и рано или поздно он вернется в свой дом в пещере Длинной Стрелы. А там мы последуем за ним. Или во всяком случае, — добавила она, приглаживая перышки с видом крайнего превосходства, — мы пойдем за ним по пятам до того места, где этот жалкий жук начнет рыть землю. По крайней мере он покажет нам, в какой части горы находится Длинная Стрела.

— Но он может улететь, если я выпущу его, — сказал Доктор. — Тогда мы просто потеряем его и не сдвинемся с места в наших поисках.

— Пусть летит, — презрительно отозвалась Полинезия. — Я думаю, попугай может летать так же быстро, как и Биз-Биз. Если он поднимется в воздух, я гарантирую вам, что не выпущу этого чертенка из виду. А если он будет просто ползти по земле, вы сможете идти за ним сами.

— Великолепно! — вскричал Доктор. — Полинезия, ты просто гениальна. Я немедленно выпускаю его и посмотрим, что из этого выйдет.

Мы вновь обступили Доктора — он осторожно снял стеклянную крышку и позволил большому жуку выползти оттуда к нему на палец.

— Божья коровка, Божья коровка, лети домой! — запел Бампо. — В твоём доме пожар, твои дети горят...

— О, помолчи! — сердито оборвала его Полинезия. — Перестань оскорблять его! Ты что думаешь, у него не хватит ума отправиться домой без твоих подсказок?

— Я подумал, что, может быть, у него легкомысленный характер, — робко сказал Бампо. — Может, он устал от своего дома и его нужно немного воодушевить. Как ты думаешь, может, мне спеть ему «Дом, милый дом»?

— Нет уж, я боюсь, что, услышав твой голос, он от страха вообще забудет дорогу домой. Не пой ему, просто следи за ним. И, Доктор, почему бы нам не привязать к ноге этого существа ещё одно письмо, где мы сообщим Длинной Стреле, что из всех сил стараемся его найти и что он не должен отчаиваться?

— Так я и сделаю, — сказал Доктор. Через минуту он уже держал в руках сухой листок, сорванный им с какого-то куста неподалеку, и покрывал его мелкими карандашными рисунками.

Наконец аккуратно оборудованный новым почтовым ящиком, г-н Джабизари сполз с пальца Док-

тора на землю и осмотрелся по сторонам. Он размял конечности, почесал нос передними ногами и затем лениво двинулся в западном направлении.

Мы ожидали, что он будет подниматься в гору, однако он, наоборот, обходил ее. Вы знаете, сколько времени нужно жуку, чтобы обойти гору? Что ж, могу заверить вас, что ему нужно для этого невероятно много времени. Час проходил за часом, и мы все надеялись, что он поднимется в воздух и пролетит остаток пути, а следовать за ним достанется Полинезии. Но он даже ни разу не выпустил крылья. Я раньше не знал, как трудно человеку сохранять один и тот же темп ходьбы с жуком. Это было самое утомительное дело, которым я когда-либо занимался. И пока мы тянулись за Джабизри, не спуская с него ястребиных взоров, чтобы он не исчез под листом или каким-нибудь другим предметом, мы все пришли в такое недовольство и раздражение, что готовы были вцепиться друг в друга. А когда он останавливался, чтобы посмотреть по сторонам или снова почесать нос, я слышал, как Полинезия за моей спиной изрыгала самые жуткие моряцкие ругательства, которые только можно себе представить.

Жук заставил нас обойти вслед за ним всю гору и в конце концов привел на то самое место, с которого мы начали свой путь, и там остановился как вкопанный.

— Ну, — спросил Бампо Полинезию, — что ты теперь думаешь о сообразительности этого жука? Ты же видишь, что у него не хватает ума идти домой.

— Помолчи, ты, готтентот! — отрезала Полинезия. — Если бы тебя целый день продержали в коробке, разве тебе не хотелось бы размять ноги? Может быть, его дом здесь, рядом, и именно поэтому он вернулся сюда.

— Но почему же тогда он сначала обошел всю гору? — спросил я.

Тут мы втроем яростно заспорили. Спор был в самом разгаре, когда Доктор внезапно позвал нас.

— Смотрите, смотрите!

Мы обернулись и увидели, что он показывает на Джабизри, который теперь двигался вверх по склону горы гораздо более быстрой и деловой походкой.

— Так, — сказал, устало опускаясь на землю, Бампо, — если он собирается перевалить через гору и вернуться обратно, чтобы еще немного размяться, я подожду его здесь. Чи-Чи и Полинезия могут следовать за ним.

Действительно, чтобы подняться по склону, который сейчас преодолевал жук, нужно было быть обезьяной или птицей. Это была абсолютно гладкая плоская поверхность, отвесная, как стена.

Прошло еще немного времени. Джабизри находился теперь не более чем в десяти футах над нашими головами, и тут вдруг мы все разом вскрикнули. Потому что, пока мы наблюдали за ним, он растворился в скале, как дождевая капля растворяется в песке.

— Он пропал! — воскликнула Полинезия. — Там, наверху, должно быть отверстие. — В мгновение ока она вспорхнула на скалу, цепляясь за ее поверхность когтями.

— Да, — закричала она нам. — Наконец-то мы его выследили. Его ход здесь, за кустом лишайника, он достаточно большой, чтобы просунуть два пальца.

— Ах, — воскликнул Доктор, — этот огромный кусок скалы, наверное, оторвался от вершины и закрыл отверстие в пещере, как заслонкой. Бедняжки! Как же им там пришлось ужасно! Ах, если бы у нас сейчас были кирки и лопаты!

— От кирок и лопат будет мало толку, — сказала

Полинезия. — Посмотрите на размер скалы: сто футов в высоту и столько же в ширину. Вам понадобится целая армия и не меньше недели, чтобы хотя бы сдвинуть ее с места.

— Интересно, какая у нее толщина, — сказал Доктор. Он поднял большой камень и со всей силой обрушил его на поверхность скалы. Послышался гулкий, глухой звук, напоминающий звук гигантского барабана. Мы все стояли тихо, прислушиваясь к эху, замиравшему вдали.

И тут холодная дрожь пробежала по моей спине. Из глубины горы донеслись три ответных удара: бум!.. бум!.. бум!

Остолбенев, мы смотрели друг на друга, как будто с нами говорила сама земля. Последовавшее за этим непродолжительное и торжественное молчание было нарушено Доктором.

— Благодарение Богу, — сказал он тихим, благоговейным голосом, — по крайней мере, некоторые из них живы!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА I

ВЕЛИКОЕ МГНОВЕНИЕ

Следующая часть нашей головоломки была самой трудной: как откатить в сторону, свалить или расколоть эту гигантскую скалу. Нам, заворуженно вглядывавшимся в громаду, нависавшую сверху, эта задача представлялась безнадежным, непосильным делом.

Однако признаки жизни, доносившиеся до нас из глубины горы, придали нам сил. Спустя мгновение мы уже бегали в поисках какого-нибудь отверстия или щели, которые можно было бы расширить. Чи-Чи взобралась на отвесную стену скалы и исследовала ее верхнюю часть в том месте, где она примыкала к склону горы. Я выкорчевал кусты и оборвал ползучие растения, за которыми могли скрываться просевшие места. Доктор собрал еще листьев и подготовил новые письма-рисунки с тем, чтобы Джабизри взял их с собой, если он снова объявится. Полинезия же принесла пригоршню орехов и по одному протолкнула их в ход, проделанный жуком, чтобы пленники, сидящие внутри, могли их съесть.

— Орехи так питательны, — сказала она.

Однако открытие, которое в конечном итоге привело нас к успеху, было сделано Джибом, который скреб когтями подножие скалы, как добрый крысолов.

— Доктор! — воскликнул он, подбегая к Джону Дулитлу. Весь нос его был заляпан черной грязью.

— Эта скала держится всего лишь на мягкой подушке из земли. Вы даже не представляете, как там легко копать. Я думаю, что пещера, которая находится за скалой, слишком высока, чтобы индейцы могли дотянуться до этой подушки руками, иначе они бы уже давно прорыли ход. Если бы нам удалось сделать подкоп под этот слой земли, скала бы немного осела. Тогда индейцы, возможно, смогли бы перелезть через нее.

Доктор поспешил обследовать место, где рыл землю Джип.

— Да, действительно, — сказал он, — если мы сумеем откопать землю из-под переднего края скалы, она выпрямится, и мы сможем сделать так, чтобы она упала в том направлении, в каком нам нужно. Стоит попытаться. Скорее за дело.

У нас не было никаких инструментов, кроме палок и кусков камня, собранных вокруг. Странное, должно быть, мы являли собой зрелище, сидя на корточках, скребя и царапая землю у подножия горы, как шесть выстроившихся в линейку барсуков.

Примерно через час, в течение которого, несмотря на холод, с наших лбов во все стороны летели брызги пота, Доктор сказал:

— Будьте готовы отскочить, как только эта скала начнет двигаться. Если под ней кто-то окажется, его раздавит в лепешку.

Прошло еще немного времени, и мы услышали резкий, скрежещущий звук.

— Осторожно! — закричал Джон Дулитл. — Она падает! Разбегайтесь!

Спасаясь, мы побежали в разные стороны. Огромная скала мягко соскользнула примерно на фут вниз, в углубление, проделанное нами. На мгновение я испытал разочарование, потому что, казалось, все было так же безнадежно, как и прежде, — над ней

не было видно ни малейшего признака входа в пещеру. Однако, подняв глаза вверх, я увидел, что верхушка скалы медленно отходит от склона горы. Мы расшатали ее снизу. Когда она подалась вперед еще больше, за ней слышались звуки человеческих голосов, радостные возгласы на каком-то странном языке. Все быстрее и быстрее верхушка скалы клонилась вперед и вниз. Затем с оглушительным грохотом, потрясшим весь горный массив под нашими ногами, она упала на землю и раскололась пополам.

Как описать первую встречу двух величайших из всех когда-либо живших на Земле натуралистов — Длинной Стрелы, сына Золотой Стрелы и Джона Дулитла, доктора медицины из Падлби-на-болоте? Эта сцена и сейчас стоит перед моими глазами отчетливо и ясно, я вижу ее во всех деталях, хотя с тех пор прошло много лет. Но где взять слова, чтобы рассказать об этом великом событии?

Зная, как много для Доктора значила эта встреча, я изнывал от нетерпения и любопытства, пока гигантская скала падала к нашим ногам, а мы смотрели во все глаза, пытаясь разглядеть, что скрывается за нею.

Перед нами открылось черное, мрачное отверстие тоннеля высотой в полных двадцать футов. В центре отверстия стоял огромный краснокожий индеец, семи футов роста, красивый, мускулистый, стройный и нагой — если не считать украшенного бусами куска ткани, обернутого вокруг его бедер, и орлиного пера в волосах. Он держал одну руку у лица, прикрывая глаза от слепящего солнечного света, которого он не видел уже много дней.

— Это он! — услышал я шепот Доктора подле себя. — Я узнаю его по огромному росту и шраму на подбородке.

Переступив через осыпавшийся камень, он медленно пошел вперед, протягивая руку к краснокожему человеку.

Наконец индеец отвел руку от глаз. Я увидел в них особенный пронзительный блеск — они были похожи на орлиные, только добрее и мягче. Он медленно поднял правую руку, оставаясь спокойным и неподвижным, как статуя, и взял руку Доктора. Это было великое мгновение. Полинезия кивнула мне с многозначительным видом. А Бампо сентиментально вздохнул.

Затем Доктор попытался заговорить с Длинной Стрелой. Но индеец, разумеется, не знал английского языка, а Доктор не говорил на его наречии. Вскоре, к моему удивлению, я услышал, как Доктор пытается говорить с ним на языках различных животных.

— Здравствуйте! — сказал он по-собачьи. — Рад видеть вас, — на лошадином языке. — Как долго вы были отрезаны от мира? — на языке оленей. Однако индеец по-прежнему стоял, прямой и напряженный, не двигаясь и не понимая ни слова.

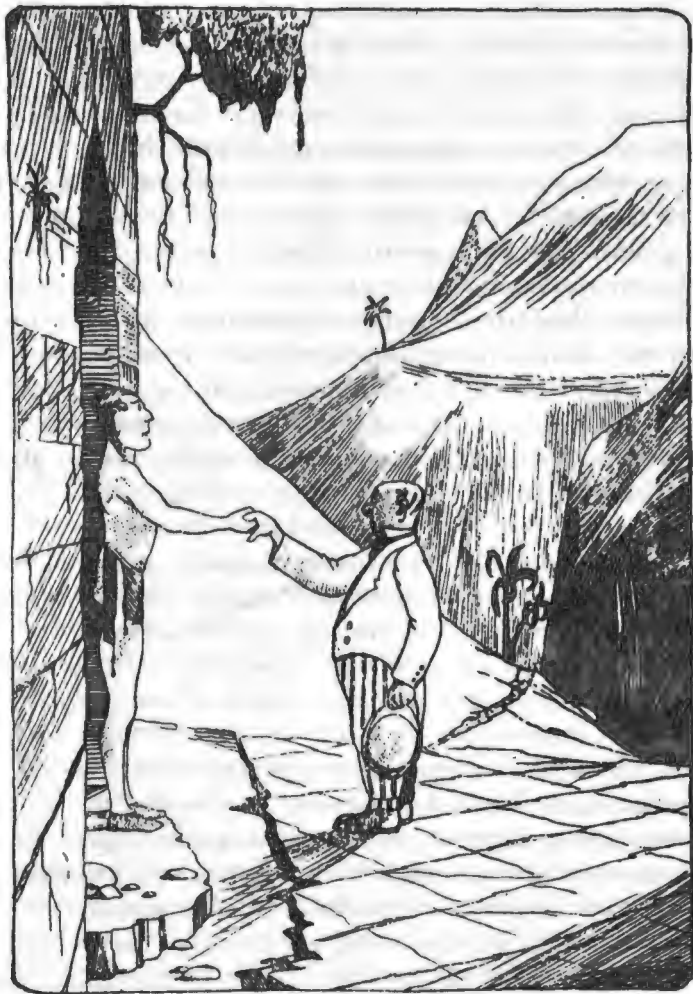
Доктор сделал новые попытки, используя другие звериные диалекты. Никакого результата.

И тут он наконец дошел до языка орлов.

— Великий Краснокожий, — прокричал он резкими возгласами и отрывистым ворчливым клекотом, который издают большие птицы. — Никогда еще в моей жизни я так не радовался, как сегодня, обнаружив вас живым.

Мгновенно неподвижное лицо Длинной Стрелы озарилось понимающей улыбкой, и он ответил Доктору на орлином языке.

— Могушественный Белый Человек, я обязан тебе своей жизнью. До конца моих дней я твой верный слуга.

Это было великое мгновение.

Впоследствии Длинная Стрела рассказал нам, что это был единственный из языков зверей и птиц, который он смог выучить. Но он не пользовался им уже очень давно, потому что орлы никогда не прилетали на остров.

Затем Доктор подал сигнал Бампо, который вышел вперед с орехами и водой. Но Длинная Стрела не стал ни есть, ни пить. Взяв припасы с благодарным кивком, он развернулся и понес их в сумрачную глубь пещеры. Мы последовали за ним.

Внутри мы обнаружили еще девять человек — мужчин, женщин и детей, лежавших на скалистом полу в ужасном состоянии, худых и изможденных.

Доктор подошел к каждому и послушал, есть ли пульс. Все они были живы, но одна женщина была настолько слаба, что даже не могла стоять на ногах.

По сигналу Доктора Чи-Чи и Полинезия бросились в джунгли за новой порцией воды и фруктов.

Пока Длинная Стрела раздавал принесенную нами еду своим изголодавшимся друзьям, мы внезапно услышали снаружи какой-то звук. Обернувшись, мы увидели у входа толпу индейцев — тех самых, которые столь негостеприимно встретили нас на берегу.

Вначале они настороженно вглядывались во мрак пещеры. Но увидев с нами Длинную Стрелу и других краснокожих, они ринулись внутрь, смеясь, хлопая в ладоши и тараторя с ужасной скоростью.

Длинная Стрела объяснил Доктору, что девять индейцев, которых мы нашли в пещере вместе с ним, были членами двух семей, сопровождавших его в горы и помогавших в сборе лекарственных растений. Пока они были заняты поисками мха, известного как средство от несварения желудка, — он растет только внутри сырых пещер, — огромная каменная плита соскользнула вниз и отрезала их от

мира. Затем целый месяц они питались этим целебным мхом и пили пресную воду, капавшую с сырых стен пещеры. Другие жители острова сочли их пропавшими и оплакивали как мертвых. Теперь они были изумлены и счастливы найти своих сородичей живыми.

Когда Длинная Стрела повернулся к вновь прибывшим и объяснил им на своем языке, что их родственников нашел и освободил белый человек, они обступили Джона Дулитла, разом заговорили и стали бить себя в грудь кулаками.

Длинная Стрела сказал, что они просят прощения и пытаются объяснить Доктору, как сожалеют о том, что были не приветливы с ним на берегу. Они никогда раньше не видели белого человека и действительно испугались его — особенно когда увидели, как он беседует с дельфинами. По их словам, они подумали, что Доктор — злой дух.

Затем они вышли из пещеры и стали внимательно осматривать огромную скалу, сброшенную нами вниз. Они все ходили и ходили вокруг нее, указывая пальцами на трещину, делящую скалу надвое, и пытались понять, как же нам удалось совершить чудо — свалить такой гигантский камень.

Путешественники, побывавшие с тех пор на острове Паукообразных Обезьян, рассказывали мне, что эта огромная скала стала теперь одной из главных его достопримечательностей. И что показывая ее посетителям, индейские гиды всегда рассказывают свою версию истории ее появления на этом месте. Они говорят, что когда Доктор обнаружил, что его друг Длинная Стрела оказался в каменной ловушке, он так рассердился, что расколол гору пополам голыми руками, чтобы освободить его.

ГЛАВА 2

ЛЮДИ ДВИЖУЩЕЙСЯ ЗЕМЛИ

С этого момента отношение к нам индейцев резко изменилось. Мы получили приглашение в их деревню на празднество по случаю благополучного избавления от смерти пропавших семей. Соорудив из молодых побегов носилки для больной женщины, мы все двинулись вниз по склону горы.

По дороге краснокожие что-то сказали Длинной Стреле. Я сразу понял — вести были плохие, потому что его лицо сразу омрачилось. Доктор спросил его, что случилось. Длинная Стрела ответил, что рано утром умер вождь их племени, восьмидесятилетний индеец.

— Вот из-за этого-то, — прошептала мне в ухо Полинезия, — они и вернулись в деревню с берега, когда за ними прибежал гонец. Помнишь?

— Отчего он умер? — спросил Доктор.

— Он умер от холода, — ответил Длинная Стрела.

Тем временем солнце почти село, и мы почувствовали, что и нас пробирает холодная дрожь.

— Положение серьезное, — сказал мне Доктор. — Остров по-прежнему находится во власти этого проклятого южного течения. Этим придется заняться завтра. Если ничего нельзя будет сделать, индейцам лучше сесть в свои каноэ и покинуть остров. Так они хоть могут надеяться выжить — если, конечно, волны не опрокинут их лодки. В противном случае они почти наверняка замерзнут до смерти в ледяных торосах Антарктики.

Вскоре мы перевалили через седловину горного хребта и увидели внизу, в дальней части острова, деревню — большое скопление плетенных из травы

хижин и ярко раскрашенных тотемных столбов, располагавшихся рядом с кромкой моря.

— Прекрасный вид! — заметил Доктор. — И чудное местоположение. Что это за деревня?

— Попсипетль, — ответил Длинная Стрела. — Так и племя называется. По-индейски это значит «люди движущейся земли». На острове два индейских племени — попсипетли в этой части и багджагдераги в той.

— И кого же из них больше?

— Конечно, багджагдерагов, их город занимает два квадратных лье. Однако, — добавил Длинная Стрела, и по его красивому лицу пробежала легкая тень, — я бы лично предпочел одного попсипетля сотне багджагдерагов.

Весть о проведенной нами акции спасения явно опережала нас. Приблизившись к деревне, мы увидели толпу индейцев, выбегавших нам навстречу, чтобы приветствовать друзей и родственников, которых они уже не надеялись снова увидеть.

Когда им рассказали, что спасение — дело рук странного белого пришельца, эти добрые люди окружили Доктора и принялись жать ему руки, хлопать по спине и обнимать. Затем они подняли его на свои сильные плечи и понесли вниз с горы в деревню.

Там нам оказали еще более теплый прием. Несмотря на холод надвигавшейся ночи, жители деревни, дрожавшие в своих домах, распахнули двери и сотнями вышли на улицу. Я и понятия не имел, что в маленькой деревне столько народу. Люди окружали нас, улыбались, кивали, размахивали руками. Слушая рассказ Длинной Стрелы о деталях нашей операции, они выпускали необычные напевные звуки, которые мы приняли за изъявления благодарности или похвалы.

Затем нас проводили в совершенно новую хижину, сплетенную из травы, чистую и благоухающую

внутри. Шестерым крепким индейским мальчикам было велено нам прислуживать.

По пути через деревню на краю главной улицы мы заметили хижину, выделявшуюся среди других своими большими размерами. Длинная Стрела сказал, что это хижина вождя, но теперь она пуста, поскольку новый вождь на место старого, только что умершего, еще не избран.

Внутри нашего нового дома нас ждал роскошный стол из рыбы и фруктов. Когда мы вошли туда, самые именитые люди племени уже усаживались за большой обеденный стол. Длинная Стрела предложил нам сесть и закусить.

Упрашивать нас не пришлось, потому что все были очень голодны. Однако мы с удивлением и разочарованием обнаружили, что рыба не зажарена. Индейцы, похоже, не находили в этом ровным счетом ничего необычного, жадно и с наслаждением глотая рыбу как есть, то есть сырой.

С массой извинений Доктор объяснил Длинной Стреле, что, если никто не возражает, мы бы предпочли есть рыбу жареной.

Каково же было наше изумление, когда мы поняли, что великий натуралист Длинная Стрела, обладавший столь глубокими познаниями в естественных науках, не знает, что значит слово «жареный»!

Полинезия, сидевшая на лавке между Джоном Дулитлом и мной, потянула Доктора за рукав.

— Доктор, я могу сказать вам, в чем дело, — прошептала она, когда он склонился к ней, — у этих людей нет костров! Они не умеют зажечь очаг. Посмотрите наружу: почти темно, а во всей деревне ни единого огонька. Это племя, не знающее огня.

ГЛАВА 3

ОГОНЬ

Тогда Доктор спросил Длинную Стрелу, знает ли он, что такое огонь. Свой вопрос он пояснил рисунками, которые нарисовал на скатерти из оленьей кожи. Длинная Стрела ответил, что он видел нечто подобное — в кратерах вулканов, но что ни он, ни другие пописипетли не знают, как эту штуку можно добыть.

— Бедные несчастные варвары! — пробормотал Бампо. — Неудивительно, что старый вождь умер от холода!

В этот момент мы услышали плач. Обернувшись на этот звук, идущий от двери, мы увидели рыдающую краснокожую мать с младенцем на руках. Она что-то сказала индейцам, чего мы не поняли, и Длинная Стрела объяснил нам, что у нее заболел ребенок и она хочет, чтобы белый доктор попытался вылечить его.

— О, Господи! — простонала мне в ухо Полинезия. — Совсем как в Падлби: пациенты появляются в разгар обеда. Одно, по крайней мере ясно: пища сырая, поэтому не остынет.

Доктор осмотрел младенца и немедленно обнаружил, что тот ужасно продрог.

— Огня! Огонь — вот что ему нужно, — сказал он, поворачиваясь к Длинной Стреле. — Это то, что нужно вам всем. У этого ребенка будет воспаление легких, если его не держать в тепле.

— Да, конечно, — откликнулся Длинная Стрела. — Но как добыть огонь, где его взять — вот в чем проблема. Все вулканы на этом острове потухли.

Мы принялись обыскивать свои карманы в по-

исках спичек, переживших кораблекрушение. Все, что мы могли найти, — это две целые спички и одна половинка, но их головки были безнадежно размыты соленой водой.

— Слушай, Длинная Стрела, — сказал Доктор. — Есть много способов добыть огонь и без помощи спичек. Во-первых, можно использовать увеличительное стекло и солнечные лучи. Этим способом мы сейчас не можем воспользоваться, поскольку солнце уже село. Во-вторых, можно тереть твердым куском дерева о мягкое бревно или корягу. Что там на улице, уже темно? Увы, да. Тогда боюсь, придется ждать до утра, поскольку кроме различных видов дерева, нам потребуется в качестве топлива старое беличье гнездо. А его без освещения в этот час не найти.

— Велики твои хитрость и умение, Белый Человек, — возразил Длинная Стрела. — Но в этом ты обижаешь нас. Разве тебе не известно, что все люди, не знающие огня, способны видеть в темноте? Поскольку у нас нет освещения, нам приходится приучать себя передвигаться во мраке даже в самые темные ночи. Я пошлю гонца, и через час у тебя будет беличье гнездо.

Он отдал распоряжения двум нашим мальчикам-слугам, и они со всех ног бросились выполнять их. И точно, спустя непродолжительное время у нашей двери появилось беличье гнездо, а также куски твердого и мягкого дерева.

Луна еще не поднялась, и в доме было темно, хоть глаз выколи. Однако я слышал и чувствовал, как вокруг нас снуют индейцы, передвигавшиеся легко, как при свете дня. Решать задачу добывания огня Доктору пришлось почти исключительно наощупь. По его просьбе Длинная Стрела и индейцы подавали ему необходимые предметы, когда он случайно

клял их не на то место. И тогда я сделал любопытное открытие: теперь, когда в этом была необходимость, я и сам начал понемногу видеть в темноте. И я впервые понял, что абсолютного мрака не бывает, свет далекого ночного неба входит в ваш дом сквозь раскрытую дверь.

Одолжив у кого-то лук, Доктор ослабил тетиву, вставил на ее место палку из твердого дерева и принялся тереть этой палкой о мягкую кору. Вскоре я ощутил по запаху, что коряга задымилась. В то место, откуда шел дым, он несколько раз подкладывал труху, которую извлекал из беличьего гнезда, а затем попросил меня как следует подуть на него. Палка вращалась все быстрее и быстрее. Вдруг комната наполнилась дымом. И наконец окружавшая нас тьма внезапно осветилась. Беличье гнездо охватило пламя.

Индейцы зашумели, раздались изумленные восклицания. Сначала все они упали на колени и начали молиться огню. Затем захотели взять его в руки и поиграть с ним. Нам пришлось учить их обращаться с огнем. Они были в восторге, когда мы соорудили жаровню и зажарили на ней рыбу. Индейцы с наслаждением втягивали в себя воздух — впервые в истории по деревне Попсипетль разносился запах жареной рыбы.

Затем мы попросили их принести нам вязанки хвороста и побольше сухого дерева и сложили из них посередине главной улицы огромный костер. Все племя, почувствовав его тепло, собралось вокруг, радостно улыбаясь и удивляясь чуду. Это было поразительное зрелище, один из эпизодов нашего путешествия, который я вспоминаю чаще всего: яркое пламя, весело пляшущее на фоне черного неба, а вокруг него плотное кольцо индейцев, и отблески огня на смуглых щеках, белых зубах и

сверкающих глазах. Все жители селения старались пробиться поближе к костру, хихикая и толкаясь, как школьники.

Спустя некоторое время, когда они уже немного привыкли к огню, Доктор показал им, как можно устроить его в доме, если только проделать в крыше отверстие для дыма. И прежде чем мы уснули после этого долгого и утомительного дня, во всех деревенских хижинах уже пылали очаги.

Бедные люди были так рады снова как следует согреться, что даже забыли про сон. До самого раннего утра селение буквально гудело: все поспипетли сидели, беседуя о своем удивительном замечательном бледнолицем госте и этой странной вещи — огне, — которую он принес с собой!

ГЛАВА 4

ПОЧЕМУ ДРЕЙФУЕТ ОСТРОВ

Познакомившись с добротой попсипетлей, мы очень быстро поняли, что если нам необходимо что-то сделать, то в большинстве случаев нужно действовать тайно. Доктор был настолько популярен и любим всеми, что как только он появлялся утром в дверях своего дома, толпы почитателей, терпеливо ожидавших на улице, обступали его и следовали за ним, куда бы он ни шел. После совершенного им подвига по добыванию огня эти похожие на детей люди, я думаю, ожидали, что он постоянно будет творить чудеса, и ни за что не хотели пропустить очередное чудо.

В то первое утро нам лишь с огромным трудом удалось оторваться от толпы и отправиться с Длинной Стрелой, чтобы спокойно, не спеша осмотреть остров.

Во время этого похода мы обнаружили, что не только растения и деревья страдают от холода: положение животных было еще более плачевным. Повсюду можно было видеть дрожащих облезлых птиц, собиравшихся в стаи, чтобы лететь в теплые края. Многие лежали на земле мертвыми. Спустившись к берегу, мы увидели целые стаи сухопутных крабов, уплывавших в море в поисках лучшего пристанища. А в отдалении, на юго-востоке, плавало множество айсбергов — свидетельство того, что мы находились теперь совсем недалеко от холодной Антарктики.

Вглядываясь в море, мы заметили наших друзей дельфинов, игравших в волнах. Доктор окликнул их, и они подплыли ближе к берегу.

Он спросил у них, как далеко мы находимся от южного полярного континента.

— Примерно в ста милях, — ответили они. А затем поинтересовались, почему он спрашивает.

— Потому что плавучий остров, на котором мы находимся, — ответил он, — все время течением сносит к югу. Этот остров прежде находился где-то в тропической зоне. Там было по-настоящему жарко. Если он не перестанет двигаться на юг, очень скоро все живое на нем погибнет.

— Тогда, — сказали дельфины, — его нужно вернуть в теплый климат, не так ли?

— Да, но как? — ответил Доктор. — Это же не лодка, мы не можем его «пригрести» обратно.

— Нет, — сказали они, — но его бы могли толкать киты — если бы их было в достаточном количестве.

— Какая великолепная идея! Ну конечно, киты! — воскликнул Доктор. — Вы не могли бы раздобыть мне несколько китов?

— Разумеется! — ответили дельфины. — Мы как раз недавно проплывали мимо одного китового стада, плескавшегося среди айсбергов. Мы попросим их приплыть сюда. А если этого будет мало, постараемся найти еще. Лучше иметь в своем распоряжении побольше китов.

— Спасибо, — сказал Доктор. — Вы очень добры. Между прочим, вы случайно не знаете, как этот остров стал плавучим? Я заметил, что он по крайней мере наполовину состоит из камня. Очень странно, что он вообще держится на воде, вы не находите?

— Этому есть простое объяснение, — ответили они. Раньше остров был частью горного массива Южной Америки — выдающимся в море уступом, своего рода лишним куском. Тысячи лет назад, во время ледникового периода, он откололся от мате-

рика. По какой-то странной случайности, пока он падал в океан, его внутренний остов, который был полым, наполнился воздухом. Сейчас вы видите лишь меньше половины острова, остальное находится под водой. Там, в середине подводной части, есть огромная скальная воздушная камера, которая проходит внутри гор до самого верха. Именно это и держит остров на плаву.

— Какой прелюбопытный феномен! — воскликнул Бампо.

— Да-да, — сказал Доктор. — Я должен это записать. — И он достал свою неизменную записную книжку.

Дельфины, прыгая и резвясь в воде, унеслись в направлении айсбергов. Довольно скоро мы увидели, как море вздымается и пенится от большого стада китов, приближавшихся к нам на полной скорости.

Это были и вправду огромные существа. Их было не меньше двухсот.

— Вот они, — сказали дельфины, высывая головы из воды.

— Хорошо! — произнес Доктор. — А теперь объясните им, пожалуйста, что речь идет об очень серьезном деле для всех обитателей этого острова. И спросите у них, не соблаговолят ли они спуститься на юг, до дальней оконечности острова, упереться в него носами и потолкать его обратно, к побережью Южной Бразилии.

Дельфинам явно удалось убедить китов выполнить просьбу Доктора — уже очень скоро мы увидели, как они рассекают море, двигаясь к южной части острова.

Затем мы улеглись на берегу и стали ждать.

Примерно через час Доктор встал на ноги и бросил в воду палку. Некоторое время она непод-

вижно лежала на воде. Но вскоре мы увидели, как она медленно поплыла вдоль берега.

— Ага! — сказал Доктор. — Видите? Остров наконец-то движется к северу. Слава Богу!

Палка удалялась от нас все быстрее и быстрее, а айсберги на горизонте становились все меньше и расплывались в тумане.

Доктор достал часы, бросил в воду еще несколько палок и сделал быстрый расчет.

— Гм! Четырнадцать с половиной узлов в час, — пробормотал он. — Очень приличная скорость. Мы приблизимся к Бразилии примерно за пять дней. Ну что же — как гора с плеч! Я заявляю, что мне уже теплее. Пойдемте поищем себе что-нибудь поесть.

ГЛАВА 5

ВОЙНА!

На обратном пути в деревню Доктор завел с Длинной Стрелой беседу о естественной истории. Но только-только они как следует разговорились, как к ним подбежал индеец-гонец с сообщением.

Длинная Стрела мрачно выслушал невнятную, задыхающуюся речь гонца, повернулся к Доктору и сказал на орлином языке:

— Великий Белый Человек, страшная беда стряслась с пописипетлями. Наши южные соседи, бесчестные багджагдераги, уже давно зарящиеся на наши запасы спелого зерна, вступили на тропу войны и сейчас приближаются, чтобы напасть на нас.

— И вправду плохие новости, — проговорил Доктор. — Однако не будем судить сгоряча. Возможно, им отчаянно не хватает еды, потому что их собственный урожай замерз в поле. Разве они не ближе вас к холодному югу?

— Не ищи оправданий ни для кого, кто принадлежит к багджагдерагам, — возразил Длинная Стрела, качая головой. — Это племя бездельников и лентяев. Они просто увидели возможность поживиться зерном, не трудясь на земле. Если бы их не было так много и они не надеялись победить своих соседей числом, они бы никогда не осмелились открыто вступить в войну с храбрыми пописипетлями.

Когда мы добрались до деревни, ее жители были в состоянии крайнего возбуждения. Мужчины приводили в порядок луки, оттачивали копья и боевые топоры, сотнями изготавливали стрелы. Женщины возводили вокруг деревни высокий частокол из

бамбуковых шестов. Разведчики и гонцы прибежали и убегали, сообщая о передвижениях врага. А в ветвях деревьев и на холмах вокруг селения расположились часовые, наблюдавшие за горами на юге.

Длинная Стрела привел еще одного индейца, невысокого, но весьма широкоплечего, и представил его Доктору, сказав что, это Большие Зубы, главный воин попсипетлей.

Доктор вызвался пойти навстречу врагу и попытаться мирно, без боя, уладить дело. Ведь война, сказал он, в лучшем случае — глупая, бессмысленная затея. Однако оба индейца покачали головами. Это безнадежный план, сказали они. Когда в последней стычке с багджагдерагами они посылали гонца для мирных переговоров, его просто зарубили топором.

Пока Доктор выяснял у воина Большие Зубы, как тот намеревается защищать деревню от нападения, часовые подняли тревогу.

— Они идут! Багджагдераги спускаются с гор — их тысячи!

— Да, — сказал Доктор. — Видно такой уж сегодня выпал день. Я не охотник воевать, но если деревню атакуют, нам придется помочь оборонять ее.

Он поднял с земли дубинку и опробовал ее, расколов придорожный камень.

— Мне кажется, это подходящий инструмент, — сказал он, — и, подойдя к бамбуковому частоколу, он занял место среди других воинов.

Для того, чтобы помочь нашим друзьям, доблестным попсипетлям, необходимо было обзавестись каким-нибудь оружием. Я одолжил лук и колчан, полный стрел. Джим решил положиться на свои старые, но все еще крепкие зубы. Чи-Чи схватила мешок с камнями и взобралась на пальму, чтобы швырять камни вниз на головы врагов. А Бампо

последовал за Доктором, вооружившись молодым древесным побегом, который он держал в одной руке, и дверным шестом — в другой.

Когда враги достаточно приблизились, чтобы их можно было разглядеть с того места, где мы стояли, мы все раскрыли рот от изумления. Склоны гор буквально кишели ими — их были тысячи и тысячи. На их фоне наша маленькая армия внутри огражденной деревни выглядела жалкой горсткой людей.

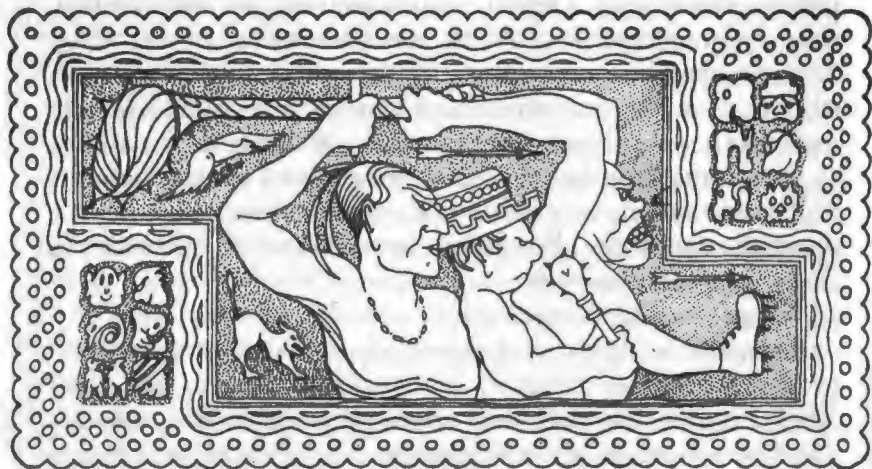
— Святой Боже! — пробормотала Полинезия. — Против этой тучи у нашей маленькой компании нет никаких шансов. Так дело не пойдет. Я, пожалуй, полечу за подмогой.

Куда она собиралась лететь и какую помощь надеялась получить, я не имел ни малейшего представления. Она просто исчезла, покинув нас. Но Джип, услышавший ее слова, просунул нос между бамбуковыми прутьями частокола, чтобы лучше увидеть противника, и сказал:

— Скорее всего, она полетела за черными попугаями. Будем надеяться, что она найдет их вовремя. Только посмотрите на этих отвратительных бандитов, слезающих со скал — их миллионы! Эта заварушка заставит нас всех попрыгать!

И Джип оказался прав. Не прошло и четверти часа, как наша деревня была полностью окружена огромной толпой вопящих и беснующихся багджаг-дегагов.

Здесь я приступаю к той части повествования, в которой события сменяют друг друга столь быстро, что, оглядываясь назад, я не нахожу в себе сил четко воспроизвести их на бумаге. Я знаю, что если бы не Грозная Тройка — такое гордое имя запечатлено в истории попсипетлей — Длинная Стрела, Бампо и Доктор, война бы закончилась очень быстро, а весь остров стал бы принадлежать никчемным багджаг-

Грозная Тройка. (С индейской гравюры на камне, обнаруженной на горе Ястребиная Голова на острове Паукообразных Обезьян.)

дерагам. Но англичанин, африканец и индеец, втроем стоившие целого полка, не давали никому из врагов проникнуть в деревню без риска для жизни.

Бамбуковая изгородь, в спешке сооруженная вокруг селения, оказалась не слишком крепкой, и с самого начала под напором окружавшего ее противника начала поддаваться то в одном, то в другом месте. Тогда Доктор, Длинная Стрела и Бампо спешили к пролomu, и там происходила ужасная рукопашная схватка, после чего врага выбрасывали за пределы изгороди. Но тут же от какой-нибудь другой части стены доносился сигнал тревоги, и Тройка мчалась вновь и вновь повторять свой маневр.

Сами поспипетли были совсем неплохими бойцами, но сила и мощь этих трех мужчин разного происхождения и цвета кожи, стоявших вплотную друг к другу и размахивающих огромными дубинками, являла собой зрелище, достойное изумления и всяческого восхищения.

ГЛАВА 6

ГЕНЕРАЛ ПОЛИНЕЗИЯ

Но, увы! Даже Тройка, сколь бы сильна она ни была, не могла бесконечно долго держаться против армии, силы которой, казалось, были несметны. Во время одной из наиболее ожесточенных схваток, когда врагам удалось проделать в заборе особенно большую дыру, я увидел как огромная фигура Длинной Стрелы согнулась и упала. Из широкой груди индейца торчало копье.

Еще с полчаса Бампо и Доктор продолжали бороться вдвоем, бок о бок. Откуда у них брались силы держаться так долго, я не знаю — они ни на секунду не останавливались, чтобы перевести дух или дать отдых рукам.

Доктор — спокойный, добродушный, миролюбивый маленький Доктор! Вы бы его не узнали, если бы увидели в тот день, как его удары сыпятся налево и направо.

Что касается Бампо, то это был самый настоящий демон с вытаращенными белками глаз и мрачно стиснутыми зубами. Никто даже на несколько ярдов не осмеливался приблизиться к его страшному, вращающемуся большими кругами дверному шесту. Но в конце концов ловко брошенный камень поразил Бампо в середину лба. И второй член Тройки упал на землю. Джон Дулитл, последний из Грозных, остался воевать в одиночестве.

Джип и я бросились к нему и попытались занять места павших. Но слишком маленькие и легкие, мы были плохой заменой. Еще один кусок изгороди рухнул, через расширившееся отверстие на нас хлынули багдажадераги.

— В каноэ! К морю! — кричали пописипетли. — Спасайтесь! Все кончено! Война проиграна!

Однако мы с Доктором не имели возможности спастись. Толпа смела нас и придавила своим весом. Упав, мы уже не были в состоянии подняться. Я подумал, что нас наверняка затопчут до смерти.

Но тут среди шума и гама битвы мы услышали самый кошмарный звук, когда-либо достигавший человеческих ушей: крик миллионов и миллионов попугаев, пронзительно вопящих от ярости.

Армия, которую столь молниеносно привела нам на помощь Полинезия, заслонила собой всю западную часть неба. Позже я спрашивал ее, сколько там было птиц. Она сказала, что точно не знает, но наверняка около шестидесяти-семидесяти миллионов. За это потрясающе короткое время она привела их за собой с материка Южной Америки.

Кричащие от ярости попугаи издают по-настоящему устрашающие звуки. А если эти птицы еще и пускают в ход свой клюв, то они могут наносить крайне неприятные и болезненные раны.

По команде Полинезии черные попугаи (если не считать алого клюва и ярко-красных полос на крыльях и хвосте, они были угольно-черного цвета) кинулись на багджагдерагов, устремившихся в этот момент в деревню в поисках добычи.

Метод боя у черных попугаев был особенным. Вот что они делали: три или четыре попугая садились на голову каждому багджагдерагу и как следует вцеплялись ему в волосы когтями. Затем они свешивались по бокам головы, и начинали отщипывать кусочки ушей, совсем как если бы они компостировали железнодорожные билеты. Вот и все. У наших врагов пострадали только уши. Но благодаря этому мы выиграли войну.

С душераздирающими воплями, сбивая друг дру-

га с ног, багджагдераги побежали, стараясь побыстрее удрать из этой проклятой деревни. Не стоило и пытаться оторвать попугаев от волос, потому что на каждую голову приходилось еще по четыре попугая, с нетерпением ожидавших своей очереди.

Некоторым из врагов везло и, отделавшись всего одним-двумя укусами, они выбирались за пределы частотола, где попугаи немедленно оставляли их в покое. Но у большинства еще до того, как черные птицы одержали полную победу, уши представляли собой крайне необычное зрелище, напоминая почтовые марки. Такая обработка, весьма болезненная для ее жертв, в тот момент не причиняла им никакого вреда, если не считать перемен во внешнем виде. Впоследствии она даже стала отличительным признаком племени багджагдерагов. Ни одна настоящему хорошенькая молодая женщина племени не появлялась на людях с мужчиной, у которого не были бы изодраны уши — ведь это доказывало, что он участвовал в Великой Войне. Именно так — Багджагдераги-Рваные Уши — стали называть это племя другие индейские народы (хотя этот факт и остается неизвестным широкому кругу ученых).

Как только деревня была очищена от врагов, Доктор обратил свое внимание на раненых.

Несмотря на то, что битва была продолжительной и ожесточенной, серьезных ранений было на удивление мало. Длинной Стреле пришлось хуже всех. Однако после того, как Доктор промыл ему рану и уложил в постель, он открыл глаза и сказал, что ему уже лучше. Бампо был лишь слегка оглушен.

Покончив с лечением раненых, Доктор попросил Полинезию, чтобы черные попугаи отогнали врагов на их собственные земли и попрiderжали их там в течение ночи, дабы не нашлось желающих повторить неудавшийся набег.

Полинезия отдала краткое распоряжение, и миллионы попугаев, как одна птица, раскрыли алые клювы и вновь издали свой устрашающий боевой клич.

Багджагдераги решили поберечь свои уши и беспорядочно ринулись через горы в том направлении, откуда пришли. Все это время Полинезия и ее триумфальная армия бдительно следовали за ними, подобно гигантской грозной черной туче.

Доктор поднял свой цилиндр, сброшенный на землю во время битвы, тщательно отряхнул его и надел на голову.

— Завтра, — сказал он, потрясая кулаком в сторону гор, — мы установим условия мира — и сделаем это в городе багджагдерагов!

Его слова были встречены торжествующими криками восхищенных пописпетлей. Война была окончена.

ГЛАВА 7

ПОПУГАЙСКИЙ МИР

На следующий день мы отправились на дальний конец острова. Добравшись до него на каноэ — мы плыли туда морем — за двадцать пять часов, мы оставались в городе багджагдерагов ровно столько, сколько было необходимо, и ни минутой дольше.

Когда Доктор бросился в гущу битвы в Попсипетле, я впервые в своей жизни увидел его по-настоящему рассерженным. Но дав волю гневу один раз, он никак не мог успокоиться. Всю дорогу, пока мы шли берегом острова, он вновь и вновь поносил этих трусов, напавших на его друзей попсипетлей лишь для того, чтобы отнять у них их зерно, — поскольку сами они были слишком ленивыми, чтобы обрабатывать землю. И когда он достиг города багджагдерагов, он все еще был очень зол.

Длинной Стрелы с нами не было, так как он слишком ослаб после ранения. Однако Доктор, всегда очень способный к языкам, к этому времени уже освоил язык индейцев. Кроме того, среди полудюжины попсипетлей, сопровождавших нас в качестве гребцов, был один мальчик, которого мы немного обучили английскому языку. Он и Доктор сумели сделать так, что багджагдераги их поняли. Поскольку наводившие ужас попугаи все еще чернели на окружающих каменный город горах, ожидая лишь слова, чтобы ринуться вниз и атаковать, наши враги вели себя очень смиренно.

Оставив каноэ на берегу, мы прошли по главной улице к дворцу вождя. Мы с Бампо не могли скрыть удовлетворения, увидев, как толпы людей, выстро-

ившиеся вдоль дороги в ожидании нашего прибытия, склоняли головы до земли перед маленькой округлой сердитой фигуркой Доктора, выступавшего впереди с важно вздернутым подбородком.

У подножия ступеней, ведущих во дворец, вождь и все старейшины племени ожидали встречи с ним, почтительно улыбаясь и дружелюбно протягивая к нему руки. Доктор не обратил на них ни малейшего внимания. Он прошагал мимо и поднялся по ступеням. Затем он повернулся лицом к собравшимся и тут же твердым голосом начал свою речь.

Я никогда в жизни не слышал такой речи — и они тоже, я в этом совершенно уверен. Сначала он обозвал их всеми возможными именами — трусами, бездельниками, ворами, бродягами, паразитами, хулиганами и так далее. Затем сказал, что он серьезно подумывает, не позволить ли попугаям согнать их с острова в море, чтобы избавить эту чудесную землю от их никчемных персон.

При этих словах раздались громкие мольбы о пощаде, и вождь и все остальные люди племени упали на колени, обещая подчиниться любым условиям мира, какие он только пожелает установить.

Тогда Доктор призвал одного из их писцов — вернее, рисовальщиков. На каменных стенах дворца багдаждерагов он заставил его под диктовку начертать условия мирного договора. Этот договор известен как «Попугайский мир» и, в отличие от большинства мирных договоров, строго соблюдался и соблюдается вплоть до сегодняшнего дня.

В нем было довольно много слов. Рисунки заняли половину дворцового фасада, и к моменту, когда усталый писец закончил свою работу, на них ушло пятьдесят горшков чернил. Главное содержание договора заключалось в том, что войны больше не должно быть и что оба племени торжественно обе-

щают помогать друг другу при всех обстоятельствах, в случае неурожая зерна или любой другой беды на землях, принадлежащих любому из них.

Это очень удивило багджагдерагов. Видя сердитое лицо Доктора, они ожидали, что он, по меньшей мере, отрубит пару сотен голов и, возможно, обратит остальных в вечное рабство.

Но когда они увидели, что Доктор хочет им только добра, их великий страх перед ним сменился неподдельным восхищением. И когда он окончил свою длинную речь и быстро пошел вниз по ступеням, направляясь назад к каноэ, несколько старейшин племени бросились к его ногам и закричали:

— Пожалуйста, останься с нами, Великий Господин, и все богатства багджагдерагов будут твоими — золотоносные жилы в горах, известные нам, и плантации жемчужин в море. Только останься, чтобы твоя всепобеждающая мудрость могла вести наш народ к процветанию и миру.

Доктор поднял руку, призывая к молчанию.

— Ни один человек, — сказал он, — не захочет быть гостем багджагдерагов до тех пор, пока они не докажут, что их племя — племя честных людей. Строго соблюдайте условия мира и вы сами обеспечите себе достойное правление и процветание. Прощайте!

Затем он повернулся и быстро пошел по направлению к тому месту, где мы оставили каноэ. Мы с Бампо и попсипетли последовали за ним.

ГЛАВА 8

ВИСЯЧАЯ СКАЛА

Однако перемена, происшедшая с багджагдерагами, была искренней. Доктор произвел на них громадное впечатление — более глубокое, чем он сам мог вообразить. Вообще, я иногда думаю, что эта его речь, произнесенная со ступеней дворца, повлияла на индейцев острова Паукообразных Обезьян больше, чем все его остальные деяния, которые, хотя и были великими, неизменно преувеличивались и раздувались молвой.

Когда он достиг места, где нас ждали лодки, ему принесли больную девочку. Оказалось, что у нее очень простое заболевание, от которого он немедленно нашел средство. Это еще больше укрепило его популярность. Когда же Доктор ступил на свое каноэ, люди вокруг нас буквально зарыдали. Похоже — я об этом узнал позже, — они подумали, что он навсегда уплывает по морю в таинственные далекие земли, откуда прибыл.

Когда мы оттолкнулись от берега, несколько старейшин обратились к попсипетлям. Я не понял смысла их слов, но мы заметили, что несколько каноэ с багджагдерагами последовали за нами, держась на почтительном расстоянии всю дорогу до Попсипетля.

Возвращаться решено было вдоль другого берега, что позволило бы нам совершить вокруг острова полный круг.

Огибая южную оконечность острова, мы увидели наших друзей китов, усердно толкавших остров своими носами в северном направлении. Мы настолько увлеклись военными действиями, что совер-

Наши друзья киты усердно толкали остров своими носами.

шенно о них забыли. Но сейчас, остановившись и наблюдая за их мощными хвостами, вздымавшимися в море белую пену, мы внезапно поняли, что уже довольно давно не испытываем холода. Ускорив движение лодки, чтобы совсем не отстать от острова, мы поплыли вдоль берега на север. К нашей радости, мы убедились, что деревья на берегу выглядят уже более зелеными и здоровыми. Остров Паукообразных Обезьян возвращался в родные широты.

Проплыв половину пути до Попсипетля, мы причалили к берегу и два или три дня исследовали центральную часть острова. Наши гребцы индейцы провели нас в горы, крутые и высокие в этой части острова и резко обрывававшиеся над морем. Там они показали нам место, которое попсипетли называют Шепчущими Скалами.

Это было удивительное зрелище. Перед нами открылся как бы огромный цирк, или гигантская чаша, выдолбленная в горах, а из самого центра этой чаши поднималась плоская плита, на которой стояло кресло из слоновой кости. Вокруг на большую высоту вздымались горы, образуя ступени, похожие на театральные ряды. Только один узкий провал открывал вид на море. Это место напоминало зал заседаний или концертный зал для гигантов, а каменная плита в центре — сцену для актеров или трибуну для оратора.

Мы спросили у наших гидов, почему это место называется Шепчущими Скалами, и они ответили: «Спуститесь ниже, и вы поймете».

Огромная чаша имела в поперечнике несколько миль. Мы спустились вниз по скалам и убедились, что в этом фантастическом месте, даже стоя далеко друг от друга, можно было переговариваться шепотом. Такой эффект создавало невероятной силы эхо,

Шепчущие скалы.

разносившее звук в разных направлениях между высокими отвесами скал.

Наши гиды сообщили нам, что именно здесь в те давно ушедшие дни, когда остров Паукообразных Обезьян целиком принадлежал попсипетлям, короновали монархов. Кресло из слоновой кости на центральной плите было тронem, на котором восседали короли. Амфитеатр был настолько велик, что вмещал всех индейцев острова, желавших присутствовать при коронации.

Они также показали нам огромную скалу, нависшую над краем вулканического кратера. Хотя она была далеко внизу, под нами, мы видели ее довольно отчетливо. Скала выглядела очень неустойчивой — казалось, достаточно толкнуть ее рукой, и она упадет со своего пьедестала. Нам рассказали легенду — предсказание о том, что когда на троне из слоновой кости будет короноваться величайший из королей Попсипетля, эта висячая скала упадет в кратер вулкана и опустится до самого центра земли.

Доктор сказал, что хотел бы подойти посмотреть ее поближе.

Когда мы спустились к краю кратера — чтобы добраться до него, нам пришлось потратить полдня, — то увидели, что скала невероятно велика. Под ней зияла черная дыра. Мы заглянули в нее, и она показалась нам бездонной.

— Стаббинс, — сказал Доктор, глядя на огромную скалу, возвышавшуюся над нашими головами, — знаешь ли ты, что, скорее всего, случится, если этот камень свалится вниз?

— Нет, — ответил я, — а что?

— Помнишь ту воздушную камеру, которая, по словам дельфинов, располагается под центральной частью острова?

— Да.

— Ну так вот, эта скала достаточно тяжела — если она упадет в кратер вулкана, то пробьет сверху эту воздушную камеру. А тогда воздух выйдет наружу и плавучий остров больше не будет плавать. Он опустится вниз.

— Но тогда все, кто на нем находится, утонут? — предположил Бампо.

— Совсем необязательно. Это будет зависеть от глубины моря в том месте, где опустится остров. Он может дойти до дна, опустившись, скажем, всего на сто футов. В этом случае над поверхностью воды останется приличная часть суши.

— И все же, — сказал Бампо, — будем надеяться, что этот камушек не потеряет равновесия, потому что я не верю, что он остановится у центра земли — более вероятно, что он пробьет весь земной шар и выйдет с другой стороны.

Спускаясь обратно на берег, мы заметили, что за нами даже здесь, в горах, по-прежнему наблюдают сопровождавшие нас багджагдераги. И когда мы снова выплыли в море, лодки, полные багджагдерагов, двинулись, опережая нас, в направлении Попсипетля.

Доктору не терпелось узнать, как себя чувствует Длинная Стрела. Мы гребли по очереди, продолжая путешествие при лунном свете, всю ночь и добрались до Попсипетля, когда занимался рассвет.

К своему великому удивлению, мы обнаружили, что не только мы, но и вся деревня не спала в эту ночь. Огромная толпа людей собралась у дома умершего вождя. Причаливая каноэ к берегу, мы увидели, как из центральной двери выходит большая группа пожилых людей — старейшин племени.

Мы поинтересовались, что все это значит. Нам ответили, что всю ночь продолжаются выборы но-

вого вождя. Его имя будет объявлено в полдень.

Как только Доктор навестил Длинную Стрелу и убедился, что дела у того идут хорошо, мы отправились к себе домой в дальний конец деревни. Там мы позавтракали и прилегли отдохнуть.

Отдых нам и вправду был необходим — жизнь с момента нашей высадки на острове была напряженной и заполненной событиями. Не успели наши головы коснуться подушек, как уже вся наша компания крепко спала.

ГЛАВА 9

ВЫБОРЫ

Нас разбудили звуки музыки. Яркий полуденный свет вливался в приоткрытую дверь, на улице играло что-то вроде оркестра.

Мы встали и выглянули наружу. Дом был окружен населением Попсипетля в полном составе. Мы привыкли к тому, что у нашей двери в любое время дня и ночи дежурят многочисленные любопытные и почитатели, но здесь было нечто другое. Каждый из огромной толпы был наряжен во все самое лучшее. Цветные бусы, яркие перья и одеяла придавали ей красочный и необычайно жизнерадостный вид. Люди, казалось, находились в прекрасном расположении духа, пели и играли на музыкальных инструментах — главным образом, раскрашенных деревянных свистках или барабанах, сделанных из кожи.

На дверном косяке мы обнаружили Полинезию, вернувшуюся из города багджагдерагов, пока мы спали, и теперь наблюдавшую за происходящим. Мы спросили ее, чем вызвано подобное торжество.

— Только что объявлены результаты выборов, — сказала она, — в полдень стало известно имя нового вождя.

— И кто же новый вождь? — спросил Доктор.

— Вы, — спокойно ответила Полинезия.

— Я? — изумился Доктор. — Не может быть!

— Да, вы, — сказала она. — И более того, у вас теперь другая фамилия. Они сочли, что Дулитл не слишком подходящее и достойное имя для человека, который столько всего совершил. Поэтому теперь вас будут называть Джонг Многомудрый. Как вам это нравится?

— Но я не хочу быть вождем, — сказал Доктор раздраженным тоном.

— Боюсь, что вам вряд ли сейчас удастся от этого отвертеться, — сказала она. — Если только вы не готовы снова пуститься в плавание на одном из ваших хлипких каноэ. Видите ли, вас выбрали не только вождем попсипетлей — вам предстоит стать королем всего острова Паукообразных Обезьян. Багдажадераги, которые так хотели, чтобы вы ими управляли, выслали вперед разведчиков и гонцов. Когда они узнали, что ночью вас избрали вождем попсипетлей, они были ужасно разочарованы. Однако, не желая совсем потерять вас, багдажадераги даже отказались от своей независимости и настояли на том, чтобы объединиться с попсипетлями, с тем, чтобы вы могли править и теми, и другими. Так что теперь вам никуда не деться.

— Боже мой! — застонал Доктор. — Хотел бы я, чтобы они проявляли поменьше энтузиазма! Ни за что на свете я не хочу быть королем!

— А я подумал, Доктор, — заметил я, — что вы обрадуетесь и будете гордиться. Хотел бы я иметь возможность стать королем.

— Я знаю, это звучит грандиозно, — сказал он, натягивая ботинки с несчастным видом. — Но беда в том, что нельзя взять на себя обязанности, а затем отказаться от них, когда вам вздумается. У меня есть своя работа. Высадившись на этом острове, я и минуты не смог посвятить естественной истории. Я все время занимался чужими делами. А теперь они хотят, чтобы я продолжал это делать! Ведь как только я стану королем попсипетлей, мне, как серьезному натуралисту, придет конец. Я буду слишком занят для чего бы то ни было. Я буду просто... м-м-м... просто королем.

— Но это не так мало! — возразил Бампо. — Мой

отец — король и у него сто двадцать жен.

— Это еще хуже, — сказал Доктор, — ровно в сто двадцать раз хуже. У меня полно своих дел. Не хочу я быть королем.

— Послушайте, — сказала Полинезия, — сюда идут старейшины, чтобы объявить о вашем избрании. Поторопитесь и не забудьте зашнуровать ботинки.

Толпа перед нашей дверью внезапно расступилась, образовав длинный проход. В проходе, приближаясь к нам, появилась группа индейцев. Шедший впереди красивый старый индеец с лицом, покрытым морщинами, держал в руках корону. Сделанная из дерева корона была изумительной резной работы и необыкновенно яркой раскраски, а впереди к ней были прикреплены два больших голубых пера. За стариком шли восемь крепких индейцев, тащивших носилки, напоминавшие что-то вроде стула с длинными ручками внизу, чтобы легче было нести.

Опустившись на одно колено, склонив голову почти до самой земли, старик обратился к Доктору, который, стоя в дверях, надевал воротничок и по-вязывал галстук.

— О, Могушественный, — сказал он, — мы принесли тебе весть от народа Попсипетля. Безмерно велики твои деяния, полно доброты твое сердце и глубже моря твоя мудрость. Наш вождь умер. Людям нужен достойный руководитель. Наши старые враги багдажагдераги стали благодаря тебе нашими братьями и добрыми друзьями. Они тоже хотят греться в лучах твоей улыбки. Смотри же, я принес тебе Священную Корону Попсипетля, которая еще не венчала ни одно царственное чело с тех пор, как в древние времена этот остров и его народы были едины и управлялись одним монархом. О

Добрейший, общей волей народов этой страны нам поручено отнести тебя к Шепчущим Скалам, где со всем почетом и великолепием ты будешь коронован нашим королем — Королем Всей Движущейся Земли.

Добрым индейцам, по-видимому, и в голову не приходило, что Джон Дулитл может отказаться. Что касается бедного Доктора, я еще никогда в жизни не видел его таким расстроенным. По правде говоря, на моей памяти это был единственный случай, когда он так сильно разнервничался.

— Боже! — бормотал он, дико озираясь по сторонам в поисках путей к отступлению. — Что же мне делать? Никто из вас не видел, куда я положил свою булавку? Как же я могу надеть этот воротничок без булавки? Господи, что за день сегодня! Может, она закатилась под кровать, Бампо? Мне кажется, они могли бы мне дать день-другой на размышление. Вы когда-нибудь слышали такое — поднимают человека с постели и говорят, что он должен быть королем, а он еще даже не умылся! Неужели никто из вас не может найти ее? Может быть, ты стоишь на ней, Бампо? Отойди в сторону.

— Ах, не беспокойтесь из-за булавки, — сказала Полизезия. — Вам придется короноваться без воротничка. Я думаю, что индейцам это совершенно безразлично.

— Я же говорю вам, что не хочу короноваться, — вскричал Доктор, — во всяком случае по своей воле. Я скажу им речь. Может быть, это их удовлетворит.

Он снова повернулся к индейцам, стоящим у двери.

— Друзья мои, — произнес он. — Я не стою великой чести, которую вы мне оказываете. У меня мало или даже совсем нет опыта в искусстве управления. Наверняка среди ваших храбрых людей вы

найдете многих гораздо больше подходящих для того, чтобы руководить вами. Я благодарю вас за выражение теплых чувств, за ваше доверие. Но прошу вас, не заставляйте меня брать на себя высокие обязательства, которые я не смогу выполнить.

Старик громко повторил его слова стоявшим за ним людям. Они флегматично покачали головами, ни на дюйм не сдвинувшись с места. Старик повернулся к Доктору.

— Ты избран ими, — сказал он, — они никого не хотят, кроме тебя.

На растерянном лице Доктора промелькнул проблеск надежды.

— Я пойду навещу Длинную Стрелу, — шепнул он мне. — Может быть, он придумает, как мне отвертеться от этого.

Извинившись перед всей компанией, он оставил их стоять у двери, а сам поспешил к дому Длинной Стрелы. Я последовал за ним.

— Длинная Стрела, — быстро проговорил Доктор на орлином языке, так, чтобы стоящие поближе индейцы не могли его слышать. — Крайняя нужда заставляет меня просить твоей помощи. Эти люди хотят сделать меня своим королем. Если это со мной случится, все мои труды останутся незавершенными, потому что нет в мире человека более несвободного, чем король. Я умоляю тебя поговорить с ними и убедить этих добрых, благонравных людей, что задуманное ими неразумно.

Длинная Стрела приподнялся на локте.

— О, Добрейший, — сказал он (это уже стало привычной формой обращения к Доктору). — Меня очень печалит, что первая же твоя просьба ко мне не может быть выполнена. Увы! Я ничего не могу поделать. Эти люди настолько исполнились реши-

мости сделать тебя своим королем, что если я попытаюсь вмешаться, они изгонят меня из своей страны и, вероятнее всего, коронуют тебя в любом случае. Тебе придется стать королем, хотя бы на время. Мы должны организовать твоё правление таким образом, чтобы ты мог уделять время тайнам природы. Позже мы, может быть, сможем придумать какой-нибудь план и освободить тебя от бремени короны. Но сейчас ты должен быть королем. Это племя упрямых людей, и они настоят на своем. Другого выхода нет.

Доктор печально отвернулся от кровати и посмотрел вокруг. За его спиной опять стоял старик, по-прежнему державший в сморщенных руках корону, а рядом с ним ожидали королевские носилки. Согнувшись в глубоком поклоне, носильщики жестами указали Доктору на сидение, приглашая его сесть.

Доктор снова начал озиаться по сторонам, отчаянно ища какую-нибудь лазейку для отступления. На мгновение я подумал, что сейчас он бросится наутек. Однако толпа, окружавшая нас, была слишком большой и плотной, чтобы через нее можно было пробиться. Вдруг оркестр из свистков и барабанов заиграл торжественный марш, которым обычно сопровождалась процессия. Доктор снова повернулся к Длинной Стреле с последней мольбой о помощи. Но огромный индеец лишь покачал головой и, подобно носильщикам, указал на ожидающий стул.

Наконец, почти в слезах, Джон Дулитл медленно ступил на носилки и сел. Когда носилки закачались на широких плечах носильщиков, я услышал как он тихо пробормотал:

— Черт подери! Ну не хочу я быть королем!

— Прощай! — воскликнул Длинная Стрела. — И

пусть твоему правлению всегда сопутствует удача.

— Несут! Несут! — зашумела толпа. — Дорогу! Дайте дорогу! Вперед — к Шепчущим Скалам!

И пока процессия готовилась покинуть деревню, толпа, окружавшая нас, заспешила в направлении гор, чтобы занять лучшие места в гигантском амфитеатре, где должна была состояться церемония коронации.

ГЛАВА 10

КОРОНАЦИЯ КОРОЛЯ ДЖОНГА

За свою долгую жизнь я видел много великих и вдохновляющих зрелищ, но ни одно из них не могло сравниться с видом Шепчущих Скал в день коронации короля Джонга. Когда Бампо, Чи-Чи, Полинезия, Джип и я наконец одолели головокружительный подъем до края огромной чаши и заглянули внутрь ее, мы увидели бесконечное море смуглых лиц. Амфитеатр был полон, все до единого на острове — мужчины, женщины и дети, включая Длинную Стрелу, которого принесли сюда вместе с постелью, пришли посмотреть на великое событие.

Однако торжественное молчание Шепчущих Скал не прерывалось ни единым звуком. Было даже страшновато, и по спине бежали мурашки. Как рассказывал мне Бампо позже, тогда он был слишком потрясен, чтобы говорить, — он никогда не думал, что в мире может быть столько людей.

Внизу, у Тронной Плиты, возвышался совершенно новый, ярко раскрашенный тотемный столб. У всех индейских семей были тотемные столбы, которые они устанавливали у входа в дом. По идее, тотемный столб — это что-то вроде дверной таблички или визитной карточки: вырезанные на нем изображения повествуют о подвигах и достоинствах семьи, которой он принадлежит. Тот столб, о котором идет речь, красиво украшенный и гораздо более высокий, чем другие, был тотемом Дулитла или, как его потом называли, королевским тотемом Многомудрого. На нем как дань необычайным познаниям Доктора в области фауны были изображены только животные. И лишь те из них, которые, по мнению

индейцев, символизируют хорошие свойства характера, например: олень — скорость, бык — упорство, рыба — осторожность, и так далее. На верхушке столба всегда вырезался символ или изображение животного, чье имя было избрано семьей в качестве родового. На шесте Многомудрого в виде такого символа был изображен огромный попугай, в память о знаменитом Попугайском Море.

Трон из слоновой кости был весь отполирован благовонным маслом и ослепительно сверкал на ярком солнечном свете. У его подножия было разбросано множество цветущих веток — с возвращением теплого климата в долинах острова вновь обильно цвели деревья.

Вскоре мы увидели, как королевские носилки с восседавшим на них Доктором медленно поднимаются по винтовым ступеням плиты. Достигнув плоской вершины, они остановились, и Доктор вышел из них на цветочный ковер. Было так тихо, что даже с такого расстояния я отчетливо услышал, как под его ногой хрустнула ветка.

Подойдя к трону в сопровождении старого индейца, Доктор поднялся на постамент и сел. Какой крошечной казалась его маленькая круглая фигурка с этой огромной высоты! Трон был явно изготовлен для королей с более длинными ногами, и когда он сел, его ноги не достали до земли, повиснув в шести дюймах от верхней ступеньки.

Затем старый индеец повернулся и, взглянув вверх, на собравшихся, заговорил тихим ровным голосом. Каждое слово, которое он произносил, отчетливо слышалось в самых дальних уголках Шепчущих Скал.

Сначала он перечислил имена всех великих королей Попсипетля, которых в древности короновали на этом троне из слоновой кости. Он говорил о

величии народа Попсипетля, о его триумфах и лишениях. Затем, махнув рукой в сторону Доктора, он перешел к подвигам, совершенным будущим королем. Должен сказать, что они легко затмили деяния его предшественников.

Когда он заговорил о том, что сделал Доктор для племени, зрители, все еще сохранявшие молчание, начали махать правой рукой в направлении трона. Это создало необычный эффект: весь амфитеатр пришел в движение, однако по-прежнему не было слышно ни единого звука.

Наконец старик закончил свою речь и, подойдя к трону, очень почтительно снял с головы Доктора поношенный цилиндр. Он собирался положить его на землю, но Доктор тут же выхватил его и положил к себе на колени. Затем, взяв в руки Священную Корону, старый индеец возложил ее на голову Джона Дулитла. Корона не очень хорошо сидела — тот, кто ее делал, предполагал, видимо, что у королев весьма небольшие головы, — и когда с залитого солнцем моря подул свежий ветер, Доктору пришлось придержать корону рукой, чтобы она не слетела. Но выглядела она просто великолепно.

Снова повернувшись лицом к присутствующим, старик сказал:

— Люди Попсипетля, перед вами избранный вами король! Вы довольны?

И тогда наконец послышался глас народа.

— Джонг! Джонг! — кричали они. — Да здравствует король Джонг!

Их крик разорвал торжественную тишину, подобно залпу тысячи пушек. В месте, где даже шепот разносился на расстояние многих миль, сотрясение воздуха, вызванное этим криком, было подобно удару. Горы вновь и вновь перебрасывали его друг другу. Я подумал, что звуки эха никогда не умол-

кнут. Оно гроыхало по всему острову, перекачиваясь в нижних долинах и гулко отдаваясь в отдаленных морских пещерах.

Внезапно я увидел, что старик указывает наверх, на высочайшую вершину острова. Посмотрев через плечо назад, я едва успел заметить, как Висячая Скала медленно оторвалась и упала вниз, канув в глубине вулкана.

— Люди Движущейся Земли, смотрите! — закричал старик. — Скала упала и легенда стала былью: сегодня коронуется Король из Королей!

Доктор тоже видел, как падала скала, и теперь стоял, в ожидании глядя на море.

— Он думает о воздушной камере, — сказал мне на ухо Бампо. — Будем надеяться, что море в этих местах не слишком глубокое.

Спустя минуту — столько времени понадобилось скале, чтобы долететь до камеры, — мы услышали глухой далекий удар, а затем сразу же громкое шипение вырывающегося наружу воздуха. С напряженным от беспокойства лицом Доктор снова опустился на трон, широко раскрытыми глазами наблюдая за синью океана.

Вскоре мы почувствовали, что земля под нашими ногами медленно опускается. Море заливало отмель, а берега становились все ниже — один фут, три, десять, двадцать, пятьдесят, сто футов. А затем, слава Богу, мягко, подобно бабочке, садящейся на розу, почва остановилась в своем движении! Остров Паукообразных Обезьян нашел свое пристанище на песчаном дне Атлантики, и земля снова соединилась с землей.

Конечно, многие из домов, находившихся рядом с берегом, были затоплены водой. И даже само селение Попсипетль полностью исчезло. Но это было неважно. Никто не утонул, поскольку все

жители острова находились высоко в горах, наблюдая за коронацией короля Джонга.

Сами индейцы в тот момент не поняли, что произошло, хотя, конечно, почувствовали, что земля под ними опускается. Доктор потом говорил нам, что, скорее всего, Всячая Скала сверзлась со своего постаментов из-за мощного крика, вылетевшего одновременно из нескольких миллионов глоток. Но в истории попсипетлей этот эпизод подается таким образом, и так считается до сего дня: когда Король Джонг сел на трон, вес его августейшего тела был настолько велик, что остров в его честь опустился под ним и больше не стронулся с места.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА I

НОВЫЙ ПОПСИПЕТЛЬ

Джонг Многомудрый не успел процарствовать в своем новом королевстве и двух дней, как мои понятия о королях и их образе жизни уже значительно изменились. Я раньше думал, что основное занятие королей — это сидеть на троне и заставлять людей кланяться им по несколько раз в день. Теперь я понял, что король может быть самым трудолюбивым человеком в мире, — если он должным образом относится к своим обязанностям.

С момента, когда он вставал рано утром, до момента, когда он ложился спать поздно ночью, — все семь дней в неделю — Джон Дулита был занят, занят, занят. Прежде всего, нужно было строить новый город. Деревня Попсипетль исчезла, но должен был возникнуть город Новый Попсипетль. Место для него было выбрано очень тщательно — и это было очень красивое место в устье большой реки. Берега острова здесь образовывали живописную широкую бухту, где каноэ — и корабли тоже, если они когда-либо появлялись в этих краях, — могли спокойно стоять на якоре в полной безопасности от штормов.

При строительстве города Доктор подал индейцам множество новых идей. Он показал им, что такое городская канализация и как нужно каждый день собирать и сжигать мусор. Было налажено водоснабжение города: высоко в горах он устроил большое озеро, перегородив ручей плотиной. Ничего этого индейцы прежде не видели, и многие из болезней, от которых они страдали, теперь были

полностью побеждены благодаря исправной канализации и чистой питьевой воде.

Люди, не знающие огня, разумеется, не знают и металлов, потому что без огня невозможно ковать железо и сталь. В первые же дни Джон Дулитл обследовал горы и нашел месторождения железа и меди. Затем он начал учить индейцев плавить эти металлы и делать из них ножи, плуги, водопроводные трубы и разные другие вещи.

В своем королевстве Доктор старался, как мог, избавиться от старомодной помпы и великолепия королевского двора. Однажды он сказал мне и Бампо: если ему суждено быть королем, то он будет королем-демократом, то есть королем, который прост и дружелюбен со своими подданными и не важничает. Поэтому, разрабатывая план Нового Попсипетля, он не предусмотрел там никакого дворца. Для себя он запланировал всего лишь небольшой коттедж на одной из задних улочек.

Но этого индейцы ни в коем случае не собирались допустить. Они привыкли к королям, правившим с подобающей монархам пышностью, и настаивали, чтобы он построил для себя великолепнейший из когда-либо существовавших дворцов. Во всем остальном они предоставили ему полную свободу, но не делали никаких послаблений в том, что касалось церемоний или торжеств, связанных с исполнением монарших обязанностей. Во дворце он должен был держать тысячу слуг, ухаживавших за ним день и ночь. В его распоряжении всегда было Королевское Каное — роскошная лодка из полированного красного дерева семидесяти футов в длину, инкрустированная перламутром. Ею управляли сто сильнейших гребцов острова. Дворцовые сады занимали целую квадратную милю и обслуживались ста шестьюдесятью садовниками.

Даже в том, что касалось одежды, бедняга вынужден был в первую очередь думать о величии и элегантности и терпеть массу неудобств. Любимый поношенный цилиндр он убрал в шкаф и смотрел на него только тайком. Во всех случаях полагалось носить официальные облачения. И даже если Доктору время от времени удавалось незаметно отлучаться для коротких научных экспедиций, он не решался надевать свои старые вещи и гонялся за бабочками в короне и алой мантии, развевавшейся на ветру за его спиной.

Обязанностям, которые Доктору приходилось выполнять, и вопросам, которыми ему приходилось заниматься, не было конца. Он разрешал споры по поводу земельных участков и границ, примирял мужей и жен, швырявших друг в друга ботинками, и занимался многими другими вещами. В восточном крыле королевского дворца находился зал правосудия. Каждое утро с девяти до одиннадцати часов король Джонг восседал в этом зале, вынося решения по всем представленным ему делам.

Днем он преподавал в школе. Сюда приходили и дети, и взрослые. Видите ли, эти индейцы не знали очень многого, что известно даже маленьким белым детям. И в то же время они знали такое, чего не могли себе представить и взрослые белые люди.

Мы с Бампо помогали Доктору, насколько хватало наших знаний, — объясняли простую арифметику и тому подобные легкие вещи. Но классы по астрономии, земледелию, уходу за детьми и целому ряду других предметов Доктору пришлось вести самому. Индейцы с большим рвением относились к учебе и приходили на занятия целыми толпами. Школьного здания в Попсипетле, разумеется, не было, поэтому занятия проходили на открытом воздухе. В каждом классе или смене, представьте,

Доктор гонялся за бабочками в короне и алой мантии.

было по пять-шесть тысяч человек, и Доктор общался с аудиторией с помощью большого рупора или рожка, чтобы его всем было слышно.

Остаток дня до отказа заполнялся делами, связанными со строительством дорог и водяных мельниц, заботой о больных и массой прочих вопросов.

Несмотря на то, что Джон Дулитл так не хотел быть королем, из него, как только он приступил к делу, вышел очень хороший монарх. Возможно, он в чем-то и уступал другим королям, но, выросши и повидав другие страны и правительства, я часто думал, что Попсипетль при Джонге Многомудрым был наиболее образцово управлявшимся государством на всем свете.

Спустя шесть с половиной месяцев нашего пребывания на острове Доктор отметил день своего рождения. По этому случаю было устроено гигантское торжество с застольем, танцами, фейерверками, речами и всеобщим весельем.

Ближе к концу дня старейшины двух племен выстроились в процессию и проследовали по улицам города, держа над головами великолепно раскрашенную десятифутовую вощеную доску из черного дерева. Это была доска с историческими зарисовками в память о деяниях каждого из древних королей Попсипетля.

Торжественно и с соблюдением всех правил церемонии, она была помещена над входом в новый дворец. Затем все столпились вокруг, разглядывая ее. На доске было пять картинок, повествующих о пяти великих событиях в жизни Короля Джонга, а под ними — короткие пояснения: «Он прибывает на остров», «Его встреча с жуком», «Он освобождает людей», «Он добывает огонь» и «Он ведет народ к победе».

ГЛАВА 2

МЫСЛИ О ДОМЕ

В королевском дворце у меня и у Бампо были красивейшие апартаменты, в которых вместе с нами разместились Полинезия, Джип и Чи-Чи. Официально Бампо занимал пост министра внутренних дел, а я был первым лордом казначейства. Длинная Стрела тоже жил во дворце, но сейчас его не было — он путешествовал за границей.

Однажды после ужина, когда Доктор навещал в городе новорожденного младенца, мы сидели за круглым столом в гостиной у Бампо. Там мы собирались ежедневно, чтобы обсудить планы на следующий день и различные государственные дела. Это было что-то вроде заседания кабинета министров.

Однако в этот вечер мы говорили об Англии и о... еде. Нам немножко надоела индейская еда. Видите ли, никто из туземцев не умел готовить, и пока мы обучали шеф-повара королевской кухни, нам пришлось испытать немало разочарований. Большинство индейцев были непревзойденными мастерами портить хорошую еду. Очень часто мы испытывали такой голод, что, выждав пока все повара лягут спать, вместе с Доктором украдкой пробирались в дворцовый погреб и там тайком жарили блинчики на угасающих углях очага. Сам Доктор был непревзойденным поваром, однако он устраивал в кухне жуткий беспорядок, и кроме того, конечно, приходилось следить, чтобы нас не поймали.

Как было сказано, в этот вечер предметом нашей дискуссии на заседании кабинета министров была еда, и я как раз напоминал Бампо об изумительных блюдах, которыми нас угощали в доме у хозяина

кроватной мастерской в Монтеверде.

— Знаете, чего бы я сейчас хотел? — сказал Бампо. — Большую чашку какао. Как жаль, что здесь на острове не растут какаовые деревья, и нет коров, от которых получают сливки.

— А как вы думаете, — спросил Джип, — когда Доктор собирается покинуть эти места?

— Я говорила с ним об этом только вчера, — сказала Полинезия. — Но не смогла добиться от него вразумительного ответа. Мне показалось, что он не хочет этой темы даже касаться.

Разговор на некоторое время прервался.

— Знаете, что я думаю? — добавила она вскоре. — Я думаю, что Доктор больше уже вообще немышляет о возвращении домой.

— Боже праведный! — воскликнул Бампо. — Не может быть!

— Ш-ш! — сказала Полинезия. — Что это за шум?

Мы прислушались и различили в дальних коридорах дворца крики часовых:

— Король! Король! Дорогу Королю!

— Наконец-то это он, — прошептала Полинезия, — поздно, как всегда. Бедняга, как же он много работает! Чи-Чи, достань из буфета табак и трубку и положи на кресло халат.

Когда Доктор вошел в комнату, он выглядел серьезным и задумчивым. Устало сняв с головы корону, он повесил ее на крючок за дверь. Затем сменил королевскую мантию на халат, с глубоким вздохом опустился в свое кресло во главе стола и начал набивать трубку.

— Ну, — спокойно спросила Полинезия, — как вы нашли младенца?

— Младенца? — пробормотал он, оставаясь мыслями где-то далеко. — Ах, да. Младенцу уже гораздо лучше, спасибо. У него прорезался второй зуб.

Затем он снова замолчал, задумчиво уставившись на потолок сквозь облако табачного дыма, а мы тихо сидели вокруг и ждали.

— До вашего прихода, Доктор, — проговорил наконец я, — мы обсуждали вопрос о том, когда же вы начнете собираться домой. Завтра исполнится семь месяцев, как мы находимся на этом острове.

Доктор растерянно подался вперед.

— Вообще-то, — сказал он через минуту, — я и сам собрался поговорить с вами об этом сегодня вечером. Но очень трудно, гм... объяснить ситуацию таким образом, чтобы всем все было понятно. Боюсь, что я не смогу оставить работу, которой сейчас занимаюсь... Если вы помните, в самом начале, когда они настаивали на том, чтобы сделать меня королем, я говорил вам, что когда принимаешь на себя определенные обязанности, от них потом нелегко отказаться. Эти люди теперь полагаются на меня во всех делах. Мы, можно сказать, серьезно изменили весь ход их жизни. Однако изменять жизнь других людей надо с большой осторожностью. И будут ли это перемены к лучшему или к худшему — зависит от нас.

Он подумал минутку, а затем продолжал — более тихим и печальным голосом:

— Я не хотел бы бросать свои путешествия и работу по естественной истории. И я не меньше любого из вас хотел бы вернуться в Падлби. Сейчас март, и на лужайках скоро расцветут крокусы... Но то, чего я боялся, случилось: я не могу не думать о том, что произойдет, если я оставлю этих людей и сбегу. Они, скорее всего, вернутся к своим старым привычкам и обычаям: войнам, суевериям, черной магии и так далее. Многие из новшеств, которым мы их научили, будут использованы в дурных целях, и они попадут в еще худшее положение по сравнению с тем, в котором мы их нашли... Они любят меня,

доверяют мне, они привыкли обращаться ко мне со всеми своими бедами и проблемами. Но ведь невозможно предать тех, кто тебе доверился... И кроме того, я тоже люблю их. Они мне как дети — у меня, знаете, никогда не было своих детей — и мне ужасно интересно, какими они вырастут. Вы понимаете, о чем я говорю? Как же я могу сбежать и оставить их одних?.. Нет, я много об этом думал и пытался принять правильное решение. Видно, мне и дальше придется нести груз, который я взвалил на себя, приняв корону. Боюсь, я должен остаться здесь.

— Навсегда? На всю жизнь? — тихо спросил Бампо.

Некоторое время Доктор молчал, нахмурившись.

— Не знаю, — наконец ответил он. — По крайней мере сейчас нечего и надеяться, что я могу уехать. Это было бы нехорошо.

Наступила печальная тишина. Внезапно ее нарушил стук в дверь.

С терпеливым вздохом Доктор встал и вновь надел корону и мантию.

— Войдите, — крикнул он, опять усаживаясь в кресло.

Дверь открылась, и слуга — один из ста сорока трех, постоянно дежуривших ночью, — склонился в поклоне у входа.

— О, Добрейший! — обратился он к Доктору. — Там у ворот дворца путешественник, который хотел бы поговорить с Твоим Величеством.

— Держу пари на шиллинг, еще один младенец родился, — проворчала Полизезия.

— Вы узнали имя этого путешественника? — спросил Доктор.

— Да, Ваше Величество, — ответил слуга. — Его зовут Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы.

ГЛАВА 3

НАУКА КРАСНОКОЖЕГО НАТУРАЛИСТА

— **Д**линная Стрела! — воскликнул Доктор. — Как замечательно! Ведите его сюда, ведите его сюда сейчас же.

— Я так рад, — продолжал он, поворачиваясь к нам, когда слуга вышел, — мне ужасно не хватало Длинной Стрелы. Так хорошо, когда он рядом, — даже если он не так уж много говорит. Дайте посчитать... пять месяцев прошло с тех пор, как он отправился в Бразилию. Я так рад, что он вернулся невредимым. Умный-то он умный, однако всегда так рискует, плавая на этом своем каноэ. Это не шутка — пройти сто миль в открытом море на двенадцатифутовой лодке. Я бы не хотел попробовать.

Снова послышался стук. Доктор пригласил стучавшего войти, и дверь широко распахнулась. На пороге стоял наш огромный друг с улыбкой на выразительном смуглом лице. За ним появились носильщики. Они внесли багаж, упакованный в корзины из пальмовых листьев. Когда приветствия были завершены, Длинная Стрела приказал им опустить багаж на землю.

— Смотри, Добрейший, — сказал он, — как и обещал, я принес тебе мою коллекцию растений, которую я прятал в пещере в Андах. Эти сокровища — труд всей моей жизни.

Корзины были открыты. Внутри помещалось большое количество пакетов и свертков. Они были со всей осторожностью уложены на стол.

Сначала коллекция показалась нам большой, но не слишком впечатляющей. Там были растения, цветы, фрукты, листья, корни, орехи, бобы, медоно-

сы, смолы, древесная кора, семена, пчелы и несколько видов других насекомых.

Наука о растениях, или, как это называется, ботаника никогда особенно не интересовала меня. По сравнению с изучением животных, ботаника казалась мне скучной. Но когда Длинная Стрела начал брать со стола различные экспонаты своей коллекции и объяснять нам их свойства, я почувствовал, что меня все больше и больше охватывает интерес. И еще до того, как он закончил свои объяснения, я был полностью захвачен чудесами Царства Растений, которые он привез с собой из такой дали.

— А это, — сказал он, беря в руки небольшой пакет с крупными семенами, — «смеющиеся» бобы, как я их называю.

— А для чего они? — спросил Бампо.

— Они вызывают веселье, — ответил индеец.

Когда Длинная Стрела отвернулся от него, Бампо схватил три боба и быстро проглотил их.

— Ой! — сказал индеец, обнаружив, что сделал Бампо. — Если он хотел испробовать силу этих семян, достаточно было съесть четверть одного боба. Будем надеяться, что он не умрет со смеху.

Эффект, оказанный бобами, был потрясающим. Сначала Бампо широко улыбнулся, затем захихикал и наконец разразился таким продолжительным хохотом, что нам пришлось унести его в соседнюю комнату и уложить в постель. Доктор потом говорил, что если бы не его здоровый организм, он мог бы умереть со смеху. Всю ночь он счастливо заливался во сне. И даже на следующее утро, когда мы разбудили его, он скатился с кровати, по-прежнему хихикая.

Когда мы вернулись в Зал Приемов, Длинная Стрела показал нам несколько красных корешков. Из них, по его словам, можно было варить, с

сахаром и солью, суп, от которого люди пускаются в пляс, проявляя при этом поразительную выносливость. Он спросил, не хотим ли мы попробовать, но мы, поблагодарив, отказались. После представления, устроенного Бампо, мы немного опасались новых экспериментов.

Длинная Стрела собрал великое множество интересных и полезных вещей: масло из древесной лозы — с его помощью волосы вырастают за одну ночь; черный мед, чайной ложки которого достаточно, чтобы вы погрузились в сон, а утром встали свежим (вместе с ним он привез и пчел, и семена цветов, с которых они собирают пыльцу); орех, от которого голос становится звучным и музыкальным; кровоостанавливающие водоросли; мох от змеинных укусов; лишайник, снимающий морскую болезнь.

Естественно, Доктор страшно заинтересовался. До самого утра он перебирал разложенные на столе предметы, записывая под диктовку Длинной Стрелы их названия и свойства в свою записную книжку.

— Здесь есть вещи, Стаббинс, — сказал он, закончив свою работу, — которые, попав в руки опытных фармацевтов, смогут оказать колоссальное воздействие на развитие мировой медицины и химии. Я подозреваю, что этот снотворный мед вытеснит половину вредных лекарств, которыми нам приходится пользоваться. Длинная Стрела составил руководство по фармацевтике. Миранда была права: он великий натуралист. Его имя достойно встать в один ряд с Линнеем. Когда-нибудь я привезу все эти вещи в Англию. Но когда это будет? — добавил он печально. — Да, в этом-то весь вопрос: когда?

ГЛАВА 4

МОРСКОЙ ЗМЕЙ

Долгое время после заседания кабинета министров, о котором я вам недавно рассказывал, мы не заговаривали с Доктором о возвращении домой. Жизнь на острове Паукообразных Обезьян, хлопотная и приятная, продолжалась месяц за месяцем. Пришла и ушла зима с рождественскими праздниками, и не успели мы оглянуться, как снова наступило лето.

Время шло, и Доктор все больше погружался в заботы о своей большой семье, уделяя все меньше и меньше времени занятиям естественной историей. Я знал, что он по-прежнему часто вспоминает о своем доме и садике в Падлби, о своих планах и честолюбивых стремлениях. Когда что-нибудь напоминало ему об Англии и его прежней жизни, его лицо становилось задумчивым и немного грустным. Но он никогда не говорил об этом. И я искренне считаю, что Доктор провел бы остаток своих дней на острове Паукообразных Обезьян, если бы не случай — и не Полинезия.

Старой попугаихе очень надоели индейцы, и она не скрывала этого.

— Подумать только, — сказала она мне однажды, когда мы прогуливались по берегу, — чтобы знаменитый Джон Дулитл тратил свою драгоценную жизнь, ухаживая за этими немытыми дикарями! Это просто абсурд!

Все утро мы наблюдали за Доктором, руководившим строительством нового театра в Попсипетле — в дополнение к уже построенной оперной сцене и концертному залу. Наконец это зрелище настолько

утомило Полинезию, что мне пришлось предложить ей пройтись.

— Ты действительно считаешь, — спросил я, когда мы присели на песке, — что он никогда больше не вернется в Падлби?

— Не знаю, — ответила она. — В какой-то момент я была уверена, что мысли о любимцах, оставленных дома, вскоре заставят его вернуться. Но с тех пор, как в августе прошлого года Миранда сообщила ему, что там все в порядке, этой надежды как не бывало. Много месяцев я ломаю голову, как заставить его снова вернуться мыслями к естественной истории. Нужно придумать что-то достаточно серьезное, чтобы он по-настоящему взволновался, — тогда мы могли бы добиться успеха. Но как это сделать, — она с отвращением передернула плечами, — когда все, о чем он думает, — это как вымостить улицы и научить индейских детей, что дважды два — это четыре.

Был изумительный попсипетальский день, солнечный и жаркий. Я вяло поглядывал на море, думая о своих родителях. Интересно, беспокоены ли они моим длительным отсутствием. Рядом со мной старая Полинезия продолжала свое глухое монотонное ворчанье, и ее слова постепенно сливались с мягким плеском волн о берег. Возможно, меня убаюкали ровный звук ее голоса и мягкий благоуханный воздух. Я не знаю. Как бы то ни было, мне вскоре приснилось, что остров снова сдвинулся с места — не плавно, как раньше, а внезапно, резко, как будто какая-то невероятная сила приподняла его с подводного ложа и снова опустила.

Как долго я спал, я не знаю. Меня разбудило мягкое поклевыванье в нос.

— Томми! Томми! — это был голос Полинезии. — Вставай! Господи, что за парень — пережить во сне

землетрясение и даже не заметить этого! Томми, послушай: вот наш шанс. Проснись, ради всего святого!

— В чем дело? — откликнулся я и сел, позевывая.

— Ш-ш! Смотри! — прошептала Полинезия, указывая на море.

Все еще находясь в полусне, я смотрел перед собой затуманенным взором. На отмели, не более чем в тридцати ярдах от берега, я увидел гигантскую бледно-розовую раковину. Она была куполообразной формы и поднималась изящным переливчатым изгибом на огромную высоту, а у ее основания мягко пенился белыми брызгами прилив. Это было как в фантастическом сне.

— Что это за чудо? — воскликнул я.

— Ты видишь перед собой животное, — прошептала Полинезия, — которое моряки испокон веков называют морским змеем. Я сама не раз видела его с палубы корабля, на большом расстоянии, когда оно высовывалось из воды и снова исчезало в ней. Но теперь, когда я вижу его вблизи и в состоянии покоя, я начинаю сильно подозревать, что знаменитый морской змей — не что иное как большая прозрачная морская улитка, о которой рассказывал нам наш фиджит. Пусть я буду черной вороной, если это не единственный экземпляр в целом свете. Томми, нам повезло. Надо притащить сюда Доктора, чтобы он взглянул на эту красотку прежде, чем она вернется в Глубокую Дыру. Если нам это удастся, поверь мне, мы, может быть, еще покинем этот благословенный остров. Оставайся здесь и следи за ней, пока я слетаю за Доктором. Не двигайся и не разговаривай — даже не дыши слишком громко: она может испугаться — эти улитки ужасно пугливы. Просто наблюдай за ней, а я вернусь мигом.

Она крадучись проползла по песку, пока не

очутилась под прикрытием кустов, затем взмыла вверх и полетела по направлению к городу. А я остался один на берегу, зачарованно наблюдая за тем, как это невероятное существо качается в водах отмели.

Оно почти не двигалось. Время от времени оно высовывало голову из воды, показывая необычайно длинную шею и рожки. Временами существо пыталось подобраться — как делает улитка, когда собирается двинуться с места, — и почти тут же опускалось назад, как будто у него что-то болит, но его нижняя часть, которая находилась под водой, была скрыта от моих глаз.

Я все еще был поглощен разглядыванием огромного животного, когда Полинезия вернулась вместе с Доктором. Они приблизились так тихо и незаметно, что я не видел и не слышал их, пока они не распластались на песке рядом со мной.

Один лишь взгляд, брошенный на улитку, полностью преобразил Доктора. Его глаза сверкали от восторга. Я не видел его таким взволнованным и счастливым с тех пор, как мы поймали жука Джабизри, когда впервые высадились на острове.

— Это она! — прошептал он. — Гигантская прозрачная морская улитка собственной персоной — в этом нет ни малейшего сомнения. Полинезия, полетай вдоль берега и поищи для меня дельфинов. Может быть, они смогут рассказать нам, что делает здесь улитка. Это очень странно, что она находится в такой мелкой воде. А ты, Стаббинс, доберись до залива и приведи мне небольшое каноэ. Но будь осторожен, огибая бухту. Если улитка испугается и уплывет на глубину, мы ее, возможно, никогда больше не увидим.

— И не говори никому из индейцев, — добавила Полинезия шепотом, когда я двинулся с места,

чтобы идти. — Мы должны держать это дело в тайне, иначе здесь через пять минут соберется толпа зевак.

Добравшись до залива, я выбрал среди лежавших на берегу каноэ одно, небольшое и легкое, и, никому не говоря, зачем оно мне понадобилось, сел в него и начал грести вдоль берега на юг.

Я смертельно боялся, что улитка исчезнет прежде, чем я вернусь. Можете себе представить мой восторг, когда, обогнув скалистый мыс и увидев перед собой бухту, я обнаружил, что она все еще там.

Я увидел, что Полинезия выполнила поручение и, опередив меня, вернулась с парой дельфинов. Они уже тихонько переговаривались с Джоном Дулитлом. Я вытащил каноэ на берег и подошел послушать, о чем они говорят.

— Хотел бы я знать, — говорил Доктор, — как сюда попала улитка. Я полагал, что она обычно живет в Глубокой Дыре и выплывает на поверхность только вдали от берега.

— Разве вы не знаете? Неужели вы не слышали? — отвечали дельфины. — Потопив остров, вы заткнули Глубокую Дыру. Да-да, вы опустили его прямо на отверстие Дыры, как бы прикрыли ее крышкой. Рыбы, находившиеся внутри, все это время пытаются выбраться оттуда. Большой улитке пришлось хуже всех: остров прищемил ей хвост в тот самый момент, когда она отправлялась на обычную вечернюю прогулку. Шесть месяцев она маялась там, пытаясь освободиться. Наконец ей пришлось с одного края приподнять весь остров, чтобы вытащить хвост. Вы, наверно, почувствовали что-то вроде землетрясения с час назад?

— Да, — сказал Доктор, — от него обвалилась часть театра, который я строю.

— Это как раз была улитка, приподнимавшая остров, чтобы выбраться из Дыры, — сказали они. — Все остальные рыбы ухватились за эту возможность и уплыли, когда она приподняла крышку. Им повезло, что она такая большая и сильная. Но это гигантское напряжение сказалось на ней: она растянула мышцу на хвосте и эта мышца начала распухать. Ей нужно было какое-нибудь тихое место, чтобы отдохнуть, и увидев эту мягкую песчаную косу, она забралась сюда.

— Боже мой! — сказал Доктор. — Мне очень жаль. Наверно, я должен был предупредить, что остров опустится. Но, сказать по правде, мы сами этого не знали, все произошло как бы случайно. Как вы думаете, у бедняжки тяжелая травма?

— С виду вроде бы она не очень пострадала, — ответили дельфины, — но спросить-то мы ее не можем.

— Неужели никто из вас, дельфинов, не говорит на языке моллюсков? — спросил Доктор.

— Ни слова, — отвечали они, — это необыкновенно трудный язык.

— А не могли бы вы найти мне какую-нибудь рыбу, говорящую на нем?

— Не знаем, — сказали дельфины. — Но попробуем...

— Я был бы вам чрезвычайно признателен за это, — сказал Доктор. — У меня к этой улитке много важных вопросов. И кроме того, я постарался бы сделать все возможное, чтобы вылечить ей хвост. Уж это я обязан сделать. В конце концов я косвенно виноват в том, что она повредила его.

— Что ж, если вы подождете здесь, — сказали дельфины, — мы посмотрим, что можно сделать.

ГЛАВА 5

ЗАГАДКА МОЛЛЮСКА НАКОНЕЦ РАЗГАДАНА

Итак, Доктор Дулитл с короной на голове сидел на берегу и ждал. Целый час дельфины сновали туда-сюда, доставляя различных обитателей морских глубин, чтобы определить, смогут ли они помочь Доктору.

Животных было много и они были прелюбопытные. Однако складывалось впечатление, что найти переводчика с языка моллюсков — задача почти невозможная. Зато дельфины обнаружили очень старого морского ежа — забавное шарообразное маленькое существо с длинными усиками, покрывавшими все тело, — который сказал, что на языке моллюсков не говорит, но когда-то в молодости понимал язык морских звезд. Это был не бог весть какой, но результат. Оставив с нами морского ежа, дельфины снова исчезли, чтобы привести морскую звезду.

Много времени им на это не понадобилось, поскольку в этих краях морские звезды встречались часто. Затем, используя ежа в качестве переводчика, они начали задавать вопросы одной из них. Она была довольно бестолкова, но старалась помочь, как могла. Терпеливо проведя небольшой тест, мы обнаружили, к своему восторгу, что она довольно сносно говорит на языке моллюсков.

Мы с Доктором воодушевились и, сев в каноэ, начали очень тихо грести, а дельфины, еж и звезды сопровождали нас. Так мы гребли, пока не оказались рядом с громадной раковиной большой улитки.

Тогда-то и начался этот самый необычный разговор, при котором я когда-либо присутствовал.

Сначала звезда задавала вопрос улитке, затем улитка отвечала, а звезда переводила ее ответ ежу, еж — дельфинам, дельфины — Доктору.

Таким образом, мы получили довольно много информации, главным образом из древней истории царства животных, но, к сожалению, упустили немало интересного из-за глупости морской звезды и всей этой возни с переводами.

Пока улитка говорила, мы с Доктором приложили уши к раковине и обнаружили, что можем довольно ясно слышать ее голос. Он был глубоким и походил на звук колокола, как и описывал наш фиджит. Но нам, конечно, не удалось понять ни одного сказанного ею слова. Доктор ужасно разволновался, ведь у него появилась возможность выучить язык, который его так давно интересовал. И вскоре, заставляя других рыб снова и снова повторять короткие фразы, которыми пользовалась улитка, он начал и сам складывать слова. Поскольку он уже был знаком с одним-двумя рыбьими языками, это существенно ему помогло. Попрактиковавшись немного таким образом, он перегнулся через борт каноэ и, погрузив лицо в воду, заговорил с улиткой напрямую.

Это была нелегкая работа, прошли часы, прежде чем он добился какого-либо результата. Но вскоре по счастливому выражению его лица я понял, что он постепенно достигает успеха.

Солнце уже клонилось к западу, и прохладный вечерний бриз мягко зашуршал в бамбуковых рощах, когда Доктор наконец отвлекся от своего занятия и сказал мне:

— Стаббинс, я убедил улитку выйти на сушу и дать мне осмотреть ее хвост. Вернись, пожалуйста, в город и скажи строителям, чтобы они на сегодня прекратили работу в театре. Затем пойди во дворец

и возьми мою походную аптечку. Мне кажется, я оставил ее под троном в Зале Приемов.

— И помни, — шепнула мне Полинезия, когда я повернулся, чтобы идти, — никому ни единого слова. Если тебе будут задавать вопросы, держи язык за зубами. Притворись, что у тебя зубная боль или что-нибудь в этом роде.

Когда я вернулся с аптечкой, улитка была уже на берегу. Увидев ее во всю длину, вы могли легко понять, почему в старые времена суеверные моряки называли ее морским змеем. Она действительно была гигантским, но по-своему красивым и грациозным существом. Джон Дулитл осматривал припухлость на ее хвосте.

Из принесенной мною аптечки Доктор достал большую бутылку с примочкой и начал натирать ушибленное место. Затем он вынул из сумки все бинты, которые у него были, и связал их друг с другом. Но даже и тогда их не хватило, чтобы перевязать хотя бы половину огромного хвоста. Доктор настаивал на том, что опухшую мышцу надо крепко забинтовать. Поэтому он снова послал меня во дворец, чтобы я принес из королевской бельевой все имеющиеся простыни. Их мы с Полинезией изорвали на повязки. Наконец после гигантских усилий мы перевязали ушиб так, что Доктор остался доволен.

Улитка тоже казалась очень довольной тем вниманием, которое ей оказывали, и как только Доктор закончил свою работу, распласталась по песку в ленивой истоме. В этом положении, когда раковина на ее спине была пуста, сквозь нее можно было видеть пальмы на другой стороне косы.

— Я думаю, кому-то из нас лучше посидеть возле нее ночью, — сказал Доктор. — Мы можем поручить это Бампо. Я знаю, что он целый день проспал

в летнем домике. Это очень болезненный ушиб, и если улитка не сможет уснуть, ей будет приятно знать, что рядом кто-то есть. Правда, она скоро поправится — не пройдет и нескольких дней. Если бы я не был так ужасно занят, я бы сам с ней посидел — мне еще столько нужно с ней обсудить.

— Но, Доктор, — сказала Полинезия, когда мы приготовились возвращаться в город, — вам необходим отпуск. Все короли время от времени берут отпуск. Например, Король Чарльз — он всегда отдыхал. Конечно, нельзя сказать, что он был образцовым королем. Но все равно, он был ужасно популярен. Все его любили, даже золотые карпы в пруду Хэмптон-корта. Единственное, чего я не могла ему простить, — это то, что он вывел этих маленьких глупых и кусачих собак, известных как спаниели короля Чарльза. О бедном Чарльзе рассказывают много историй, но я считаю, что хуже этого он ничего не сделал. Однако все это не имеет отношения к делу. Как я уже говорила, короли нуждаются в отпуске не меньше всех остальных. А у вас его не было с тех пор, как вас короновали, не так ли?

— Да, — ответил Доктор, — это так.

— Ну что ж, тогда я скажу, что нужно делать, — продолжала она. — Как только вы вернетесь во дворец, опубликуйте королевский указ о том, что вы по состоянию здоровья на неделю уезжаете в глубь страны. И поедете без слуг, понимаете, как простой человек. Когда короли уезжают таким образом, это называется путешествовать инкогнито. Они все так делают. Это единственная возможность приятно провести время. Тогда вы сможете пробыть эту неделю на берегу с улиткой. Как вам эта идея?

— Звучит крайне соблазнительно, — ответил Доктор. — Но ведь нужно строить новый театр — наши плотники не сумеют сами установить балки,

если я им не покажу. Кроме того, есть еще младенцы — эти местные мамы жутко невежественны.

— К черту театр и младенцев тоже, — парировала Полинезия. — Театр может неделю подождать. Что касатся младенцев, то у них никогда не бывает ничего, кроме колик. Как же, скажите на милость, жили младенцы до вашего появления на острове? Возьмите отпуск, он вам необходим.

ГЛАВА 6

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ

По тону, которым говорила Полинезия, я догадался, что идея отпуска — это часть ее плана.

Доктор ничего не ответил, и мы молча шли в направлении города. Я видел, однако, что слова попугаихи произвели на него впечатление.

После ужина Доктор исчез из дворца, не говоря, куда идет, раньше этого за ним не водилось. Разумеется, мы знали, где он: сидит на берегу с улиткой. Мы были уверены в этом, потому что он не послал к ней Бампо.

Как только закрылись двери и началось вечернее заседание кабинета, Полинезия обратилась к министрам:

— Послушайте, ребята, — сказала она, — нам просто необходимо заставить Доктора взять отпуск — если только мы не хотим просидеть на этом благоденном острове до конца своих дней.

— Но что мы выиграем, если он возьмет отпуск? — спросил Бампо.

Полинезия немедленно обрушилась на министра внутренних дел.

— Разве ты не понимаешь? Если у него будет свободная неделя, то он снова увлечется естественной историей — изучением морской жизни, вспомнит свою мечту увидеть дно океана и все такое. Тогда можно будет попытаться уговорить его оставить это отвратительное место. Но пока он исполняет здесь обязанности короля, у него не бывает и минуты подумать о чем-либо, кроме государственных вопросов.

— Да, это правда. У него слишком развито чувство ответственности, — согласился Бампо.

— А кроме того, — продолжала Полинезия, — единственный шанс для него выбраться отсюда — это сбежать тайком. Он должен уехать инкогнито, находясь в отпуске, пока никто, кроме нас, не будет знать, где он и что делает. Начни он строить корабль такой величины, чтобы на нем можно было пересечь океан, его тут же увидят индейцы. Они, конечно, спросят, зачем он нужен, и вмешаются. Они готовы примириться с чем угодно, только не с потерей Доктора. Я уверена, если бы индейцы заподозрили, что он подумывает о побеге, они бы его заковали в цепи.

— Да, думаю, они бы это сделали, — согласился я. — Однако без какого-нибудь судна Доктору, по-моему, не удастся отсюда выбраться, даже тайно.

— Я вот что скажу, — ответила Полинезия. — Если бы мы смогли убедить его взять отпуск, нам осталось бы только упротить улитку взять нас всех в свою раковину и довести в ней до устья Падлби-ривер. Если улитка согласится, искушение для Джона Дулитла будет слишком велико и он уедет, я уверена, особенно если сможет повезти английским докторам эти новые растения и лекарства из коллекции Длинной Стрелы, а также исследовать по дороге дно океана.

— Как интересно! — вскричал я. — Ты хочешь сказать, что улитка может провезти нас по дну моря до самого Падлби?

— Конечно, — сказала Полинезия. — Небольшое путешествие вроде этого — для нее ерунда. Она будет ползти по дну океана, а Доктор сможет наслаждаться подводными видами. Все в высшей степени просто. О, Джон Дулитл уедет, если только нам удастся убедить его взять этот отпуск и если

улитка согласится везти нас.

— Право, — вздохнул Джип, — я очень надеюсь, что она согласится! Мне так надоели эти мерзкие тропики — здесь чувствуешь себя ужасно ленивым и никчемным. И совсем нет крыс, и ничего нет, а впрочем, даже если бы они и водились, за ними не было бы сил гоняться. Господи, как бы я хотел увидеть старый Падлби и наш сад! А как была бы рада нашему возвращению Даб-Даб!

— В конце следующего месяца, — сказал я, — будет ровно два года, как мы покинули Англию, снявшись с якоря в Найтсбридже.

— И застряли в илистом берегу, — добавила Чи-Чи мечтательным, отсутствующим голосом.

— Вы помните, как нам все махали руками с пирса? — спросил я.

— Да. И я думаю, о нас с тех пор часто говорят в городе, — сказал Джип. — Наверно, интересуются, живы мы или умерли.

— Перестаньте, — сказал Бампо, — я чувствую, что сейчас заплачу от эмоций.

ГЛАВА 7

ДОКТОР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Можете себе представить, как мы обрадовались, когда на следующее утро Доктор, проговорив с улиткой всю ночь, объявил нам, что решил уйти в отпуск. Городской глашатай немедленно зачитал указ о том, что Его Величество отбывает на недельный отдых вглубь страны, но что во время его отсутствия дворец и все правительственные здания будут открыты, как обычно.

Полинезия была ужасно довольна. Она немедленно и без лишнего шума занялась подготовкой к нашему отъезду, стараясь, чтобы никто ничего не знал о том, куда мы едем, что берем с собой, когда отправляемся или через какие ворота будем выходить из дворца.

Хитрая старая интриганка, она не упускала ни малейшей детали. И даже нам, принадлежавшим к компании Доктора, оставалось только догадываться о мотивах некоторых ее приготовлений. Она повела меня во дворец и поручила взять с собой все записные книжки Доктора, сказав, что это самое важное, о чем я должен помнить. Длинная Стрела, единственный из индейцев, посвященный в наш план, выразил желание дойти с нами до берега, чтобы увидеть большую улитку. Ему Полинезия напомнила, чтобы он принес свою коллекцию растений. Бампо было предложено нести цилиндр Доктора, тщательно спрятав его под пальто. Почти всех слуг, дежуривших в эту ночь, она услала в город с различными поручениями, чтобы при нашем уходе присутствовало как можно меньше людей. Отправление Полинезия в конце концов назначила на

полночь — час, когда большинство горожан уже спали.

Отбывая в королевский отпуск, мы должны были взять с собой недельный запас еды. Не забыли и другую поклажу, поэтому, когда пробило двенадцать и мы осторожно и бесшумно вышли через западную дверь дворца в залитый лунным светом сад, были изрядно нагружены.

— Осторожно, на дыпочках, — прошептал Бампо, когда мы тихо притворили за собой тяжелые двери.

Никто не видел, как мы ушли.

Когда мы подходили к подножию лестницы, ведущей из Павлиньей Галереи к Затонувшему Розарию, что-то заставило меня на минуту остановиться. Я оглянулся на величественный дворец, построенный нами в этой необыкновенной далекой стране, где кроме нас никогда не было белых людей. Каким-то образом я почувствовал, что нынешней ночью мы его покинем и никогда больше сюда не вернемся. И я попытался мысленно представить себе других королей и министров, которым суждено жить в великолепных покоях дворца, когда нас здесь уже не будет. Воздух был горячим, стояла мертвая тишина. Только ручные фламинго мягко плескались в пруду с лилиями. Внезапно за углом изгороди из кипарисов появился мигавший фонарь ночного сторожа. Полинезия клюнула меня в ногу и нетерпеливым шепотом велела мне поторопиться, пока наш побег не раскрыли.

Прибыв на берег, мы увидели, что улитка чувствует себя уже гораздо лучше и может двигать хвостом, не испытывая боли.

Дельфины, по природе своей весьма любопытные существа, по-прежнему держались поблизости, ожидая какого-нибудь интересного события. Пока

— Осторожно, на цыпочках, — прошептал Бампо.

Доктор был занят со своей новой пациенткой, Полинезия, главный стратег операции, окликнула их и подозвала для небольшой приватной беседы.

— Друзья мои, — сказала она тихо, — вы знаете как много Джон Дулитл сделал для животных — он, можно сказать, отдал им всю свою жизнь. Сейчас у вас есть возможность что-то сделать для него. Дело в том, что королем этого острова его сделали против воли, понимаете? А теперь, взявшись за эту работу, он считает, что не может оставить ее, — думает, что индейцы без него не проживут и все такое, — а это, как мы с вами знаем, есть полная чушь. Идем дальше. Речь вот о чем: если бы только улитка согласилась взять его, нас и немного багажа — совсем немного, мест тридцать-сорок — в свою раковину и довести до Англии, мы уверены, что Доктор поехал бы. Потому что он до безумия жаждет обследовать морское дно. Более того, это его единственный шанс выбраться с этого острова. Очень важно, чтобы Доктор вернулся в свою родную страну, чтобы мог продолжить свою работу, имеющую такое значение для всех животных мира. Поэтому мы хотим, чтобы вы сказали морскому ежу, а он — звезде, а та — улитке, что мы просим взять нас в раковину и доставить в Падлби-ривер. Вы поняли?

— Вполне, вполне, — отвечали дельфины. — И мы очень постараемся уговорить ее — потому что, как вы говорите, это позор, когда такой великий человек тратит попусту время, хотя в нем так нуждаются животные.

— И не говорите Доктору, что вы собираетесь сделать, — сказала Полинезия, когда они стали отплывать. — Он может заартачиться, если узнает, что мы замешаны в этом деле. Попросите улитку сделать это предложение от своего имени. Вы поняли?

Джон Дулитл стоял по колени в мелкой воде, помогая улитке поднять из воды излеченный хвост и не замечал ничего вокруг. Бампо, Длинная Стрела, Чи-Чи и Джип лежали на песке у подножия пальмы, росшей чуть выше по берегу. Мы с Полинезией присоединились к ним.

Прошло полчаса.

Мы не знали, насколько успешно действовали дельфины, но внезапно Доктор оставил улитку и, задыхаясь и разбрызгивая воду, кинулся к нам.

— Вы представляете, — воскликнул он, — я сейчас разговаривал с улиткой, и она сама предложила отвезти нас в своей раковине в Англию. Она говорит, что ей все равно предстоит длительное путешествие, поскольку теперь, после исчезновения Глубокой Дыры, ей придется искать новый дом и она может сделать небольшой крюк, чтобы высадить нас в устье Падлби-ривер, если мы собираемся туда. Боже мой! Какая возможность! Мне бы так хотелось поехать! Можно было бы исследовать морское дно на всем протяжении от Бразилии до Европы! Никому никогда не удавалось этого сделать. Какое потрясающее путешествие! И зачем только я согласился стать королем! Теперь я должен упустить единственный шанс в моей жизни.

Он повернулся к нам спиной и направился песчаным берегом к средней косе, с тоской глядя на улитку. Доктор стоял на пустынном, залитом лунным светом берегу, с короной на голове, и его фигура выделялась темной тенью на фоне сияющего моря. Во всем его облике было что-то очень печальное и одинокое. Полинезия, сидевшая рядом со мной, выпорхнула из темноты и тихо полетела в его сторону.

— Доктор, — сказала она мягким, вкрадчивым голосом, как будто разговаривала с непослушным ребенком, — все это царствование — не самое

главное дело вашей жизни. Туземцы сумеют прожить и без вас. Может быть, не самым лучшим образом, но ведь жили же они раньше. Никто не сможет сказать, что вы не выполнили свой долг по отношению к ним. Это была их вина — они заставили вас быть королем. Почему бы не принять предложение улитки и просто бросить все и уехать? Работа, которую вы сделаете, информация, которую привезете домой, будет иметь гораздо бо́льшую ценность, чем то, что вы делаете здесь.

— Мой добрый друг, — сказал Доктор, оборачиваясь к ней, — я не могу. Они вернутся к старым, антисанитарным порядкам: грязной воде, сырой рыбе, жизни без дренажа, энтерической лихорадке и всему прочему... Нет. Я должен думать об их здоровье и благополучии. Я начал свою жизнь народным врачом, и похоже, что в конце пути я вновь вернулся к этому. Возможно, когда-нибудь позже я и уеду отсюда. Но сейчас я не вправе покинуть их.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, Доктор, — сказала Полинезия. — Ехать нужно именно сейчас. Такого случая больше не будет. Чем дольше вы будете здесь оставаться, тем труднее будет уехать. Уезжайте немедленно. Уезжайте сегодня ночью.

— Что? Уехать украдкой, даже не попрощавшись с ними? Право, Полинезия, что ты предлагаешь!

— Как же, дадут они вам шанс попрощаться! — сердито фыркнула Полинезия, которой наконец изменило терпение. — Я же говорю, Доктор, если вы сегодня ночью вернетесь во дворец — чтобы попрощаться или еще с какой-то целью, — вы там останетесь. Надо ехать сейчас, сию минуту.

Справедливость слов старой попугайхи, казалось, дошла до Доктора, и он некоторое время молчал, задумавшись.

— Но там же мои записные книжки, — сказал он

наконец, — мне придется вернуться, чтобы взять их.

— Они со мной, Доктор, — сказал я, — все до одной.

Он опять задумался.

— А коллекция Длинной Стрелы, — сказал он, — мне и ее надо взять.

— Она здесь, Добрейший, — из тени под пальмой послышался низкий голос индейца.

— А как насчет провизии, съестных припасов для путешествия? — спросил Доктор.

— У нас запасы на неделю, на время отпуска, — сказала Полинезия. — Это больше, чем понадобится.

— А кроме того, есть еще мой цилиндр, — грустно сказал он наконец. — Это все решает. Мне придется вернуться во дворец. Я не могу уехать без моего цилиндра. Как я могу появиться в Падлби с короной на голове?

— Вот он, Доктор, — сказал Бампо, извлекая старый, поношенный цилиндр из-под полы пальто.

Полинезия действительно обо всем позаботилась.

Но даже теперь мы видели, что Доктор все еще пытается придумать новые отговорки.

— О, Добрейший, — сказала Длинная Стрела, — зачем искушать судьбу? Дорога открыта, твое будущее и твоя работа призывают тебя обратно, в твой далекий дом за морем. С собой ты возьмешь и те знания, которые собрал для человечества я, — в тех краях от них будет больше пользы, чем здесь. Я вижу на востоке первые проблески зари. Вот-вот наступит день. Уезжай, пока не проснулись твои подданные. Уезжай, пока ваш план не раскрыт. Потому что я действительно думаю, что если ты не уедешь сейчас, ты проведешь остаток своих дней королем-пленником в Попсипетле.

Великие решения зачастую принимаются в считанные мгновения. На фоне светлеющего неба я

увидел, как тело Доктора внезапно напряглось. Он медленно снял с головы Священную Корону и положил ее на песок.

Когда он заговорил, в голосе его слышались слезы.

— Они найдут ее здесь, — бормотал он, — когда придут искать меня. И они поймут, что я уехал... Дети мои, бедные мои дети! Поймут ли они когда-нибудь, почему я оставил их?.. Поймут ли и простят ли меня?

Он принял от Бампо свой старый цилиндр, затем, повернувшись к Длинной Стреле, молча схватил протянутую ему руку.

— Твое решение правильно, Добрейший, — сказал индеец, — хотя никто не будет скучать по тебе и оплакивать твой отъезд больше Длинной Стрелы, сына Золотой Стрелы. Прощай, и да сопутствует тебе во всем удача!

Это был первый и последний раз, когда я видел Доктора рыдающим. Не говоря ни слова никому из нас, он повернулся и пошел по берегу к воде.

Улитка изогнула спину и открыла между плечами и краем раковины отверстие, через которое мы могли попасть внутрь. Доктор добрался до входа и исчез в нем. Передав багаж, мы последовали за ним. Затем раздался шипящий звук всасываемого воздуха, и входное отверстие плотно закрылось.

Повернувшись к востоку, гигантское существо начало медленно двигаться по склону отмели вперед, на более глубокое место.

В тот самый момент, когда темно-зеленые воды, бурля, сомкнулись над нашими головами, над линией горизонта вынырнул край огромного утреннего солнца. Сквозь прозрачные стены раковины мы увидели, как размытые очертания окружающего подводного мира внезапно озарились всеми цвета-

ми радуги, и под водой наступил рассвет.

Заключительная часть истории о нашем возвращении домой не займет много места.

Мы нашли наше новое обиталище вполне сносным. Дно просторной раковины составляла широкая спина улитки, необычайно удобная для сидения и лежания — лучше любого дивана, если привыкнуть к тому, что она холодная и влажная. Вскоре после того, как мы тронулись в путь, она попросила нас снять ботинки, поскольку гвозди на подметках больно вонзались ей в спину, когда мы возбужденно перебегали с одного ее бока на другой, наблюдая за видами морского дна.

Путешествие было приятным, мы двигались мягко и плавно. По правде говоря, вы бы вообще не подумали, что двигаетесь, если бы снаружи не менялся морской пейзаж.

Почему-то я всегда думал, что дно моря плоское. Однако оказалось, что оно имеет столь же неправильную форму и неровную поверхность, что и суша. Мы переваливали через огромные горные массивы с высокими громадами пиков, пробирались через густые заросли морских растений, пересекали широкие песчаные пространства, напоминавшие пустыни, — такие огромные, что целый день перед глазами был лишь туманный горизонт. Местами дно становилось мшистым, зеленым и приятным для глаза, как летний луг. Не хватало только овец, пасущихся на этих подводных холмах. А порой мы перекатывались в раковине, как горошины, когда улитка неожиданно ныряла в какую-нибудь глубокую пустынную впадину с крутыми извилистыми склонами.

Там, на глубине, нам часто встречались туманные тени погибших кораблей, потерпевших крушение и затонувших Бог весть сколько лет назад. Проплы-

вая мимо них, мы говорили шепотом — как дети, осматривающие памятники в церкви.

Чудовищного вида рыбы, бесшумно пожиравшие свои жертвы в пещерах и провалах, внезапно срывались с места, встревоженные нашим приближением, и уносились во мрак со скоростью выпущенных стрел. Другие, более смелые, немыслимых форм и оттенков, подплывали совсем близко и пристально смотрели на нас сквозь стены раковины.

— Мне кажется, они думают, что мы — это что-то вроде аквариума, — сказал Бампо. — Не хотел бы я быть рыбой.

Это было волнующее и постоянно меняющееся вращение. Доктор все время делал записи или карандашные наброски. Очень быстро мы исписали все чистые записные книжки, которые у нас еще оставались. Затем обыскали карманы, надеясь найти обрывки бумаги, чтобы записать новые наблюдения, и даже повторно использовали старые книжки, помещая записи между строк и на обложках.

Самая большая проблема заключалась в том, что нам не хватало света. На большой глубине было очень темно. На третий день мы проплыли мимо компании светящихся угрей, светлячков подводного мира, и Доктор попросил улитку на какое-то время взять их в нашу компанию. Они с готовностью согласились и плыли рядом с нами. Свет, который они излучали, хотя и не был слишком ярким, очень помог нам.

Как наш гигантский моллюск умудрялся находить дорогу в этом огромном и мрачном мире, оставалось для нас большой загадкой. Джон Дулитл спросил у улитки, как она ориентируется, откуда знает, что держит правильный путь к Падбли-ривер. Ее ответ настолько потряс Доктора, что, не найдя бумаги, он изорвал подкладку своего

драгоценного цилиндра и заполнил ее новыми строчками.

Ближе к ночи было уже, конечно, невозможно ничего разглядеть, и в темное время суток улитка плыла, а не ползла. Всего лишь слегка покачивая своим длинным хвостом, она развивала ужасную скорость. Вот почему мы совершили это путешествие за такое короткое время — пять с половиной дней.

На шестой день, вскоре после полудня, мы заметили, что поднимаемся по длинному отлогому склону. По мере подъема становилось все светлее и светлее. Наконец мы увидели, как улитка полностью выползла из воды и остановилась на длинной полосе серого песка.

За нашей спиной оставалась покрытая рябью поверхность моря. Слева было видно устье реки с отступавшей водой. А впереди уходила в туман полоса низкой ровной суши. Пара диких уток, вытянув шеи и вращая крыльями, пронеслась над нами в направлении моря и исчезла, как тень.

Этот вид очень сильно отличался от жаркого слепящего солнечного пейзажа Попсипетля.

С тем же шипящим звуком улитка открыла нам выходное отверстие. Ступив на болотистую почву, мы заметили, что идет приятный моросящий осенний дождик.

— Неужто это старая добрая Англия? — спросил Бампо, вглядываясь в туман. — Как-то не похоже. Может, улитка привезла нас не туда, куда надо?

— Нет, — вздохнула Полизезия, отряхивая капли дождя со своих перьев. — Это несомненно Англия. Можно определить по этому жуткому климату.

— Но, друзья, — воскликнул Джип, глотая воздух раскрытой пастью, — здесь пахнет чудесно,

изумительно пахнет! Извините меня за недолгую отлучку: я вижу водяную крысу.

— Ш-ш! Слушайте! — вмешалась Чи-Чи, стуча зубами от холода. — Часы на церкви в Падлби бьют четыре. Давайте распределим багаж и скорее двинемся. Нам еще предстоит долгий путь через болота.

— Будем надеяться, — вставил я, — что Даб-Даб уже разожгла в кухне очаг.

— Я уверен в этом, — сказал Доктор, выбирая из кучи багажа свой старый ридикуль. — При таком холодном ветре ей, конечно, нужен огонь, чтобы домашним животным было тепло. Пойдемте. Будем держаться берега, а не то потеряем дорогу в тумане. Вы знаете, и в скверном климате Англии есть что-то очень привлекательное, когда впереди ждет очаг, к которому вы стремитесь... Четыре часа! Пошли скорей — мы как раз успеем к чаю.

ДОКТОР ДУЛЦА НА ЛУНЕ

Hugh Lofting
Doctor Dolittle in the Moon
1929

Перевод с английского
М.С.Гринберга

ГЛАВА I

МЫ ВЫСАЖИВАЕМСЯ В НЕЗНАКОМОМ МИРЕ

Проступая к рассказу о наших приключениях на Луне, я, Томас Стаббинс, секретарь профессора медицины Джона Дулитла (и сын Джекоба Стаббинса, сапожника из Падлби-на-болоте), ощущаю полную растерянность. Не так-то легко восстанавливать в памяти эти бурные, тревожные недели, — день за днем, час за часом. Правда, у меня сохранились заметки, которые я делал по просьбе Доктора, целая кипа блокнотов, исписанных от корки до корки. Но почти все эти сведения носят чисто научный характер. Я же хочу писать не для ученых, а для обыкновенного читателя. И как раз поэтому мне особенно трудно.

Рассказывать ведь можно по-разному. Кому-то хочется знать о нашем путешествии одно, кому-то — другое. Сперва я решил, что мне поможет Джил: прочитал ему несколько глав, которые уже были написаны, и спросил, какого он мнения. Больше всего Джику хотелось узнать, водятся ли на Луне крысы. Точного ответа я дать не мог. Сам я, насколько помню, не видел ни одной; но все же думаю, что крысы — или похожие на них существа — там есть.

Затем я обратился к поросенку Габ-Габу. Оказалось, что для него самое важное — какими овощами мы там питались. (А Даб-Даб, когда я стал расспрашивать ее, только фыркнула и сказала, что я справлюсь и без ее помощи.) Тогда я пошел к моей матушке. Она поинтересовалась, что мы делали, когда нужно было менять нижнее белье, а потом высыпала на меня еще целый ворох подобных вопросов, на которые я, как правило, не мог ответить.

От нее я направился к Продавцу Кошачьей Еды, Мэтью Маггу. Но его вопросы озадачили меня еще больше: есть ли на Луне магазины? Как выглядят тамошние собаки и коты? Старина Мэтью, очевидно, решил, что Луна — это нечто вроде Падлби или лондонского Ист-энда.

Увы, мою попытку выяснить, что же большинство людей хочет знать о Луне, трудно было счесть успешной. Все, о чем мог рассказать я, похоже, никого особенно не занимало. Мне вспомнилось, как я впервые пришел к Доктору, собираясь поступить к нему секретарем, и как меня экзаменовала добрая старая Полинезия. Она спросила меня тогда: «Наблюдательный ли ты человек?» Прежде я ответил бы на этот вопрос только утвердительно — во всяком случае, не считал себя хуже других. А теперь убедился, что никакой наблюдательности у меня нет: ведь во время нашего путешествия я не заметил ничего, что могло бы сделать мой рассказ интересным для обычных читателей.

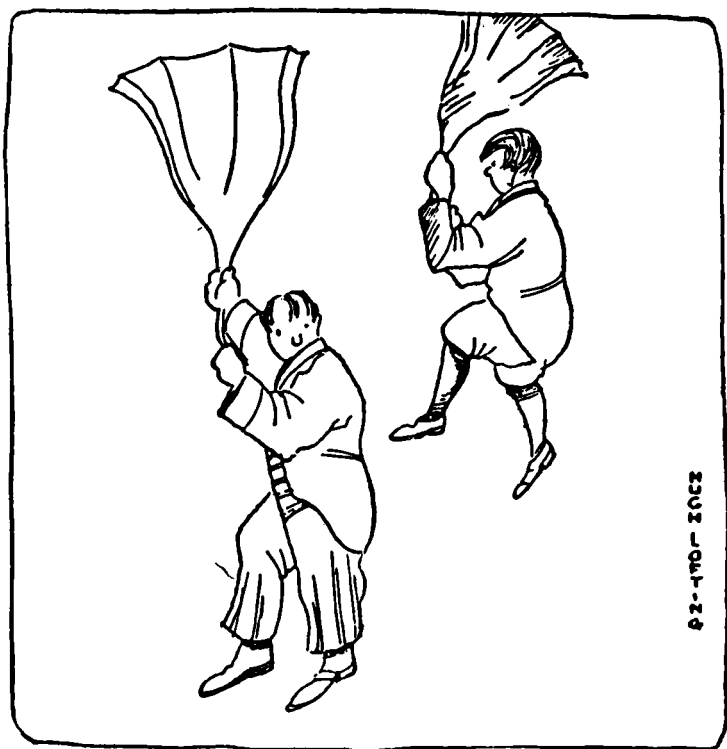
Вся беда тут, конечно, во внимании. Человеческое внимание как масло: его можно размазывать очень и очень тоненьким слоем, но все-таки не до бесконечности. Если пытаешься разом удержать в памяти чересчур много вещей, обязательно терпишь неудачу. А за дни, проведенные нами на Луне, мы видели, слышали и узнали так много, что я не перестаю удивляться, как мои воспоминания об этом времени вообще сохранили хоть какую-то четкость.

Больше других мне мог бы помочь Джамаро Жужжарли — гигантский мотылек, который нас туда привез. Но поскольку он был слишком далеко, когда я взялся писать эту книгу, я решил, что лучше не принимать в расчет личных пожеланий Джипа, Габ-Габа, матушки, Мэтью Магга и кого бы то ни

было иного, а рассказать обо всем так, как хочется мне самому. Все равно, как я ни старайся, рассказ мой не будет исчерпывающим и безупречным. Так что перейду-ка я прямо к делу и начну описывать шаг за шагом все, что мне запомнилось, — с того момента, когда могучее насекомое, к спине которого прижались задыхавшиеся участники нашей экспедиции, повисло над сияющей поверхностью Луны.

Видно было, что мотылек отлично знает место, где мы совершали посадку. Описывая круги и снижаясь, он весьма расчетливо направлял свое тяжелое тело к небольшой ложине, лежавшей между грядами холмов. Когда мы подлетели ближе, я разглядел дно этой ложины: оно было песчаным, ровным и сухим.

Необычный вид холмов поражал с первого же взгляда. При ближайшем рассмотрении оказалось, что и остальные лунные горы (вскоре за ближними грядами показались громоздившиеся в зеленоватой дымке более высокие кряжи) имели ту же особенность: своими как будто срезанными вершинами они напоминали перевернутые чашки. Позже Доктор объяснил, что это были потухшие вулканы. Почти все они когда-то изрыгали огонь и жидкую лаву, но теперь были холодны и мертвы. Некоторые из этих гор, изъеденные и разрушенные ветром, дождями и временем, приобрели на редкость причудливые очертания; другие были наполовину или почти полностью заметены песком, и бывшие вулканы можно было узнать в них лишь с большим трудом. Мне вспомнились «шепчущие скалы», которые мы видели на острове Паукообразных Обезьян. Правда, картина, представшая перед нами теперь, отличалась многими, очень многими чертами — и все же любой человек, хотя бы раз видевший вулканический ландшафт, уже не может спутать его ни с чем

Мы высаживаемся в незнакомом мире.

другим.

В длинной и узкой ложине, куда мы, судя по всему, спускались, не было видно ни растительности, ни следов животных. Но нас это не смутило. Доктор, во всяком случае, сохранял полное спокойствие. Он успел заметить с высоты дерево и был уверен, что рано или поздно найдет на Луне и воду, и растения, и живых существ.

Наконец, когда до поверхности оставалось не более двадцати футов, мотылек, распластав свои широкие крылья, мягко, как колоссальный воздушный змей, опустился на песок, сделал несколько подскоков, пробежал небольшое расстояние и, из всех сил затормозив, остановился.

Мы совершили посадку на Луне! К этому времени мы уже до какой-то степени свыклись с лунным воздухом. Однако Доктор, предупреждая возможные попытки сразу же сойти на «землю», попросил нашего любезного скакуна некоторое время оставаться на месте, чтобы мы могли окончательно приноровиться к новой атмосфере и природным условиям. Мотылек охотно согласился. Думаю, бедное насекомое и само было не прочь перевести дух. Джон Дулитл отыскал в одном из своих саквояжей неприкосновенный запас шоколада, который он берег во время перелета. Вся наша четверка молча принялась жевать — слишком голодная и слишком пораженная новой обстановкой, чтобы вымолвить хотя бы слово. Освещение непрестанно менялось. Мне невольно вспомнилось северное сияние. Стоило на мгновение отвести взгляд от окружавших тебя гор, как они из бледно-алых делались зелеными, а их тени, только что бывшие лиловыми, становились розовыми.

Нам по-прежнему было тяжело дышать. Как и раньше, мы не могли расстаться с «лунными коло-

кольчиками» — полученными от мотылька большими, оранжевыми цветами, которые источали аромат (или газ), позволивший нам пересечь безвоздушное пространство между Землей и Луной. Всякого, кто оставался без своего цветка слишком долгое время, настигал приступ удушливого кашля. Но мы уже чувствовали, что все больше привыкаем к новому воздуху и вскоре сможем обходиться без колокольчиков.

Чрезвычайно удивила нас и сила гравитации. Чтобы подняться на ноги из сидячего положения, не нужно было почти никаких усилий. Ходьба вообще не требовала напряжения — я имею в виду мышцы, с легкими дело обстояло не так просто. И совсем уж необычное ощущение вызывали прыжки. Слабый толчок ногой — и ты самым фантастическим образом взлетал ввысь! Если бы не затрудненное дыхание, — а к этому, по мнению Доктора, надо было относиться с полной серьезностью, чтобы не причинить вреда сердцу, — все безоглядно отдались бы блаженнейшему чувству, которое нами овладело. Сам я, помнится, даже запел от удовольствия (мелодия, правда, звучала не совсем внятно, так как рот у меня был набит шоколадом), — и мне захотелось сейчас же спуститься со спины мотылька и помчаться вприпрыжку по долам и холмам, знакомясь с этим чудесным миром.

Теперь, однако, я понимаю, что Джон Дулитл поступил очень мудро, умерив нашу прыть. Тихим шепотом (именно так мы считали нужным разговаривать в этом воздухе, где голоса звучали с кристальной ясностью) он приказал всем и каждому до особого распоряжения ни на секунду не расставаться с колокольчиками.

Хотя это было нам не совсем по вкусу, мы повиновались. Вниз мы спустились без всякого

трапа. Достаточно было легонько оттолкнуться ногой, чтобы плавно слететь со спины мотылька и мягко прилуниться двадцатью пятью футами ниже.

Прыгнули! Ф ю и т ь! И вот мы уже ступаем по пескам неведомой планеты.

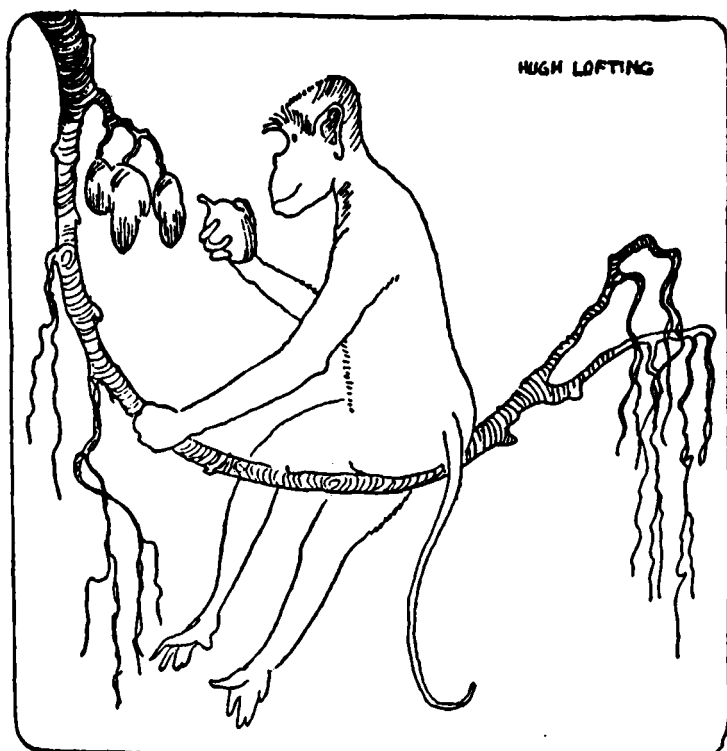
ГЛАВА 2

СТРАНА КРАСОК И АРОМАТОВ

На первый взгляд могло показаться, что отряд, впервые в истории высадившийся на Луне, выглядит очень и очень странно. Но во многих отношениях наша экспедиция была составлена исключительно удачно. И в первую очередь тут надо сказать о Полинезии: видя эту птицу, все приходило к убеждению, что она способна существовать в любых условиях, что ей не страшны ни засуха, ни наводнение, ни жара, ни холод. Несомненно, в ту пору мои представления о выносливости и стойкости Полинезии были по-ребячески преувеличенными. Но и теперь я не могу даже помыслить ситуации, из которой нашей замечательной попугайхе не удалось бы выйти целой и невредимой. Получая лишь два-три раза в неделю щепотку каких-нибудь семян и глоток воды, она сохраняла редкую бодрость духа; мало того, она вообще не обращала внимания на непривычный или слишком скудный рацион.

Теперь о Чи-Чи. Конечно, обезьянка нуждалась в более основательном питании. Но при любых обстоятельствах она умела снабдить себя всем необходимым сама. Я никогда не встречал столь ловкого интенданта. Если кто-то из нас чувствовал голод, она тут же отправлялась в совершенно незнакомый лес и находила там дикие плоды и орехи, определяя по запаху, годятся ли они в пищу. Как она это делала, не в силах был понять даже Джон Дулитл. Впрочем, и сама Чи-Чи этого не понимала.

Ну а я — я, хотя и не имел ученого звания, вполне успешно справлялся с обязанностями секретаря

Чи-Чи находила для нас дикие плоды и орехи.

географической экспедиции и в достаточной степени освоил методы Доктора Дулитла.

Наконец, сам Доктор. Из всех ученых натуралистов, когда-либо стремившихся раскрыть тайны неизведанных стран, ни один не обладал качествами Джона Дулитла. Доктор никогда не позволял себе предвзятых, самоуверенных суждений. К любой научной проблеме он подходил по-младенчески непосредственно, и поэтому ему всегда было легко получать знания самому и передавать их другим.

Да, наш отряд выглядел очень странно. Большинство ученых, я думаю, подняли бы нас на смех. И тем не менее отряд этот обладал многими достоинствами, которыми не могла бы похвастать никакая другая экспедиция.

Как всегда, Доктор не стал тратить время на приготовления. Другие путешественники почти наверняка начали бы с подъема флага и исполнения государственного гимна. Но Джон Дулитл не был похож на других. Убедившись в общей готовности, он тут же отдал приказ к выступлению. И, не говоря ни слова, Чи-Чи и я (Полинезия уселась у меня на плече) построились за Доктором и тронулись с места.

Не помню, когда еще мне было так трудно избавиться от мысли, что я вижу сон, как в первые несколько часов, проведенных нами на Луне. Сознание, что мы идем по незнакомому миру, где прежде не бывал ни один человек, соединявшееся с исключительным чувством легкости и свободного парения в воздухе, постоянно заставляло меня искать подтверждений, что я бодрствую и нахожусь в здравом уме. Поэтому я то и дело заговаривал с Доктором, Чи-Чи или Полинезией — даже когда мне нечего было им сказать. Но громовые раскаты моего собственного голоса, звучавшие всякий раз,

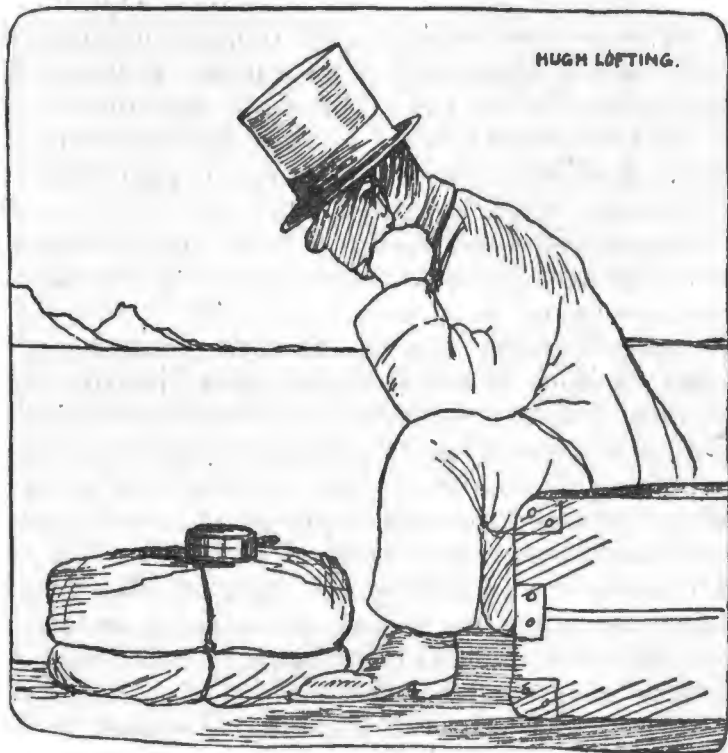
как я забывал говорить шепотом, лишь усугубляли ощущение полной нереальности происходящего.

И все же постепенно, мало-помалу, мы привыкали к новой обстановке. Что и говорить, у нас не было недостатка в свежих впечатлениях и зрелищах, целиком поглощавших наше внимание. Причудливая, ежесекундно меняющаяся окраска ландшафта лишала нас ориентации в пространстве и полностью сбивала с толку. У Доктора был маленький карманный компас. Но, посмотрев на него, мы обнаружили, что компас находится в еще большей растерянности, чем мы сами. Стрелка, точно ополумев, безостановочно вращалась на оси, и все попытки Джона Дулитла привести ее в спокойное состояние не имели успеха.

Оставив компас, он решил довериться своему лунному атласу, а также природному глазомеру и способности ориентироваться на местности. Доктор двигался в направлении замеченного им дерева: оно должно было находиться там, где кончался один из горных хребтов. Но в этом районе Луны все хребты выглядели почти одинаково. Атлас ничем не мог нам помочь. За спиной у нас высилось несколько вершин, которые мы вроде бы сумели найти на карте; но из тех, что виднелись впереди, нельзя было опознать ни одной. Это лишний раз подтверждало, что мы продвигаемся к обратной стороне Луны, которую еще не видел ни один земной человек.

— По всей вероятности, Стаббинс, — сказал Доктор (в то время как мы без усилий неслись большими скачками по рыхлому песку, в котором обычно так вязнут ноги), — вода есть *только на другой* стороне Луны. Может быть, из-за этого астрономы и думали, что на Луне вообще нет воды.

Что касается меня, то я с такой жадностью озирался по сторонам в ошеломлении от новых и

У Доктора был маленький карманный компас.

новых зрелищ, что даже не заметил — пока Доктор не обратил на это мое внимание, — насколько мягким и приятным был лунный климат. Одно из опасений Джона Дулитла перед путешествием заключалось в том, что на Луне нас может встретить невыносимая жара или арктический мороз. Но, если не считать трудностей, вызванных непривычными качествами атмосферы, нельзя было и пожелать более прекрасных природных условий. Нас все время овеивал легкий ровный ветерок, и температура воздуха оставалась практически одной и той же.

Мы внимательно оглядывали местность, стараясь найти чьи-либо следы: ведь было все еще непонятно, какие животные водятся на Луне. Но сухой песок под нашими ногами ничего не мог сказать даже такому искушенному следопыту, как Чи-Чи.

Воздух был напоен множеством разнообразных запахов. В большинстве своем это были сладчайшие цветочные ароматы: ими дышал ветер, который дул из-за видневшихся впереди горных хребтов. Лишь время от времени к общему благоуханию примешивалась струя острого смрада. Однако ни один из всех этих запахов, кроме запаха колокольчиков, которыми снабдил нас мотылек, не был нам знаком.

Мы шли и шли, одолевая милую за милей, хребет за хребтом, но деревья, которое заметил Доктор, все не было видно. Конечно, идти по здешним горам было далеко не так трудно, как по земным. Мы с удивительной легкостью вспрыгивали на большие камни и так же легко соскакивали вниз. Но поскольку мы взяли с собой изрядное количество клади и каждый из нас нес довольно тяжелую ношу, спустя два с половиной часа после начала пути все мы несколько приуныли. Полинезия вызвалась сле-

Мы шли и шли, одолевая милю за милей, хребет за хребтом.

тать на разведку, но Доктор решительно против этого возразил. Он считал, что нам нужно держаться вместе.

Впрочем, после очередного получасового перехода он разрешил птице подняться в небо — с условием, что та не будет теряться из виду, — и поискать дерево с более высокой точки обзора.

ГЛАВА 3

ВОДЫ!

Итак, какое-то время мы сидели на узелках и смотрели, как Полинезия, подобно парящему ястребу, поднимается все выше и выше над нашими головами. На высоте примерно в тысячу футов она прекратила подъем и описала круг. Потом начала медленно спускаться. Следивший за ее полетом Джон Дулитл проявлял все более очевидное нетерпение. Я не понимал, почему Доктору так не хотелось отпускать от себя попугая, но ни о чем не спрашивал.

Да, сообщила Полинезия, она видела дерево, но идти до него еще очень долго. Доктор поинтересовался, отчего она так медленно спускалась вниз; Полинезия ответила, что хотела твердо запомнить курс, чтобы повести нас верной дорогой. Затем она с предельной точностью, свойственной одним лишь птицам, указала направление, в котором надо было двигаться. И мы, чувствуя себя более спокойно и уверенно, снова пустились в путь.

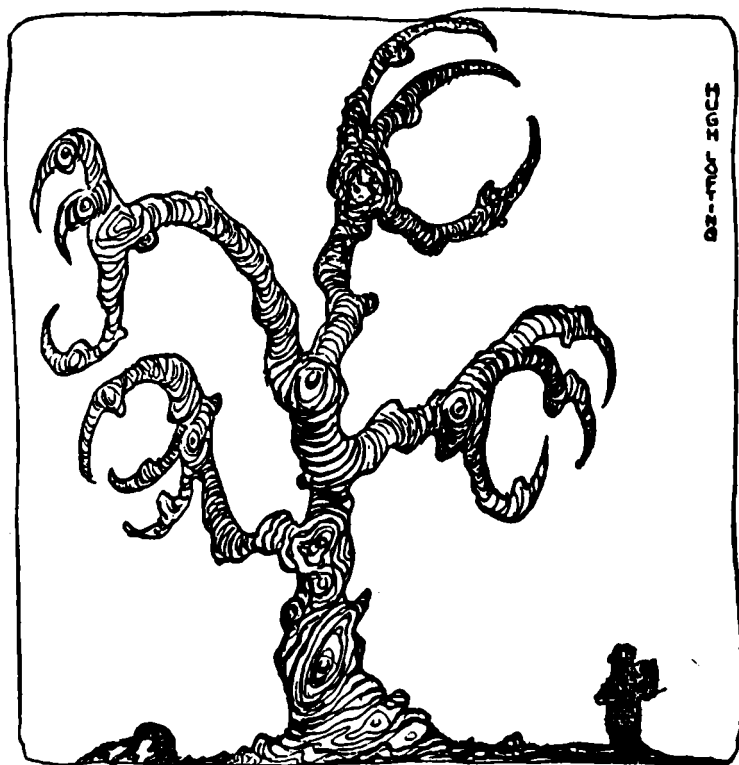
Конечно, при взгляде с высоты, откуда мы впервые видели дерево, расстояние до него казалось намного меньшим, чем было на самом деле. Ввели нас в заблуждение и два других обстоятельства. Во-первых, лунный воздух, как стало уже ясно, приближал все предметы (хотя освещение было очень мягким и неярким). Во-вторых, мы думали, что дерево имеет обычную земную величину и, оценивая его удаленность, бессознательно исходили из размеров рослого дуба или вяза. Когда же мы увидели его вблизи, то поняли, что такого гиганта нельзя было и вообразить.

Я никогда не забуду этого дерева — то была первая наша встреча с живым миром Луны, Вокруг уже сгущалась темнота, когда мы наконец подошли к нему вплотную. Темнотой я называю тот странный полумрак, который более всего из виденного нами на Луне напоминал земную ночь. В высоту дерево имело, по-моему, не меньше трехсот футов, а в поперечнике добрых сорок или пятьдесят. В целом же его облик производил невыразимо жуткое впечатление. Оно ничем не напоминало ни одно из деревьев, которые мне доводилось видеть прежде. И в то же время было понятно, что это именно дерево... Оно казалось — найду ли точное слово? — *живым существом*. У бедной Чи-Чи от страха поднялись дыбом волосы на затылке, и прошло немало времени, пока мы с Доктором уговорили ее помочь нам разбить под этим деревом лагерь.

Скажу откровенно: наш отряд, готовившийся к своему первому ночлегу на Луне, чувствовал глубокую подавленность. Никто не понимал, что же нас так сильно угнетает, но всеми без исключения овладело неодолимое беспокойство. По-прежнему дул легкий, ровный ветерок — такой, какими всегда бывают лунные ветры. Было достаточно светло, чтобы различать очертания предметов (хотя Земля большую часть ночи оставалась невидимой и совсем не давала света).

Помню, как Доктор — пока мы распаковывали вещи и доставали для ужина шоколад, оставшийся от дневной нормы, — с тревогой вглядывался в причудливо изогнутые сучья, нависавшие над нашими головами.

Да-да, их раскачивал ветер, тут не было никакого сомнения. Но ветер дул так мертвенно-однообразно, так ровно... Ветви же колыхались совсем не так: в их волнении было нечто необъяснимое, чудилось

Дерево казалось... живым существом.

даже, что дерево само управляет своими движениями, точно животное, ноги которого прикованы к земле. Впрочем, это могло быть обманом зрения, — ведь ветер и вправду дул и дул, ни на миг не стихая.

Кроме того, дерево издавало стоны. Конечно, на Земле в ветреную погоду деревья тоже постанывают, мы это знали. Но тут дело обстояло совсем иначе: между стонами дерева и равномерным напором ветра, овевавшего наши лица, нельзя было усмотреть и самой отдаленной зависимости.

Я видел, что даже умудренная, опытная Полинезия растеряна и обескуражена. И это было ничуть не удивительно: ведь все, что связано с деревьями и ветром, птицы чувствуют еще острее, чем человек. Я надеялся, что Полинезия отважится взлететь и осмотрит крону, но у нее не хватило духу. Что же касалось Чи-Чи, еще одного прирожденного обитателя леса, то ей, видимо, было вполне достаточно поверхностного знакомства с этим странным представителем растительного царства, и я понимал, что в мире нет силы, которая заставила бы обезьянку углубиться в его тайны.

После ужина Джон Дулитл еще несколько часов диктовал мне свои заметки. Первый день, проведенный в новом мире, принес немало ценных сведений, которые надо было записать в блокнот. Доктор определил с максимально возможной точностью время нашего прибытия на Луну, измерил температуру воздуха, направление и силу ветра, атмосферное давление (в числе прочих приборов он привез с собой и небольшой барометр) и собрал множество других данных, которые обычному смертному кажутся сухой цифирью, но чрезвычайно важны для ученого.

После тревожного, изнурительного перехода все мы уснули как убитые. Единственное, что я помню

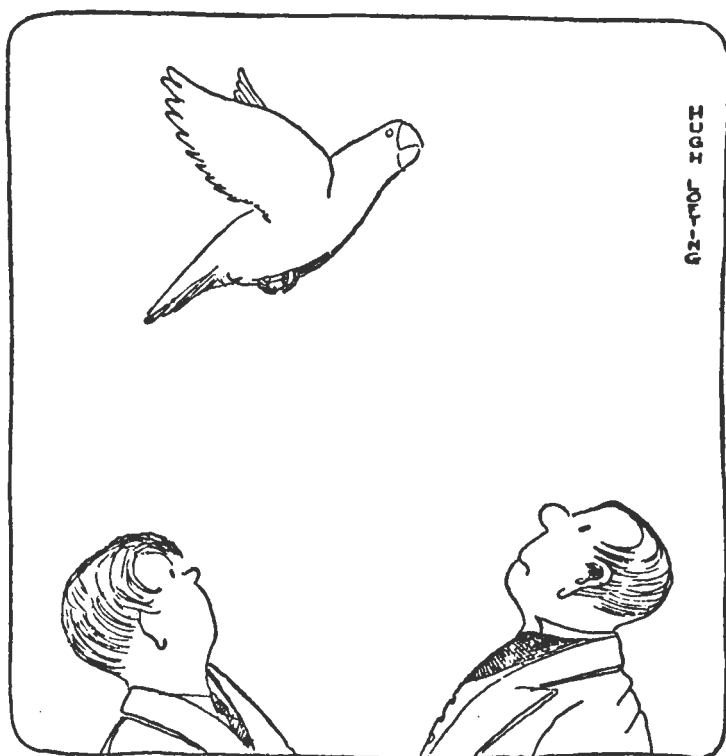
о своем пробуждении, — это то, что мне понадобилось не менее десяти минут, чтобы понять, где я нахожусь. Но, думаю, я так и не решил бы эту загадку, если бы не увидел наконец, что Джон Дулитл уже встал и бродит среди своих приборов, записывая их показания.

Первым делом мы должны были раздобыть какой-нибудь еды: у нас не было ни крошки съестного на завтрак. Доктор начинал жалеть, что так поспешно расстался с мотыльком. Действительно, только сейчас, когда прошло уже очень много времени после того, как мы не совсем вежливо его покинули, стремясь поскорее найти дерево и приступить к исследованию нового мира, — только сейчас мы поняли, что не встретили на своем пути ни одного признака животной жизни. Впрочем, идти назад, чтобы расспрашивать об этом мотылька, было чересчур далеко; да и трудно было ожидать, что мы найдем его на прежнем месте.

Итак, надо было не мешкая отправляться на поиски пищи. Мы поторопились уложить вещи, извлеченные наружу для ночлега. Куда же идти? Раз мы сумели найти одно дерево, где-то должны быть и другие: а там, безусловно, мы найдем и воду, в существовании которой не сомневался Доктор. Но сколько мы ни всматривались в горизонт — невооруженным глазом или через подзорную трубу, — нигде не было видно ни единого зеленого пятнышка.

На этот раз Полинезия, не дожидаясь приказа, сразу поднялась в воздух, чтобы произвести разведку.

— Ну, — сказала она спустившись, — вообще-то говоря, деревьев тут нет. Местность преотвратная, я такой еще в жизни не видела, если не считать Сахары. Но вон за той высокой грядой — там в середине — гора, похожая на шляпу, — видите,

*Полинезия сразу же поднялась в воздух,
чтобы произвести разведку.*

куда я показываю?

— Вижу, — ответил Доктор. — Продолжай, Полинезия.

— Так вот, за этой грядой на горизонте выделяется какая-то темная полоса. Может быть, это и не деревья. Но там точно есть что-то, кроме песка, я уверена. Раздумывать, по-моему, не стоит, надо идти туда. Путь неблизкий.

Да, путь и в самом деле оказался неблизким! Это напоминало форсированный марш или, лучше сказать, гонку на скорость, в которой мы состязались с собственной смертью. Поначалу нельзя было и представить, что нас ожидает. То, что мы отправлялись в дорогу натошак, никого особенно не напугало; каждому из нас не раз случалось это делать и раньше. Но минул час, потом другой, третий... а мы все шли по той же пустыне, среди песчаных барханов, холмов, безжизненных потухших вулканов, — и все больше и больше падали духом.

И тут я увидел Джона Дулитла во всем его подлинном блеске. Я догадываюсь (хотя ни о чем не спрашивал), что он начал испытывать некоторое беспокойство уже с первых наших шагов. Позже он объяснил, что именно его смущало, — но тогда не подал и виду, что встревожен. Напротив: чем суровее становились природные условия, чем сильнее терзал наши внутренности голод и непереносимее была жажда, от которой пересохли наши рты, чем стремительнее таял запас наших сил и бодрости, чем больше страданий доставляло нам каждое следующее движение, — тем веселее держался Доктор. Не прибегая к заготовленным впрок остроумиям, которые вызвали бы только раздражение, он каким-то непостижимым образом помогал всему нашему отряду сохранять душевную бодрость. Если он рассказывал что-то забавное, то это всегда было как нельзя

Чи-Чи вливала мне в рот восхитительно прекрасное питье.

более уместно и заставляло нас видеть все злоключения в смешном свете. Обсуждая с ним впоследствии этот эпизод нашего путешествия, я узнал, что в молодости Доктора не раз брали в научные экспедиции из-за его умения отгонять от людей черные мысли.

Так или иначе, я искренне сомневаюсь, что без дружеской, ободряющей поддержки Доктора наш отряд выдержал бы столь тяжелое испытание. Я впервые узнал, что такое муки жажды. Каждый сделанный мною шаг казался мне последним в моей жизни.

Наконец — по-видимому, на исходе второго дня нашего пребывания на Луне, — я услышал сквозь гул в ушах восклицание Полинезии: «Вперед лес!» Кажется, в это время я уже плохо отличал явь от бреда. Ничего не видя и механически переставляя ноги, я плелся за остальными. Я знаю, что мы все же нашли тогда воду: рухнув на землю и лишаясь чувств, я еще успел запомнить, как Чи-Чи, держа в руках древесный лист, сложенный наподобие чаши, вливала мне в рот восхитительно прохладную жидкость.

ГЛАВА 4

ПОДВИГ ЧИ-ЧИ

Придя в себя, я ощутил жестокий стыд. Тоже, полез в путешественники! Доктор, как ни в чем не бывало, расхаживал рядом — о Чи-Чи с Полинезией не стоит и говорить. Заметив, что я очнулся, Джон Дулитл немедленно подошел ко мне.

Будто угадав мои мысли, он сразу же начал корить меня за то, что я стыжусь происшедшего: ведь, по его словам, я не имел такого опыта путешествий по странам с жарким и сухим климатом, как Чи-Чи и Полинезия, и как он сам.

— В общем и целом, Стаббинс, — сказал Доктор, — ты показал себя настоящим молодцом. Тебе хватило сил на весь путь, почти до самого конца, сознание ты потерял только тогда, когда до спасенья было рукой подать. Никто не был бы вправе потребовать от тебя большего. Я знал многих искушенных путешественников, которым и не снилась такая выносливость. Это был трудный, неимоверно трудный переход. Ты держался просто великолепно. Вставай же и садись завтракать — теперь у нас, слава Богу, есть чем подкрепиться!

Я сел, чувствуя слабость и изнеможение. Вокруг меня тут же разложили множество загадочных предметов: как мне сказали позже, это были лесные плоды. Наша верная Чи-Чи, преодолевая боязнь, которую внушали ей шевелящиеся деревья и шепчущий ветер, спасла весь отряд своим поразительным даром обоняния, позволявшим выискивать в лесу растения, которые годились в пищу. Ни одно из диких блюд, составивших меню нашего завтрака, не было знакомо ни мне, ни Доктору; но

поскольку Чи-Чи заверила, что все это вполне съедобно, мы смело могли приступить к еде.

Некоторые плоды были величиной с сундук, другие — не крупнее грецкого ореха. Впрочем, мы были так голодны, что, не разбирая, набросились на них и ели, ели, ели все подряд... Чи-Чи поставила перед нами и воду — в скорлупах огромных орехов и в забавных посудинах из скрученных листьев. Ни один завтрак в моей жизни не доставлял мне столько наслаждения, как любой из этих странных плодов, названия которых я не знал.

О, Чи-Чи! Пугливая маленькая Чи-Чи, которая отринула все опасения и одна, без спутников, устремилась в джунгли, когда ни у кого уже не оставалось сил! Для остального мира ты была заурядной обезьянкой шарманщика. Но для нас, спасенных тобою от голодной смерти, ты, доблестная Чи-Чи, презревшая ужас, который подступал к тебе на каждом шагу, навеки заняла почетное место в списке величайших героев истории! Хвала Всевышнему, что ты была с нами! Тлеть бы сейчас нашим костям в лунной пустыне, если бы не твоя природная одаренность, твое знание джунглей — и, самое главное, твоя отвага, которая победила страх!

Но продолжу мой рассказ: поглощая необычные плоды и запивая их водой, возвращавшей мне жизненные силы, я поднял глаза и увидел впереди горный кряж. Над его плоским гребнем высился густой, буйно разросшийся лес; на склонах же растительный мир выставил свои аванпосты: небольшие группки кустов, отдельные деревья, — как если бы из основного массива выплеснулись и разлетелись во все стороны зеленые струи и брызги. Как и почему смогло выжить одинокое дерево, находившееся на столь большом расстоянии от этого леса, для нас осталось непонятным. Лучшее объяснение,

Некоторые плоды были величиной с сундук.

предложенное Джоном Дулитлом, состояло в том, что существует какой-то подземный источник, от которого дерево и получает необходимую влагу. Не было сомнений, что этому дереву уже несколько сот, а может быть и тысяч лет, — в противном случае оно не имело бы столь грандиозных размеров. Так или иначе, нам посчастливилось, что дерево росло именно *там*. Если бы оно не послужило указателем, направившим нашу экспедицию к обитаемой части Луны, всех нас почти наверняка ждала бы гибель.

Кончив завтракать, мы с Доктором стали расспрашивать Чи-Чи, что представляет собой лес, из которого она принесла съеденные нами загадочные плоды.

— Не знаю, как все это получилось, — отвечала Чи-Чи. — Я зажмурилась и старалась не разжимать глаз — так было страшно! Я пробиралась сквозь деревья, кусты, перелезала через лианы, корни. И нюхала... Мне ведь тоже очень хотелось есть. Я внюхивалась изо всех сил. И скоро нашла. Пахло замечательно. Я полезла на дерево... сначала я держала глаза закрытыми. А потом открыла, и вижу — кошмарное чудище... Честное слово! Ну и джунгли — в таких еще ни одна обезьяна не бывала! До чего же там жутко, ой-ой-ой! Но орехи пахли очень вкусно. Сорвала несколько штук. И тут же вниз. Побежала дальше. Снова принюхалась. Ага! Опять залезла на дерево. Плоды другие, но не хуже. Сорвала еще несколько. И вниз. Побежала обратно. Чую: пахнет вкусными корешками. Как имбирь, только лучше. Стала копать. А глаз не открываю — вдруг опять чудище! Отломил кусок корешка. И со всех ног домой! Вот я и тут. Все!

Как видите, по рассказу нашей милой старушки Чи-Чи скорее можно было составить представление о ее героических подвигах, чем о лунном лесе,

Чи-Чи пробиралась сквозь деревья, кусты,
перелезала через лианы и корни.

который нам предстояло исследовать. Тем не менее, отдохнув и прибодрившись, мы чувствовали теперь гораздо большее желание взглянуть на этот лес собственными глазами.

Мы оставили на месте вещи, которые несли от пункта нашей посадки, и начали двигаться по направлению к полосе деревьев; видневшейся над обрывом, до которого было примерно четыре мили пути. Мы были уверены, что без особого труда отыщем дорогу назад, к местам двух наших последних стоянок.

Под ногами у нас был тот же рыхлый песок — только приблизившись к подножию скалы, мы почувствовали, что он стал более плотным.

На последнем участке подъема мы потеряли гребень скалы из вида. Местами склон был необычайно крутым. Меня не оставляло чувство, что в самом ближайшем времени мы совершим новые великие открытия и нам откроется истинная природа таинственной Луны.

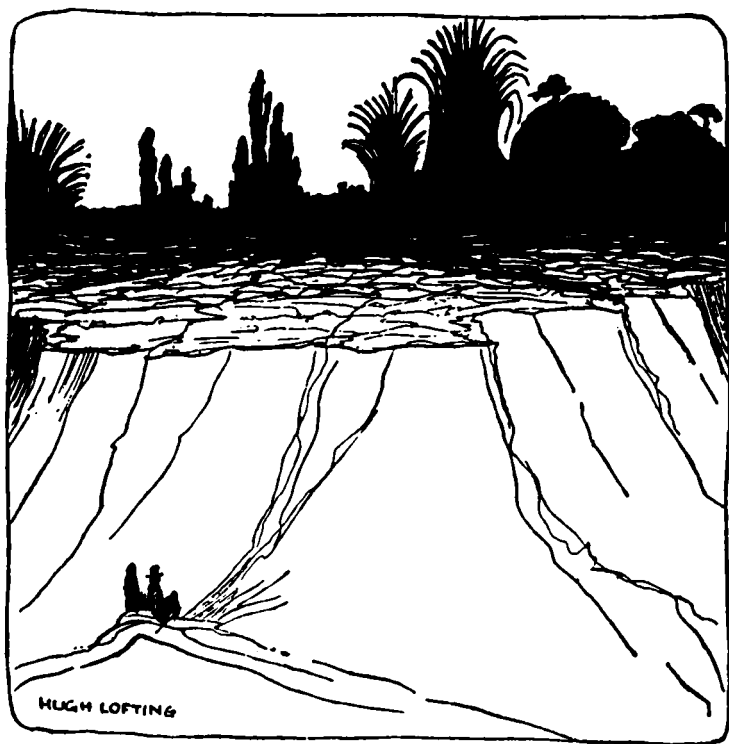
ГЛАВА 5

НА ПЛАТО

Нашей непосредственной встрече с лесами Луны и вправду предшествовал некоторый драматизм. Если бы это был театральный спектакль, его нельзя было бы поставить лучше. Как только мы поднялись на гребень, глазам предстала поднимавшаяся впереди стена джунглей: до нее оставалось пройти еще около мили. Понадобилось бы слишком много времени, чтобы описать лунные деревья во всех подробностях. Насколько мы могли судить, они не отличались большим разнообразием, но ни одно из них не было даже отдаленно похоже на какое-либо дерево, виденное нами на Земле. И в то же время, к немалому нашему удивлению, их облик вызывал в памяти знакомые нам земные растения — только не деревья.

Так, один из лесных участков, площадью в несколько квадратных миль, целиком занимали деревья, выглядевшие точно как папоротники. Еще один участок зарос породой, похожей на другое наше растение (не могу сейчас вспомнить его название), — то, что имеет плоскую, составленную из мелких цветов крону и характерный беловато-зеленый стебель. Лунное дерево было идеальной копией этого растения, но в тысячу раз увеличенной. Листья, образующие его крону (они же цветы), прилегли друг к другу так тесно и плотно, что сквозь них, как мы убедились позже, не мог просочиться даже сильный ливень. По этой причине мы с Доктором и называли его деревом-зонтиком.

Смутило нас и то, что со стороны леса доносились непонятные звуки. Мы уже знали, что на Луне

*Глазам предстала поднимавшаяся впереди
стена джунглей.*

шумы любого рода, даже совсем слабые, могут распространяться на очень большие расстояния. Эти звуки мы слышали сразу, как только кончили подъем и ступили на плато. Они явно имели музыкальную природу. И звучал не один инструмент: казалось, где-то вдали тихо, еле слышно, играет маленький оркестр. К этому времени мы уже начали привыкать к странным явлениям, встречавшимся на Луне. Но должен признаться: эта далекая, звучащая неведомо откуда музыка внушила и мне, и Доктору серьезное беспокойство.

Прежде чем одолеть последнюю милую, отделяющую нас от джунглей, мы остановились, чтобы отдышаться. Поражало, насколько отчетливо и зримо различаются эти зоны лунного ландшафта. Возможно, это отчасти объяснялось тем, что весь географический облик Луны был куда более однообразен, чем наш мир. Перед нами простиралось твердое песчаное плато, ровное, как озерная гладь: одной его границей были джунгли, а другой — утесистый склón, на который мы только что вскарабкались. Мне стало интересно, какая картина явится нам по ту сторону джунглей: неужели и там пейзаж меняется столь же резко?

В первую очередь надо было обеспечить постоянное снабжение водой, и мы попросили Чи-Чи показать дорогу к ее источнику. Ступая по собственным следам, оставленным на плато ночью, обезьянка повела нас за собой. Она не испытывала видимых затруднений, пока шла по открытому пространству. Но когда мы приблизились к лесной опушке, Чи-Чи замедлила ход: ведь вчера, двигаясь по лесу, она прыгала с ветки на ветку и почти не спускалась вниз. Так она чувствовала себя в большей безопасности, пояснила обезьянка.

Чи-Чи попросила нас немного подождать на

опушке: она хотела сбегать вперед и убедиться, что сможет найти свой вчерашний путь. Вновь усевшись на землю, мы стали ждать ее возвращения.

— Ты хоть раз просыпался этой ночью, Стаббинс? — помолчав, спросил Доктор.

— Нет, — ответил я. — Я слишком устал вчера. А что?

— Ну, а ты, Полинезия? — спросил Доктор, не обращая внимания на мой вопрос.

— Просыпалась, — сказала попугайха, — и не однажды.

— Ты слышала или видела что-нибудь... э-э... не совсем обычное?

— Конечно, — ответила Полинезия. — Не могу поручиться... но мне показалось, что кто-то ходил вокруг нашего лагеря и наблюдал за нами.

— М-да... — пробормотал Доктор. — То же самое показалось и мне.

И он погрузился в молчание. В ожидании Чи-Чи я продолжал рассматривать окрестности и был удивлен еще одной особенностью лунного ландшафта: непривычным видом горизонта. Поскольку в поперечнике Луна значительно уступает Земле, взгляд охватывал тут гораздо меньшее расстояние. Это было не слишком заметно, пока мы шли по холмистой или горной местности, но на равнине разница сразу бросалась в глаза. Увидеть и ощутить округлость планеты здесь было много легче, чем в том мире, из которого прилетели мы. Так, стоя на плато, мы могли видеть лишь на семь-восемь миль вперед, остальное срезала кривизна лунной поверхности. А это преображало все возвышенности, даже небольшие холмы: вершины, выглядывавшие из-за других хребтов, проседали вниз, и тем самым полностью искажалось представление об их истинной высоте.

— Ты видела или слышала что-нибудь необычное? —
спросил Доктор Полинезию.

Наконец вернулась Чи-Чи: она отыскала путь, которым шла ночью, и была готова вести нас дальше. Обезьянка казалась слегка напуганной, не совсем уверенной в себе. Джон Дулитл спросил, что с ней, но она замялась.

— Все хорошо, Доктор, — ответила Чи-Чи, — во всяком случае, хотелось бы в это верить. Но все-таки — как бы получше объяснить? — мне непонятно, зачем они вас сюда вызвали. Посудите сами: с тех пор, как мы расстались с мотыльком, который нас сюда привез, нам не встретилось ни одного живого существа. А их здесь очень много, я знаю. Видно, они просто не хотят показываться на глаза. Ума не приложу, почему. На Земле звери никогда не нуждались в приглашениях, если им требовалась ваша помощь.

— Вот именно! — буркнула Полинезия. — Это подтвердит любой, кто хоть раз видел, как они толпятся и галдят у дверей приемной.

— М-да... — пробормотал Доктор. — Я сам думаю о том же. И теряюсь в догадках. Похоже, наше появление не очень-то им по вкусу... Странно, странно... Ну, как бы ни было, я хочу поскорее с ними встретиться и понять, что все это значит. То, что происходит сейчас, мне, мягко говоря, не слишком... э-э... не слишком нравится...

ГЛАВА 6

ЛУННОЕ ОЗЕРО

Итак, мы направились следом за Чи-Чи, которая показывала дорогу. Войдя в лес, мы испытали настоящее потрясение — трудно было представить нечто подобное при взгляде издалека. Если на плато освещение было просто неярким, то здесь нас окутала густая мгла. Раньше я видел джунгли только один раз — на острове Паукообразных Обезьян. Лунные джунгли некоторыми чертами напоминали тамошние леса, но общее несходство было поистине разительным.

По виду и размерам первого встреченного нами дерева Доктор заключил, что ему много, очень много лет. То же самое можно было сказать о большинстве деревьев, которые окружали нас теперь. Эти могучие, неохватные исполины выглядели так, как будто росли здесь от начала времен. Особенно же нас изумило, что в лесу почти не было видно признаков увядания и порчи — лишь кое-где валялись немногочисленные сухие сучья да листья, и все. В любом земном лесу, если за ним не ухаживают, там и тут бросаются в глаза мертвые деревья — голые, иссохшие скелеты, которые рухнули наземь или полуповисли, остановленные развилинами ветвей соседнего дерева. А здесь... Казалось, ни одного из этих деревьев за многие столетия не коснулась даже тень бедствий и невзгод.

Наконец, после долгого и утомительного пути — пробираться сквозь густой подлесок, в основном состоявший из вьющихся и ползучих растений толщиной с человеческую ногу, было очень трудно — мы вышли на открытое место и увидели широкое

тихое озеро, в которое вливался живописный водопад. Деревья, окружавшие озеро, удивили нас своим видом: это была увеличенная в сотни раз спаржа. Многие и многие квадратные мили были уставлены как бы рядами высоченных мачт, вплотную прижатых друг к дружке. Тут уж подлеску негде было расти: теснившиеся стебли гигантской спаржи не оставляли для него ни пяди пространства и вытягивали из почвы все живительные соки. Конические верхушки, видневшиеся в нескольких сотнях футов над нашими головами, выглядели очень аппетитно; впрочем, если бы мы и смогли до них добраться, то, думаю, на поверку они оказались бы не мягче дубовой коры.

Доктор спустился на ровный песчаный берег и попробовал озерную воду на вкус. Чи-Чи и я последовали его примеру. Вода была чистой, прозрачной и хорошо утоляла жажду. В ширину озеро раскинулось не менее чем на пять миль.

— Мне хотелось бы, — сказал Джон Дулитл, — исследовать это озеро с воды. Как ты думаешь, Чи-Чи, найдутся здесь деревья, из которых можно построить каноэ или плот?

— По-моему, да, — ответила обезьянка. — Подождите немного, я посмотрю вокруг.

И, возглавляемые Чи-Чи, мы побрели вдоль берега, ища материал, пригодный для постройки судна. Поиски не сулили быстрого успеха: ведь в этом лесу, как мы уже заметили, крайне редко встречался валежник или сухостой. Почти все лунные деревья были кряжистыми, полными соков. Лучшим же инструментом, которым располагали мы, был крохотный топорик, висевший на поясе Доктора. В сравнении с мощным строевым лесом, поднимавшимся над озерными берегами, топорик этот выглядел довольно жалко.

Мы прошли около мили, и тут Чи-Чи, которая двигалась впереди, внезапно остановилась и начала всматриваться в чащу. Затем, жестом призывая нас поспешить за нею, она устремилась вперед и скрылась среди деревьев. Подойдя ближе, мы увидели, что обезьянка очищает от ползучих побегов и лишайников некое сооружение, лежащее почти на самой опушке, не более чем в ста ярдах от воды.

Еще не понимая, что же нашла Чи-Чи, мы бросились ей на помощь. Это был длинный, прямо-таки бесконечный предмет. Он был похож на мертвое дерево — первое мертвое, упавшее на землю дерево, которое встретилось нам в лунных джунглях.

— Что это, Чи-Чи, как ты думаешь? — спросил Доктор.

— Лодка, — объявила обезьянка твердым и непреерекаемым тоном. — У меня и сомнений нет: это долбленое каноэ. На таких плавают в Африке.

— Не может быть, Чи-Чи, — воскликнул Джон Дулитл, — ты посмотри только, какое оно длинное! Это ствол дерева-спаржи, притом целый, от основания и до верхушки. Мы очистили уже все сто футов, а осталось еще больше.

— Точно, — сказала Чи-Чи. — Но все-таки это каноэ. Давайте подползем под него снизу, доктор: я покажу вам следы, оставленные инструментами, и подпалины. Оно лежит вверх днищем.

Доктор опустилсся на четвереньки и, сопровождаемый обезьянкой, заполз под загадочный предмет; когда он выбрался обратно, на его лице было написано крайнее изумление.

— Может, это и впрямь следы обработки... — проговорил он. — А может, и нет. Вот подпалины... те видны куда лучше. Но не исключено, что это простая случайность. Если дерево почему-либо загорелось, то очень вероятно...

— В той части Африки, где жила я, — перебила его Чи-Чи, — туземцы, когда делали каноэ, всегда удаляли из дерева середку при помощи огня. Они прикрепляли вдоль всего ствола небольшие фитили и выжигали его до такой глубины, что внутри можно было сидеть. Инструменты у них были проще простого: каменные лопатки. И этими лопатками они выскребали обугленную древесину. Я уверена, что это каноэ, Доктор, — хотя, конечно, на нем давным-давно не плавали. Видите, как заострен нос?

— Да, я уже заметил, — сказал Доктор. — Но дерево-спаржа и само имеет на верхушке естественное острие.

— И еще, Чи-Чи, — вмешалась Полинезия, — ответь, пожалуйста, кому по силам управлять такой лодкой? Ведь это же настоящий крейсер!

Так или иначе, эта громадина была слишком тяжелой и неповоротливой, чтобы мы могли ею воспользоваться. И когда наступил удобный момент, я вмешался в спор, предложив отправиться дальше и поискать материал для такой лодки или плота, которыми мы могли бы управлять.

Мы поспешили продолжить путь, стараясь найти хоть что-нибудь пригодное для наших целей. Пройдя вдоль берега еще милю, мы заметили, что деревья становятся менее массивными. Исполинская спаржа здесь уступала место тонкоствольной поросли; и Доктор, орудуя своим топориком, быстро вырубил некоторое количество жердей, достаточное для постройки плота. Мы связали их ремнями из коры и, спустив получившийся плот на воду, убедились, что он вполне устойчив и может нести нас и нашу нехитрую кладь. В неглубоких местах мы отталкивались длинным шестом, а на большой глубине пользовались обычными или удлиненными веслами, которые кое-как вытесали с помощью топорика.

С самого начала плавания Доктор непрерывно диктовал мне свои наблюдения. Он вооружился тонкоячеистым рыболовным сачком, который привез в числе других научных инструментов, и, зачерпывая воду вблизи берегов, пытался определить, какие живые существа обитают в этом первом лунном водоеме, встретившемся на нашем пути.

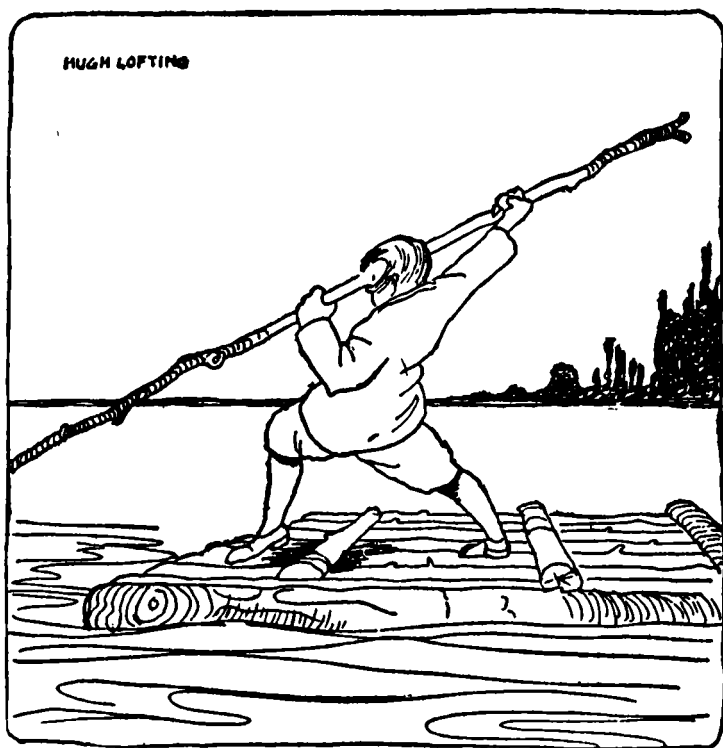
— Для нас очень важно, Стаббинс, — сказал мне Доктор, — узнать, что за рыбы тут живут. Рыбы — одна из главных ступеней эволюции.

— А что это такое, *эволюция*? — спросила Чи-Чи. Я принялся было объяснять ей, но Доктор очень скоро вновь призвал меня для диктовки, — что несколько меня не огорчило, ибо дело, за которое я взялся, при ближайшем рассмотрении требовало не так мало времени и усилий. Впрочем, Полинезия подхватила нить моих рассуждений и в два счета довела их до конца.

— Эволюция, Чи-Чи, — сказала она, — это история о том, как Томми избавился от хвоста, который есть у тебя, — потому что хвост уже не был ему нужен, — и о том, как ты вырастила и как сохранила свой хвост, потому что тебе он *был нужен*... Эволюция! Подумаешь тоже! Профессорское словечко, вот и все. А вещь самая обычная.

Результаты исследования нельзя было признать ценными и обнадеживающими. Мы выловили массу всевозможной водяной мощкары и невероятно крупных личинок, но ни одной рыбы поймать так и не удалось. Зато растительные формы жизни — я говорю о водяных растениях — поразили нас своим великим изобилием.

— Теперь, полагаю, — сказал Доктор (после того как мы проплавали по озеру несколько часов), — стало окончательно ясно, что растительный мир играет здесь гораздо более важную роль, нежели

*В неглубоких местах мы отталкивались
длинным шестом.*

животный. А животный мир, надо думать, представлен главным образом насекомыми. Впрочем, давайте-ка устроим стоянку на берегу этого чудесного озера: может быть, со временем мы узнаем о нем побольше.

Мы поставили плот на якорь почти в том же месте, откуда начали плавание, и, сойдя на ровную желтую полосу прибрежного песка, разбили лагерь.

Я никогда не забуду этой ночи. Она была просто ужасной. Ни один из нас не смог уснуть до самого рассвета. Мы все время слышали, как в окружавшей нас темноте двигались какие-то существа. И существа эти были очень большими. Мы не видели их и не могли отгадать, кто они; тем не менее вся наша четверка поняла, что целую ночь кто-то за нами следил. Даже Полинезия никак не могла успокоиться. Сомнений больше не было: на Луне очень много животных, но они не хотят показываться нам на глаза. Уже сама непривычность обстановки, в которой мы находились, лишала нас всякого спокойствия, и сознавать к тому же, что жители Луны по какой-то причине относятся к нам с недоверием, было особенно тягостно.

ГЛАВА 7

СЛЕДЫ ВЕЛИКАНА

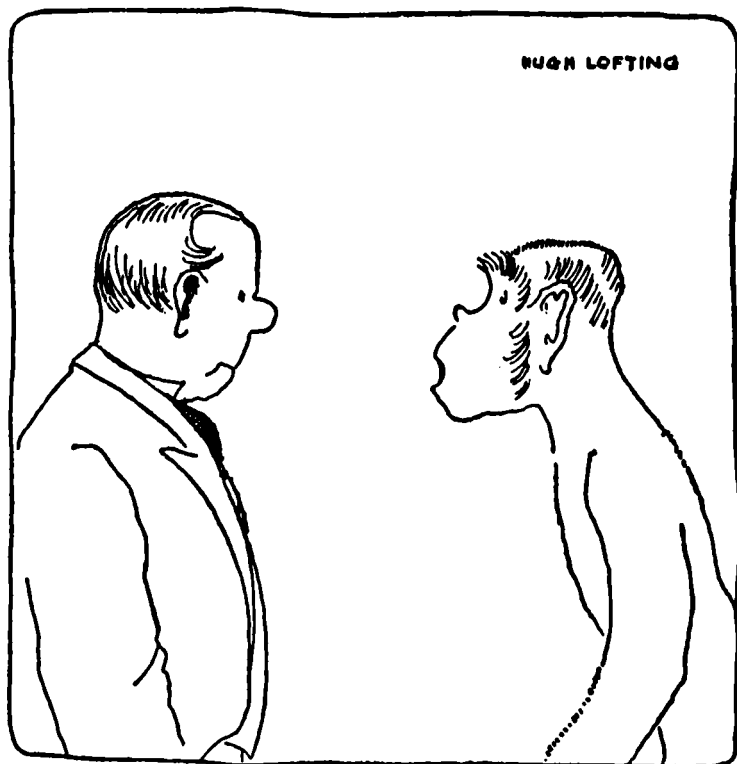
В ту ночь нам мешали спать и звуки таинственной музыки, не смолкавшие ни на минуту. Позже, однако, необъяснимые явления, которые усугубляли наше замешательство и безотчетный страх, стали следовать с такой частотой, что теперь не очень-то легко все вспомнить и расставить по местам.

Наутро, позавтракав остатками плодов, мы решили двинуться дальше и продолжить свои исследования. Но пока я и Доктор возились с багажом, Чи-Чи и Полинезия отправились вперед, на предварительную разведку. Трудно было бы подобрать для этого более удачную пару. Полинезия полетела над лесом, высматривая с высоты, что делается далеко впереди; Чи-Чи же изучала будущий маршрут непосредственным образом, передвигаясь по земле и по деревьям.

Мы с Доктором складывали последние вещи, когда увидели мчавшуюся назад Чи-Чи. Обезьянка была вне себя от возбуждения; ее зубы стучали так, что она едва могла говорить.

— Подумайте только, Доктор, — выдавила она наконец, — мы нашли там следы, следы человека! Но какие же они большие!.. Вы просто не можете представить. Идемте скорее, я вам их покажу.

Доктор некоторое время не сводил с напуганной, взволнованной Чи-Чи пристального взгляда, как будто собираясь о чем-то ее спросить. Затем, передумав, он отвел глаза и снова занялся сбором вещей. Взвалив наши узлы на плечи, мы в последний раз осмотрели место привала и убедились, что

— Подумайте только, Доктор, мы нашли там следы,
следы человека!

ничего не оставили и не забыли.

Нам не нужно было переправляться через озеро, почти целиком лежавшее справа от линии движения. Но частично путь наш пролегал по его низкому берегу. Гадая, какие приключения ожидают нас теперь, мы в полном молчании выстроились за Чи-Чи и зашагали вперед.

Примерно через полчаса мы вышли к устью речки, впадавшей в озеро на другом берегу, и, следуя за Чи-Чи, прошли вдоль нее еще около мили. Вскоре лес отступил от воды, берега стали намного шире. Песок под ногами оставался таким же ровным и плотным. Наконец вдали показалась крошечная фигурка ожидавшей нас Полинезии.

Подойдя ближе, мы увидели, что Полинезия стоит возле огромного человеческого следа. Да, это была босая нога человека, с идеальной четкостью отпечатавшаяся в песке. Никогда в жизни я не видел такой исполинской ступни: в длину она имела не менее четырех футов! След, само собой, был не один: вдоль речного берега тянулась цепочка точно таких же, и по промежуткам между ними можно было вообразить, как широк размах шагов прошедшего здесь гиганта.

Встревоженные Чи-Чи и Полинезия молча установились на Доктора, ожидая разъяснений.

— М-да-а... — пробормотал Джон Дулитл после некоторого раздумья. — Стало быть, тут живут и люди. Боже, ну и страшилище! Что ж, попробуем пойти по следу.

Это предложение явно напугало Чи-Чи. Было видно, что и Полинезия предпочла бы держаться как можно дальше от обладателя подобных ног. Я прочитал в их глазах нескрываемое опасение и ужас. Но никто не стал возражать, и, не говоря ни слова, мы побрели по следам этого поразительного

существа, которое, судя по всему, было сродни великанам из волшебных сказок.

Но увы! Не прошли мы и мили, как следы свернули в чащу и исчезли: ни мох, ни листва, лежавшая под лесными деревьями, не сохраняли сколь-нибудь заметных отпечатков. Мы вернулись к реке и поднялись еще немного вверх по течению, ожидая, что загадочное существо лишь на время заходило в лес, а потом снова вышло на песчаный берег. Но эта надежда не оправдалась. По просьбе Доктора Чи-Чи долго обследовала джунгли, стараясь напасть на след великана по каким-либо косвенным признакам — сломанным веткам или прямым растениям; однако ее поиски также не дали результата. Видимо, он попросту спускался к реке, чтобы напиться, — придя к этому заключению, мы оставили преследование и вернулись на старый маршрут.

Чем ближе мы продвигались к обратной стороне Луны — стороне, которую еще не видел ни один земной человек, — тем более странным и более **живым** становился окружающий нас лес. Громче и громче звучала неведомая музыка, и деревья все явственнее шевелили ветвями. Толстые сучья, напоминавшие руки, и пучки тоненьких прутьев, торчавшие подобно растопыренным пальцам, самым жутким образом раскачивались, сгибались и хватали воздух. А ветер дул с прежним постоянством, оставаясь таким же ровным, тихим и приятным.

И все же лес не выглядел мрачным. Напротив, он был сказочно прекрасен. Нас окружали безбрежные, пестрые моря высочайших цветов, какие могут лишь присниться во сне; но эти неописуемо яркие, радужные картины вызвали в памяти нечто очень знакомое, родное...

Доктор почти не разжимал губ; лишь изредка нарушая молчание, он повторял владевшую им мысль: «Никаких признаков старости!»

— Я бесконечно удивлен, Стаббинс, — дал он наконец волю словам, когда мы присели отдохнуть. — В этом лесу вообще нет перегной!

— И что отсюда следует, Доктор? — поинтересовался я.

— Как что? Перегной для деревьев — один из главных источников жизни, — ответил Дулитл. — Лес не может расти без... э-э... без компоста, который образуется из умирающих деревьев и разлагающейся листвы, — это он питает молодые ростки, которые и превращаются в новые деревья. А здесь... Конечно, *какое-то* питание есть и тут... опавшие листья... Но я еще не видел ни одного мертвого дерева. Можно подумать, что мы имеем дело с неким э-э.. равновесием. Так сказать, со *взаимной регуляцией*... э-э... нет, не знаю, как все это объяснить. Я напроць выбит из колен.

Тогда я еще не до конца понимал, о чем говорит Доктор. Но и у меня создалось впечатление, что жизнь всех этих гигантских растений сводится лишь к постоянному и безмятежному росту, что они не знают дряхлости, болезней и разрушения.

Мы двинулись дальше, но внезапно увидели, что лес кончается. Перед нами вновь встали горы и холмы. Теперь, однако, они имели совсем другой вид: склоны их были одеты густой растительностью. Всю эту местность покрывал плотный ковер вереска и низеньких кустарников, сквозь которые подчас было очень тяжело пробираться.

Но и здесь мы не обнаружили признаков увядания: опавшие листья можно было сосчитать буквально по пальцам. По предположению Доктора, это в какой-то степени могло объясняться природой

лунных времен года — точнее, фактическим их отсутствием. Наверное, сказал он, на Луне нет заметного различия между зимой и летом. А коли так, полностью меняется — сравнительно с нашим миром — и характер борьбы за существование.

ГЛАВА 8

ПОЮЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

По этим холмистым, заросшим вереском местам мы шли не одну милю, очень и очень долго. И вдруг пейзаж изменился: между холмами и взгорьями лежала глубокая котловина. Спустившись в нее, мы, к великому своему удивлению, наткнулись на новые следы великана, точно такие же, какие видели раньше, и, что поразило нас еще больше, на *явные следы огня*. Песок, наполнявший огромную впадину, был перемешан с золой. У Доктора зола эта вызвала большой интерес: он взял некоторое ее количество и, добавляя различные реактивы, подверг тщательному химическому анализу. В конце концов он был вынужден признаться, что не может сказать о ее природе ровным счетом ничего. Но, заявил Доктор, есть все основания полагать, что мы нашли место, откуда был послан дымовой сигнал, увиденный в Падлби... Странно и непостижимо: казалось, уже очень много времени отделяет нас от тех мгновений, когда Гу-Гу уверял остальных, что заметил на Луне клубы дыма... когда в нашем саду беспомощно лежал гигантский мотылек. А давно ли это было на самом деле? Всего несколько дней назад!

— Из этой впадины, Стаббинс, — сказал Доктор, — и подавались сигналы, которые можно было видеть на Земле; я готов ручаться. Посмотрите, какая она большая — несколько миль в ширину! Но что за вещество было применено для сверхмощного взрыва, который мы наблюдали из моего дома, — понятия не имею.

— Но вспышки не было, — возразил я, — мы видели только дым.

Мы наткнулись на новые следы великана.

— В том-то и дело, — ответил Доктор. — Здесь, думаю, употреблялось какое-то загадочное вещество, нам еще не известное. Я хотел определить его состав по золе, но не сумел. Может быть, мы сделаем это позже.

Доктор счел за благо не удаляться покамест на слишком большое расстояние от леса. (Тогда, разумеется, мы еще не знали, что на Луне есть и другие лесные зоны помимо той, которую мы уже прошли.) Во-первых, нужно было, чтобы источник пищи — а ею служили нам плоды и растения джунглей — постоянно находился в пределах близкой досягаемости; во-вторых, Джон Дулитл не хотел прерывать исследование растительного мира Луны, который, по его убеждению, готовил еще немало сюрпризов для ученого естествовника.

В ту пору мы уже начали избавляться от леденящего страха, столь мучившего нас поначалу. Страх этот, уверяли мы себя, вызван прежде всего тем, что лунные деревья и растения слишком не похожи на земные. В самом деле, разве чувствуется в здешних лесах какая-то враждебность? — если, конечно, не считать того, что за нами непрерывно *наблюдают*? А к этому (теперь уже неоспоримому) факту мы стали понемногу привыкать.

Итак, Джон Дулитл решил, что наш опорный пункт следует разместить на лесной опушке, и, основательно оборудовав новый лагерь, мы продолжили изучение джунглей, каждый день совершая вылазки то в одном, то в другом направлении. У меня опять появилось много работы: Доктор непрерывно диктовал мне результаты своих наблюдений и экспериментов.

Исследуя растительный мир Луны, мы довольно быстро убедились, что между ним и миром животных практически не существует вражды. У нас на

Земле мы привыкли к тому, что лошади и другие травоядные истребляют в огромных количествах траву, и ко многим иным проявлениям вечной борьбы между этими двумя мирами. На Луне же растения и животные (точнее говоря, насекомые, ибо пока ничто не свидетельствовало о существовании других видов), как правило, помогали друг другу, а не вели жестокую войну на уничтожение. Жизнь как целое носила здесь исключительно мирный характер. Мне еще предстоит говорить об этом в дальнейшем.

В течение трех дней мы с утра до вечера пытались выяснить природу странной музыки, все время звучащей в лесу. Как вы помните, Доктор был превосходным флейтистом и испытывал к музыке естественную склонность; неудивительно, что эти звуки вызывали у него глубочайший интерес. И после нескольких походов в джунгли нам удалось отыскать место, где рождение лесной музыки можно было наблюдать самым прямым и непосредственным образом.

Отныне мы могли со всей решительностью утверждать: именно деревья являются источником звуков и издают их *совершенно сознательно*. Они подражают действию Эоловой арфы*, поворачивая свои ветви под определенным углом к ветру, чтобы извлекать нужные ноты. Вечер, когда Доктор открыл это явление, которое было им названо *поющими деревьями*, я по его просьбе отметил в дневнике экспедиции как великий праздник. Этот вечер я не забуду никогда. Перед тем мы шли на звуки музыки уже не один час, причем Доктор держал в руке

* Эолова арфа — древний музыкальный инструмент, струны которого приводятся в колебание движением воздуха. (Эол — в греческой мифологии владыка ветров).

камертон, время от времени ударяя по нему, чтобы определить высоту этих звуков. И вдруг очутились на неширокой прогалине, посреди круга, который образовали особенно могучие лесные гиганты. Не нужно было никаких объяснений, чтобы понять: перед нами самый настоящий оркестр. Завороженные, мы смотрели, как то одно, то другое дерево подставляет ветви ровному потоку ветра, и в ночной тишине звенят ясные и красивые ноты. Потом три или четыре дерева взмахнули ветвями разом — и воздух огласился звучным аккордом, гулко раскатившимся по джунглям. Да, это кажется фантастическим и невероятным — но, поверьте, у любого, кому довелось бы слышать и видеть происходившее, не могло остаться и тени сомнения, что деревья в самом деле производят звуки *по своему желанию*.

Конечно, заметил Доктор, это возможно только потому, что ветер остается ровным и постоянным. Больше всего ему хотелось понять, какой музыкальный лад используют деревья. Мне, надо признаться, это пение казалось нежным и благозвучным. В нем явственно слышался ритм; время от времени, хотя и не часто, некоторые фразы повторялись целиком. Мелодия была довольно затейливой и печальной. И даже мой неискушенный слух улавливал в ней признаки инструментовки: я отчетливо слышал высокие и низкие голоса, сливавшиеся в мягком, приятном звучании.

Я и сам был достаточно взволнован, но одушевление, которое испытывал Доктор, достигло последнего предела, — таким я не видел его раньше никогда.

— Ну, Стаббинс, — воскликнул он, — ты понимаешь, что это значит? Просто потрясающе! Если эти деревья могут петь хором, если они понимают друг друга и все вместе каждое, — стало быть, у

Доктор часами сидел
возле некоторых деревьев и кустов.

них обязательно есть язык... Они умеют разговаривать! Язык, язык — в растительном мире! Мы должны его понять. Может быть, я и сам научусь на нем говорить... Стаббинс, это великий день!

После этого вечера, как бывало и раньше в подобных случаях, Доктор весь отдался охватившему его энтузиазму. Целые дни напролет, забывая не только о еде, но и о сне, он пытался разгадать новую загадку. А я — я всюду ходил за ним по пятам с блокнотом наготове. Но, разумеется, на долю Доктора выпадало гораздо больше работы — ведь по возвращении в лагерь он еще часами ломал голову над принесенными записями или занимался конструированием прибора, с помощью которого надеялся понять язык деревьев.

Как вы, возможно, помните, Джон Дулитл еще до нашего отлета с Земли предположил, что лунные колокольчики каким-то образом общаются друг с другом. Тогда же мы заметили, что в известных границах, допускаемых их положением, колокольчики могут свободно двигаться. Со временем эта их особенность стала для нас настолько привычной, что мы перестали обращать на нее внимание. А теперь Доктор задался вопросом: не могут ли подобные движения — колыханье ветвей, стеблей, листьев — и служить растениям в качестве речевого средства, чем-то вроде флажковой сигнальной системы? И он часами сидел возле некоторых деревьев и кустов, стараясь понять, используют ли они именно этот метод, чтобы переговариваться друг с другом.

ГЛАВА 9

МЫ ИЗУЧАЕМ ЯЗЫК РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

В те дни и я, и Доктор не раз вспоминали одного человека — и не раз жалели, что его нет с нами: я имею в виду Длинную Стрелу, индейского натуралиста, с которым мы встретились на острове Паукообразных Обезьян. Правда, он никогда не утверждал, будто понимает язык растений; но его познания в области ботаники и естествоведения были настолько своеобразны, что здесь, на Луне, этот человек мог бы оказать нам неоценимую помощь. Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы, не записывал своих научных идей. Да и как он мог бы это сделать, не умея писать? Зато он мог объяснить, почему пчела *одного* цвета садится на цветок *другого* цвета, почему *такой-то* мотылек выбирает *такой-то* куст, чтобы положить свои яйца, почему именно *эти*, а не *другие* личинки пожирают корни вот этого водяного растения.

Вечерами мы с Доктором часто говорили о Длинной Стреле, гадая, где он сейчас и чем занимается. В момент нашего отплытия он оставался на острове Паукообразных Обезьян; но это вовсе не означало, что он пребывает там и по сей день. Прирожденный бродяга, обожавший борьбу со стихиями и с так называемыми законами природы, Длинная Стрела мог теперь находиться в любом уголке Северной или Южной Америки.

Очень часто Доктор заговаривал и о моих родителях. Очевидно, он чувствовал глубокую вину перед ними, — хотя мое тайное бегство нельзя было поставить ему в упрек.

— Стаббинс, — повторял он мне то и дело, —

тебе не следовало лететь сюда... Да-да, я знаю: ты это сделал только ради меня. Джекоб, твой отец, — и твоя матушка тоже — они же места себе не находят после твоего исчезновения. И ответственность за это несу я... Ну, теперь уж ничего не поделаешь... Вернемся к нашей работе.

И Доктор с головой уходил в какое-нибудь новое исследование, оставляя эту тему, — до тех пор, пока она снова не приходила ему на ум.

Все то время, что мы изучали растительный мир Луны, нам не давала покоя мысль, что здешние животные по какой-то непонятной причине продолжают уклоняться от встречи с нами. Вечерами, когда мы ложились спать, нам часто казалось, что рядом летают и ползают огромные мотыльки, бабочки или жуки.

Два раза мы почти убеждались в этом воочию, вскакивая с постелей и успевая заметить колоссальный силуэт, исчезающий в ночной мгле. Нам, впрочем, не удавалось подбежать поближе и разглядеть гостей как следует, пока они находились в поле зрения. Но кто бы ни были эти существа, ясно было, что они являлись нарочно, чтобы посмотреть на нас. И что все они имеют крылья. Согласно теории Доктора, меньшая сила гравитации способствовала тому, что крылья у лунных насекомых получили гораздо более мощное развитие, чем на Земле.

И еще эти следы таинственного великана... Мы наталкивались на них в самых неожиданных местах. Если бы Доктор предоставил Полинезии и Чи-Чи полную свободу и разрешил им пойти по следу этого огромного создания одним, то они, думаю, настигли бы его очень быстро. Но Джон Дулитл все так же ревностно заботился, чтобы его семейство держалось вместе. Безошибочная интуиция Докто-

*Мы успели заметить колоссальный силуэт,
исчезавший в ночной мгле.*

ра подсказывала ему, что любая попытка разделить-ся таит в себе угрозу. Кроме того, и Чи-Чи, и Полинезия были совершенно незаменимы в трудных ситуациях. Правда, никого из них нельзя было назвать бойцом тяжелой весовой категории, зато обе были превосходными разведчиками и проводниками.

Некоторые из наших экспериментов уводили нас очень далеко в вересковую зону: там, бродя по склонам холмов, мы изучали кустарники, усыпанные пышными, яркими цветами; часто мы совершали многомильные походы вдоль рек, разглядывая высокие лилии, которые покачивали своими царственными головами над прибрежной осокой.

И наши усердные труды начали мало-помалу вознаграждаться.

Я был по-настоящему поражен, когда узнал, насколько тщательно Доктор подготовился к этой экспедиции. Решив во что бы то ни стало постигнуть тайну языка, которым, по его предположению, владели лунные растения, он вскоре сказал мне, что нам нужно вернуться к месту высадки и принести оттуда оставшиеся вещи.

И на следующее утро ни свет ни заря Доктор, Чи-Чи и я отправились в путь. Полинезия была оставлена в лагере. Доктор не объяснил нам, почему не взял ее с собой, но мы были уверены: он, как и всегда, хорошо знает, что ему делать.

Это было долгое и утомительное путешествие. В один конец мы шли полтора дня, а обратно, с вещами, все два. На месте нашей посадки мы вновь увидели множество следов гигантского человека, а также другие странные отметины, испещрившие песок возле груды нашего багажа, — было понятно, что и здесь побывали какие-то любопытные существа, старавшиеся остаться незамеченными.

Более внимательно изучив следы великана — в

тех частях, которые были особенно отчетливы, — Доктор пришел к выводу, что его правая нога значительно длиннее левой. Таинственный лунный человек явно страдал хромотой. Но со своим размахом шагов он и в этом случае должен был представлять очень большую опасность.

Повторю: когда мы вернулись в лагерь и начали распаковывать принесенные ящики и узлы, я понял, сколь основательно подготовился к этой поездке Доктор. Казалось, тут была всякая всячина, какая только могла понадобиться в пути: топорики, проволока, гвозди, напильники, ручная пила — словом, все, чего Доктор не рассчитывал добыть на Луне. Это было ничуть не похоже на багаж, который он брал в другие путешествия, — состоявший обычно из небольшого черного саквояжа и той одежды, что была на нем самом.

Как и всегда, после дороги Доктор позволил себе очень краткий отдых и, кое-как закусив, сразу принялся за работу. Наружу было извлечено не менее десятка различных приборов, которые он намеревался незамедлительно пустить в дело: для анализа звуковых сигналов, для измерения вибраций и прочее и прочее. Не прошло и часа, как вокруг нашего лагеря появилось полдюжины маленьких навесиков для этих устройств, сооруженных Доктором с помощью пилы, топора и других плотницких инструментов.

ГЛАВА 10

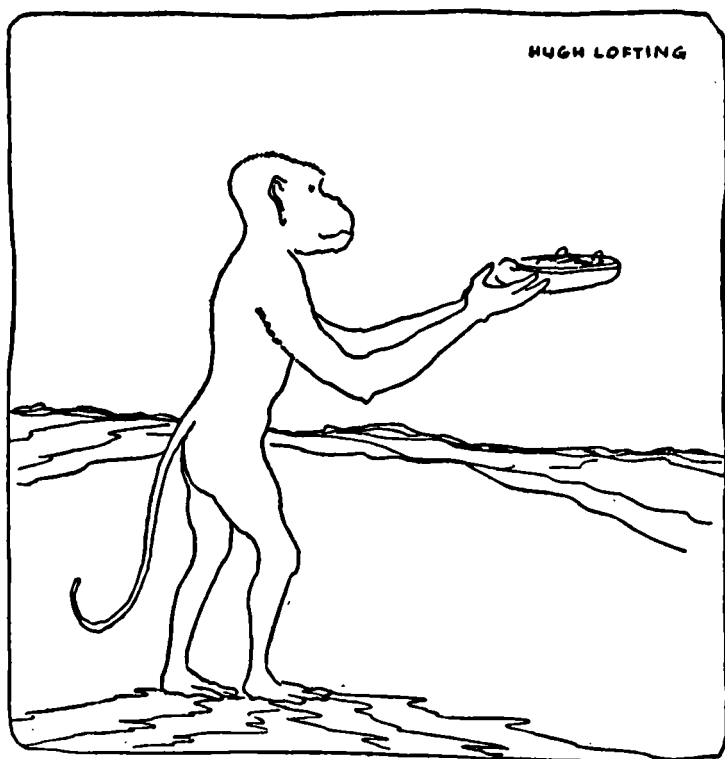
ЛУННЫЙ МАГЕЛЛАН

Перестав размышлять о том, зачем все-таки его вызвали на Луну и что заставляет здешних животных относиться к нам с недоверием, а человека-великана — старательно избегать встречи с нами, Доктор всем своим существом предался изучению языка растений.

Он всегда был счастлив в подобных ситуациях — работая как вол и почти не вспоминая о таких скучных вещах, как сон и пища. Для всех остальных начались очень тяжелые дни: угнаться за этим kloкочущим энергией человеком, когда он нападал на интересный след, было необычайно трудно. Впрочем, наши старания не пропали даром. В течение полутора дней Доктор установил, что деревья *действительно* объясняются при помощи жестов. Но то был лишь первый шаг. Натренировавшись в подражании этим жестам, он «притворился» деревом и начал — в меру своих возможностей — вести беседы со старожилками лунного леса, окружавшими ту самую полянку.

Вскоре он продвинулся еще дальше: оказалось, что в этом языке (будем называть его так) используются не только жесты, но и запахи, которыми деревья определенным образом управляют, испуская краткие или продолжительные ароматические сигналы, наподобие азбуки Морзе; звуки, которые они извлекают из ветвей, повернутых под тем или иным углом к ветру, — и многие другие, весьма своеобразные средства.

Каждый вечер, ложась спать, я чувствовал, что еле жив от этого непрерывного заполнения новых и

Чи-Чи заботилась о нашем пропитании.

новых блокнотов, которыми Доктор запасся, по-видимому, в совершенно неисчерпаемом количестве.

Хорошо еще, что Чи-Чи заботилась о нашем пропитании — иначе, боюсь, мы умерли бы голодной смертью (впрочем, такое перенапряжение и само по себе могло нас доконать). Каждые три часа, где бы мы ни находились, верная обезьянка приносила нам свои диковинные овощи и фрукты, а также свежую порцию вкусной питьевой воды.

Как официальный протоколист нашей экспедиции (эта обязанность была предметом моей большой гордости, хотя требовала очень тяжелого труда) я должен был записывать все расчеты Доктора и, кроме того, географические наблюдения. Я уже упоминал вскользь о регистрации температуры, воздушного давления, времени и тому подобное; а еще нужно было отмечать и пройденное нами расстояние. Задача эта оказалась далеко не простой. У Доктора был с собою шагомер — карманный приборчик, который позволяет рассчитывать пройденные мили по числу сделанных шагов. Но на Луне, где гравитация отличалась от земной, длина шага стала намного больше. И, что еще хуже, она всякую минуту менялась. Если путь вел под гору, один шаг мог составлять шесть-семь футов — и это вовсе не требовало каких-то особых усилий. Но и на подъеме шаги почти всегда были длиннее обычных.

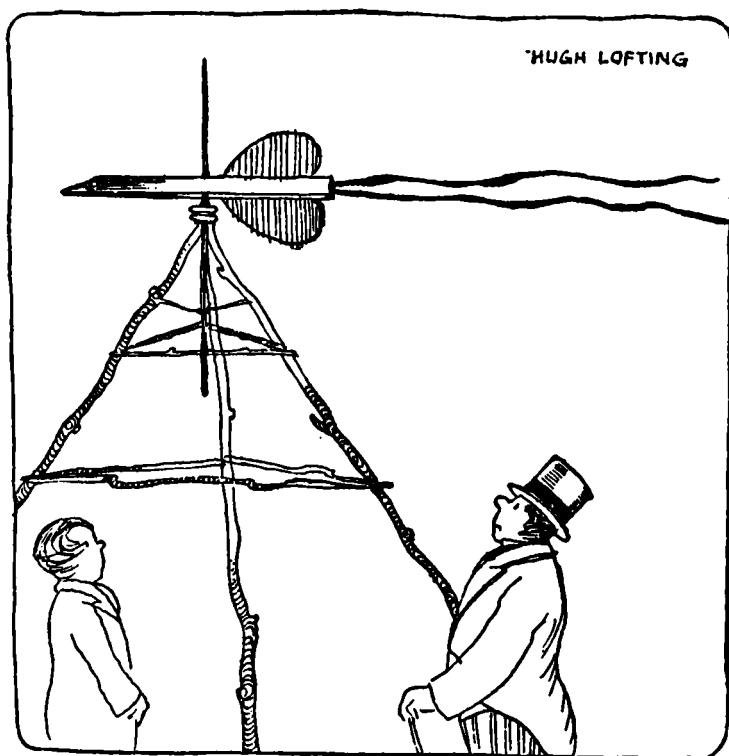
Кажется, именно в эти дни Доктор впервые заговорил о кругосветном путешествии. Вы, полагаю, помните, что вокруг нашего земного шара первым проплыл на корабле Магеллан. Это был величайший подвиг. Но на Земле вода занимает более обширные пространства, чем суша. На Луне же, как мы уже убедились, воды сравнительно немного. Здесь нет широких океанов. Самыми большими водоемами, какие нам встретились, были озера (или

системы озер). Таким образом, путешествие вокруг Луны обещало быть труднее, чем путешествие Магеллана, — хотя нам предстояло одолеть меньшее расстояние.

Поэтому Доктор и следил за тем, чтобы я вел строгий учет пройденных миль. Что же касается направления движения, то мы не стремились держаться идеально прямой линии. Так, во-первых, было куда проще, а во-вторых, предметы, которые вызывали наш интерес, — лесная музыка, необычные следы, водные источники, строение горных пород — не раз заставляли нас круто менять азимут. Я употребляю здесь слово *азимут* не совсем в том значении, какое придает ему земная география. Как я уже говорил, магнитный компас, привезенный Джоном Дулитлом из Падлби, оказался совершенно бесполезной вещью. И нам пришлось искать ему какую-нибудь замену.

Джон Дулитл приступил к решению этой проблемы со всей свойственной ему энергией. Он был отличным математиком, наш Доктор. И в один прекрасный день, усевшись с блокнотом и навигационным календарем, он составил таблицы, позволявшие определять по звездам, где мы находимся и в какую сторону движемся. Как ни удивительно, звезды вселяли в нас некое чувство покоя и безопасности. Эти небесные светила, которые на Земле казались такими далекими, чужими и непостижимыми, здесь внезапно стали нашими друзьями — ибо для нас они были тем единственным, что не претерпело никаких изменений. С Луны мы видели точно такие же звезды, какие привыкли видеть с Земли. Пусть нас отделяли от них миллиарды миль — это теперь не имело значения. Мы узнавали в них старых добрых знакомых, едва ли не родных.

Изобретая прибор, который мог бы заменить нам

Мы соорудили несколько флюгеров.

компас, мы и открыли *взрывчатое дерево*. После множества безуспешных попыток найти способ, позволяющий не отклоняться от намеченного курса, Доктор неожиданно сказал:

— Ну, Стаббинс, я придумал, что нам поможет. Ветер, вот что! Он всегда дует с одинаковой силой — и, кажется, в одном и том же направлении... во всяком случае, его изменения нетрудно рассчитать. Давайте-ка проверим, так ли это.

И мы сейчас же начали изготавливать устройства для измерения ветра. Вначале, нарезав длинных вымпелов из тонкой коры, мы соорудили несколько флюгеров. А потом Джону Дулитлу пришла в голову мысль использовать дым.

— Если мы правильно выберем место для костров, — сказал Доктор, — то будем узнавать о перемене ветра по запаху. И тогда мы сможем с легким сердцем продолжать изучение растительного мира и его языка.

Итак, отложив на время все остальные дела, мы принялись раскладывать большие дымовые костры; чтобы проверить, удастся ли достаточно надежно определять направление движения с помощью ветра.

ГЛАВА II

МЫ ГОТОВИМСЯ К ПУТЕШЕСТВИЮ ВОКРУГ ЛУНЫ

Нам пришлось немало поломать голову над тем, какое устройство костров будет лучшим. Прежде всего мы тщательно выбрали для них места. В основном это были голые бугры или косогоры: там огонь не мог перекинуться на кустарник и вызвать лесной пожар. Теперь нужно было решить проблему хвороста: какое из лунных деревьев наиболее пригодно для нашей цели?

Как я уже говорил, на Луне, по существу, не было сухого леса. Перед нами был единственный выход — срубить несколько живых деревьев и высушить их на дрова.

Мы начали было это делать, но вскоре остановились: Доктор ощутил внезапные угрызения совести. Если деревья умеют говорить, не следует ли предполагать, что они способны и чувствовать? Эта мысль была поистине ужасной. Нам даже не хватило духу, чтобы тут же спросить обо всем сами деревья... И мы вновь оказались перед необходимостью собирать прутья и некрупные ветки, лежавшие на земле. Это крайне осложняло нашу задачу: ведь нужно было сложить очень большие костры, чтобы видеть и находить их по запаху на любом расстоянии.

После длительного обсуждения мы все же решили не торопиться. От наших действий зависело слишком многое. Каким серьезным ни казалось препятствие, надо было запастись терпением. И, вернувшись в лесную зону, мы стали собирать различные образцы древесины, чтобы подвергнуть их испытанию.

Эта работа отняла у нас очень много времени, так как ее могли выполнять только мы с Доктором. Чи-Чи, старавшаяся нам помочь, приносила сухие прутики; но мы нуждались в массивных ветвях, которые горят достаточно долго.

Накопив хворост нескольких сортов, мы приступили к испытаниям. Первые образцы вообще не пожелали загораться; другие горели очень хорошо, но давали слишком мало дыма.

Кажется, пятое по счету испытание едва не обернулось крупной неприятностью. Огонь на Луне (исключая место, откуда посылались дымовые сигналы) был, вообще говоря, вещью необычной. Так, нам еще ни разу не встречались здесь следы лесных пожаров. И, помня об этом, мы всякий раз с большой робостью поджигали очередной образец.

Помню, что это случилось на исходе дня. Доктор взял для испытания один из видов дерева-папоротника, несколько напоминавший бамбук, поднес к нему зажженную спичку — и чудом избежал серьезных ожогов. Дерево вспыхнуло словно порох.

Мы с Чи-Чи оттащили Джона Дулитла в сторону и внимательно его осмотрели. Он пострадал не слишком сильно, хотя и был на волосок от несчастья. Лишь кое-где на руках появились волдыри, и Доктор сказал нам, какие снадобья нужно достать из его черного саквояжика, чтобы снять воспаление.

А из вспыхнувшего дерева густыми клубами повалил белый дым. И еще много часов после взрыва тяжелые облака этого дыма стлались по склонам окрестных холмов.

Когда ожоги были наскоро обработаны, Доктор объявил, что, по его твердому убеждению, мы случайным образом напали на то самое топливо, которое применялось для дымовых сигналов, увиденных в Падлби.

— Помилуйте, Доктор, — воскликнул я, — какой же чудовищный костер надо было разжечь, чтобы он был виден на таком расстоянии! Надо было натаскать уймищу хвороста — тысячи и тысячи тонн!

— Но кто мог это сделать? — вмешалась Чи-Чи. На мгновение все замолчали. Затем Полинезия высказала мысль, которая пришла в голову и мне, — не говоря уже о Докторе.

— Бьюсь об заклад, что сигнальные огни зажег тот человек, — промолвила она тихо. — Ему ничего не стоит перенести целую гору бревен за один день.

— Так, по-твоему, он посылал сигналы — ты это хочешь сказать? — спросила Чи-Чи, и ее смешные глазки широко открылись от удивления.

— А кто же еще? — ответила Полинезия. И погрузилась в молчаливое раздумье, никак не реагируя на дальнейшие вопросы Чи-Чи.

— Ну что ж, — сказала наконец обезьянка, — если он посылал сигналы, видимо, он сделал и все остальное. Он отправил к нам мотылька, и ему нужна помощь Доктора.

Исключая небольшое происшествие с Доктором, поиски дымной древесины можно было признать в высшей степени успешными. Теперь, определяя наш курс, мы в течение трех-четырех дней могли с полной уверенностью полагаться на ветер.

— Разумеется, Стаббинс, — сказал Доктор, — мы обязательно должны провести повторное испытание, прежде чем отправляться в кругосветное путешествие. Не исключено, что ветерок, который сейчас дует в одном и том же направлении, через неделю-другую переменится. Кроме того, нужно убедиться, что на него не влияют горные хребты, которые могут сбить нас с пути. Но в настоящий момент все говорит о том, что мы нашли компасу очень хорошую замену.

Позже, когда нас не слышали Чи-Чи и Полинезия, я еще дважды спрашивал Джона Дулитла, разделяет ли он мнение, что нас вызвал сюда именно лунный человек, а не животные. Я ожидал, что наедине со мною он проявит бóльшую откровенность. Но Доктор был на удивление несловоохотлив.

— Не знаю, Стаббинс, — сказал он хмурясь, — право, не знаю. Честно говоря, мои мысли заняты другим — во всяком случае, эта проблема не из тех, которые надо решать в первую очередь. Меня гораздо больше интересует растительный мир Луны — тут открывается столь обширное поле для исследований, что и сотня ученых нашла бы себе занятия на целый год, а то и на два. Мне кажется, мы затронули лишь самую поверхность. Когда же мы начнем углубляться в неизведанные пространства на другой стороне Луны, то наверняка узнаем так много нового... трудно даже представить, сколько открытий нас ждет! Если у лунного человека и других жителей планеты изменится настроение и им захочется с нами встретиться, они, я думаю, дадут об этом знать. А пока что нам хватит и насущных задач — справиться бы с ними... Господи, если бы со мною были все нужные специалисты! Геодезисты, картографы, геологи — каждого и не назовешь... Подумать только: мы прокладываем дорогу через новый, никому не знакомый мир — и даже не знаем, где находимся! У меня, правда, есть смутное представление о маршруте, которым мы шли до сих пор. И я набросал схему нашего движения. Но, Стаббинс, я же должен составлять не какие-то схемы, а карты, настоящие карты — с точным изображением гор, долин, рек, озер, плато и всего остального... А впрочем, нечего жаловаться! Будем делать все, что в наших силах.

ГЛАВА 12

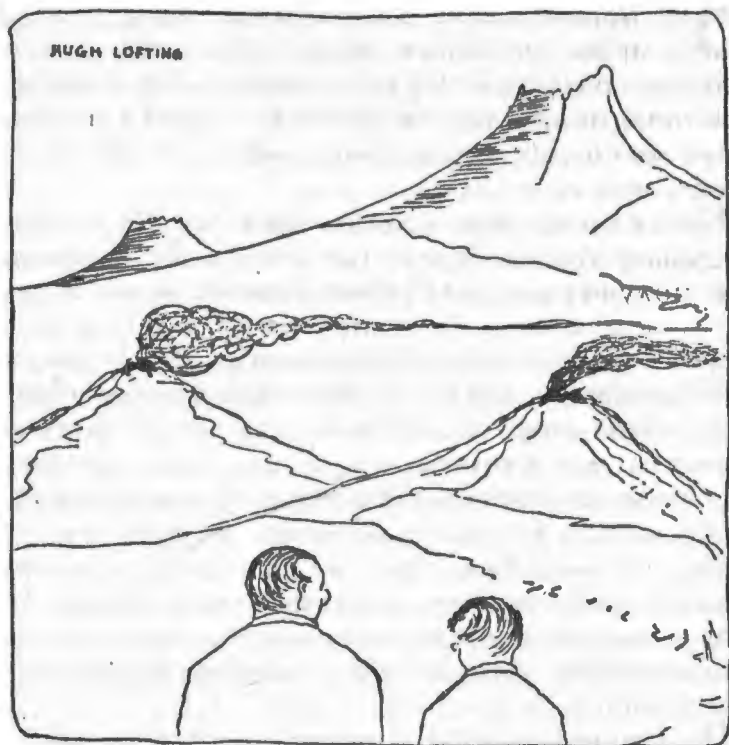
КОКЕТЛИВЫЕ ЛИЛИИ

Бесспорно, мы не добились бы таких успехов, если бы оказались не на Луне, а на планете больших размеров. Судите сами: один взрослый мужчина, подросток, обезьяна и попугай — разве такая экспедиция способна исследовать целый мир? Смех, да и только.

Когда мы покидали место нашей высадки, никто не думал, что нам предстоит обойти Луну кругом. Это получилось само собой. Поначалу мы ждали, что перед нами вот-вот появится посланец животного мира. Но этого не произошло. И мы продолжали двигаться вперед. Потом наше внимание было привлечено языком деревьев и цветов, и Доктор с обычным своим пылом погрузился в его изучение. Это увело нас еще дальше. Мы шли и шли, перемещаясь из одной природной зоны в другую, и всегда, каким бы коротким ни был переход, оставляли позади ориентир — благоустроенный лагерь или сложенные в штабель вещи, — чтобы в случае опасности без труда найти обратную дорогу к месту, где нас ждет пища и кров.

При таком способе передвижения особенно полезна была Полинезия. Теперь Доктор регулярно приказывал ей вылетать вперед и докладывать обстановку. И благодаря этому мы до известной степени знали, к чему себя готовить. Кроме того, у Доктора были с собою кое-какие портативные геодезические инструменты, и он отмечал на своей схеме примерное положение тех точек, в которых мы существенно меняли курс.

В начале путешествия мы опасались удаляться

Мы продолжали двигаться вперед.

на большое расстояние от тех мест, где впервые нашли пищу, — чтобы беспрепятственно пополнять запасы овощей и фруктов. Но наша разведчица Полинезия весьма скоро заметила впереди другие лесные области. Обследовать их было поручено Чи-Чи. И когда она вернулась и сообщила, что новые леса еще более богаты плодами, чем те, которые остались у нас за спиной, мы окончательно решили оставить привычные места и без колебаний устремились вперед, к таинственной обратной стороне Луны.

Чем дальше мы продвигались вглубь лунных лесов, тем лучше Доктор осваивал язык деревьев и растений. Не раз мы останавливались и на четырех-пять дней делали привал, во время которого он конструировал какое-нибудь новое устройство, помогавшее разгадать очередную загадку этого языка. С каждым днем он понимал его лучше и лучше. Растительные формы в этих краях были еще более сложными и еще более живыми. И мы все больше привыкали к явлениям, которые так изумляли нас в первые дни. Даже для меня с моим ненаучным подходом стало теперь абсолютно ясно, что лунные цветы и кустарники могут общаться друг с другом без малейших затруднений и самыми различными способами.

Я никогда не забуду нашей первой встречи с *кокетливыми лилиями* (такое название впоследствии дал им Доктор). Это были огромные яркие цветы на длинных стройных стеблях: они стояли группками, колеблясь и покачиваясь, — совсем как люди, которые перешептываются и обмениваются новостями во время вечеринки. Когда мы увидели их издали, они почти не шевелились. Но по мере того как мы подходили ближе, движение среди этих группок становилось все заметнее, как если бы

лилии были обеспокоены и взбудоражены нашим появлением.

Безусловно, это были самые красивые цветы, какие я когда-либо видел. Ветер, как всегда, дул очень ровно, с одной и той же силой; но когда мы подошли к лилиям на близкое расстояние, их бесчисленные головки кивали столь оживленно, что Доктор решил устроить рядом стоянку и исследовать это растение как можно более подробно.

Мы разбили так называемый лагерь — на Луне это было самым простым делом, потому что не нужно было ставить палатки и разжигать костер. Вся работа состояла в том, чтобы распаковать вещи, извлечь наружу съестные припасы и устроить постели для ночлега.

Прошагав целый день с утра до вечера, мы чувствовали страшную усталость. За болотистой поляной, на которой росли лилии, виднелись новые джунгли: наши глаза различали там еще не знакомые нам породы деревьев и цветущие лианы.

Молча, быстро поужинав, мы легли и укрылись одеялами. Чем гуще становилась темнота вокруг нас, тем громче звучало пение деревьев. Можно было подумать, что все растительное царство внимательно следит за вторгшимися в него пришельцами.

А затем, уже проваливаясь в сон, мы слышали низкое гудение крыльев, заглушавшее музыку леса. Как и прежде, над нами кружились гигантские насекомые, прилетевшие посмотреть на существ из иного мира.

На мой взгляд, весь наш опыт изучения лунной растительности не идет в сравнение с теми удивительными и волнующими впечатлениями, какие мы вынесли из знакомства с кокетливыми лилиями. В течение каких-нибудь двух дней Доктор сделал

невообразимые успехи в изучении их языка. Такой стремительный прогресс, сказал он мне, объясняется не столько его собственным усердием, сколько величайшей понятливостью этих цветов и их готовностью отвечать на вопросы.

К концу третьего дня все мы — Чи-Чи, Полинезия и я — были потрясены, увидев, что Джон Дулитл научился вести с лилиями свободную и непринужденную беседу. И при этом он почти не прибегал к вспомогательным приспособлениям. Он установил, что главным средством, которое кокетливые лилии использовали в разговорах между собой, было покачивание головками. Разговаривая с растениями иных видов или с деревьями, а также с птицами и насекомыми (это мы узнали позже), они могли применять и многие другие способы, но между собой почти всегда разговаривали именно так.

Лилии, особенно в столь больших количествах, представляли собой невероятно яркое и завораживающее зрелище. Их цветы, достигавшие в диаметре, по моим оценкам, восемнадцати дюймов, имели форму раструба и поразительно броскую расцветку. Нежно-кремовые лепестки были покрыты возле основания крупными лиловыми и оранжевыми пятнами, а посерединке торчал черный как смоль пестик. Листья были окрашены в насыщенный оливково-зеленый цвет.

Но что было в лилиях самым необычным, так это исходившее от них *живое понимание*. Любой человек, как бы плохо он ни был знаком с ботаникой вообще и с растительным миром Луны в частности, при первом же взгляде на эти цветы просто не мог не заметить столь редкой, чудесной особенности. Чувствовалось, что стоишь перед существами, которые имеют куда больше общего с людьми, чем с

растениями — и невольно хотелось завязать с ними разговор.

Я заполнил целых два блокнота из той кипы, что привез Доктор, записями его бесед с кокетливыми лилиями. Впоследствии он еще много раз разговаривал с этими цветами, получая от них подробные сведения о флоре Луны. Как он объяснил нам, растительные формы жизни — во всяком случае, насколько они были изучены и на Луне, и на Земле, — достигли в этой своей разновидности абсолютной вершины развития.

ГЛАВА 13

ЦВЕТОК, УМЕВШИЙ ПАХНУТЬ ПО-РАЗНОМУ

Еще одним непонятным явлением, которое просто ошеломило нас при вступлении в заболоченную местность, где росли кокетливые лилии, было разнообразие запахов, хлынувших нам в ноздри. Странно: вокруг в радиусе мили, если не больше, не было видно каких-либо других цветов; все сплошь заросло лилиями, не пускавшими в свои владения посторонних. Мы же отчетливо и ясно различали как минимум пять-шесть запахов. Сначала мы подумали, что это запахи других растений, которые ветер приносит из джунглей или из цветущих вересковых степей. Но ветер дул с другой стороны — из песчаных пустынь, а там не было растительности, обладавшей столь сильным ароматом.

Доктор первым высказал предположение, что лилии способны испускать разные запахи. И тут же решил проверить эту гипотезу. Не прошло и двух минут, как он убедился в своей правоте. Он пожалел, что не взял с собой Джипа. Его отменное чутье тут было бы как нельзя кстати. Но на первую пору оказалось вполне достаточно и такого нехитрого инструмента, как нос обычного смертного: едва Джон Дулитл спросил у лилий, правильна ли его догадка, мы удостоверились, что они при желании могут издавать не менее полудюжины запахов.

В большинстве своем эти запахи были исключительно приятными. Но некоторые обладали едва ли не убийственным действием. Мы поняли это только тогда, когда Доктор обратился к лилиям со своим вопросом и они, желая продемонстрировать все, на что были способны, в конце концов извергли отвра-

Чи-Чи в одно мгновение лишилась чувств.

тительное зловоние. Чи-Чи в одно мгновение лишилась чувств. Нас как будто окатило смертельным газом. Попадая в глаза, этот газ тут же вызывал неудержимые слезы. Чтобы не задохнуться, мы с Доктором были вынуждены спастись бегством, унося с собой потерявшую сознание обезьянку.

Видя, какую беду они натворили, кокетливые лилии сейчас же распространили целительное благоухание — более приятного запаха я в жизни не ощущал. Они явно хотели нам понравиться и продолжить начатое знакомство. Как выяснилось позже из их беседы с Доктором (которую я записал слово в слово), они, хотя и не покидали места своего обитания, были наслышаны о великом естествоведе Джоне Дулитле и уже много дней ожидали его прибытия. В первый раз за все время нашего пребывания на Луне мы почувствовали, что находимся среди друзей.

Лучший способ дать вам представление о том, как Доктор разговаривал с лунными растениями, — это привести дословно несколько отрывков из его беседы с лилиями, чьи ответы он сразу же переводил и диктовал мне для записи в дневник. Конечно, многие все равно не поверят, что такое вообще возможно: разве человек способен мило болтать с цветами? Но это меня не особенно смущает. Все, кто помнит, как Джон Дулитл поднимался со ступени на ступень в постижении языка животных, рыб, насекомых, я думаю, не так уж и поразятся, узнав, что этот великий муж нашел взаимопонимание и с представителями растительного царства, наделенными незаурядным разумом.

Просматривая записи, относящиеся к тем бурным дням, я со всей ясностью вспоминаю вечер, когда состоялась первая беседа между лилиями и Доктором. Оставалось около часа до наступления суме-

рек — в это время бледный дневной свет постепенно тускнел, переходя в ту полутьму, которая более всего напоминала земную ночь. Покидая лагерь, Джон Дулитл крикнул мне через плечо, чтобы я прихватил запасной блокнот.

Остановясь примерно в двадцати шагах от поляны, где росли лилии (после того как они чуть не погубили Чи-Чи, мы отнесли наш лагерь на несколько сотен ярдов в сторону), Доктор присел на корточки и начал покачивать головой. Лилии тут же принялись двигать головками в ответ, подрагивая, изгибаясь, раскачиваясь и наклоняясь вниз.

— Ты готов, Стаббинс? — спросил Доктор.

— Готов, — ответил я, убедившись, что мой карандаш хорошо заточен и его острия хватит на достаточно долгое время.

— Отлично, — сказал Доктор. — Начинай записывать.

Доктор. Вам нравится этот неподвижный образ жизни — когда все время остаешься на одном месте и не можешь его покинуть?

Лилии (видимо, некоторые из них отвечали хорошо). Конечно, нравится. Неподвижность нам нисколько не мешает. Нет события, о котором бы мы не узнали.

Доктор. И кто же вам рассказывает?

Лилии. Как кто? Другие растения, пчелы, птицы, — они приносят нам все свежие новости.

Доктор. Так вы умеете разговаривать с пчелами и птицами?

Лилии. Разумеется, как же иначе!

Доктор. Но пчелы и птицы — существа совсем иного рода, у вас с ними нет ничего общего.

Лилии. Верно. Но пчелы часто прилетают к нам за нектаром. А птицы — особенно певчие — любят сидеть под нашими листьями, они щебечут, судачат

Доктор разговаривает с лунными растениями.

между собой и рассказывают нам, что творится на свете. По-вашему, нужно что-то еще?

Доктор. Что вы, что вы... Я вовсе не хочу вас обидеть. Но неужели вам не хочется двигаться, путешествовать?

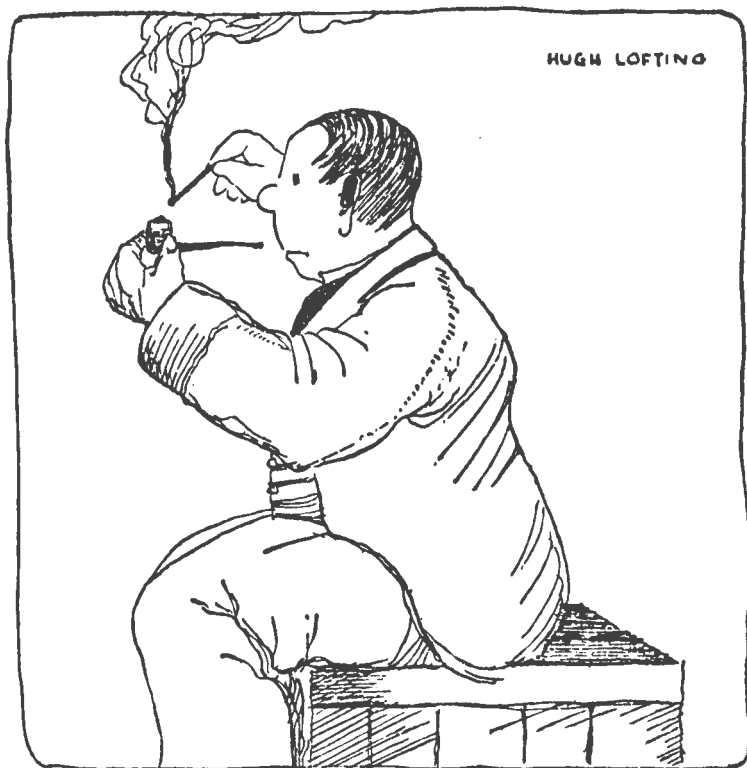
Лилии. Да нет же, честное слово! Много ли проку во всей этой беготне? Поверьте, нет ничего лучше родного дома — если, конечно, это уютный дом. Жизнь, которую мы ведем, очень приятна. И к тому же совершенно безопасна. А вот те, кто носится с места на место, вечно попадают в переделки: то сломают ногу, то еще что-нибудь. С нами же ничего подобного просто не может случиться. Мы спокойно наблюдаем, как мир движется вокруг нас. Иногда мы болтаем друг с дружкой, а если этого мало, можно послушать, о чем сплетничают птицы и пчелы.

Доктор. И вы в самом деле понимаете язык птиц и пчел?! Нет, вы меня просто поражаете!

Лилии. Понимаем превосходно, и не только его — язык жуков и мотыльков тоже.

В этот момент нашей беседы (первой, которую я записал в блокнот) мы сделали потрясающее открытие: оказалось, что у кокетливых лилий есть *зрение*. Как я уже говорил, свет на Луне был довольно тусклым. Так вот, Доктору внезапно захотелось курить. Он спросил у лилий, не помешает ли им табачный дым. Те ответили, что не имеют об этой вещи никакого представления. Тогда Доктор сказал, что сейчас раскурит свою трубку, а если дым придется им не по вкусу, тут же ее погасит.

Он достал из кармана коробок и зажег спичку. До этого мы не отдавали себе полного отчета, насколько мягок и нежен лунный свет. Правда, пламя, с которым мы имели дело во время поисков дымной древесины, было несравненно сильнее, чем

Доктор зажег спичку.

огонек спички. Но в ту пору нас занимали прежде всего результаты наших опытов и лишь потом все остальное. Теперь же нам бросилось в глаза, как резко дернули своими головками лилии, отстраняясь от вспышки, и мы поняли, что этот огонек на фоне привычного для них дневного освещения кажется необыкновенно ярким.

ГЛАВА 14

ЗЕРКАЛА ДЛЯ ЦВЕТОВ

Увидев, как лилии отпрянули от горящей спички, Доктор проявил самый живой интерес к этому неожиданному воздействию, которое оказал на них приток света.

— Так-так, Стаббинс, — шепнул он мне, — они не могли почувствовать тепло, мы с вами были слишком далеко. Если их заставил отвернуться блеск огня, значит, у этих цветов есть органы, которые настолько восприимчивы к свету, что позволяют им *видеть*! Проверим, правильно ли я рассуждаю.

И Доктор вновь стал задавать лилиям вопрос за вопросом, стараясь понять, что они сами знают о своем чувстве зрения. Он выбрасывал вперед то одну руку, то другую и спрашивал, какие он делает движения. Лилии каждый раз давали безошибочные ответы (при том что они не могли догадываться о цели, которую преследовал Доктор). Затем, приблизившись к одному большому цветку, Джон Дулитл очертил около него круг в воздухе и тот, поворачивая свою головку, в точности повторил движение его руки.

Завершив наши эксперименты, мы пришли к твердому убеждению, что кокетливые лилии действительно обладают своеобразным чувством зрения, — хотя нам не удалось понять, где же у них находятся органы, которые можно было бы назвать глазами.

Доктор потратил несколько дней, пытаясь решить эту проблему. Но, по его собственному признанию, не добился полного успеха. В качестве

предварительной гипотезы (так и не найдя у лилий каких-либо глаз в нашем понимании этого слова) Джон Дулитл был вынужден допустить, что та их способность, которую он принял за чувство зрения, является в действительности совсем иным, на удивление разработанным чувством, обеспечивающим сходный эффект.

— В конце концов, Томми, — сказал он мне, — из того, что мы сами имеем лишь пять чувств, никак не следует, что у других существ их не может быть больше. Давно ведь уже высказывали предположение, что некоторые птицы обладают шестым чувством. И судя по тому, что эти цветы реагируют на свет, могут различать цвета, движения, формы, нужно думать, что они выработали собственный способ зрения, — хотя от природы не наделены глазами... М-да... Значит, видеть можно и с помощью каких-то других органов...

Тем же вечером, когда все наши дневные труды были закончены, Доктор, разбирая свои вещи, обнаружил среди бумаг иллюстрированный каталог растений, который он по чистой случайности прихватил с собой. Страстный садовод, Джон Дулитл получал каталоги едва ли не от всех торговцев семенами и сеянцами, какие жили в Англии.

— Ну, Стаббинс, — воскликнул он, весело листая страницы нарядного ежегодника, — нам, кажется, повезло: теперь можно еще лучше испытать зрение лилий. Красочные изображения цветов — это же именно то, что нам нужно!

На следующий день Доктор использовал каталог в очередной беседе с кокетливыми лилиями, и его идея была вознаграждена прекрасными результатами. Он подносил прямо к головкам цветов яркие изображения петуний, хризантем и мальв, держа книгу так, чтобы на картинки падал свет. Даже мы

Доктор подносил картинки к головкам лилий.

с Чи-Чи сразу заметили, какое ошеломляющее впечатление производили эти рисунки. Наклоняя стройные стебли вперед и вниз, лилии приближали свои огромные раструбы к страницам, чтобы лучше все рассмотреть. Затем они поворачивались к соседкам, обмениваясь критическими суждениями.

Позже Доктор перевел мне все, что говорили тогда лилии, и я записал это в блокнот. Особенно им хотелось узнать, чьи портреты они видят в каталоге. В том, как лилии говорили об этих цветах (точнее, о каждой их разновидности), ощущался глубокий личный интерес. Мы впервые получили какое-то, пока еще очень отдаленное, представление о том, что Доктор впоследствии назвал «светской жизнью» лунных растений. Впору было подумать, что перед нами земные женщины, — так глубоко эти прелестные создания были поражены нашими картинками и так сильно они жаждали узнать все, что касалось чужестранных красавиц и их образа жизни.

Столь пристрастное отношение лилий к наружности и побудило Джона Дулитла назвать этот вид лунных растений *кокетливыми* лилиями. Наши новые знакомые много часов подряд беседовали на своем забавном наречии с Доктором, расспрашивая его об экзотических цветах, которые были изображены в книге. Они не скрыли огорчения, узнав, каковы действительные размеры большинства земных цветов. (Но, кажется, отчасти лилиям и польстило, что уж в этом-то по крайней мере их сестры из другого мира не могут с ними соперничать.) Были они изумлены и тем, что, насколько известно, у нас на Земле ни цветы, ни растения никогда не вступали в общение с людьми, птицами и другими представителями животного мира.

Продолжив обсуждать с лилиями их отношение к внешнему виду, Доктор удивился, до какой сте-

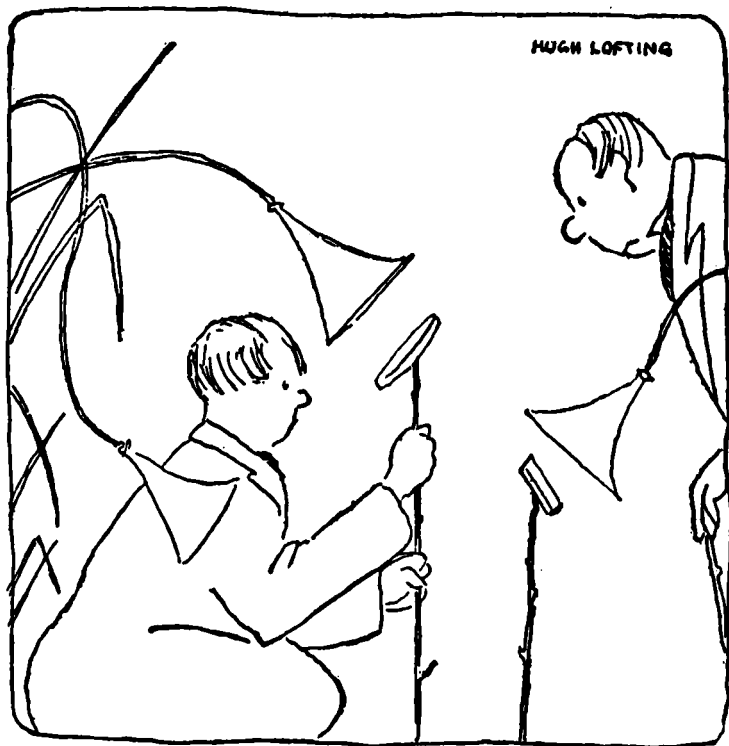
пени они поглощены этой стороной жизни. Так, он узнал, что лилии стремятся находиться как можно ближе к воде, чтобы всегда иметь возможность видеть свое отражение. Их безумно раздражает, если какая-либо пчела или птица пролетает рядом и от этого осыпается пыльца с их ярких лепестков или накрываются пестики.

Доктор беседовал и с группками лилий, и с отдельными цветами; некоторые из них сообщали, что они весело и безмятежно начали жизнь на берегу красивого болотца или ручья, но затем с тоской наблюдали, как вода высыхала и на ее месте оставался лишь растрескавшийся ил, в который уже нельзя было глядеться.

Поэтому Джон Дулитл время от времени прерывал свой опрос, чтобы изготовить для этих обиженных судьбою какой-нибудь заменитель природного зеркала, которого они лишились. Отыскав среди наших припасов консервные банки с компотами и сардинами, мы отполировали крышки и донышки этих банок илом и укрепили их на жердочках перед лилиями — так, чтобы цветы могли в них смотреться.

— Как известно, Стаббинс, — сказал Доктор, — самым естественным развитием всегда будет то, которое наиболее желанно. У этих цветов есть очень четкие, осознанные представления о красоте и уродстве. Поэтому изделия, которыми мы их снабдили, должны при всей своей незатейливости оказать решающее воздействие на их эволюцию.

Эта картина нашего путешествия навсегда сохранилась в моей памяти: кокетливые лилии, восхищенные зеркалами, так и этак вертят головками, наслаждаясь видом своих покрытых пыльцой лепестков, сверкающих в мягком лунном свете, наклоняются друг к дружке, и, как бы перешептываясь и шушукаясь, обмениваются новыми впечатлениями.

Мы укрепили зеркала на жердочках.

Я искренне убежден: не вмешайся другие события, Доктор с великим удовольствием посвятил бы изучению этих на редкость разумных растений еще не один месяц. И действительно, от лилий можно было узнать очень много интересного. Они, в частности, рассказали Доктору о другом виде лилий, которому тот впоследствии дал название **ядовитой лилии** или **лилии-вампира**. Этот цветок любил при-волье и, если хотел, опустошал окружавшие его пространства, распространяя губительный аромат (по своему воздействию не идущий в сравнение с тем неприятным запахом, какой умели источать кокетливые лилии): ни одно растение не могло жить рядом с ним сколь-либо долго.

Следуя описанию кокетливых лилий, мы отыскали несколько таких цветов и даже побеседовали с ними — хотя не в силах были отделаться от тревожной мысли, что они в любое мгновение могут рассердиться и извергнуть свой ядовитый газ, который нас тут же убьет.

Как оказалось по рассказам кокеток, некоторые виды лунных кустарников умели отеснять сорные травы и другие кусты, намеренно увеличивая скорость роста и высевая свои семена несколько раз в году.

Разыскивая такие кустарники, мы набрали на обширные поля «лунных колокольчиков». О, это было необыкновенно пышное зрелище: многие и многие акры земли, покрытые ослепительными оранжевыми цветами! Воздух был напоен бодрящим ароматом. Может быть, в этих местах мы узнаем что-нибудь о нашем мотыльке, предположил Доктор. И мы потратили несколько часов, исходив поля колокольчиков вдоль и поперек: но ничто не говорило о том, что тут живут насекомые.

МЫ ШЬЕМ НОВУЮ ОДЕЖДУ

— Нет, я этого решительно не понимаю, — сказал Джон Дулитл. — Мотылек, который привез нас сюда, — он-то почему избегает встречи с нами?

— Возможно, причина не в нем, — негромко буркнула Полинезия.

— Что ты этим хочешь сказать?

— То, что его — да и всех остальных — может удерживать кто-то другой.

— Ты имеешь в виду лунного человека? — поинтересовался Джон Дулитл.

Но Полинезия оставила вопрос без ответа, и тема не получила продолжения.

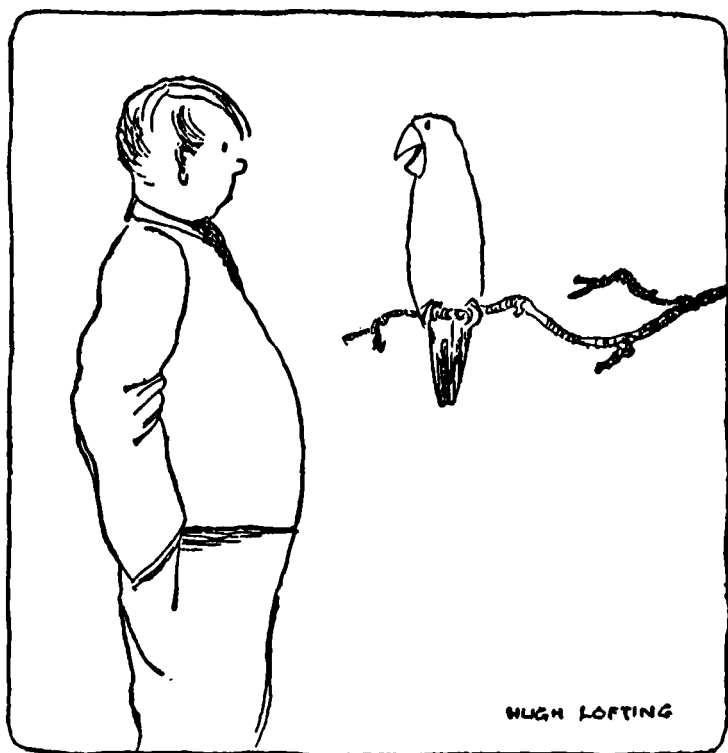
— Не это тревожит меня больше всего, — сказала Чи-Чи.

Воцарилось молчание. И еще до того, как обезьянка заговорила вновь, все мы догадались, о чем она думает.

— Как быть с нашим возвращением? — промолвила она наконец. — Сюда, на Луну, — зачем уж, я не знаю — нам помогли прилететь. Но у нас почти нет шансов вернуться обратно, если лунные жители и дальше будут прятаться, а нам предоставят добираться домой самим.

Последовала еще одна короткая пауза: все мы на какое-то время предались безрадостным, унылым размышлениям.

— Ну ладно, — сказал Доктор, — будет вам! Ни о чем не надо печалиться заранее. Ведь мы не можем поручиться, что эти... э-э... — кто бы они ни были — непременно желают нам зла. Может быть, у них есть какие-то веские причины, чтобы вести себя так

— Томми, — сказала Полинезия, — по-моему, ты стал невероятно высоким.

выжидательно. Не забывайте, в их глазах мы выглядим столь же необычно и непредсказуемо, как они и весь этот мир — в наших. Не нужно впадать в панику. Судите сами: мы находимся на Луне всего две недели с небольшим. Места очень приятные, и многое здесь требует самого пристального изучения. Растительный мир, несомненно, к нам расположен. И... э-э... остальные, если мы дадим им время, я уверен, поведут себя ничуть не хуже.

Примерно в эти же дни мы сделали еще одно открытие: оказалось, что лунная пища действует на нас весьма странным образом. Первой на это обратила внимание Полинезия.

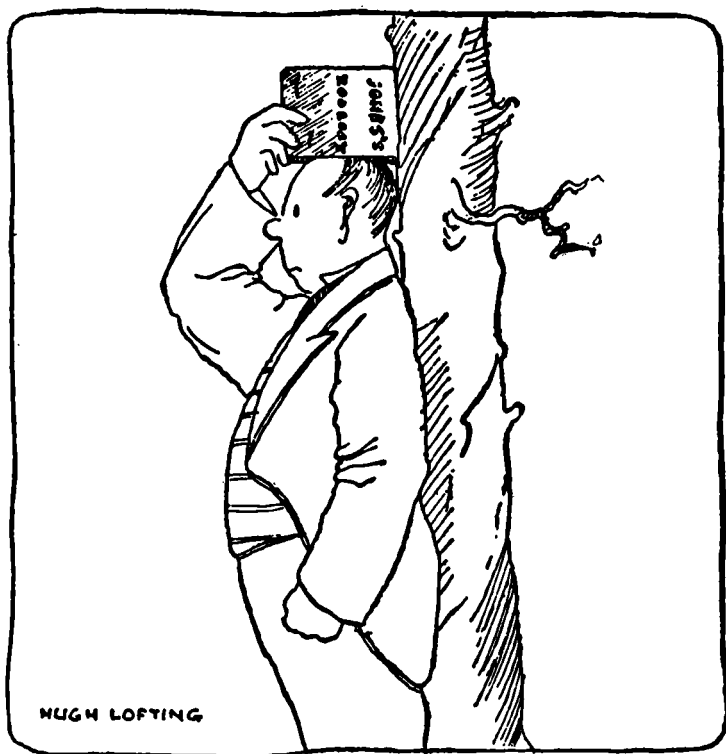
— Томми, — сказала она как-то, — по-моему, ты стал невероятно высоким... и толстым. Ты не находишь?

— М-м... разве? — отвечал я. — Впрочем, я заметил, что брючный ремень мне немного туговат. Но решил, что я расту, и тут нет ничего необычного.

— Доктор тоже вырос, — продолжала попугайха. — Честное слово... если, конечно, мне не изменяет зрение.

— Ну, это нетрудно проверить, — сказал Джон Дулитл. — Я знаю мой точный рост — пять футов и два с половиной дюйма. А в багаже у меня есть двухфутровая рулетка. Сейчас подойду к какому-нибудь дереву и себя измерю.

Результаты измерения были ошеломительны: за время пребывания на Луне рост Доктора увеличился на целых три дюйма. Я не знал своего прежнего роста столь точно, как Доктор, но проверка также дала величину, превзошедшую всякие ожидания. Что же касалось моей талии, то и без измерений было видно, что она стала намного шире. Даже Чи-Чи, когда мы ее оглядели, показалась нам значительно выросшей и пополнившейся. Одна Полине-

Рост Доктора увеличился на целых три дюйма.

зия была так мала, что изменение ее размеров было бы заметно лишь в случае поистине фантастического увеличения.

Но все остальные прибавили в росте и в весе очень много.

— Что ж, — сказал Доктор, — не вижу тут ничего странного. Все лунные растения и насекомые в десятки раз крупнее соответствующих земных видов. И причины, вызвавшие их рост, — климат, пища, атмосфера, атмосферное давление и так далее — оказывают точно такое же действие и на нас. Биологи и физиологи здесь нашли бы богатый материал для исследований. Вероятно, большая продолжительность времен года — или, можете вы уточнить, их полная неразличимость, — да и другие факторы, благодаря которым лунные растения и животные живут очень долго, могли бы продлить и нашу жизнь на сотни лет, если бы мы жили на Луне постоянно. Вообразите, лилии-вампиры сказали мне, что даже сорванные цветы — разумеется, те, что были сломаны ветром или по какой-то случайности, — здесь неделями остаются изумительно свежими, для этого им достаточно получать самую малую толику воды. Потому-то и колокольчики, привезенные мотыльком в Падлби, оказались такими жизнестойкими. Да, что и говорить, здешние природные условия не имеют ничего общего с земными. И нам может встретиться еще очень много неожиданного. Я склонен думать, что дома, когда мы туда вернемся, наши размеры снова станут нормальными. Но хотелось бы все же надеяться, что мы не вырастем здесь до небес. Мой жилет уже сейчас так тесен, что я чувствую большие неудобства. Забавно, что мы не замечали этого раньше. А впрочем, нам было не до того.

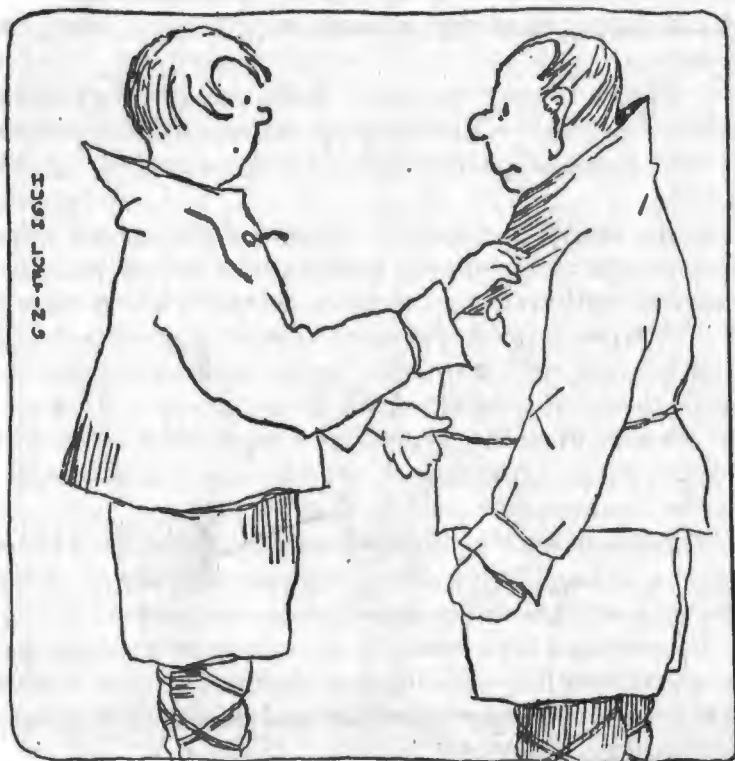
В самом деле, до сих пор наше внимание было настолько поглощено новизной обстановки, что мы просто не заметили, как изменились наши размеры.

Однако в последующие несколько дней мы набирали рост с такой поразительной скоростью, что я ощутил нешуточное беспокойство. Одежда на мне и на Докторе буквально трещала по швам: Нужно было срочно решать, из чего можно изготовить новое платье.

Доктор не был сведущ в портновском искусстве, но, к счастью, знал кое-что о свойствах растений и материалов, из которых ткнут ткани и делают одежду на Земле.

— Давайте-ка подумаем, — сказал он рассудительным тоном, после того как мы пришли к выводу, что все наши вещи стали малы и носить их больше нельзя. — О хлопке речи быть не может. Если бы он тут и рос, понадобилось бы слишком много времени, чтобы спрясть нитки, не говоря уже о том, чтобы что-то из них соткать. Полотно тоже исключается... Ни одно лунное растение даже отдаленно не напоминает лен. Стало быть, остается только растрепать какие-нибудь корни и сплести ткань из них — хотя нужно настоящее чудо, чтобы наша кожа выдержала такую одежду!

Мы начали обследовать ближайший лес с помощью Чи-Чи. Несколько дней нам не попадалось ничего подходящего, но потом мы все же нашли, что хотели. Это было дерево весьма своеобразного вида, росшее на болоте. Его широкие и мягкие листья, высушенные соответствующим образом, не становились жесткими и ломкими, сохраняя достаточную гибкость. В то же время они были очень прочными и не рвались при сшивании. Чи-Чи и Полинезия снабдили нас нитками. Сырьем послужило одно из вяжущихся растений: распустив на волокна его тончайшие усики, обезьянка и попугай скрутили из них неплохую нить. Вечером мы сели за работу и сшили себе новые костюмы.

— Мы похожи на двух Робинзонов Крузо.

— Думаю, лучше шить с запасом, — промолвил Джон Дулитл, водя ножницами над камнем, который служил нам рабочим столом. — Один Бог знает, как скоро мы из них вырастем.

Мы забросали друг друга шутками, когда наше платье было наконец готово и состоялась первая примерка.

— Мы похожи на двух Робинзонов Крузо, — сказал Доктор. — Ничего страшного: свое назначение эта одежда выполнит. В нужде все средства хороши.

Потом мы распоролы все нижнее белье, что у нас было, и сделали новое, израсходовав на каждый комплект два или три старых. Надеть костюмы из листьев прямо на голое тело мы все же боялись. К счастью, мягкий климат Луны избавлял нас от необходимости заботиться о более теплой одежде.

— А как быть с обувью? — спросил я, облачась в новый пиджак и брюки. — Верх моих башмаков совсем расползся.

— Это как раз просто, — отозвалась Чи-Чи. — Когда я искала фрукты, то заметила в джунглях одно дерево: его кора отделяется очень легко, и из нее можно сделать сандалии, которые прослужат вам достаточно долго. Единственная трудность — сплести достаточно прочные ремешки, чтобы прикреплять их к ногам.

Чи-Чи отвела нас к дереву, о котором говорила, и вскоре мы были экипированы обувью, обещавшей прослужить никак не меньше недели.

ГЛАВА 16

ОБЕЗЬЯНЫИ ПРЕДАНИЯ О ЛУНЕ

Во время поисков еще одного лунного растения (это были «шепчущие лозы», которые умели объясняться с помощью шуршания и шелеста листьев, — Доктору рассказали о них все те же кокетливые лилии) нам пришлось вернуться к прерванной беседе о том, что представляла собой Луна в глубокой древности.

— Ты не помнишь, Чи-Чи, — спросил Доктор, — рассказывала ли твоя бабушка о каких-нибудь странных, необычных растениях, которые росли на Земле в стародавние времена?

— Кажется, нет, — ответила Чи-Чи. — В ее историях про Те-Дни-Когда-Еще-Не-Было-Луны речь очень часто шла о животных и о людях. Но почти никогда бабушка не упоминала деревья и растения — разве лишь говорила, что в одних местах рос густой лес, а другие были безлесными и пустынными. А что?

— Видишь ли, я, как и многие другие ученые, абсолютно убежден, что Луна некогда была частью Земли. Но если это и впрямь так, непонятно, почему здесь почти нет земных растений.

— Вы не совсем правы, Доктор, — возразила Полинезия. — А спаржевый лес?

— Ну конечно, — ответил Доктор. — Многие лунные растения очень похожи на земные, хотя и превратились здесь в настоящих гигантов. Но интересно вот что. Умение деревьев и цветов разговаривать друг с другом, да и многие другие признаки, свидетельствуют о том, что растительный мир образует своего рода общество, которое совершенствуется, прогрессирует. Все это носит настолько усто-

явшийся и широко распространенный характер, что я все время думаю: а не началось ли это еще на Земле, давным-давно — скажем, в Те-Дни-Когда-Еще-Не-Было-Луны? И, быть может, только потому, что наши ботаники не были достаточно... э-э... наблюдательны, мы и считали наши растения не способными к взаимному общению.

— Попробую вспомнить, — Чи-Чи, плотно обхватила лоб руками. — Нет, — сказала она некоторое время спустя, — ни о чем таком бабушка не рассказывала. Только в предании про Угу Бумса, доисторического художника, она упоминала породы дерева, из которых тот вырезал рукояти для своих кремневых тесаков и для других орудий, делал домашнюю утварь. Но о говорящих деревьях или растениях не было ни слова.

Время шло к полудню, и, прервав поиски шепчущих лоз, мы остановились, чтобы подкрепиться. От старого базового лагеря нас отделяло не более двух-трех часов пути. Но на Луне, где скорость передвижения была очень высокой, это означало расстояние куда большее, чем на Земле. Мы уже без малого неделю совершали ежедневные вылазки из этого лагеря, где Доктор разместил различные приборы для своих ботанических опытов, и занимались поиском тех или иных видов растений, о которых нам рассказывали кокетливые лилии. Но до наступления темноты мы всякий раз возвращались домой.

Итак, Доктор сидел, прислонясь спиной к камню и поглощая большой кусок желтого ямса, — этот овощ, росший на опушках джунглей, показался нам столь питательным, что мы сделали его главным блюдом нашего рациона.

— Скажи, Чи-Чи, — промолвил Джон Дулитл, — а чем кончается то предание о доисторическом художнике Угу Бумсе?

— Попробую вспомнить, — сказала Чи-Чи,
обхватив лоб руками.

— По-моему, я рассказала почти все, что знаю, — ответила Чи-Чи. — В Те-Дни-Когда-Еще-Не-Было-Луны (так всегда начинала свой рассказ бабушка) Угу Бумс жил отшельником, вдали от всех. И было у него любимое занятие — вырезать каменным ножом картинки на роге или на кости. Больше всего ему хотелось вырезать изображение человека. Только некого было изобразить — ведь Угу Бумс жил в одиночестве. Однажды Угу пожаловался вслух, что ему некого изобразить, и вдруг явилась пред ним прекрасная девушка по имени Пиппитипа с ниткой голубых каменных бус на правой лодыжке; девушка та преклонила колена на валуне и как будто ждала, что Угу Бумс сделает ее портрет. И он вырезал ее портрет на роге оленя — это была лучшая работа, которую он когда-либо делал. Как только портрет был закончен, девушка стала растворяться в вечернем тумане, опустившемся на горы: она исчезла столь же таинственно, как появилась. Угу молил ее не уходить, ведь она была единственным человеческим существом, которое он видел в жизни, — не считая собственного отражения в озерной воде. Он хотел, чтобы она осталась с ним, несчастный Угу Бумс, резчик по рогу, человек, живший вдали от всех. Перед тем как навсегда исчезнуть в сумерках, девушка успела крикнуть, что не может остаться, ибо происходит из племени фей, непохожих на обычных живых существ. Угу бросился к валуну, на котором она стояла, но не нашел там ничего — только нитку голубых каменных бус, которую красавица носила на лодыжке. Убитый горем, Угу поднял бусы и надел себе на запястье; с тех пор он не снимал их ни днем, ни ночью, храня надежду, что девушка появится вновь.

Вот и вся история. Мы, юнцы, часто докучали бабушке, требуя, чтобы она продолжила свой рассказ. Конец казался нам слишком грустным. Но

старушка каждый раз говорила, что это и есть конец. И что Угу Бумс, резчик по рогу и человек, который жил отшельником, вскоре после встречи с девушкой неожиданно исчез без всякого следа — как будто его поглотила земля.

— М-да... — пробормотал Доктор. — И когда, по-твоему, это произошло?

— Понятия не имею, — отвечала обезьянка. — Ведь и сама бабушка очень смутно представляла себе время и место событий, о которых вела речь. Ей, как и нам, обо всем этом рассказывали родители или бабушка с дедушкой. Одно я знаю твердо: это случилось примерно в те же времена, что и Великий Потоп. Бабушка делила свои истории на два периода: про Дни-Когда-Еще-Не-Было-Луны и про более поздние события. Угу Бумса она упоминала только в рассказах о том, что происходило до появления Луны.

— Понимаю... — задумчиво произнес Доктор. — Но скажи: рассказывала ли бабушка о самой этой перемене, — как кончился один период и начался другой?

— Очень скупо, — ответила Чи-Чи, — как и тогда, когда мы спрашивали ее о Потопе. Реальность этого события не вызывает сомнений; но, за исключением немногих подробностей, наши предания не сообщали почти ничего о том, как именно все случилось и что творилось на Земле непосредственно вслед за этим. Должно быть, оба этих события были великими катастрофами — возможно, они и совершились одновременно; и все живые существа пришли тогда в такое смятение, что им было не до сомнений, а после были слишком растеряны, чтобы постараться сохранить что-нибудь для истории. Но, помнится, бабушка говорила, что в первую ночь, когда Луна появилась на небесах, предки нашего

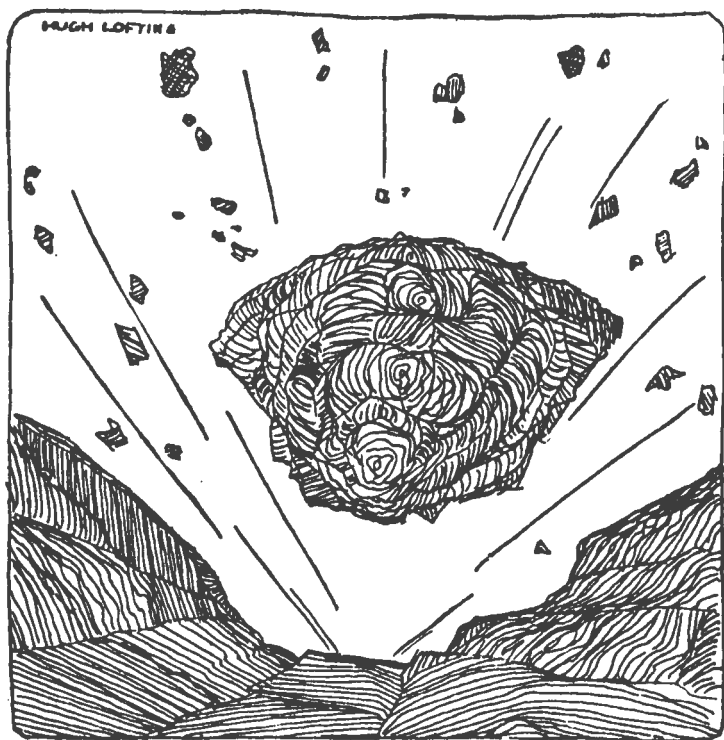
обезьяньего народа видели на вершине горы нескольких человек, которые стояли на коленях и воздавали ей почести. Это были солнцепоклонники, решившие, что отныне следует творить молитвы не только Солнцу, но и Луне, которая, по их словам, была не кем иным, как женою Солнца.

— Но разве люди не понимали, — спросил Доктор, — что Луна отделилась от Земли?

— Трудно сказать, — ответила Чи-Чи. — Мы не раз спрашивали бабушку. Но в ее познаниях были слишком большие пробелы. Все, что рассказывали об этом событии, представляло собой какие-то обрывки — ведь из разных мест на поверхности Земли было видно разное; и нечто целое можно было составить лишь с помощью слухов и домыслов, которые переходили из поколения в поколение... Вначале, по-видимому, произошло нечто страшное. Землю окутала тьма, потом раздался грохот ужасного взрыва; погибло очень много живых существ. А потом в образовавшуюся впадину хлынуло море, производя еще больший хаос и разрушение. Люди и звери искали спасения в пещерах или, обезумев, бегали по склонам гор, или падали наземь, зажимая ладонями глаза, чтобы не видеть кошмарного зрелища. Если верить Обезьяньей Истории, из прямых очевидцев этой катастрофы не уцелел никто. Но мне это всегда казалось сомнительным. А много позже, когда люди оправались от происшедшего и в какой-то мере восстановили прежний порядок, разразилась многолетняя война.

— Но из-за чего, Чи-Чи? — спросил Доктор.

— Это было уже в то время, — отвечала обезьянка, — когда людей снова стало много и повсюду появились большие города. Война началась из-за спора: признавать Луну богиней или же нет? Приверженцы древнего солнцепоклонства объявили,

Раздался грохот ужасного взрыва.

что Луна — это жена или дочь Солнца и потому заслуживает почитания наравне с ним. Те же, кто считал Луну частью Земли, отказывались поклоняться Солнцу: коль скоро, утверждали они, Земля обладает способностью порождать другие миры, почитать следует не Солнце, а *ее* — Мать Землю, зиждительницу всего и вся. По их мнению, появление Луны доказало, что именно Земля есть центр мироздания, — ведь Солнце никогда не рождало детей. Но были и третьи, считавшие, что в качестве богов надлежит чтить Солнце и новую Землю, — и еще одни, которые говорили, что все три светила — Солнце, Земля и Луна — образуют великий треугольник Всемогушей Силы. Это была ужасная война, люди истребляли друг друга тысячами — к величайшему удивлению Обезьяньего Народа. Ибо мы вовсе не были уверены, что хоть одна из враждующих сторон что-то доподлинно *знает* обо всех этих вещах.

— О, Господи, — пробормотал Доктор, когда Чи-Чи кончила говорить. — Вот какой, значит, была первая религиозная распря — первая в этом бесконечном ряду! Надо же! Как будто и впрямь так уж важно, как веруют твои соседи — если они ведут жизнь честную и осмысленную!

ГЛАВА 17

МЫ УЗНАЕМ О СУЩЕСТВОВАНИИ СОВЕТА

Надо признать, что ни одна из наших вылазок не была такой удачной и плодотворной, как эта.

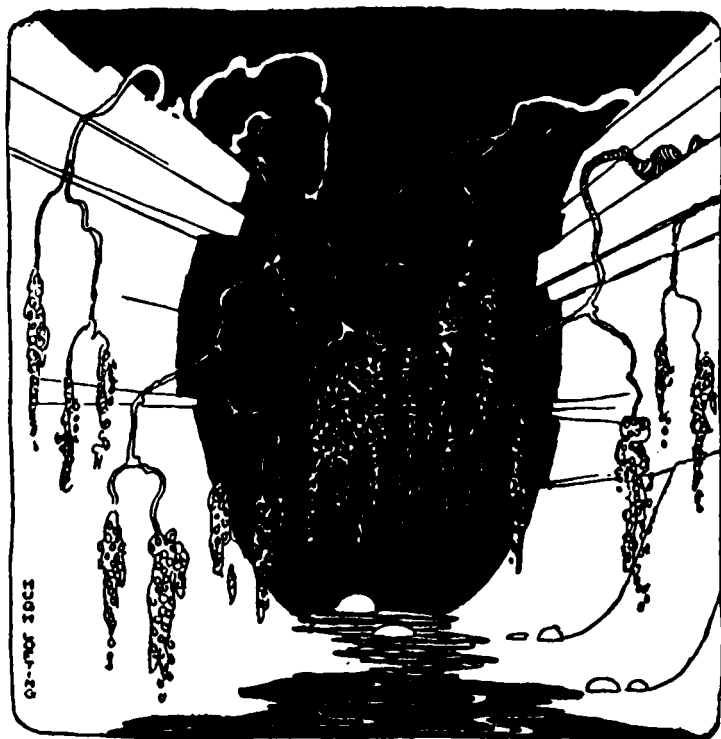
Когда мы достигли наконец места обитания шепчущих лоз, оно показалось нам необыкновенно красивым. Это было каменистое ущелье, окруженное джунглями, своеобразный сводчатый «карман», с краев которого ниспадал плотный занавес из вьющихся растений; на дне ущелья, образуя небольшое озерцо, бил ключ. В таком месте по вечерам могут танцевать феи, прятаться дикие лесные звери или сходиться на ночлег разбойники.

Испутив гортанный крик, Полинезия взмыла ввысь и уселась на один из висячих побегов, оплетавших стены ущелья. В то же мгновение по всему их коврау прокатилась волна слитного движения, и мы услышали гулкий, ясно различимый шепот. Видимо, вторжение незнакомой птицы вызвало у них тревогу. Полинезия и сама была напугана: она молниеносно слетела вниз и вновь присоединилась к нам.

— Разрази меня гром! — недовольно проворчала попугаиха, — так и рехнуться недолго. Эти лозы стали шевелиться и шипеть, как змеи, едва я к ним прикоснулась.

— Они же не знают, кто ты такая, Полинезия, — засмеялся Доктор. — Ты, должно быть, до смерти их напугала. Давайте-ка попробуем с ними заговорить.

Навыки, которые Доктор приобрел в беседах с поющими деревьями, сослужили нам очень добрую службу. Я сразу же отметил про себя, что на этот раз он взял с собою лишь самое простое вспомога-

*Мы увидели каменистое ущелье,
окруженное джунглями.*

тельное приспособление и гораздо лучше знает, с чего начинать. Действительно: уже спустя несколько минут Доктор беседовал с лозами так, словно делал это всю жизнь.

— Стаббинс, — сказал Доктор через некоторое время. — Легкость, с которой эти растения отвечают на мои вопросы, наводит на мысль, что *они уже не в первый раз разговаривают с человеком!* Смотрите-ка, фактически, я могу лишь двигать губами, как при обычной человеческой речи, — и они все понимают.

Он отбросил крохотное приспособление, которое держал в руках, и негромко просвистел сквозь зубы короткий ритмизованный пассаж — нечто среднее между мелодией, которую мурлычат про себя, и фразой, сказанной шепотом.

До сих пор Джону Дулитлу приходилось тратить несколько часов, а иногда и дней, чтобы завязать разговор с лунными растениями (столь странно напоминавшими людей) и перейти к свободному обмену мыслями. Лозы же отозвались на его слова так быстро, что и я, и Чи-Чи вскрикнули от удивления. Почти мгновенно развернув свои густолиственные побеги под нужным углом к ветру, они издали точно такое же полугудение-полушепот: более всего этот ответ напоминал фразу, с которой обратился к ним Доктор.

— Они говорят, что рады нас видеть, Стаббинс, — бросил Доктор через плечо.

— О, это просто великолепно, Доктор! — откликнулся я. — Вы сразу добились результата. Такого раньше еще не было.

— Они уже не в первый раз разговаривают с человеком, — повторил Дулитл, — дело ясное. Я, кстати, думаю, что они... — О Господи, это еще что?

Доктор обернулся: Чи-Чи дергала его за левый

рукав. Я никогда не видел бедную обезьянку столь перепуганной. Ее зубы стучали, она мычала, давясь словами, и никак не могла произнести что-нибудь членораздельное.

— В чем дело, Чи-Чи? — воскликнул Доктор. — Что с тобой? Какая беда?

— Смотрите! — это было единственное слово, которое наконец выдавила обезьянка.

Она указала рукой на берег озерца, лежавшего внизу, у подножия утеса. (Беседуя с лозами, мы для удобства влезли на скальный уступ.) На желтой полосе песка были отчетливо видны два огромных отпечатка ног — точно такие же, какие мы видели в окрестностях лесного озера.

— *Лунный человек!* — прошептал Доктор.

— Ш-ш! — перебила его Полинезия. — Они не должны видеть, куда вы смотрите. Постарайтесь при случае глянуть вверх, на ту стенку ущелья, которая слева.

И я, и Доктор сделали вид, что беседа с лозами по-прежнему поглощает наше внимание. Затем я притворился, что почесываю ухо, и украдкой бросил взгляд наверх, куда указал попугай. Я увидел нескольких птиц. Птицы эти прятались в листве, стараясь не выдавать своего присутствия. Но мы поняли, что они внимательно за нами наблюдают.

В тот момент, когда мы собирались вернуться к прерванному разговору, над нами, закрыв свет солнца, проплыла огромная тень. Мы инстинктивно подняли головы, опасаясь нападения с воздуха. Это был гигантский мотылек, похожий на того, что доставил нас в этот таинственный мир: он медленно пересек небо и скрылся из виду.

Последовало общее молчание, длившееся минуты три.

— Что ж, — промолвил наконец Доктор, — если

Мы поняли, что птицы
внимательно наблюдают за нами.

это означает, что животный мир Луны решил все-таки с нами познакомиться, тем лучше. Это первые птицы, которых мы видим, и первое насекомое — с тех пор как мы расстались с нашим мотыльком. Любопытно: птицы здесь не такие крупные, как насекомые. Но, думаю, они сами все объяснят, когда сочтут нужным. А пока у нас есть чем заняться. Томми, ты взял с собой блокнот?

— Конечно, Доктор, — ответил я. — Я всегда к вашим услугам.

И Доктор возобновил беседу с шепчущими лозами, сыпля вопросами и ответами с такой скоростью, что я едва успевал записывать.

Как я уже говорил, из всех исследований фауны и флоры, проведенных нами с начала экспедиции, это оказалось самым успешным. Внешне шепчущие лозы были не столь похожи на людей, как кокетливые лилии, но гораздо лучше представляли себе течение жизни на всей планете. Доктор поинтересовался, что им известно о войнах между растениями, — войны эти, как мы узнали во время наших бесед с представителями растительного мира, вспыхивали, когда какой-либо вид, не желая терять свое пространство обитания, вынужден был оттеснять вторгавшихся в него соседей. И тогда мы в первый раз слышали о Совете.

— О, не подумайте, — сказали лозы, — что хоть одному виду растений позволяют начать войну в собственных интересах, не считаясь с безопасностью и правами остальных. Поверьте, это не так! Мы, обитатели Луны, давно уже живем совсем по другим законам. Было время, когда все здесь вели постоянную борьбу: одни виды против других, растения против растений, птицы против насекомых и так далее. Но теперь этому положен конец.

— И как же вы поступаете, — спросил Доктор, — если между двумя видами возникает противоречие?

— Все решает Совет, — ответили лозы.

— Э-э... простите, я не совсем понял. Какой совет?

— Видите ли, несколько веков назад — естественно, большинство из нас прекрасно это помнит, — мы..

— Вновь прошу прощения, — перебил их Доктор. — Вы хотите сказать, что большинство лунных растений, насекомых и птиц живет на свете уже несколько веков?

— Ну конечно, — ответили лозы. — Разумеется, одни из нас старше, другие младше. Но пока лунное растение, птица или мотылек не прожили свыше двухсот лет, они считаются очень юными. А некоторые наши деревья, да и кое-какие животные помнят, что происходило более тысячи лет назад.

— Не может быть! — пробормотал Доктор. — Я, конечно, догадывался, что вы гораздо долговечнее нас, жителей Земли. Но такого многолетия я и вообразить не мог. Боже праведный!.. Но продолжайте, пожалуйста.

— В прежние времена, когда мы еще не учредили Совет, — продолжали шепчущие лозы, — на Луне не прекращались ужасные распри, приносившие опустошение и смерть. Рассказывают, что какое-то время всей Луной правили большие ящеры. Они достигли столь колоссальных размеров, что почти дочиста истребили лунную растительность. Ни одно дерево, ни один куст, ни одно растение не имели возможности дожить до обсеменения: стоило показаться единственному зеленому листику, как его тут же пожирали эти голодные чудовища. И тогда те из нас, кто еще оставался в живых, собрались и

Доктор возобновил беседу с шепчущими лозами.

стали обсуждать, что же делать.

— Э-э... простите, — сказал Доктор. — Что значит «собрались»? Ведь вы, растения, лишены способности передвигаться, не так ли?

— О, разумеется, — ответили лозы, — мы не покидаем своих мест. Но мы можем беседовать и совещаться друг с другом и без этого, с помощью наших курьеров — птиц и насекомых.

— И когда это началось? — спросил Доктор. — Когда лунные животные и растения установили между собою связь?

— Мы не можем ответить точно. Видимо, в какой-то форме это сообщение возникло уже очень давно, сотни тысяч лет назад. Поначалу оно не было хорошо налажено, но теперь ни в одном уголке Луны не может произойти сколько-нибудь важного события, о котором тут же не узнали бы растения, деревья, насекомые и птицы в других районах. Нам, к примеру, был известен каждый шаг вашей экспедиции — с того момента, как она высадилась на Луне.

— Что вы говорите! — воскликнул Доктор. — Я и подумать не мог. Но рассказывайте, прошу вас.

— Конечно, — продолжали лозы, — так было не всегда. Однако после учреждения Совета сообщение между нами и общее взаимодействие сразу стали намного слаженней, а в дальнейшем еще более совершенствовались.

ГЛАВА 18

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Затем шепчущие лозы подробно описали деятельность упомянутого ими органа власти — таинственного Совета. По всей видимости, это был некий комитет или совместное правительство, в которое входили представители как животного, так и растительного мира. Его главной задачей было управлять жизнью на Луне таким образом, чтобы исключить всякую возможность возникновения новой войны. Если, например, какой-нибудь вид кустарника желал получить больше жизненного пространства, а территория, которой он стремился завладеть, уже была занята, скажем, бычьим тростником, то он не имел права напасть на соседа, но был обязан представить дело на рассмотрение Совета. И если какие-нибудь бабочки хотели питаться нектаром определенных цветов, а им мешали пчелы или жуки, то ни те, ни другие опять-таки не предпринимали самостоятельных действий, а ожидали приговора этого всесильного комитета, который решал их спор голосованием.

Этот рассказ прояснил многое, чего мы не могли понять раньше.

— Обрати внимание, Стаббинс, — сказал Доктор, — огромные размеры почти всех обитателей Луны, развитый интеллект растений — все это, не говоря уже о других замечательных вещах, вряд ли стало бы возможно, если бы здесь не было налажено столь хорошее управление. Наш с тобой мир может поучиться у своего собственного детища — Луны, к которой он относится с заведомым пренебрежением! Мы на Земле не умеем примирять интересы живых

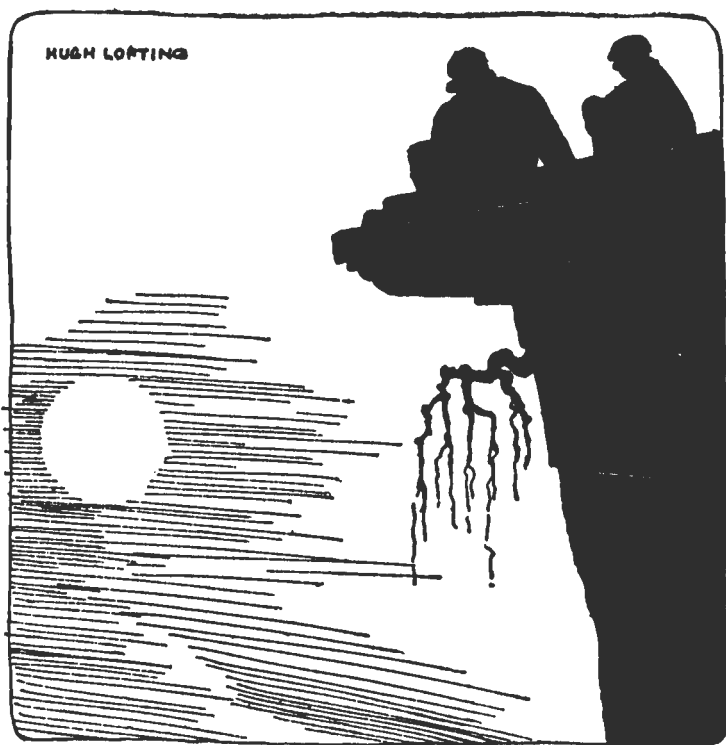
созданий и по-настоящему их защищать. Мы всегда жили, и теперь живем по самым низменным, волчьим законам...

Доктор сокрушенно покачал головой и возвел глаза к небу, где бледно светился диск нашей матери Земли. Точно так же выглядела Луна, когда я смотрел на нее при дневном свете.

— Да, — повторил он внезапно посерьезневшим голосом, — наш мир возомнил, что достиг больших высот, а ему и не снилась мудрость и дальновидность, какие торжествуют здесь, на Луне. Эта борьба, борьба, вечная борьба за существование! Ничего другого мы представить не можем... «Кто лучше приспособлен, тот и выживает!»... Всю свою жизнь я старался помогать так называемым низшим существам — птицам, зверюшкам. Не подумайте, что я жалуюсь, вовсе нет. Мне всегда было очень приятно знакомиться с животными и завоевывать их доверие. Если бы я начал жизнь заново, то поступал бы точно так же. Но часто, слишком часто я думаю о том, что мои усилия изначально обречены на неудачу. Только такое учреждение, как здешний Совет, — Совет Всего Живого, регулирующий жизнь на планете, — и может спасти положение, сделать по-настоящему счастливыми всех и каждого.

— Верно, Доктор, — сказал я, — но заметьте: здесь, в отличие от нашего мира, видимо, вообще нет животных — только насекомые и птицы. Здесь нет львов, нет тигров, которые вынуждены были бы охотиться на оленей и диких коз, не так ли?

— Возможно, ты прав, Томми, — ответил Доктор. — Однако не забывай, на Земле и среди насекомых идет такая же межвидовая борьба, как среди крупных хищников. Быть может, спустя миллион лет какой-нибудь ученый докажет, что нынешняя война между человеком и домашними мухами является

В небе бледно светился диск Земли.

важнейшим событием современной истории. И еще: кто знает, какими были тигры до того, как перешли на мясную пищу?

Джон Дулитл вновь повернулся к лозам и задал еще несколько вопросов. Большинство этих вопросов относилось к Совету: как он работает, кто в него входит, как часто происходят заседания и тому подобное. Рассказ лоз помог уточнить наши начальные впечатления и догадки, и мы более полно представили себе общую картину лунной жизни.

Чтобы нарисовать эту картину для вас, мне надо было бы родиться великим поэтом или, на худой конец, великим прозаиком. Ибо лунный мир был поистине сказочной страной, царством покоя и безмятежности. Деревья, умевшие петь, цветы, наделенные зрением, бабочки и пчелы, беседовавшие друг с другом и с растениями, которые давали им пропитание, и над всем верховный Совет, равно соблюдавший интересы великих и малых, сильных и слабых — нет, мне не найти слов, чтобы сколь-либо удовлетворительно описать это блаженное общество, где царили единение, дружелюбие и счастье!

— Я все же не могу понять одного, — сказал Доктор. — Как у вас регулируется размножение? Что, если какие-то растения рассеют слишком много семян и дадут слишком обильные всходы?

— Об этом, — отвечали шепчущие лозы, — заботятся птицы. Им приказано поедать все семена, число которых превышает установленные для каждого вида пределы.

— М-м... — промычал Доктор. — Надеюсь, Совет не будет на меня в обиде. Дело в том, что по прибытии на Луну я сделал кое-какие опытные посадки. Я привез с Земли семена нескольких сортов и хотел проверить, что с ними произойдет в этом климате. А впрочем, мои посевы так до сих

пор и не взошли.

Лозы слегка зашевелились, причем их шелест был очень похож на довольный смешок.

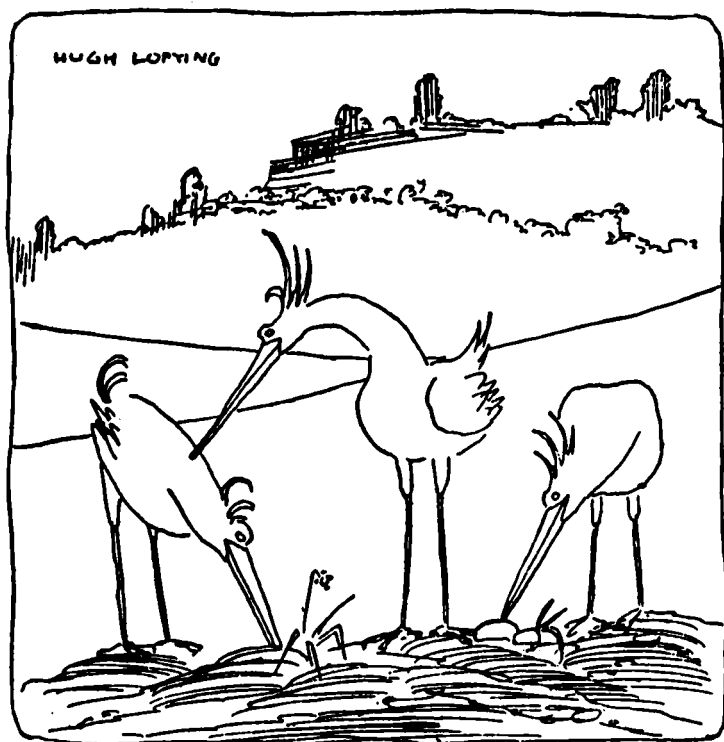
— Вы забыли, Доктор, с какой быстротой распространяются здесь новости. Ваши садоводческие опыты были сразу же замечены, о них доложили Совету. И когда вы вернулись в свой лагерь, длинноклювые птицы выкопали ваши семена и уничтожили их все до единого. Совет проявляет к семенам особое внимание. Иначе мы просто не можем. Если позволить хоть одному цветку, сорной траве или кустарнику размножиться свыше меры, все наше мирное равновесие будет нарушено — и одному небу известно, что тогда произойдет. Вот почему Председатель...

Переговоры с Доктором вели три крупные лозы, висевшие прямо над его плечом. В этот момент они внезапно и без видимых причин осеклись на середине фразы — совсем как человек, из уст которого нечаянно вырвалось то, о чем он предпочел бы не говорить. И тут же все лозы, покрывавшие стены ущелья, охватило неимоверное возбуждение. Нельзя было и ожидать, что они способны так трястись, раскачиваться, гнуться, извиваться. Несколько ярко оперенных птиц с тревожными криками выпорхнули из густой листвы и скрылись за утесистым хребтом, возвышавшимся над нашими головами.

— В чем дело?.. Что случилось, Доктор? — восклицал я, между тем как все новые птицы покидали свое укрытие и исчезали из виду.

— Понятия не имею, Стаббинс, — ответил Доктор. — Похоже, кто-то из них сказал больше, чем следовало. Объясните, — он вновь повернулся к лозам, — о каком председателе идет речь?

— О Председателе Совета, — немного помолчав, ответили лозы.

*Длинноклювые птицы
выкопали семена и уничтожили их.*

— Я догадался. Но кто он? Что это за существо? Последовала пауза: длинные плети лоз, которыми были опутаны стены расщелины, опять пришли в бурное движение, свидетельствовавшее об их замешательстве. По-видимому, лозы обменивались какими-то непонятными для нас суждениями и предостерегали друг дружку.

Наконец те три лозы, что вели переговоры с самого начала, снова повернулись к Доктору Дулитлу.

— Простите, — сказали они, — но мы подчиняемся приказу. Есть вещи, о которых мы не имеем права говорить.

— Кто же вам запретил? — спросил Доктор.

Однако с этого момента лозы отвечали на все вопросы полным молчанием. Доктор еще несколько раз попытался разговорить их вновь, но ничего не добился. В конце концов мы были вынуждены отступить и двинулись обратно. До лагеря мы добрались только глубоким вечером.

— По-моему, — сказала Полинезия, в то время как Доктор, Чи-Чи и я начали готовить наш вегетарианский ужин, — мы сегодня учинили в лунном обществе изрядный переполох. Да, другой такой страны я в жизни не видела!.. А мне пришлось немало попутешествовать. Сейчас, наверное, каждый шмель, каждая былинка на этой планете обсуждает поведение шепчущих лоз: какую-де оплошность они сделали, проговорившись о председателе... *Председатель!* Разрази меня гром! Можно подумать, что это Святой Петр собственной персоной, ни больше ни меньше! Почему они делают из этого такой секрет, хотел бы я знать?

— Быть может, очень скоро все объяснится, — заметил Доктор, разрезая огромный плод, напоминавший дыню. — Едва ли они сочтут разумным и

дальше избегать сближения с нами... Во всяком случае, я на это надеюсь.

— И я тоже, — сказала Чи-Чи. — Эта таинственность начинает меня бесить. Хочется быть уверенной, что нам все-таки помогут вернуться в Падлби. Честно говоря, я уже по горло сыта приключениями.

— О, не беспокойся, Чи-Чи, — молвил Доктор. — Я, как и прежде, убежден, что о нас позаботятся. Тот, кто доставил нас сюда, — кто бы он ни был — преследовал какую-то благую цель. Не надо бояться: как только я сделаю то, ради чего меня позвали, нас обязательно отвезут обратно на Землю.

— Ох-ох-ох! — пробурчала над нашими головами Полинезия, которая уселась на ветке и грызла орехи. — Хорошо, если так. Я-то лично не очень в это верю... Да-да, не очень.

ГЛАВА 19

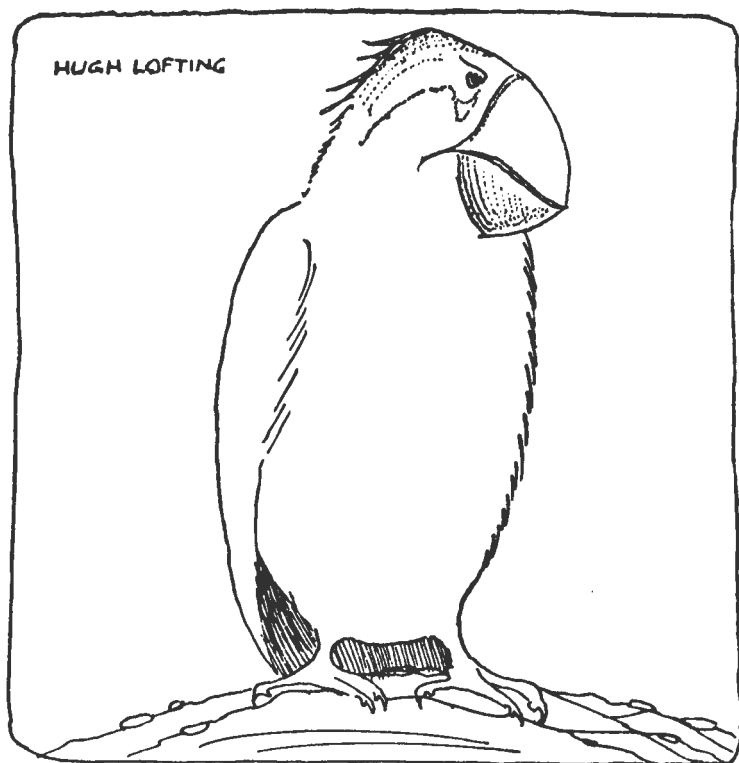
ЛУННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Из всех ночей, что мы провели на Луне, эта, по-моему, была самой беспокойной. О крепком, продолжительном сне нечего было и мечтать. Рост наш все эти дни продолжал волшебным и пугающим образом увеличиваться, так что постельные принадлежности (лунный климат был настолько теплым, что мы не укрывались одеялами, а расстилали их под собой) теперь стали до смешного куцыми и никоим образом не соответствовали нашим габаритам. Колени и локти уже не могли на них уместиться и елозили по жесткому грунту, что причиняло мне и Доктору самые жестокие страдания. Кроме того, нам, как и раньше, мешали спать непонятные шорохи и звуки, не умолкавшие целую ночь. Все мы не могли освободиться от чувства глухой тревоги. Помнится, во время одного из своих пробуждений я услышал, что и Доктор, и Чи-Чи, и Полинезия что-то бормочут во сне.

Наконец встало солнце: разбитые, с ввалившимися глазами, мы сползли с постелей и, не говоря ни слова, стали готовить завтрак. Первая взяла себя в руки испытанная разведчица Полинезия. Она покинула нас и обследовала пространство вокруг стоянки. Когда Полинезия вернулась, ее старческое лицо было чрезвычайно серьезным.

— Ну-ну, — сказала попугаиха, — хотела бы я знать, остался ли на Луне хоть один житель, который не побывал сегодня около нашего лагеря, пока мы спали.

— В чем дело? — спросил Доктор. — Ты заметила что-то необычное?

*Когда Полинезия вернулась, ее старческое лицо
было чрезвычайно серьезным.*

— Посмотрите сами, — отвечала Полинезия, указывая на поляну, посреди которой располагались наши постели и лежал сгруженный багаж.

Мы уже привыкли находить следы возле наших стоянок, но картина, которая предстала нам теперь, не шла ни в какое сравнение с прежней. Буквально всю почву вокруг лагеря в радиусе ста ярдов с лишним — и твердый грунт, и песок, и глину — покрывала густейшая вязь: причудливые следы насекомых, вмятины, оставленные громадными лапами птиц, и — особенно заметные — бесчисленные отпечатки гигантских ног человека, которые мы видели и раньше.

— Вот значит как! — несколько раздраженно сказал Доктор. — Ну что ж, они ведь не причиняют нам вреда. Какое нам дело, что они приходят посмотреть, как мы спим? Меня это нисколько не волнует. Давайте завтракать.

Мы вновь уселись на свои места и принялись за еду.

Но Джон Дулитл недаром говорил, что лунные животные не замедлят появиться: его предсказание самым удивительным и неожиданным образом сбылось. Едва я поднес ко рту кусок смазанного медом ямса, как почувствовал, что надо мной проплыла огромная тень. Я поднял голову: это был гигантский мотылек, который привез нас из Падлби! Я не мог поверить своим глазам. Грациозно помахивая своими исполинскими крыльями, он с филигранной точностью опустился на землю возле меня (дредноут, швартующийся бок о бок с мышью!) — словно подобные посадки были для него самым обычным, будничным делом.

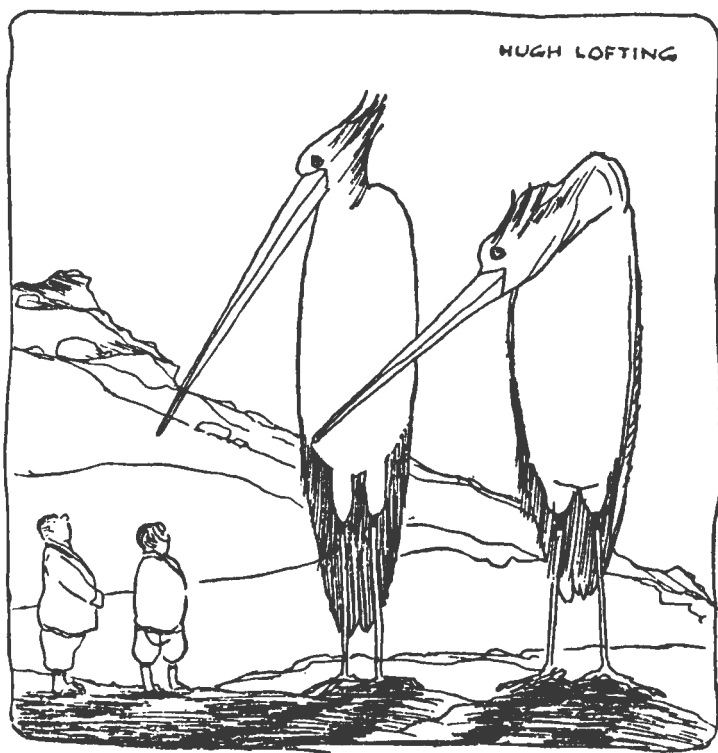
Мы не успели сказать друг другу и слова, как вдруг, откуда ни возьмись, вниз спланировали два или три таких же мотылька: подняв вокруг нас

столбы пыли, они опустились рядом со своим собратом.

Затем появилось множество птиц. Некоторые виды уже были знакомы нам по ущелью шепчущих лоз; но других — больших журавлей, гусей, лебедей и т. д. — мы увидели впервые. Примерно половина этих птиц не так уж сильно превосходила размером своих земных сородичей. Остальные же были неправдоподобно громадны и отличались необычной окраской и телосложением — хотя нетрудно было определить, к какому семейству принадлежит каждая птица.

Мы то и дело порывались обсудить происходящее, но появление новых и новых незнакомцев, присоединявшихся к собранию, каждый раз мешало нам говорить. Следом за птицами прилетели пчелы. Я никогда не занимался пчеловедением, но сразу опознал виды, живущие на Земле. Они слетались стая за стаей, многократно увеличенные в размерах (такие страшилища могут привидеться только в кошмарном сне): большие черные шмели, малые желтые шмели, пчелы обычные, пчелы сверхбыстрые, узкотелые, ярко-зеленые. А вместе с ними явилась их близкая и дальняя родня — правда, каждая порода была представлена не более чем двумя-тремя разновидностями.

Я видел, что бедная Чи-Чи близка к обмороку. Еще бы! Когда тебя со всех сторон беззвучно окружают насекомые столь чудовищных размеров, поневоле испытываешь ужас, каким бы ты ни был храбрецом. Я, впрочем, не находил, что эти создания настолько уж страшны. Возможно, мне передалось настроение Доктора, который выглядел скорее заинтригованным, чем испуганным. Но и само поведение гостей не казалось мне недружелюбным. Держась спокойно и чинно, они, по-видимому,

*Некоторые птицы были
неправдоподобно громадными.*

рассаживались по местам в соответствии с заранее определенным порядком; и я чувствовал: вскоре должно случиться нечто такое, что сразу все объяснит.

И действительно, несколькими мгновениями позже, когда все пространство вокруг нашего лагеря уже кишмя кишело гигантскими насекомыми и птицами, мы слышали шаги. Обычно на открытом воздухе звук шагов слышен плохо или не слышен совсем, хотя на Луне, как мы уже заметили, любые звуки распространялись намного дальше, чем на Земле. Но то, что творилось сейчас, превосходило всякую меру. Почва под нами вздрагивала и ходила ходуном, как будто начиналось землетрясение. Но почему-то было понятно, что это именно *шаги*.

Чи-Чи бросилась к Доктору и забилась под полу его одежды. Полинезия, даже не шелохнувшись, по-прежнему сидела на ветке дерева; она созерцала происходящее крайне хмуро и недовольно, но с нескрываемым любопытством. Зная, что чутье обычно не подводит попугаиху, я проследил за ее взглядом. Полинезия смотрела в сторону леса, окружавшего поляну, посреди которой мы разбили наш лагерь. Ее глазки-бусинки так и сверлили расширявшийся кверху просвет, который виднелся на опушке слева от меня.

Примечательно, что в таких серьезных ситуациях мой взор неизменно, почти автоматически, устремлялся на старину Полинезию. Я вовсе не хочу сказать, что оставлял без внимания Доктора: нет, я был готов в любую секунду выполнить его приказания. Но всякий раз, когда происходило что-нибудь странное и необъяснимое, как сейчас (особенно если это имело отношение к животным), я невольно переводил глаза на старую попугаиху, чтобы видеть ее реакцию.

Итак, склонив голову несколько набок — в высшей степени характерная поза! — Полинезия внимательно смотрела на просвет в стене лесных деревьев. Она что-то тихо бормотала себе под нос (наверное, по-шведски — обычно она предпочитала браниться на этом языке), но я не мог понять ни слова: все сливалось в неразборчивый брызгливый клекот. Я стал глядеть в ту же сторону, и вскоре мне почудилось, что лесные деревья качаются. Потом над их верхушками показалось нечто огромное и круглое.

Уже начинало смеркаться. Внезапно мы поняли, что пока эти существа собирались вокруг нас, минул целый день; поглощенные зрелищем, мы так и не притронулись к пище. Трудно было поверить, что все это не сон. Я заметил, что Доктор резко привстал с места, бедная старушка Чи-Чи при этом свалилась наземь. Колоссальный кругляк над верхушками деревьев становился все больше, все выше; он слегка покачивался, продвигаясь вперед, и вместе с ним качался лес — точь-в-точь как шевелится трава, когда сквозь нее пробирается кошка.

Я все время ожидал, что Доктор скажет хоть слово. То, что надвигалось на нас теперь, чем бы, точнее, *кем бы* оно ни оказалось, было, вне сомнений, таким чудищем, что все живые твари, встреченные нами на Луне до сих пор, выглядели рядом с ним милыми крошками.

А старина Полинезия все так же неподвижно сидела на ветке, выпуская клекот и шипение, словно фейерверк в сырую ночь.

Очень скоро к сотрясавшим землю шагам примешались и другие звуки. Это ломались и трещали толстые деревья, которые попадались под ноги приближавшегося к нам существа — так похрустывают прутья под ногами обычного смертного. Ска-

жу откровенно: теперь и мое сердце сдавил тяжелый страх. Я готов был разделить опасения бедной Чи-Чи. Но как ни удивительно, сама обезьянка больше не пыталась прятаться. Стоя возле Доктора, она, словно зачарованная, не отрывала глаз от громадного силуэта, выраставшего над деревьями.

Тяжело ступавшая фигура надвигалась, подходя все ближе и ближе. Вскоре ее очертания стали вполне отчетливы. Вот она отделилась от стены деревьев; собравшиеся на поляне насекомые и птицы расступались, давая ей дорогу. Внезапно мы поняли, что длиннорукий гигант стоит уже прямо перед нами, совсем рядом... *Это был человек!*

Мы встретились наконец с лунным человеком!

— Так-так, — проскрипела Полинезия, прерывая жуткое молчание. — Наверное, вы здесь ужасно важная персона. Но да простят меня небеса: пока вы собрались прийти и поговорить с нами, прошла чертова уйма времени!

Это восклицание Полинезии, следом за которым из ее уст хлынул настоящий поток ядовитого брюзжания, настолько не вязалось с серьезностью ситуации, что я не удержался и захихикал. А раз начав, я уже никакой силой не мог вернуть своему лицу невозмутимого выражения, — даже если бы мне посулили миллион.

Теперь странное собрание было окутано вечерним сумраком. В глазах окруживших нас мотыльков и птиц загадочно поблескивал звездный свет — так мерцает огонек настольной лампы, отраженный в глазах домашнего кота. Все еще пытаюсь побороть приступ идиотского хихиканья, я увидел, что Джон Дулитл, чья фигурка выглядела нелепо крошечной в сравнении с великаном, поднялся навстречу нашему гостю.

— Я рад вас видеть... наконец-то, — сказал он на

чистом, правильном английском. Единственным ответом на это вежливое приветствие были нечленораздельные звуки, выражавшие полное отсутствие понимания.

Увидев, что лунный человек совершенно не знаком с английским, Джон Дулитл приложил все старания, чтобы найти язык, который был бы ему понятен. По-моему, на свете еще не было и, вероятно, никогда не будет лучшего полиглота, чем Доктор. Он перебрал один за другим большинство земных языков, употребляемых в наши дни или дошедших до нас из древности. Ни один из них не вызвал у лунного человека даже слабой ответной реакции. Перейдя к наречиям животных, Доктор добился несколько лучших результатов. Похоже, наш гость понимал какие-то отдельные слова.

Но лишь тогда, когда Джон Дулитл вернулся к языкам насекомых и растений, лунный человек по-настоящему оживился и начал проявлять заметный интерес. Все мы — Чи-Чи, Полинезия и я, — не отводя глаз, следили, как Доктор и великан упорно одолевали препятствия, мешавшие им понимать друг друга. Проходили минута за минутой, час за часом. Но вот Доктор сделал жест за спиной, и по этому знаку я понял, что он полностью готов вести беседу. Я поднял с земли блокнот и карандаш.

Когда я открыл чистую страницу, приготавливаясь писать, Чи-Чи изменившимся голосом закричала:

— Смотрите! *На правом запястье!* Смотрите же!

Мы вгляделись в темноту... В самом деле, запястье великана было чем-то обвито, но это **что-то** сжимало руку необыкновенно туго, почти врастая в плоть. Доктор слегка прикоснулся к непонятному предмету. Но не успел он вымолвить и слова, как вновь заговорила Чи-Чи; тишину разрезал ее захлебывающийся, хриплый, пронзительный шепот:

— Смотрите, смотрите, — закричала Чи-Чи.

— *Бусы из голубых камешков!* Вы видите?.. Браслет ему мал, потому что он превратился в великана. Но это он, художник Угу Бумс! И это тот самый браслет, что он получил от Пиппитипы, прародительницы фей! Это он, Доктор, это Угу Буме, который был унесен с Земли в Те-Дни-Когда-Еще-Не-Было-Луны!

ГЛАВА 20

ДОКТОР И ВЕЛИКАН

-**П**рекрасно, Чи-Чи, прекрасно, — торопливо сказал Доктор. — Но подожди немного. Мы сейчас все узнаем. Не надо так волноваться.

Несмотря на успокаивающий тон Доктора, я видел, что и сам он не вполне владеет собой. И трудно было бы его упрекнуть. В течение нескольких недель, проведенных в этом волшебном мире, где творились сплошные чудеса, мы изо дня в день ожидали встречи с загадочным человеческим существом, чье незримое присутствие чувствовалось везде и всюду. И вот наконец это существо стояло перед нами.

Я не сводил взгляда с исполинской фигуры, уходившей в небеса над нашими головами. Одним движением ноги лунный человек без труда мог расплющить в лепешку, словно тараканов, добрый десяток таких как мы. Но он, как и остальное собрание, не проявлял какой-либо враждебности, разве что казался несколько обескураженным нашими размерами. Что касалось Джона Дулитла, то он был слегка взволнован открытием Чи-Чи, но не испытывал ни малейшего страха.

На великане было очень мало одежды. Его наряд, отчасти напоминавший наш, был сделан из таких же листьев и упругого лыка; он покрывал тело лунного человека от подмышек до нижней части бедер. Волосы его, длинные и спутанные, доходили почти до плеч. Догадавшись, что собеседнику трудно поддерживать разговор на большом расстоянии (голова Доктора едва достигала уровня великаньей лодыжки), он сделал жест рукой — в то же мгновение ближайшие к нам насекомые снялись с мест и

отползли в сторону. В освобожденном таким образом пространстве и разместился лунный человек, усевшись на землю, чтобы продолжить беседу в более удобных условиях.

Как ни удивительно, с этого момента я более не ощущал страха перед чудовищным хозяином Луны, похожим на сказочного персонажа или на призрак из кошмарного сна. Протянув гигантскую руку, он поднял Доктора с земли, словно тот был куклой, и поставил на свое голое колено. С этой промежуточной высоты — не менее тридцати футов, считая от моей головы, — Джон Дулитл начал карабкаться вверх по туловищу великана, пока наконец не очутился на его плече.

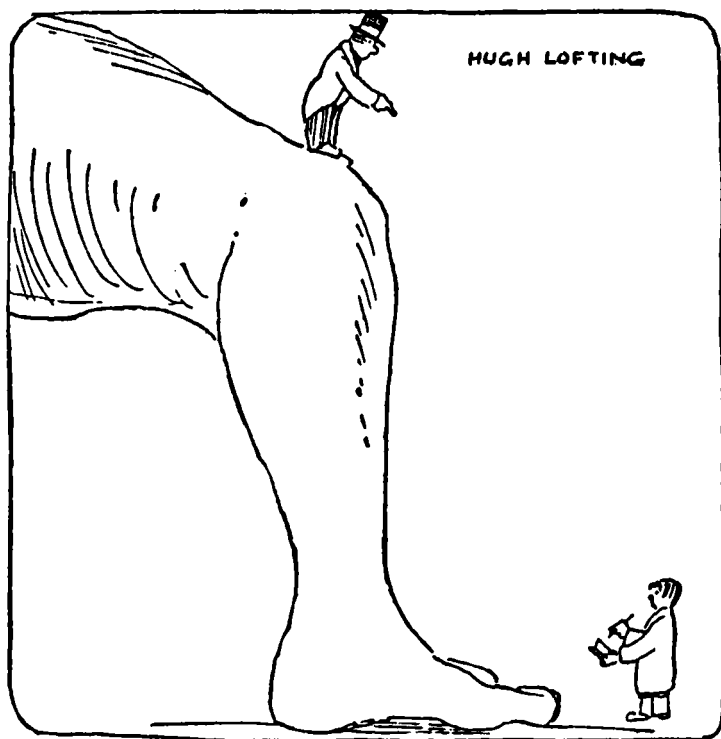
Там, очевидно, он добился гораздо большего успеха, чем прежде, когда стоял на земле (поднявшись на цыпочки, Доктор мог дотянуться как раз до уха лунного человека). Вскоре он вновь спустился на колено и позвал:

— Стаббинс!.. Ты слышишь, Томми? Блокнот у тебя под рукой?

— Конечно, Доктор. Он у меня в кармане. Вы хотите, чтобы я записывал?

— Будь так добр! — прокричал Джон Дулитл, точь-в-точь как десятник, громогласно отдающий распоряжения с крыши высокого здания. — Сейчас я продиктую. Сказать по правде, разговор только начал налаживаться, но я хочу уже теперь сделать несколько предварительных записей. Ты готов?

Как выяснилось, охваченный энтузиазмом Доктор переоценил степень легкости, с которой он мог вести беседу. Битый час я ждал, держа карандаш на весу, но сверху так и не донеслось ни слова. В конце концов Доктор прокричал, что придется на время отложить диктовку, пока они с великаном не добьются более полного взаимопонимания.

— Стаббинс! Блокнот у тебя под рукой?

— М-да, — хмыкнула Полинезия. — Не понимаю, зачем он старается. Я никогда еще не видела такой мерзкой зверины... А мозгов у него, видать, меньше, чем у червяка. Нет, вы подумайте только: из-за этой вот дурацкой бараньей туши наш Доктор — Доктор Джон Дулитл, профессор медицины! — да и мы с вами прослонились столько времени без малейшего смысла, — пока он не соизволил к нам пожаловать! И ведь он сам вызвал нас сюда! Вот что я отказываюсь понимать!

— Боже праведный! — пробормотала Чи-Чи, уставясь на черневшую в сумерках фигуру. — Вы представляете... *представляете*, сколько ему лет? Этот человек жил еще в те времена, когда Луна отделилась от Земли, — тысячи, может быть, миллионы лет назад! Ох, какой же он старый!

— Вот именно! Возраст уж во всяком случае достаточный, чтобы освоить лучшие, — пробурчала попугаиха, — куда более лучшие манеры! То, что он разжирел и вымахал до небес, еще не дает ему права подвергать гостей столь оскорбительному обращению!

— Ну что ты, Полинезия, — сказал я, — не надо все-таки забывать, что это существо было разлучено с человеческим родом много веков назад. И даже та цивилизация, с какой оно было знакомо на Земле в далекие дни каменного века, наверное, не многим могла похвастать. Уверен, что мир тогда был еще очень грубым, несовершенным. Поразительно, что этот человек вообще обладает каким-то разумом, — ведь за бесчисленное множество лет он не встречал ни единой живой души. Меня ничуть не удивляет, что Джону Дулитлу так трудно вести с ним разговор.

— Ну конечно, конечно, Томми Стаббинс, — отвечала Полинезия, — все это звучит очень высокопарно и поученому. Но ты же не станешь отри-

цать, что затащил нас сюда не кто-нибудь, а этот вот долговязый дуралей. И он по меньшей мере должен был позаботиться, чтобы гостей как-то встретили и взяли под опеку, — а не бросать их на произвол судьбы, даже не прислав никого, кто мог бы нас проводить или хотя бы объяснить, куда идти. Скажу прямо: не слишком любезный прием.

— Ты, видимо, забыла, Полизезия, — мягко возразил я, — что мы, несмотря на маленький рост, могли показаться ему и его окружению не менее страшными, чем они нам, даже если и вправду он вывез нас на Луну. Об этом уже говорил Доктор. Ты заметила, что он прихрамывает?

— Ну да, — кивнула Полизезия. — Он ступает неровно и волочит левую ногу... Тьфу ты! Готова спорить, что ради этого он и притащил сюда Доктора, — из-за какого-нибудь ревматизма или занозы в ступне. — Пусть так, но при всей знаменитости Джона Дулитла я просто *не могу понять*, откуда этот олух о нем узнал, — ведь между нашими мирами не существует сообщения.

Было очень интересно смотреть, как Доктор пытается наладить разговор с лунным человеком. Я не в силах был составить даже отдаленного предположения, какого рода язык в конце концов их удовлетворит. Много ли воспоминаний о родной речи могло сохранить это странное существо после стольких лет разлуки с себе подобными?

По правде говоря, я не совсем хорошо помню, чем кончился тот вечер. Доктор, увлеченный своими экспериментами, как всегда, напрочь забыл о времени и обо всем остальном. Я долго наблюдал, как клюет носом сонная Чи-Чи, а потом задремал и сам.

Когда я проснулся, уже начало рассветать. Доктор продолжал беседовать с великаном, с прежним упорством разрушая преграды на пути к обоюдному

му пониманию. Впрочем, сразу бросалось в глаза, что он воодушевлен результатами. Я крикнул наверх, что пора завтракать. Он услышал меня и согласно кивнул, после чего пригласил великана присоединиться к нашей трапезе. Я испытал удивление и восторг, увидев, с какой легкостью Доктор сумел передать свою мысль нашему рослому другу. Ибо в то же мгновение, как он это сделал, лунный человек опустил его на землю рядом с куском брезента, который служил нам скатертью, и окинул изучающим взглядом разложенную на нем провизию. Мы предложили великану отведать нашего достославного желтого ямса. Но тот отказался, решительно замотав головой. Потом, жестикулируя и мыча, он начал что-то объяснять Джону Дулитлу.

— Он говорит, Стаббинс, — перевел мне Доктор, — что желтый ямс — главная причина быстрого роста. Вероятно, в этом мире росту способствует едва ли не все, но ямс особенно благоприятен. Он советует нам исключить его из рациона, если мы не хотим стать такими же большими, как он. Сам он, по всей видимости, уже целую вечность пытается вернуть себе обычные человеческие размеры.

— Предложите ему дыни, Доктор, — сказала Чи-Чи. Этот плод был принят лунным человеком весьма благосклонно; и все мы, умолкнув, принялись жевать.

— Вы хорошо освоили его язык, Доктор? — спросил я несколько мгновений спустя.

— Ну, как сказать... — проворчал Джон Дулитл. — Это странный... дьявольски странный язык. Вначале я думал, что он представляет собой разновидность звучащей речи, как и большинство человеческих языков. И потратил немало времени, стараясь подступиться к нашему гостю с этой стороны. Но все, что я смог из него вытянуть, — это несколько

смутных, неверных воспоминаний. Так было, пока я стремился нащупать связь с каким-либо земным языком. Но потом, невольно обратясь к языкам насекомых и растений, я обнаружил, что он в совершенстве владеет и теми, и другими, причем всеми без исключения. В целом я очень доволен. Теперь, если даже не удастся перебросить мостик к какому-нибудь из наших мертвых языков, вполне достанет и этих его знаний — они сослужат мне неоценимую службу.

— А он хоть как-нибудь объяснил, зачем ему было нужно тащить сюда нас? — поинтересовалась Полинезия.

— Пока еще нет, — сказал Доктор. — Но сама посуди: мы ведь только-только начали. Все в свое время, Полинезия, все в свое время...

ГЛАВА 21

КАК УГУ БУМС ПОПАЛ НА ЛУНУ

Доктор был глубоко прав, доказывая Полинезии, что при всем гигантском росте лунного человека мы напугали его ничуть не меньше, чем он и его мир — нас. После завтрака, когда я извлек свой неизменный блокнот, чтобы записывать диктовку Доктора, мы тут же смогли убедиться, что этот могучий колосс, грозный Председатель Совета, — кротчайшее из живых существ. Он разрешил нам ползать по всему своему телу и был, видимо, польщен тем, что мы проявляем к нему столь большой интерес. Это, кажется, не было сюрпризом для Доктора, который с самого начала видел в великане друга. Но у Чи-Чи и у меня, все время опасавшихся, что он вот-вот набросится на нас и проглотит в один присест, свалился с души большой камень.

Я не стану излагать первую беседу Доктора с лунным человеком во всех подробностях. Она была очень долгой и касалась множества вопросов из области языкознания и естествоведения, которые не слишком интересны для обычного читателя. Но время от времени, там, где мне это кажется необходимым, я буду переходить и к дословному отчету, дающему более ясное представление о том, что говорили ее участники. Ибо значение этой беседы, без сомнения, трудно переоценить.

Доктор сразу же начал расспрашивать великана о предании, которое поведала Чи-Чи ее бабушка. Сперва казалось, что лунный человек сохранил о тех временах лишь самые туманные воспоминания; но когда Джон Дулитл стал напоминать ему конкретные детали, сохраненные обезьяньей историей,

он начал весьма живо реагировать на вопросы, не раз соглашаясь с утверждениями Доктора или, напротив, уверенно и твердо его поправляя.

По-моему, не будет лишним сказать здесь несколько слов о лице великана. Освещенное неярким светом лунного утра, оно выглядело вполне разумным и смышленным — и далеко не таким старым, как можно было ожидать. Описать это лицо, право же, совсем не легко. Назвать его звероподобным было никак нельзя, и в то же время что-то неуловимое отличало его лицо от обычных человеческих лиц, какие мы привыкли видеть на Земле. По-видимому, в его чертах отразилось то, что наш новый друг был слишком долго разлучен с человеческим родом. Но сколько бы ни было в этой внешности от животного, она была абсолютно чужда всякой грубости и дикости. Вообразите себе доброго, милого зверя, который употребил все свои способности для достижения высоких и благородных целей, и вы, возможно, получите наиболее близкое представление о лице лунного человека, каким я увидел его впервые, когда смог по-настоящему разглядеть за завтраком.

Пользуясь причудливыми наречиями насекомых и растений, Джон Дулитл бомбардировал нашего гигантского гостя вопросами. Да, соглашался тот, может быть, он и вправду Угу Бумс, доисторический художник. Этот браслет? Да, он носит его потому, что кто-то... Нет, здесь память ему отказывает... Кто именно?.. Ну, он помнит только одно: пока браслет не попал к нему, его носила женщина. Но разве это имеет какое-то значение? Все это было давно, ужасно давно. Может быть, мы хотим узнать еще что-то?

Да, был еще один вопрос, который хотел задать я. Когда мы с Чи-Чи ползали по огромному телу великана, я увидел, что у него на поясе висит

какой-то диск или пластина. Теперь стало совсем светло, и я разглядел этот предмет как следует. Это было изящнейшее изображение девушки с луком и стрелами в руках, вырезанное на пластине из рога северного оленя. Я попросил Доктора заговорить с лунным человеком об этом портрете. Все мы, помнившие рассказ Чи-Чи, естественно, догадались, что это такое. Но я надеялся навести нашего гостя на воспоминания о прошлом, которые могут оказаться полезными Доктору. Мало того: я шепнул Джону Дулитлу, чтобы он убедил великана отдать пластину нам или выменял ее на что-нибудь. Даже такой подросток, как я, имел достаточное представление о музейных реликвиях, чтобы понимать ее огромную ценность.

Доктор задал мой вопрос великану. Тот снял пластину с пояса, к которому она прикреплялась гибким лыковым ремешком, и некоторое время внимательно ее разглядывал. На мгновение его глаза осветились проблеском узнавания. Потом, трогательно и неловко взмахнув рукой, он прижал пластину к сердцу, и на его лице вновь появилось странное, как бы хмельное выражение. Думаю, Доктор, как и я, почувствовал, что мы совершили крупную бестактность, и более не касался этой темы.

— Ну что ж, — сказал Доктор, — очень хорошо. Теперь мы знаем, что вы — Угу Бумс, художник каменного века, который был унесен с Земли в тот день, когда в небесах появилась Луна. А что вы можете рассказать о так называемом Совете? Насколько я понимаю, вы его председатель и направляете его деятельность. Это правда?

Гигант повернул свою громадную голову и несколько мгновений молча разглядывал крохотную фигурку Доктора, в эту минуту стоявшего на его предплечье.

— Совет? — задумчиво повторил он. — Ах да, как же... Совет... Видите ли, мы были вынуждены его создать. Когда-то здесь все время шла война — война, война, нескончаемая война. Мы поняли, что нужно установить равновесие, — иначе дело кончится страшной бедой. Семенам нет меры и числа. Растения размножаются как только пожелают. Птицы кладут слишком много яиц. Пчелы слишком часто роятся. Ужас! Вы, наверное, видели такое у себя, на Земле, правда?

— Да-да, разумеется, — подтвердил Доктор. — Продолжайте, пожалуйста.

— Так вот, здесь этого уже нет. Создав Совет, мы добились, что война *больше не может возникнуть*.

— М-да... — пробормотал Доктор. — Но скажите: почему вы живете так долго? Никто и не знает, сколько лет прошло с тех пор, как Луна оторвалась от Земли. И ваш возраст, если сравнить его со сроком жизни человека в нашем мире, просто ошеломляет.

— Да, верно, — отвечал лунный человек, — как раз то, каким образом я очутился здесь, я и сам никогда не мог себе до конца объяснить. Ну так что же? Я здесь, вот и все. Те времена я помню очень, очень смутно. Подождите-ка... когда я пришел в себя, то едва мог дышать. Это я помню. Воздух, да и остальное — все было совсем другим. Но я решил выжить. Это, наверное, меня и спасло. Я решил выжить *во что бы то ни стало*. Когда оторвавшийся осколок перестал вращаться, я огляделся: окрестности показались мне совершенно бесплодными. Но кое-где оставались деревья и растения, принесенные с Земли. Вначале я питался кореньями и чем-то в этом же роде. Часто я думал, что мне не спастись. Но этого не произошло: потому что я решил *выжить во что бы то ни стало*. И я выжил. Прошло какое-то

Вначале лунный человек питался корнями.

время, и растения стали размножаться; начали развиваться насекомые, принесенные вместе с растениями. Выжили и птицы — видно, они были такими же упрямыми, как я. Возник новый мир. Спустя несколько лет мне стало ясно: судьбу этого мира должен вершить и определять именно я, поскольку я — по крайней мере, в то время — был разумнее остальных. Я понял, к чему может привести эта вечная борьба одних видов против других. И создал Совет. С тех пор — как же это было давно! — все виды растений и животных пришли к полному... Впрочем, вы видите сами... Вот и все. Это очень просто.

— Да-да, — торопливо сказал Доктор. — Я прекрасно понимаю все причины, которые заставили вас учредить такой Совет. И, на мой взгляд, это просто замечательная вещь. Мы еще поговорим о нем позже. А сейчас я хотел бы узнать, откуда вам стало известно обо мне, ведь между нашими мирами не существует сообщения. Ваш мотылек прилетел в Падлби и попросил меня отправиться сюда, на Луну, вместе с ним. Его послали вы, я не ошибаюсь?

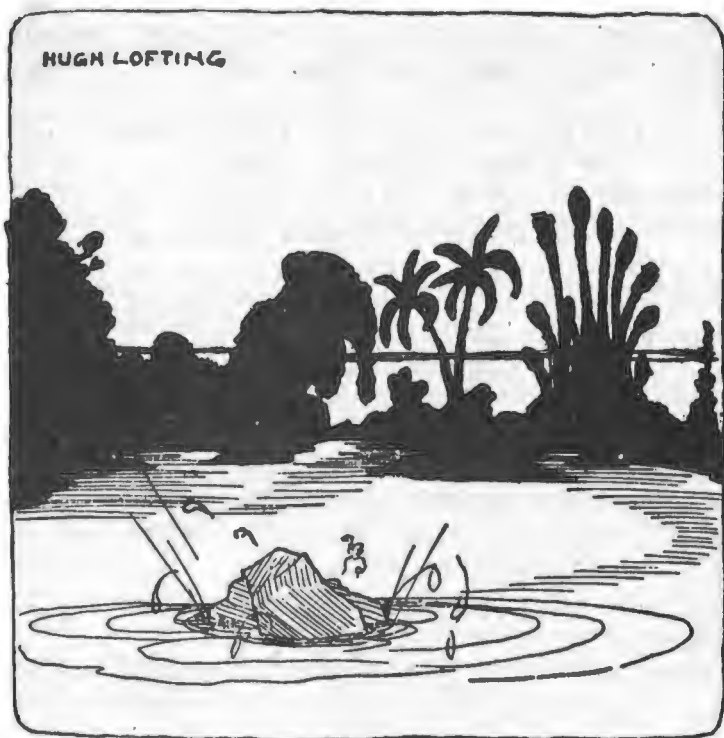
— Да, его послали мы: я и Совет, — уточнил лунный человек. — А вот как до этих краев дошла молва о вас... Вы правы, связь между нашими мирами возникает крайне редко. Но иногда, раз в тысячи лет, это все же случается. На вашей планете происходят большие неурядицы, и ее частички взлетают очень высоко, покидая поле земного тяготения. Потом они попадают в поле тяготения нашей планеты и падают на ее поверхность. Помнится, много столетий назад у вас начался великий ураган или какой-то другой кавардак: кусты и камни были подброшены на такую высоту, что полностью вышли из влияния Земли и упали сюда. И доставили нам изрядное беспокойство. Новые кусты множи-

лись и распространялись с быстротой молнии, пока мы не сообразили, что произошло: нам пришлось пережить очень много неприятностей, прежде чем мы сумели их укротить.

— Это необыкновенно интересно, — заметил Доктор, переводя слова великана, и посмотрел в мою сторону, убеждаясь, что я записал сказанное в блокнот. — Но расскажите все же, как вы узнали обо мне и почему решили вызвать меня сюда.

— Все началось с того, — отвечал лунный человек, — что у вас случилось нечто из ряда вон выходящее: по-моему, это было извержение вулкана. С одной из ваших больших гор, которая многие годы вела себя мирно и спокойно, внезапно слетела верхушка. Это был огромный, невероятно мощный взрыв: в воздух были выброшены кучи земли, деревья, — чего там только не было... И все, что полетело в направлении Луны, рано или поздно попало в поле ее тяготения и было притянuto к нам. А вы, конечно, понимаете, что почти всегда, когда происходит выброс почвы или растений, на них уносятся и какие-то живые существа. В тот раз сюда попала птица. Это был зимородок: его принесло вместе с гнездом, которое он свил на берегу горного озера. На Луну тогда свалилось несколько осколков Земли. Некоторые из них врезались в поверхность с такой силой, что рассыпались в пыль, и все живое, что на них было, — в основном, естественно, насекомые, — тут же погибло. Зимородок спасся лишь потому, что осколок, на котором летел он, упал в одно из наших озер.

Сколь ни фантастическим казался этот рассказ, я верю, что он был чистой правдой. А как иначе молва о Джоне Дулитле достигла бы Луны? И уцелеть в такой ситуации могла только водяная птица: любое иное существо, погрузившись на глу-

Осколок упал в одно из лунных озер.

бину в пятьдесят футов, наверняка захлебнулось бы и утонуло; зимородок же мигом вынырнул на поверхность и полетел к берегу. То, что он остался жив, было настоящим чудом. У него ведь не было аппарата для искусственного дыхания, как у нас, — и, думаю, он избежал губельного удушья лишь благодаря огромной скорости, с которой промчался через безвоздушное пространство.

ГЛАВА 22

КАК ЖИТЕЛИ ЛУНЫ УЗНАЛИ О ДОКТОРЕ ДУЛИТЛЕ

Птица, о которой говорил лунный человек (видимо, позже ее избрали членом Совета), была выведена из рядов собравшихся и представлена Доктору. Эта птица сообщила нам немало ценных сведений о своем перелете на Луну и о том, как в дальнейшем ей удалось приспособиться к новым условиям.

Она подтвердила, что именно от нее лунные жители узнали о Джоне Дулитле и о чудесном мастерстве, с которым тот исцеляет недуги, о величайшей славе, какой он пользуется среди птиц, зверей и рыб, живущих на Земле.

Зимородок сказал также, что окружающее нас собрание — это не больше не меньше как сам Совет в полном своем составе, за исключением депутатов от растительного мира, которые, понятное дело, не могли явиться собственной персоной. Но эта община была представлена в Совете несколькими насекомыми и птицами, которым было поручено следить за тем, чтобы ее интересы не были ущемлены.

Безусловно, это был очень важный день в жизни лунного народа. Кончив беседовать с зимородком, мы увидели, что повсюду на поляне кипят прения между различными группами и партиями. Казалось, мы находимся на бурном политическом митинге. Наконец Доктор весьма решительно прервал эти споры, громко спросив у лунного человека, зачем все-таки его сюда позвали.

— Так или иначе, — сказал он, когда тишина в известной мере была восстановлена, — вы должны

Птица была представлена Доктору.

понимать: я очень занятой человек. То, что меня попросили прибыть сюда, я расцениваю как большую честь. Но у меня есть множество дел и обязанностей на Земле. Полагаю, вы пригласили меня с какой-то конкретной целью. Не будете ли любезны сказать, с какой именно?

Нестройный гам смолк, и на несколько мгновений воцарилось полное молчание. Я оглядел забавную аудиторию, состоявшую из птиц и жуков: прижавшись к земле, все они напряженно слушали Джона Дулитла. И эта тишина, как мы понимали, объяснялась не только тем, что Доктор попросил внимания: на сей раз он явно коснулся очень деликатного предмета. Даже сам лунный человек выглядел несколько смущенным.

— Что ж, — промолвил он наконец, — мы действительно очень нуждаемся в хорошем враче, это правда. Самого меня мучит тяжелая боль в ноге. И многие крупные насекомые — особенно кузнечики — с некоторых пор ужасно расхворались. Из того, что рассказывал мне зимородок, я понял, что единственный, кто может нам помочь, — это вы... и что вы... э-э... вы, может быть, не станете противиться и согласитесь поехать туда, где так необходимо ваше искусство. Теперь скажите, Доктор: вы не сердитесь, что наш выбор пал именно на вас? В здешнем мире не нашлось никого, кто мог бы нам помочь. И мы созвали специальное заседание Совета, который решил: послать гонца на Землю и попытаться привезти вас сюда.

Доктор не отвечал.

— Поймите, — продолжал лунный человек еще более извиняющимся тоном, — мотылек, которого мы послали к вам, рисковал жизнью. Мы бросили жребий среди наиболее сильных птиц, мотыльков, бабочек и других насекомых. Гонец должен был

принадлежать к одному из самых крупных видов. Это был очень длительный перелет, требовавший огромной выносливости...

Лунный человек воздел свои гигантские руки, как бы умоляя, — в земном мире, откуда он происходил, этот жест мог значить очень многое. Доктор поспешил его успокоить.

— Конечно, конечно, что вы... — сказал он. — Я... мы все очень рады быть здесь. Хотя я ужасно занят там, на Земле, это предложение было настолько интересным для ученого-естествоведа, что я сразу забыл обо всех моих делах и загорелся желанием ехать. К сожалению, я не мог объяснить с вашим посланцем мотыльком, и поэтому не подготовился к путешествию так, как считал нужным. Но не думайте, пожалуйста, что я жалею о своем приезде. Опыт, полученный здесь, я не променял бы ни на какой другой. Правда, было бы лучше, если бы вы нашли способ встретиться с нами несколько раньше. Но по-видимому... мне кажется, у вас были какие-то свои трудности. Наверное, вы были очень заняты.

— Занят? — рассеянно переспросил лунный человек. — Я вовсе не занят. Мы здесь ведем очень приятную, спокойную жизнь. Иногда нам кажется, чересчур спокойную. Время от времени собирать заседание Совета, да производить общий осмотр планеты, тоже не часто, — вот и все мои заботы. Если уж говорить всю правду, я не встретился с вами раньше только потому, что немного испугался. Ведь так непривычно, когда в гости приезжает человеческое существо из другого мира. Никто же не знал, как вы себя поведете... чего от вас ожидать. Кроме того, я предполагал, что вы приедете один. И все это время птицы и насекомые — не исключая и растений — докладывали мне о вашем передви-

— Птицы докладывали мне о вашем передвижении, —
сказал лунный человек.

жении и о ваших поступках. Ведь мои прежние знания о вас основывались только на том, что рассказывал зимородок. Как бы добры и отзывчивы вы ни были к существам из вашего собственного мира, это еще не означало, что вы окажетесь настолько же расположены к жителям Луны. Жаль, если я показался вам не совсем гостеприимным. Но вы должны быть снисходительны.... это было для меня слишком необычным.

— О, еще бы, еще бы, — подхватил Доктор, всячески заботившийся о том, чтобы его новый друг не испытывал смущения. — Прошу вас, не надо об этом больше. Я все понимаю. Но есть тем не менее обстоятельства, которые я хотел бы прояснить. Например: вскоре после прилета мотылька нам в Падлби показалось, что на Луне виден дым. Вы что-нибудь можете об этом рассказать?

— Да, конечно, — быстро проговорил лунный человек. — Это сделал я. Нас очень тревожила судьба мотылька. Как я уже сказал, мы чувствовали себя несколько виноватыми в том, что дали Джамаро такое опасное поручение. Ведь он был не хуже других, ему лишь достался меченый билет в лотерее.

— Джамаро!.. — слегка удивясь, воскликнул Доктор. — В лотерее?.. Но я... э-э...

— В лотерее, которая решала, кому лететь, — пояснил лунный человек. — Я уже говорил вам: мы тянули жребий. Один из мотыльков, Джамаро Жужжарли, вытащил меченый билет, и эта обязанность была возложена на него.

— Да-да, понимаю, — сказал Доктор. — Джамаро... Так, так. Значит, вы здесь даете насекомым имена. Ну, это вполне естественно и справедливо, ведь они такие большие и играют очень важную роль в вашей жизни и в общественном управлении. Вы, должно быть, различаете всех этих насекомых,

даже тех, что принадлежат к одному виду?

— Безусловно, — ответил лунный человек. — По-моему, у нас на Луне живет несколько сотен тысяч пчел. Тем не менее я помню имя каждой — и не только имя, но и фамилию, которая указывает, к какому рою принадлежит пчела... Но мы отвлеклись. Джамаро Жужжарли вытянул меченый билет, и это обязывало его отправиться на Землю и привезти вас сюда. Он держался очень мужественно и не проявлял даже слабого недовольства. Но мы все равно очень волновались. Конечно, какие-то существа изредка, через большие промежутки времени, попадали с Земли на нашу планету. Но до сих пор никто еще не перелетал отсюда на Землю. Мы очень смутно представляли себе, как выглядит ваш мир, — только по описаниям зимородка. Но даже это из-за незнания языка далось нам куда как нелегко: мне и зимородку понадобилось много дней, недель упорного труда, чтобы научиться хоть чуть-чуть понимать друг друга. И потому мы с Джамаро Жужжарли условились, что он сразу, как только прилетит, попытается тем или иным способом сообщить, что с ним все в порядке. А мы должны были дать ему ответный сигнал. По-видимому, он приземлился неудачно и несколько дней пролежал у вас в саду, не получая помощи. Мы ждали очень долго и испытывали страшное беспокойство. Мы боялись, что мотылек погиб, совершая свой героический подвиг. И тогда было решено, что мы все же пошлем Джамаро свой сигнал: это, надеялись мы, придаст ему сил, и он будет знать, что мы, как и раньше, ожидаем его. Потому-то мы и разожгли наш костер.

— Да, — сказал Доктор, — не знаю как Джамаро, а я этот костер видел. Но скажите: как вам удалось сделать его таким большим? Это, наверное, был не костер, а настоящая гора.

— Верно, — отвечал лунный человек. — Мы вместе с самыми сильными птицами и насекомыми начали носить из леса кору джик-лянг еще за двадцать дней до отлета Джамаро.

— Носить что? — переспросил Доктор.

— Кору джик-лянг, — повторил лунный человек. — Это одно из наших деревьев, у его коры очень большая взрывная сила.

— Но как вы смогли ее зажечь? — воскликнул Доктор.

— Я добыл огонь трением, — отвечал лунный человек, — вставлял палочку из твердого дерева в мягкое дерево и быстро вращал. Мы натаскали громадную грудку коры и всю ее сложили посреди голой каменистой долины — чтобы не поджечь ненароком кустарник или джунгли. Мы здесь страшно боимся лесных пожаров: сами понимаете, планета наша совсем не велика. Я принес на сланцевой плитке тлеющие угольки и подложил их в костер. И тут же бросился за скалу, чтобы уберечь глаза. Взрыв был просто ужасным, и дым заставлял нас кашлять еще несколько дней, пока не рассеялся.

ГЛАВА 23

ЧЕЛОВЕК, СДЕЛАВШИЙ СЕБЯ ЦАРЕМ

Во время этой продолжительной беседы (она длилась более полутора суток) мы не имели случай вспомнить, что необычная компания, которая нас окружила, есть не что иное, как сам великий Совет. Из мглистого сумрака за спиной лунного человека градом сыпались вопросы; ежеминутно поворачивая голову, он выслушивал то новое сообщение, то просьбу о дополнительных разъяснениях, переданную из уст в уста, по цепочке. Иногда он не консультировался с Доктором и отвечал сразу же, прибегая к помощи причудливых звуков и жестов. Было понятно, что Совет не хочет и на мгновение упускать нить переговоров.

А Джон Дулитл (хотя и торопился вернуться на Землю) желал узнать так много, что, казалось, его расспросам вообще не будет конца, — это, впрочем, не так уж и удивляло, ведь это была первая встреча двух не знакомых ранее миров.

— Не можете ли вы припомнить, — спросил он великана, — как вам удалось приспособиться к новым условиям, когда Луна обрела устойчивое состояние? Нам после прибытия было поначалу очень тяжело. Другой воздух, другая сила тяготения, другая слышимость — все другое. А как справились с этим вы?

Лунный человек наморщил лоб, задумчиво потирая его гигантской пятерней.

— Право, не знаю... — пробормотал он, — это было так давно... Я уже говорил, что много раз был на грани гибели. Первые несколько месяцев я занимался только поисками пищи, чтобы не умереть

голодной смертью. Потом, когда это перестало меня беспокоить, я начал наблюдать, что творится вокруг. И понял, что птицам и насекомым приходится так же не сладко, как и мне. Я обследовал всю Луну из конца в конец. Себе подобных я не встретил нигде; я был единственным человеком на планете. Но общество мне было просто необходимо. «Ладно, — сказал я себе, — буду изучать насекомых и птиц». Птицы освоились в новой обстановке намного быстрее, чем я. Вскоре я обнаружил, что мои пернатые товарищи по несчастью рады разделить со мной любую работу, которая может служить нашему общему благу. Нечего и говорить о том, что я никого не убивал. Во-первых, я этого вовсе не хотел, а во-вторых, понимал, что если начну плодить врагов на столь маленькой планете, мне долго не продержаться. С самого начала я делал все, чтобы жить самому и давать жить другим. Не могу и передать вам, какое ужасное, безнадежное одиночество я испытывал, не имея возможности поговорить с другим человеческим существом. И я решил: попробую-ка я изучить язык птиц. Не может быть, чтобы они не умели разговаривать. Это сразу понимаешь, стоит только прислушаться к их щебету. Я потратил на это годы, нередко отчаиваясь из-за того, как медленно подвигалось дело. Наконец — только не спрашивайте меня, когда, — я все-таки научился беседовать с ними о простых вещах, высвистывая короткие фразы. Потом настала очередь насекомых — тут мне уже помогали птицы. Потом я принялся за языки растений. На этот раз я получил первые сведения от пчел: они знали все эти языки и все наречия. А потом... что же потом...

— Продолжайте, — отзывался Доктор. Его голос звучал спокойно, но я видел, что он слушает лунного человека с глубоким, напряженным интересом.

— Ох, да поймите же, — не скрывая досады, вздохнул лунный человек, — прошло столько лет, что у меня в памяти почти все уже стерлось. Сейчас мне кажется, я всю свою жизнь только и делал, что разговаривал с цаплями и геранью. Но когда это началось — в какой именно момент я научился говорить с птицами, насекомыми и растениями совершенно свободно, мне ни за что не вспомнить. Знаю одно: чтобы добиться взаимопонимания с растениями, мне понадобилось больше, много больше времени, чем это было и с птицами, и с насекомыми. Боюсь, мы всегда относились к счету времени слишком небрежно — во всяком случае, на ранней стадии лунной истории. Но, как вы помните, в те времена нам приходилось решать множество куда более серьезных задач. С недавних же пор — последние тысячу лет или около того — мы старались вести историю нашей планеты и теперь можем показать вам превосходную запись, которая отражает большинство важнейших событий, случившихся за это время. К сожалению, почти все события, о которых хотите знать вы, произошли раньше.

— Ничего страшного, — сказал Доктор. — Мы прекрасно разберемся во всем этом при более удобном случае. Я очень хочу видеть запись, о которой вы говорите, и, если вы будете так любезны, попросу вас показать мне ее чуть позже.

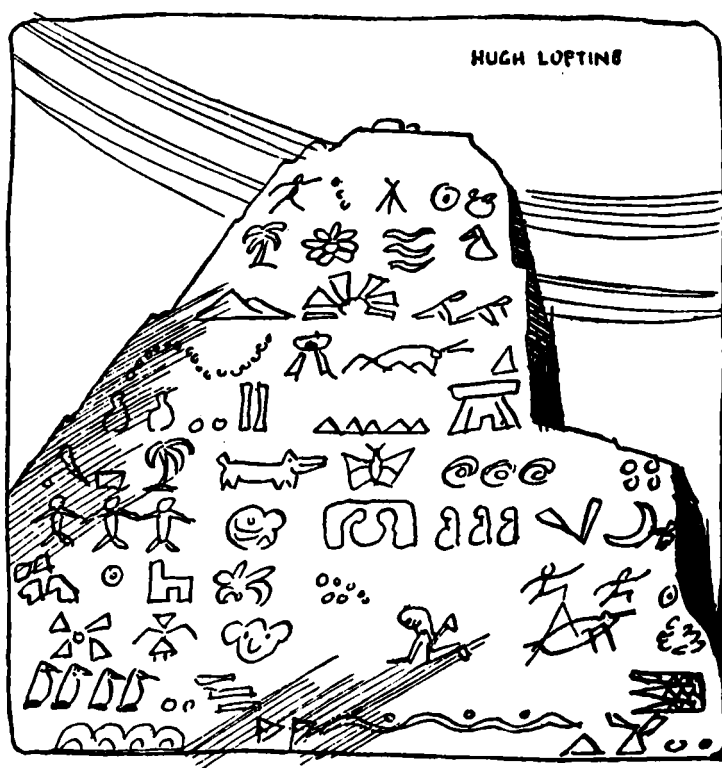
Затем, тщательно избегая упоминания дат, периодов и всего, что имело отношение ко времени, он подверг лунного человека длительному опросу, касавшемуся целого ряда тем. Большинство из них было связано с эволюцией насекомых и растений, и Доктор самым строгим образом следил за мной, удостоверяться, что все вопросы и ответы неукоснительно конспектируются в блокноте. Боже всемогущий! Мой бедный мозг не мог справиться с потоком этих

вопросов: казалось, им никогда не будет конца! Как лунный человек впервые догадался, что растения хотят с ним разговаривать и сотрудничать? По каким признакам он установил, что цветы понимают пчел, которые собирают на них пыльцу, и наоборот? Какие фрукты и овощи он счел годными для употребления в пищу и как он определял их питательные свойства, не рискуя отравиться? И так далее и тому подобное. Беседа продолжалась много часов. Я записал большую ее часть, и, полагаю, с весьма незначительным количеством ошибок. Но, помнится, последние часы я уже наполовину спал.

Единственное, что осложняло разговор, — все та же закавыка со временем, наводившая дикий страх на нашего собеседника. После многих веков, проведенных бедным великаном вне человеческого общества, его разум попросту перестал использовать понятие времени. Даже в той записи последнего тысячелетия, которая, по его гордым уверениям, была снабжена надлежащими датировками, отнюдь не считались ошибками (мы убедились в этом, когда он нам ее показал) отклонения в целый век, как в одну, так и в другую сторону!

Изложение лунной истории в картинках и значках было высечено на поверхности большого плоского камня. Мастерство доисторического художника Угу Бумса представляло здесь в самом выгодном свете. Хотя эта резьба не могла идти ни в какое сравнение с его шедевром — изображением коленопреклоненной девушки, тем не менее при первом же взгляде трудно было не оценить редкой энергичности и изящества рисунка.

Несмотря на приблизительность дат, которой грешили и воспоминания великана, и высеченная им запись, мы все же составили неплохой конспект лунной истории — лучшего в тех условиях нельзя

Лунная история была высечена
на поверхности большого плоского камня.

было и желать. Получился глубоко волнующий, захватывающий документ. Это был рассказ о рождении и развитии нового мира; о том, как человек, внезапно перенесенный в космическое пространство и располагавший лишь тем, что в момент катастрофы случайно оказалось в его руках, сделал себя добрым монархом, повелителем замечательного царства, — гораздо более чудесного, нежели вообразали себе в самых смелых фантазиях смертные, оставшиеся на Земле. Ибо по существу этот человек, называвший себя всего лишь Председателем Совета, бесспорно, был царем. А какие невзгоды, какие мучительные трудности он пережил на этом пути, могли понять только мы — мы, прибывшие сюда со снаряжением и инструментами, о которых он и слыхом не слыхал.

Наконец долгий, бесконечно долгий разговор Доктора с лунным человеком на минуту прервался. И пока я, отойдя в сторону, разминал свою правую руку, сведенную судорогой от непрерывного писания, Полинезия дала выход скопившимся чувствам, которые, видимо, владели ею уже достаточно длительное время.

— Ну, — хмыкнула Полинезия, поднимая брови, — что я тебе говорила, Томми? Ревматизм! Вот из-за чего Доктору пришлось тащиться невесть куда — *из-за ревматизма!* Добро бы еще речь шла о самом лунном человеке, я понимаю. Все-таки ему уж точно стукнуло сто и даже больше... Но это *кузнечики!* Нет, вы подумайте! Увезти Джона Дулитла, профессора медицины, на миллиарды миль от дома (Полинезия имела довольно приблизительные представления о географии) только для того, чтобы он ухаживал за стаей кузнечиков! Да я... — Но продолжение этой гневной речи потонуло в излюбленных шведских ругательствах Полинезии, и я

— Увести Доктора на миллиарды миль от дома,
чтобы он ухаживал за кузнечиками! —
возмущалась Полинезия.

совершенно перестал ее понимать.

Перерывом, который возник в беседе Доктора и лунного человека, воспользовался Совет, тут же начавший оживленную дискуссию. Очевидно, каждый член этого влиятельного парламента непременно хотел знать, что именно было сказано и решено — и какие (если это вообще произойдет) будут приняты меры. Мы видели, что бедный Председатель с трудом отбивается от сыплющихся на него вопросов.

Некоторое время спустя Доктор вновь обратился к великану:

— Ну, когда вам и больным насекомым будет удобно начать осмотр? Я с великой радостью сделаю все, чтобы вам помочь, но поймите: мне хотелось бы при первой же возможности вернуться на Землю.

Прежде чем ответить, лунный человек какое-то время совещался со своим Советом. И насколько можно было судить по длительности этой беседы, все, что он предлагал, принималось не без серьезных возражений. Восстановив наконец спокойствие, он опять повернулся к Джону Дулитлу и сказал:

— Мы благодарим вас, Доктор. Если вы не возражаете, мы воспользуемся вашими услугами завтра. С вашей стороны очень любезно уже то, что вы сюда приехали. Надеюсь, наши размеры вас не пугают. Но раз вы одобрили здешние порядки и способ правления, вам, по крайней мере, будет приятно сознавать, что вы выручаете нас из большой беды.

— Да-да, безусловно, — тут же отозвался Доктор. — Мне это доставит только удовольствие.

— Мы придем к вам, как только встанет солнце, — сказал лунный человек. А пока желаем доброй ночи и приятных сновидений!

ГЛАВА 24

ДОКТОР ДУЛИТА ВЕДЕТ ПРИЕМ НА ЛУНЕ

Даже разговорчивая Полинезия была настолько утомлена, что в тот вечер не вымолвила больше ни слова. Для нас это собрание затянулось свыше всякой меры, беседа с великаном отняла слишком много сил. Едва лунный человек и его Совет ушли, все мы, не переодеваясь и не ужиная, попадали на постели и сразу же уснули. Уверен, ничто на Земле — и на Луне! — не смогло бы потревожить наш сон.

Дневной свет только начинал брезжить, как нас разбудило чье-то присутствие. Не знаю точно, кто из нас проснулся первым (возможно, Джон Дулитл), но первым, кто поднялся на ноги, был я.

Какое странное зрелище! Из полумрака на нас глядели сотни, тысячи гигантских насекомых, и все без исключения — больные и увечные. Они окружили наш лагерь и не сводили глаз с крохотного человечка, который не поленился приехать в такую даль, чтобы исцелить их от болезней. Некоторые из этих созданий предстали нашим глазам впервые, мы даже не подозревали, что на Луне живут такие. Мы увидели длинных, как поезд, гусениц, обезображенных двенадцатифутовыми подагрическими вздутиями; огромных жуков, страдавших воспалением глаз; колоссальных, ростом с трехэтажный дом, кузнечиков с самодельными повязками на негнущихся сочленениях ног; больших птиц с неуклюже торчащими, болезненно вывернутыми крыльями... Жилище Доктора вновь, в который уже раз, превратилось в лечебницу, и все хромые и немощные, какие только были на Луне, собрались у его порога.

Когда я окончательно разбудил Джона Дулитла, великий человек мигом проглотил два или три кусочка дыни, запил их глотком воды, смешанной с медом, снял сюртук и принялся за работу.

Разумеется, скромный черный саквояжик, верой и правдой служивший Доктору в течение многих лет и во многих странах, никоим образом не мог удовлетворить столь большую нужду в медикаментах. Особенно быстро пришел к концу запас перевязочного материала. Чтобы его пополнить, Чи-Чи и я разорвали на полосы наши простыни и рубахи. Затем кончились примочки; следом за ними — йод и другие дезинфицирующие средства. Но к счастью, во время своих наблюдений над лунной флорой Доктор нашел и даже обследовал целый ряд деревьев и растений, которые могли быть полезными при лечении ревматизма и других заболеваний. И он без промедления отправил Чи-Чи и Полинезию на поиск нужных ему трав, корешков и листьев.

Долгие, долгие часы Джон Дулитл трудился не покладая рук. Казалось, очереди больных не будет конца. Но вот был перевязан и отпущен последний пациент... Только теперь Доктор сообразил, что лунный человек пропустил перед собой всех остальных. Начало смеркаться. Доктор обвел взглядом большую поляну, окружавшую наш лагерь. Она полностью опустела, и лишь на опушке леса виднелась одинокая, неподвижная фигура великана, молча сидевшего на земле.

— О Боже! — пробормотал Доктор. — Я совершенно о нем забыл. А он и слова не проронит! Да, этого человека не назовешь эгоистом. Видно, потому он и стал правителем Луны. Я должен немедленно им заняться.

Джон Дулитл быстро пересек поляну и окликнул великана. Тот вытянул вперед свою гигантскую

левую ногу, чтобы ее было удобнее осматривать. Доктор, точно муха, принялся быстро лазить по больной ноге вверх и вниз, пощипывая, надавливая и ощупывая ее то в одном, то в другом месте.

— Подагра, как и у многих других, — решительно заключил он наконец. — И тоже запущена. Послушайте-ка, что я вам скажу, Угу Бумс.

И он прочитал своему рослому другу длинную лекцию. По-моему, речь шла главным образом о диете, но попутно Доктор изложил и массу сведений об анатомии, гимнастике, водянке и крахмалистых веществах.

Когда лекция подошла к концу, было видно, что услышанное произвело на лунного человека сильное впечатление: он явно настроился на веселый лад и держался куда более приподнято и бодро. Наконец, пространно поблагодарив Доктора, великан стал удаляться, и земля снова заходила ходуном под его неровными шагами.

Все мы опять чувствовали себя вконец измотанными и отчаянно хотели спать.

— Ну что ж, — сказал Доктор, расправляя на своем ложе последнюю оставшуюся у него простыню, — похоже, работы почти не осталось. Завтра — или, может быть, послезавтра, — если ничего не случится, мы отправимся обратно в Падлби.

— Тшш! — прошептала Полинезия. — Нас кто-то подслушивает. Точно говорю — во-он за теми деревьями.

— Вздор! — фыркнул Доктор. — На таком расстоянии ничего нельзя услышать.

— Не забывайте, как легко распространяется на Луне звук, — напомнила птица.

— Ах, Боже мой! — воскликнул Доктор. — Они же знают, что рано или поздно нам нужно уехать. Мы не можем остаться тут навсегда. Разве я не

Доктор прочитал своему рослому другу
целую лекцию.

объяснил Председателю, что на Земле меня ждет уйма дел? Если бы я чувствовал, что здесь во мне большая нужда, то мог бы задержаться еще на какое-то время. Но не забывайте о Стаббинсе. Он улетел, даже не сказав родителям, куда отправляется и когда рассчитывает вернуться домой. Не знаю, что теперь думают Джекоб Стаббинс и его добрая жена. Должно быть, с ума сходят от беспокойства. Мне...

— Тшш! *Тшш!* Вы замолчите наконец? — опять зашептала Полизиния. — Или вы оглохли? Говорю вам: нас кто-то подслушивает — провалиться мне на этом месте! Полный отбой, заклинаю всем святым! Тут везде чужие уши. Сейчас же идите спать!

Мы все — надо сказать, с огромной охотой — последовали совету старой птицы. И очень скоро послышался наш дружный храп.

На этот раз мы проснулись довольно поздно. У нас не было важных дел, и мы не упустили возможности выспаться всласть.

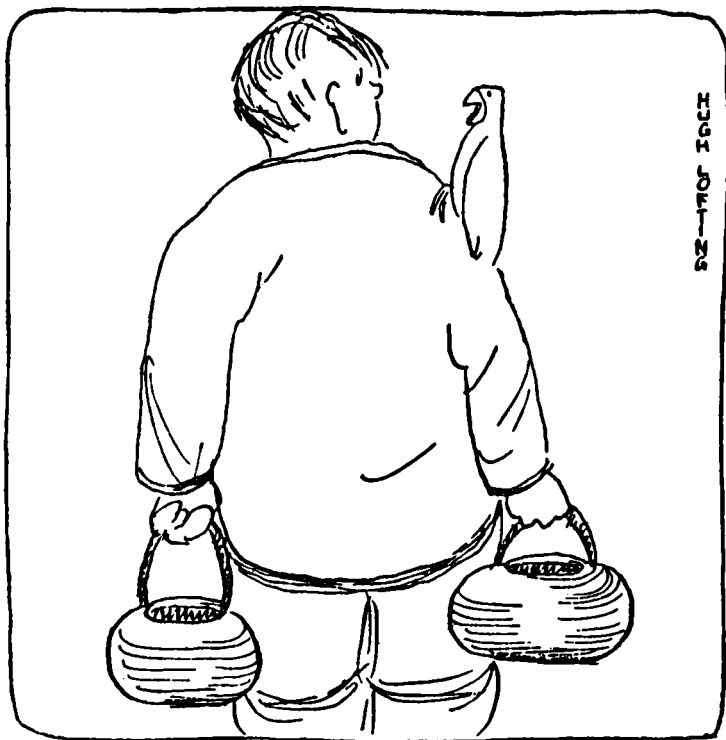
Время уже шло к полудню, когда мы начали шевелиться. Нужно было принести воды для завтрака. Обычно за водой ходила Чи-Чи; однако в это утро Доктор попросил ее заняться поисками лекарственных растений, необходимых ему для операций и перевязок. Поэтому роль водоноса вызвался исполнить я.

Раньше мне уже приходилось выполнять обязанности запасного водоноса. И я хорошо знал, какой дорогой идти от опушки джунглей к месту, где мы обычно брали воду.

Я не успел уйти далеко, как меня настигла Полизиния.

— Будь осторожен, Томми! — прошептала попугаиха таинственным голосом, садясь на мое плечо.

— Почему? — спросил я. — Что-нибудь случилось?

— Будь осторожен, Томми, — прошептала попугайша,
сидясь на мое плечо.

— Не могу сказать точно, — ответила Полинезия. — Но у меня отчего-то тяжело на душе, и я решила тебя предостеречь. Послушай-ка: ты помнишь, какая толпа приходила лечиться вчера? Ни один из них больше не появился. Как это понимать?

Мы помолчали.

— Ну, знаешь ли, — сказал наконец я, — не вижу, с какой стати они должны возвращаться. Они вылечились, почувствовали себя лучше. Зачем им докучать Джону Дулитлу? По-моему, вовсе даже не плохо, когда пациенты, получив помощь, оставляют Доктора в покое, разве нет?

— Верно, верно, — ответила Полинезия. — И все-таки мне не нравится, что они так дружно исчезли уже на следующий день. Помощь получили *не все*. Что-то тут не то, я нутром чую. И кроме того, я не могу найти самого лунного человека. Хотя всюду искала. Он тоже прячется, как и вначале, когда мы только сюда прилетели... Смотри же, не оплошай! Все, мне пора возвращаться. Держи ухо востро, Томми. Счастливо!

Я мало что понял во всех этих предостережениях и, ощущая полную растерянность, побрел дальше по направлению к пруду, где собирался набрать воды в мои посудины.

Там-то я и натолкнулся на лунного человека. Это была странная и неожиданная встреча. Я не догадывался о его присутствии, пока не зашел в воду и не начал наполнять тыквы. И тут он выдал себя неосторожным движением ноги: я поднял голову и увидел громадную фигуру, присевшую на корточки в укрытии густой листвы. Понимая, что я его обнаружил, он сейчас же поднялся на ноги.

Он смотрел на меня вовсе не враждебно — со своей обычной доброй, тихой полуулыбкой. Но я сразу почувствовал беспокойство и легкий страх.

При всей своей хромоте он был так огромен и передвигался с такой скоростью, что любая попытка спастись бегством была лишена смысла. Он не понимал моего, я — его языка. Мы находились далеко в лесу, в совершенно глухом месте. Не было и тени надежды, что крики о помощи достигнут ушей Доктора.

Мне не пришлось слишком долго гадать, каковы его намерения. Протянув вперед свою громадную правую ручищу, великан легко вытащил меня из воды, — как если бы я был цветком, который он хотел присоединить к своему гербарию. Затем, размашисто шагая, он понес меня через лес. Каждым своим шагом лунный человек покрывал расстояние, которое я мог бы осилить самое меньшее за полчаса. И при этом он еще старался ставить ноги на землю как можно мягче: по всей вероятности, для того, чтобы никто не услышал — или не почувствовал! — его громоподобной поступи.

Но вот великан остановился. Он стоял посреди широкой поляны. На ней уже ждал Джамаро Жуж-жарли, тот самый мотылек, который привез нас с Земли. Лунный человек посадил меня на спину гигантского насекомого. Я услышал низкие, роко-чущие звуки его голоса: он давал мотыльку какие-то последние указания. Меня похитили.

ГЛАВА 25

СНОВА ПАДЛБИ

Никогда в жизни я не ощущал столь полной беспомощности. Разговаривая с мотыльком, великан не отпускал меня, прижимая тяжелой ладонью к его спине. Попробую все же крикнуть, подумал я, может быть, еще не поздно. Я открыл рот и завопил что было сил. В то же мгновение лунный человек вновь согнул большой палец и закрыл им мое лицо.

Вскоре по вздрагиванию ног мотылька я понял, что тот готовится взлететь. Теперь Доктор не поспел бы вовремя, даже если бы услышал мой крик. Великан отвел руку, давая мне свободу, и мотылек тут же начал разбег. По обе стороны от меня, упруго прядая в воздухе, расправились огромные, широчайшие крылья. Последним отчаянным усилием я в несколько скачков пересек левое крыло и, оттолкнувшись, прыгнул с него вниз. Я упал прямо на великана (где-то возле его пояса) и, цепляясь за что попало, громкими воплями продолжал звать Доктора. Лунный человек схватил меня и снова усадил на мотылька. Но вместе со мною он оторвал от своего пояса и какой-то предмет, оставшийся у меня в руке. Это был его шедевр, резное изображение Пип питипы. Торопясь вновь посадить меня на Джамаро, развившего к этому моменту огромную скорость, он даже не заметил, что я уношу его сокровище с собой.

По правде говоря, мне в ту минуту это было безразлично. В моем сознании была лишь одна мысль: меня увозят от Доктора! По-видимому, они решили отправить на Землю меня одного. Мотылек помчался еще быстрее, и тут я услышал над правым

ухом стрекотание чьих-то крыльев. Я повернул голову. Благодарение небу! Это была Полинезия, стремительно, как ласточка, летевшая за нами! Попугайка выпалила свое сообщение единым духом — впервые в жизни она слишком торопилась, чтобы тратить время на ругань.

— Томми! Они поняли, что Доктор тревожится из-за твоей разлуки с родителями. Я же говорила ему вчера вечером: будьте осторожны! Они все услышали. И испугались, что если ты будешь здесь, Доктор тоже захочет уехать, чтобы поскорее доставить тебя обратно. И поэтому...

Ноги мотылька оторвались от грунта, и его нос задрался вверх, уклоняясь от верхушек деревьев, окаймлявших поляну. Я уже чувствовал мощный напор ветра, знакомый мне по первому полету, — с каждым мгновением этот напор становился сильнее. Изю всех сил молотя воздух крыльями, Полинезия включила самую большую свою скорость, и это позволило ей еще несколько секунд держаться наравне с уносившим меня гигантским воздушным кораблем.

— Не беспокойся, Томми, — прохрипела птица. — Хотя я утром и не нашла лунного человека, но догадалась, что у него на уме. И предупредила Доктора. Он велел, если тебя и вправду увезут, напоследок передать тебе вот что. Позаботься о старой хромой лошади, которая стоит в конюшне. Присматривай за фруктовыми деревьями. *И ни о чем не беспокойся!* Мы обязательно найдем способ вернуться. Жди нового дымового сигнала. (Голос Полинезии был почти не слышен, она безнадежно отстала...) До свиданья, удачи тебе!

Я пытался крикнуть что-то в ответ; но от резкого напора воздуха у меня перехватило дыхание, я почувствовал острое удушье. «До свиданья, удачи тебе!» — это было последнее, что донеслось до меня с Луны. Я

прильнул к спине мотылька и зарылся в его глубокую шерсть, чтобы укрыться от дикого, сокрушительного ветра. Неожиданно мои шарящие руки нащупали несколько странных предметов. Это были лунные колокольчики. Отправляя меня на Землю, великан позаботился о моей безопасности. Я схватил цветок побольше и держал его наготове, чтобы при необходимости сразу же погрузить в него лицо. Я знал, что худшее начнется в то мгновение, когда мы войдем в безвоздушное пространство. Это было все, что я мог тогда предпринять. Я решил спокойно лежать и ни о чем не думать, пока вновь не окажусь в Падлби, в маленьком домике посреди большого сада.

Мое обратное путешествие мало чем отличалось от нашего первого полета. Если я и чувствовал себя более одиноко в отсутствии Доктора, это все-таки искупалось одним важным обстоятельством: теперь я уже знал по опыту, что человек *может* совершить такое путешествие без опасности для жизни.

Но, Боже мой, как грустно было у меня на душе! Я испытывал не только одиночество, но и ужасное чувство вины. Я оставил на Луне Доктора! Доктора, который в жизни не бросил бы друга, попавшего в беду. Правда, здесь не было моей вины, успокаивал я себя снова и снова. И тем не менее я не мог отделаться от мысли, что всего этого могло и не случиться, будь я чуть-чуть понаходчивее и осмотрительнее. И как, как явиться к Джипу, Даб-Даб и всем-всем остальным с известием, что Джон Дулитл остался на Луне?

Перелет показался мне бесконечно долгим. Как обнаружилось, лунный человек припас для меня и некоторое количество фруктов; но когда мы приблизились к безвоздушному пространству, меня так укачало, что я не мог даже думать о еде; так я и не притронулся к этим фруктам до самого конца путешествия.

Наконец скорость нашего движения уменьшилась до такой степени, что я смог сесть и осмотреться. Мы приближались к Земле. Я видел, как она весело сверкает под лучами солнца, и от этого зрелища у меня стало тепло на душе. Только теперь я понял, как сильно истосковался по дому за минувшие недели.

Мотылек высадил меня на Салисберийской равнине. Края эти были мне незнакомы, но я знал шпиль Салисберийского собора по картинкам. И его игла, торчавшая над этой характерной плоской местностью, сразу сказала мне, где я нахожусь. Время, по-видимому, было очень раннее, хотя точного часа я не знал.

После тех условий, к которым я привык на Луне, приспособиться к плотному воздуху и большой силе тяготения Земли было очень тяжело. С великим трудом, как будто на мне висело несколько пудовых гирь, я сполз со спины мотылька и осмотрелся вокруг.

Весь этот равнинный уголок моей родной планеты был окутан редющим утренним туманом. С высоты Земля выглядела такой солнечной, приветливой, дружелюбной... Теперь, при непосредственной встрече, она показалась мне угрюмой и вовсе не привлекательной.

Но вот туман разорвался, и я увидел недалеко дорогу. По ней шагал человек. Вероятно, это был батрак, шедший на работу. До чего же он был маленьким! Наверное, подумал я, это какой-то карлик. Внезапно ощутив острую потребность в человеческом обществе, я решил с ним поговорить. Я тяжело двинулся вперед (обессилев после утомительного путешествия и едва сохраняя равновесие в непривычных условиях земной гравитации, я шатался, как пьяный) и, когда нас разделяло не более

двадцати шагов, окликнул его. Результат был, мягко выражаясь, неожиданным. Как только крестьянин оглянулся на звук моего голоса, его лицо стало белее простыни. В тот же миг он пустился наутек, словно кролик, и пропал в тумане.

Я остановился на дороге, с которой он убежал. И тут до меня дошло, что я теперь собой представляю и как выгляжу в глазах окружающих. Рост мой равнялся девяти футам девяти дюймам, а талия — пятидесяти одному дюйму с половиной (в последние дни пребывания на Луне я себя не измерял, но позже, на Земле, сделал это). На мне была самодельная одежда из коры и листьев. Мои башмаки и гетры были сплетены из древесного волокна, а волосы отросли так, что падали на плечи.

Стоило ли удивляться, что бедный батрак, увидев этот жуткий призрак посреди пустынной Салисберийской равнины, тут же дал деру! Внезапно я вспомнил о Джамаро Жужжарли. Надо бы передать через него весточку для Доктора. Если мотылек не поймет моих слов, pošлю с ним записку. Я принялся искать его, но нигде не мог найти. Я ли запутался в тумане, он ли уже отправился в обратный путь на Луну — этого мне так и не удалось выяснить.

Итак, я стоял на дороге... страшный великанище, наряженный как огородное пугало, без гроша в кармане — и вообще без единой полезной вещи, если не считать кусочка оленьего рога, украшенного доисторической резьбой. Было ясно: куда бы я теперь ни пошел, всюду меня встретят точно так же, как этот батрак. А от Салисбери до Падлби путь дальний, это я знал. Нужно платить за проезд, нужен и хлеб насущный.

Погруженный в эти мысли, я сам не заметил, как протопал по дороге какое-то расстояние. Впереди

показалась ферма. Мои ноздри уловили соблазнительный аромат жарящейся грудинки. ЕСТЬ хотелось смертельно. Будь что будет: попытаю удачи здесь. Я подошел к двери и тихонько постучал. Мне открыла женщина. Увидев меня, она истошно завизжала и захлопнула дверь перед моим носом. Мгновением позже распахнулось окно, и в нем появился мужчина, наставивший на меня дробовик.

— Убирайся, — рывкнул он, — да поживее! А не то вдребезги разнесу твою мерзкую башку.

Чувствуя себя еще более несчастным, я поплелся дальше по дороге. Во что же я превратился? Нет, нигде мне не найти человека, которому я мог бы рассказать правду. Кто поверит моим словам? Но мой долг — добраться до Падлби. Честно говоря, не слишком мне этого и хочется — предстать перед домочадцами Дулитла с такими новостями. И все-таки долг есть долг. Не говоря уже о последних поручениях Доктора (насчет старой лошади, фруктовых деревьев и прочего), я обязан сделать все возможное, чтобы заменить его на время отсутствия. И, кроме того, мои родители, — ох, несчастные! Кажется, я совсем забыл о них, поглощенный собственными невзгодами. А что, если даже они не узнают меня в этом обличье?

Спустя какое-то время я неожиданно набрел на табор цыган. Они расположились лагерем в придорожных зарослях можжевельника, и я не видел их, пока не подошел совсем близко.

Они тоже готовили завтрак, и мой пустой желудок сейчас же стали терзать вкуснейшие запахи пищи. Как ни странно, цыгане оказались единственными людьми, которых не испугал мой вид. Они высыпали из повозок и обступили меня кругом, глаза во все глаза; но я вызывал у них любопытство, а не страх. Вскоре они пригласили меня сесть

и присоединиться к их завтраку. Старик, возглавлявший табор, сказал мне, что они направляются на окружную ярмарку и будут рады взять меня с собой.

Я принял его предложение с благодарностью. Надо было обеими руками хвататься за любую возможность, которая могла изменить мое положение отверженного. Как выяснилось по прибытии на ярмарку, старый цыган решил отдать меня в цирк; чтобы я выступал там в качестве великана (сам он рассчитывал получить комиссионные).

Не стану скрывать, что и этот жребий я принял с радостью. Я нуждался в заработке. Нельзя было являться в Падлби таким страшилищем. Мне нужна была одежда, пища, деньги на дорогу.

Владелец цирка, которому я был представлен моим другом цыганом, оказался вполне добропорядочным человеком. Он предложил мне подписать контракт на год. Я, естественно, отказался. Он предложил полгода. Я так же отрицательно мотнул головой. Сам я хотел наняться на предельно короткое время — только чтобы заработать на приличную одежду, в которой не стыдно будет вернуться в Падлби. Воодушевление, владевшее моим собеседником, показывало, что он хочет заманить меня в свою труппу любой ценой и практически на любой срок. После долгих споров мы столковались на месяце.

Потом мы перешли к обсуждению моего костюма. Сначала хозяин пожелал, чтобы я сохранил длинные волосы и носил нечто вроде набедренной повязки. Мой номер должен был называться «Посланец с Марса» или как-то в этом духе. Ни на что подобное я не мог согласиться (хотя замысел циркача был гораздо ближе к истине, чем он думал). Тогда он предложил мне изображать «Гигантского ковбоя из пампасов». В этом случае мой наряд должен был состоять из широченной шляпы, домо-

тканых штанов, кучи пистолетов и пары шпор величиною с чайное блюдце. Но и это, по моему мнению, было не лучшим парадным платьем для появления в Падлби.

Наконец, в полной мере сознавая, насколько жаждет заполучить меня владелец цирка, я решил, что могу продиктовать условия сам.

— Видите ли, сударь, — сказал я, — у меня вовсе нет желания выдавать себя за кого-то другого. Я ученый, путешественник, возвратившийся из дальних краев. Мой большой рост — следствие тамошних природных условий и пищи, которой я был вынужден питаться. Я не хочу дурачить публику, нарядившись непонятным посланцем или ковбоем с Дикого Запада. Дайте мне хороший черный костюм, какой подобает носить человеку науки. И я обязуюсь рассказывать зрителям о моем путешествии, да притом чистую правду, — но такую, что им и во сне не приснится. А контракт я подпишу только на месяц, не больше. Ну как, идет?

Идет, сказал владелец. Он принял все мои условия. Мое жалованье составило три шиллинга в день. По окончании ангажемента я получал в собственность мой костюм. Мне предоставлялась отдельная повозка и постель. Часы выступлений были строго оговорены, и все остальное время было в моем полном распоряжении. Это была не слишком трудная работа. Я выступал в цирке утром — с десяти до двенадцати, днем — с трех до пяти, и вечером — с восьми до десяти. Был приглашен портной, облекший мое громадное тело в пристойный костюм. Явился и парикмахер, который привел в порядок мои волосы. Во время представлений я раздавал автографы, расписываясь на открытках с моим изображением, которые в великом множестве напечатал владелец цирка. Они продавались по три пенса

за штуку. Трижды в день я рассказывал разинувшей рты ярмарочной толпе историю моих странствий. Но я никогда не упоминал Луну. Я называл ее просто «чужеземной страной» — что, в сущности, было не так далеко от истины.

Через месяц настал день моего освобождения. Срок контракта истек, и, с тремя фунтами и пятнадцатью шиллингами в кармане, одетый в хороший костюм, я был волен идти куда пожелаю. Я сел на ближайший дилижанс, ехавший в сторону Падлби. Само собой, мне пришлось сделать не одну пересадку, и я был вынужден заночевать на одной из станций, откуда отправился в родной город уже прямым.

Все, кого я встречал в дороге, по-прежнему пялились на меня во все глаза из-за моего огромного роста. Но теперь это не слишком меня смущало. По крайней мере, я не пугал людей своим внешним видом.

Прибыв в Падлби, я решил первым делом заглянуть к родителям и только потом идти к Доктору. Не исключаю, что мне попросту хотелось отсрочить тяжелую минуту. Но у меня было серьезное оправдание: я не мог и дальше держать в тревоге моих стариков.

Я нашел их точно такими же, какими оставил. Они были очень рады моему возвращению, жаждали узнать, куда я ездил и чем занимался. Признаюсь честно, меня удивило спокойствие, с которым родители отнеслись к моему тайному отъезду, — вернее сказать, удивляло, пока я не узнал, что их опасения улеглись после известия о загадочном исчезновении Доктора. Как и все остальные, они безгранично доверяли этому великому человеку. Если меня взял в поездку он, рассудили родители, ничего плохого просто не может случиться.

Я тоже был рад: ведь они сразу узнали меня,

несмотря на мой неестественный рост. Кажется, они даже несколько гордились тем, что я, подобно Цезарю, «вознесся так высоко». Мы уселись перед огнем, и я подробно, насколько позволяла мне память, рассказал обо всех наших приключениях.

Как ни странно, мои не слишком ученые родители, слушая эту фантастическую повесть о путешествии на Луну, ни разу не выказали сомнений или недоверия. Я опасался, что ни один человек в мире — за исключением Мэтью Магга — не воспримет мои рассказы всерьез. Родители поинтересовались, когда я ожидаю возвращения Доктора. Я сказал им, что, судя по последним словам Полинезии, Джон Дулитл должен сообщить о своем отлете с Луны при помощи нового дымового сигнала. Но, признался я, едва ли ему удастся бежать с планеты, где так остро нуждаются в его услугах. Тут я разрыдался, обвиняя себя в том, что покинул Доктора, а родители дружно принялись меня утешать, твердя, что сделать большего я просто не мог.

Матушка настояла, чтобы я переночевал у них и до утра не пытался известить домочадцев Дулитла о происшедшем. Я выгляжу переутомленным и еле живым, сказала она. Покоряясь все тому же желанию оттянуть тяжелую минуту, я внушил себе, что взаправду изнемогаю, и лег спать.

Наутро я отправился к Мэтью Маггу, Продавцу Кошачьей Еды. Я хотел, чтобы он был рядом со мной, когда я появлюсь в «маленьком домике посреди большого сада». Но прошло целых два часа, прежде чем я ответил на все вопросы о Луне и о нашем путешествии, которыми забросал меня Мэтью.

Наконец я все-таки добрался до жилища Доктора. Едва моя рука прикоснулась к калиточному засову, как я был окружен всеми старыми друзьями. Бдительный страж Гу-Гу, по-видимому, не покидал

своего поста с тех пор, как мы улетели, и одного его крика было достаточно, чтобы все «семейство», точно по пожарной тревоге, высыпало в садик перед домом. Воздух огласился множеством шумных восклицаний, все наперебой обсуждали мой увеличившийся рост и изменившуюся внешность. Но никто и на миг не усомнился, что это именно я.

И вдруг все разом странно замолчали: они заметили, что я вернулся *один*. По-прежнему окруженный со всех сторон, я проследовал в дом и вошел в кухню. И здесь, у камелька, где сам великий человек столько раз забавлял нас интересными рассказами, я поведал от начала до конца историю нашего путешествия на Луну.

Когда я кончил, почти у всех в глазах стояли слезы, а Габ-Габ громко завыл.

— Мы никогда его больше не увидим! — причитал поросенок, — они его ни за что не отпустят! Ах, Томми, и как ты только мог его покинуть!

— Уймись! — буркнул Джип. — Томми тут ни при чем, его похитили. Разве он не ясно рассказал? Не вижу причин для беспокойства. Будем ждать дымового сигнала. Джон Дулитл обязательно вернется к нам. Не забывайте: с ним Полинезия.

— Да-да! — запищала белая мышка. — Полинезия что-нибудь придумает.

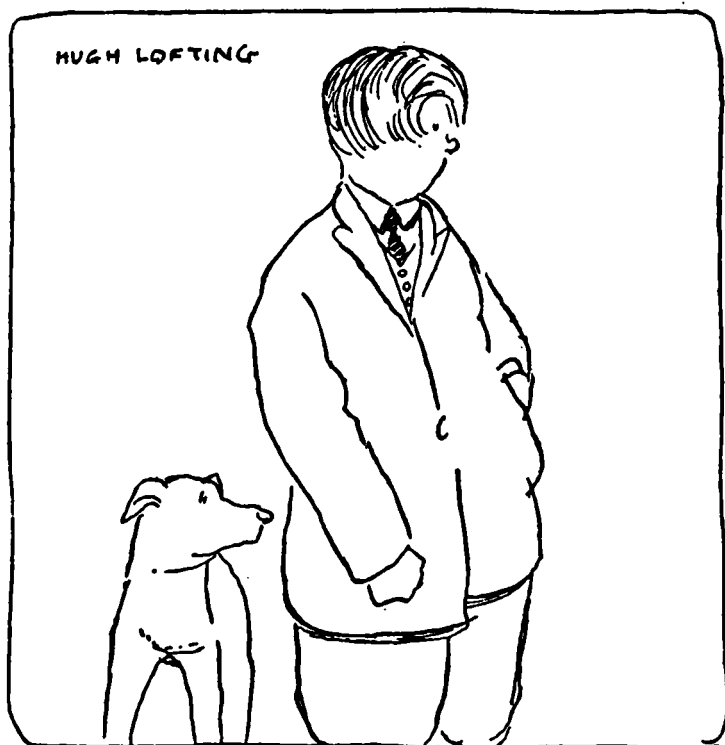
— Лично я и не беспокоюсь, — фыркнула Даб-Даб, смахнув слезы одним крылом и прихлопнув другим нескольких мух на хлебной доске. — Только без Доктора здесь как-то одиноко.

— Ну вас всех! — проворчал Гу-Гу. — Он непременно вернется!

В окно постучали.

— Это Чипсайд, — сказала Даб-Даб. — Впусти его, Томми.

Я поднял фрамугу, и в комнату впорхнул знако-

— Не беспокойся, Томми. Он вернется.

мый воробышек; он тут же расположился на кухонном столе и принялся склеивать хлебные крошки, оставшиеся после «тщательной уборки», которую произвела экономка. Гу-Гу двумя фразами объяснил ему ситуацию.

— Ну и что, Боже ты мой! — воскликнул воробей. — К чему все эти кислые физиономии? Джон Дулитл остался на Луне! Чистейшая чепуха! Чистейшая, говорю я вам. Никто не заставит этого человека остаться где бы то ни было против воли. Можешь мне поверить, Даб-Даб! Вы всегда, когда делаете уборку, боитесь упустить даже крошку хлеба, а? Наверное, заботитесь, чтобы ваши мыши не испортили фигуру!

Что ж, самое трудное было позади. И я чувствовал радость, вновь оказавшись в старом домике Доктора. Я знал, нормальное питание рано или поздно вернет мне обычный рост. А до тех пор я был избавлен от любопытных взоров.

Итак, я стал жить среди друзей, подрезая фруктовые деревья, ухаживая за старой лошадью, стоявшей в конюшне, и вообще стараясь как можно лучше заменять Доктора. И каждую ночь в течение целого года Джип, Гу-Гу и я — в часы, когда Луна была видна, — выходили по двое на дежурство и ждали дымового сигнала. Часто, когда мы возвращались на рассвете домой, разочарованные и грустные, Джип терся головой о мою ногу и говорил:

— Не беспокойся, Томми. Он вернется. С ним Полинезия. Вдвоем они что-нибудь придумают.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Путешествия Доктора Дулитла

Пролог	7
--------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.	Сын башмачника	8
Глава 2.	Я узнаю о великом натуралисте	12
Глава 3.	Возвращение Доктора	17
Глава 4.	Виф-вэф	24
Глава 5.	Полинезия	30
Глава 6.	Раненый бельчонок	37
Глава 7.	Язык моллюсков	40
Глава 8.	Есть ли у тебя наблюдательность?	43
Глава 9.	Райский сад	47
Глава 10.	Зоопарк Доктора	50
Глава 11.	Мой учитель Полинезия	53
Глава 12.	Блестящая идея	57
Глава 13.	Приезд путешественницы	60
Глава 14.	Путешествие Чи-Чи	63
Глава 15.	Я становлюсь ассистентом Доктора	66

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1.	Команда «Кроншнепа»	69
Глава 2.	Льюк-Отшельник	72
Глава 3.	Джип и тайна Льюка-Отшельника	75
Глава 4.	Боб	78
Глава 5.	Мендоса	83
Глава 6.	Собака судьи	87
Глава 7.	Тайна раскрывается	91
Глава 8.	Трижды ура	94
Глава 9.	Малиновая райская птичка	97
Глава 10.	Длинная Стрела, сын Золотой Стрелы	101
Глава 11.	Путешествие наугад	104
Глава 12.	Судьба и дорога	108

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1.	Третий член команды	111
Глава 2.	До свидания!	117
Глава 3.	Неприятности начинаются	120
Глава 4.	Неприятности продолжаются	124
Глава 5.	У Полинезии появляется план	129
Глава 6.	Хозяин кроватной мастерской из Монтеверде	133
Глава 7.	Доктор держит пари	137
Глава 8.	Большая коррида	143
Глава 9.	Мы поспешно отъезжаем	150

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1.	Снова о языке моллюсков	154
Глава 2.	История фиджита	159
Глава 3.	Погода портится	171
Глава 4.	Кораблекрушение	174
Глава 5.	Земля	180
Глава 6.	Джабизри	185
Глава 7.	Гора Ястребная Голова	190

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1.	Великое мгновение	197
Глава 2.	Люди движущейся земли	204
Глава 3.	Огонь	207
Глава 4.	Почему дрейфует остров	211
Глава 5.	Война!	215
Глава 6.	Генерал Полинезия	220
Глава 7.	Попугайский мир	224
Глава 8.	Висячая скала	227
Глава 9.	Выборы	234
Глава 10.	Коронация короля Джонга	241

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 1.	Новый Попснпетль	246
Глава 2.	Мысли о доме	251

Глава 3.	Наука краснокожего натуралиста	255
Глава 4.	Морской змей	258
Глава 5.	Загадка моллюска наконец разгадана	264
Глава 6.	Последнее заседание кабинета министров	269
Глава 7.	Доктор принимает решение	272

Доктор Дулитл на Луне

Глава 1.	Мы высаживаемся в незнакомом мире	287
Глава 2.	Страна красок и ароматов	294
Глава 3.	Воды!	302
Глава 4.	Подвиг Чи-Чи	311
Глава 5.	На плато	317
Глава 6.	Лунное озеро	323
Глава 7.	Следы великана	330
Глава 8.	Поющие деревья	336
Глава 9.	Мы изучаем язык растительного мира	343
Глава 10.	Лунный Магеллан	348
Глава 11.	Мы готовимся к путешествию вокруг Луны	354
Глава 12.	Кокетливые лилии	358
Глава 13.	Цветок, умевший пахнуть по-разному	364
Глава 14.	Зеркала для цветов	372
Глава 15.	Мы шьем новую одежду	379
Глава 16.	Обезьяньи предания о Луне	387
Глава 17.	Мы узнаем о существовании Совета	395
Глава 18.	Председатель	404
Глава 19.	Лунный человек	412
Глава 20.	Доктор и великан	423
Глава 21.	Как Угу Бумс попал на Луну	430
Глава 22.	Как жители Луны узнали о Докторе Дулитле	439
Глава 23.	Человек, сделавший себя царем	447
Глава 24.	Доктор Дулитл ведет прием на Луне	455
Глава 25.	Снова Падлби	463

Хью Лофтинг
ПУТЕШЕСТВИЯ ДОКТОРА ДУЛИТЛА

Перевод с английского
М.С.Гринберга, М.М.Дубровской,
Т.Д.Ждановой
Для младшего и среднего возраста

Редактор
О.В.Ермолаева

Художник
Н.К.Борисова

Технический редактор
Т.Х.Гусаева

Корректор
Н.Ж.Житловская

Оригинал-макет подготовлен
М.Э.Темчиным

Лицензия ЛР №070082 от 15.08.91.

Подписано к печати 3.12.93. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсет.
Усл. печ. л. 30. Усл. кр.-отт. 30. Уч.-изд. л. 17,1 + 3,6 илл.
Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 910.

Издательство "Рудомин"
Всероссийской государственной библиотеки
иностранный литературы
имени М.И.Рудомин.
109189, Москва, Николаямская ул. д. 1.

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат»
Комитета Российской Федерации по печати.
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Лофтинг Хью

Л68 Путешествия Доктора Дулитла /Пер с англ. М.С.Гринберга, М.М.Дубровской, Т.Д.Ждановой. — М.: Рудомино, 1994. — 480 с.: илл.

Герои сказочных произведений Хью Лофтинга хорошо знакомы нашим ребятам по книгам Корнея Чуковского, пересказавшего некоторые из них. Только вот имена у персонажей другие, и интересных приключений с ними произошло намного больше. О них вы узнаете, прочитав эту книгу.

Л $\frac{4804040100-1}{476(02)-94}$ Без объявл.
ISBN 5-7380-0034-X

84.4(Амер.)

